

ВОПРОСЫ

криминологии, криминалистики и судебной экспертизы

сборник научных трудов

ВОПРОСЫ

криминологии, криминалистики и судебной экспертизы

сборник научных трудов

ВОПРОСЫ

криминологии, криминалистики и судебной экспертизы

Сборник научных трудов
№ 1 (41), 2017

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

Швед А. И. – Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, генерал-майор юстиции, кандидат юридических наук, доцент

Воронин М. В. – заместитель председателя редакционного совета

Мороз И. А. – секретарь редакционного совета, кандидат юридических наук;
Авсянников В. И.; **Врублевский П. В.**; **Гулидин Д. А.**; **Евмененко С. А.**; **Клинчук А. В.**;
Козловский А. С.; **Тетюев А. М.**, кандидат медицинских наук, доцент; **Овсюк Ю. А.**;
Остянко Ю. И., кандидат медицинских наук; **Сасункевич Н. И.**; **Сорокин А. А.**

Редакционная коллегия:

Рубис А. С. – председатель редакционной коллегии, главный редактор, доктор юридических наук, доцент

Пономаренко Ю. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук

Басецкий И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь;
Зорин Г. А., доктор юридических наук, профессор; **Мухин Г. Н.**, доктор юридических наук, профессор; **Хомич В. М.**, доктор юридических наук, профессор; **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор; **Ревинский В. В.**, доктор технических наук, доцент, лауреат Государственной премии СССР; **Татур М. М.**, доктор технических наук, профессор; **Бачинский В. Т.**, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Украины; **Яблонский М. Ф.**, доктор медицинских наук, профессор; **Коляда А. А.**, доктор физико-математических наук; **Цыбовский И. С.**, кандидат биологических наук; **Михайленко Г. В.**, кандидат юридических наук; **Кривицкий А. М.**, кандидат технических наук; **Нефедов С. Н.**, кандидат технических наук, доцент; **Дода И. Г.**, кандидат филологических наук; **Шумак Г. А.**, кандидат юридических наук; **Куприянова А. А.**, кандидат юридических наук.

Ответственный за выпуск **Силивончик И. А.**

Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 2 февраля 2011 г. № 26 на основании пункта 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь сборник научных трудов «Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим специальностям: 12.00.08 (уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право); 12.00.09 (уголовный процесс); 12.00.12 (криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность).

Сборник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), лицензионный договор от 11 апреля 2017 г. № 179–04/2017.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО	5	CRIMINAL LAW
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	25	CRIMINAL PROCESS
КРИМИНОЛОГИЯ	47	CRIMINOLOGY
КРИМИНАЛИСТИКА	85	CRIMINALISTICS
СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА	109	FORENSIC EXAMINATION
СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА. АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	215	FORENSIC EXAMINATION. AUTOMATION OF EXPERT ACTIVITY
ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА	225	EXPERT PRACTICE

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343

Н. А. Швед

кандидат юридических наук

Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка

Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: nadezhdas@tut.by

ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НЕРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье исследуются актуальные вопросы, касающиеся возможностей уголовно-правовой охраны ребенка до его рождения в контексте современной уголовной политики. Проанализированы различные подходы к определению момента начала уголовно-правовой охраны жизни человека. Отмечена необходимость совершенствования уголовного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: уголовная политика, гуманизация, уголовно-правовая охрана жизни, право на жизнь, эмбрион, прерывание беременности, начало жизни.

Тенденцией современной уголовной политики становится процесс гуманизации. Принцип гуманизма означает человеколюбие, выражающееся во всемерной охране общества и каждого человека от преступных посягательств, а также в человеческом отношении к лицам, совершившим преступления. Суть гуманизма – гуманное отношение к человеку как к самому ценному правоохраняемому благу. В последнее время особую актуальность приобрел вопрос определения границ человеческой жизни с точки зрения охраны основных прав и свобод, защиты общечеловеческих ценностей, ставших для законодателей многих государств нравственным ориентиром.

Актуальным в этих условиях является исследование конкретных правовых проблем современной уголовной политики в области уголовно-правовой охраны ребенка до его рождения. Научные исследования по данной проблеме получили достаточно широкое распространение в Российской Федерации и относились к сфере интересов таких авторов, как А. В. Лунева, О. В. Лукичев, М. М. Минаева, Е. В. Толстая, Н. Ш. Козаев, А. Н. Попов, Н. Е. Крылова и многих других. Отечественные авторы непосредственно обозначенную тему не исследовали, однако в работах Н. А. Бабия, Ю. Ф. Машталера можно найти отдельные аспекты, относящиеся к затронутой нами теме.

Между тем роль уголовного права в вопросах регулирования отношений, возникающих в связи с современными достижениями в области биологии и медицины, касающимися внутриутробного развития ребенка, может быть высока. Можно констатировать, что уголовная ответственность является одной из гарантий реализации прав нерожденного человека. Уголовным законом беременная женщина, с одной стороны, защищается как потенциальная жертва преступления, а с другой – находится в более привилегированном положении как субъект преступления.

Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) косвенно защищает жизнь нерожденного ребенка путем выделения в ряде статей в качестве квалифицирующего

признака совершение преступления в отношении беременной женщины. Так, например, в отношении убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, С. В. Бородин писал, что виновный, причиняя смерть беременной женщине, посягает фактически на две жизни – на жизнь потерпевшей и на жизнь будущего человека [1, с. 136].

Правовые гарантии защиты нерожденного ребенка прослеживаются и в других статьях УК. Так, например, в ст. ст. 49, 52, 53, 54, 55 установлен запрет применения к беременным женщинам определенных видов наказания; беременность является одним из смягчающих наказание обстоятельств (п. 10 ч. 1 ст. 63); беременной женщине может быть предоставлена отсрочка от отбывания наказания (ст. 93); установлена ответственность за убийство ребенка во время родов (ст. 140).

Косвенно подтверждается признание государством ценности жизни детей до рождения предоставлением беременным женщинам дополнительной государственной поддержки (например, гарантии при осуществлении трудовых правоотношений, социальные выплаты, медицинское обслуживание и т. п.).

Следует отметить, что в современном уголовном праве не предусмотрено специальных норм, которые бы непосредственно защищали жизнь ребенка в процессе его внутриутробного развития. В случае насильственного прерывания беременности действия виновного лица квалифицируются в зависимости от формы вины: умысел или неосторожность, по ст. 147 или ст. 155 УК соответственно, т. е. как причинение тяжкого вреда здоровью будущей матери. Потерпевшей в этом случае будет являться женщина, находящаяся в состоянии беременности, а не плод. Таким образом, уголовное право в настоящее время исходит из того, что пока ребенок находится в утробе матери, он является частью ее организма, и причинение ему вреда признается причинением вреда здоровью беременной женщины.

Особую актуальность вопрос о начале уголовно-правовой охраны жизни человека приобретает при исследовании жизни как объекта уголовно-правовой охраны. В первую очередь следует различать понятия «жизнь как биологический процесс» и «жизнь как объект уголовно-правовой охраны». О начале жизни как биологического процесса в последнее время говорят с момента зачатия или с несколько более позднего периода, когда органы человеческого зародыша полностью сформировались. Вместе с тем жизнь как объект уголовно-правовой охраны не совпадает с биологическим подходом. Вопрос о ее начале является дискуссионным.

Превалирующей является точка зрения, согласно которой право ребенка на жизнь возникает с момента начала его рождения [2, с. 5; 3, с. 98; 4, с. 89]. В этой связи, по мнению авторов, гранью между абортom и убийством является начало родовых схваток и умерщвление ребенка уже в этот период (когда он находился еще в утробе матери), должно считаться убийством. Высказывается также точка зрения, согласно которой жизнь человека находится под охраной уголовного закона с момента начала родовых схваток при беременности свыше 22 недель, когда плод уже способен ко внеутробной жизни [5, с. 295]. Схожей позиции придерживается и М. В. Радченко, также обосновывающая положение о том, что человеческая жизнь начинается до рождения, однако уточняя при этом, что уголовно-правовая охрана жизни должна начинаться с момента, когда существует реальная, допускаемая определенным уровнем развития медицинских технологий, возможность роста и развития такого «продукта зачатия» вне материнского лона. Это возможно при сроке беременности свыше 22 недель, полагает названный автор [6, с. 19].

Некоторые ученые начало жизни связывают с появлением из организма роженицы какой-либо части тела ребенка [7, с. 11]. При этом ряд авторов считают необходимым также наличие того или иного признака жизнедеятельности: дыхания, сердцебиения, движения мускулатуры [8, с. 16]. На наш взгляд, ошибочно связывать начало уголовно-правовой охраны жизни со вторым периодом родов, так как это сужает толкование уголовного закона

и возможность реализации права на жизнь рождающегося ребенка в контексте ст. 140 УК. Как справедливо отмечает Э. Л. Сидоренко, уголовное право интересуется начальным моментом правовой охраны права на жизнь, а не само по себе начало жизни [9, с. 122].

В последнее время приобретает популярность точка зрения, согласно которой охрана человеческой жизни, в том числе и уголовно-правовыми средствами, должна начинаться с момента зачатия [10, с. 10, 18; 11, с. 49, 51]. О необходимости смещения рамок начала предоставления уголовно-правовой охраны жизни высказывались и другие ученые.

Указанный тезис, несомненно, заслуживает внимания, однако вступает в противоречие с действующим законодательством, и в первую очередь с законодательством о здравоохранении. Так, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности (аборт) проводится по согласию женщины в организациях здравоохранения при сроке беременности не более 12 недель. Законом также предусмотрена возможность проведения искусственного прерывания беременности при наличии социальных показаний и согласия женщины при сроке беременности не более 22 недель. При наличии медицинских показаний и согласия женщины искусственное прерывание беременности проводится независимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения. Таким образом, законом установлена презумпция самостоятельности принятия женщиной решения о сохранении или прерывании своей беременности.

В современном мире допустимость абортов и ее пределы – одна из наиболее дискуссионных проблем, включающих религиозные, этические, медицинские, социальные и правовые аспекты. Во многом это обосновывается, прежде всего, возникающим конфликтом интересов матери и еще нерожденного ребенка, который на современном этапе развития законодательства о здравоохранении всегда решается в пользу женщины. Однако право женщины на свободу репродуктивного выбора дискретно и коррелирует со сроком внутриутробного развития плода, отмечают ученые. Оно постепенно уменьшается по мере развития беременности и после 22 недели беременности нивелирует вовсе. С этого срока существует приоритет права будущего ребенка [6, с. 10; 12, с. 238].

В настоящее время мировая практика и законодательство Республики Беларусь предусматривают медицинские, медико-генетические и социальные показания для искусственного прерывания беременности.

Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности представляется достаточно определенным (утвержден постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 декабря 2014 г. № 88 «Об установлении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь и отдельного структурного элемента постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 ноября 2007 г. № 105»). Подобные показания в первую очередь направлены на сохранение жизни и здоровья матери и ребенка и призваны способствовать рождаемости здорового населения. Со стороны матери к ним, например, относятся: туберкулез (все активные формы), краснуха, вирусный гепатит, злокачественные новообразования, требующие проведения химиотерапии или лучевой терапии и др. К медицинским показаниям со стороны плода относят, например, нарушения обмена веществ, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения у плода, установленные пренатально, с неблагоприятным прогнозом для жизни, не имеющие эффективного лечения и (или) сопровождающиеся умственной отсталостью и др.

Показанием к искусственному прерыванию беременности по медико-генетическим показаниям является установление у плода: порока, несовместимого с жизнью или некорригирующегося присутствующим уровнем оказания медицинской помощи; хромосомной

болезни или нехромосомных синдромов, сопровождающихся умственной отсталостью; наследственных нарушений обмена веществ; X-сцепленных заболеваний у плода мужского пола (приказ Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 23 декабря 2004 г. № 288 «О мерах по совершенствованию акушерско-гинекологической службы Республики Беларусь»).

Согласно ч. 8 ст. 27 Закона о здравоохранении при наличии социальных показаний и согласия женщины проведение искусственного прерывания беременности допускается при сроке беременности не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения.

К социальным показателям относят наличие решения суда о лишении родительских прав и беременность, наступившую в результате изнасилования (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2008 г. № 1580 «Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902»). Ранее перечень социальных показателей был более широк и включал в себя наличие инвалидности, пребывание в местах лишения свободы, расторжение брака во время беременности, наличие в семье ребенка-инвалида, многодетность, наличие у женщины статуса беженца, а также признание женщины или ее мужа в установленном порядке безработными во время беременности женщины. Следует отметить, что указанные социальные показатели весьма условны и в их рамки вписывалась значительная часть среднестатистических семей. Поэтому сужение рассматриваемого перечня до двух позиций представляется определенным шагом государства по защите права на жизнь нерожденного ребенка.

Следует обратить внимание, что Законом о здравоохранении установлено, что на сроке свыше 22 недель беременности при наличии у женщин заболевания, угрожающего ее жизни, производится досрочное родоразрешение.

Отсюда можно сделать вывод о том, что, до указанного в ст. 27 Закона о здравоохранении времени, жизнь плода самостоятельной правовой охране не подлежит, и наличие у него возможности родиться во многом зависит от волеизъявления его матери. Законодательство о здравоохранении, таким образом, фактически закрепляет право на жизнь ребенка приблизительно с пятого месяца беременности женщины.

С. С. Шевчук по этому поводу высказал мнение, что такая позиция законодателя свидетельствует о том, что он относится к внутриутробному плоду с определенного срока его развития не просто как к физиологической части женского организма, которой она распоряжается самостоятельно, а как к особому рода существу, имеющему право на жизнь [13, с. 37]. Таким образом, правовые проблемы, связанные с охраной жизни нерожденного ребенка, искусственным прерыванием беременности, требуют комплексного решения. Они взаимосвязаны с отсутствием в отечественном законодательстве правового статуса эмбриона, порождая поиск разумного соотношения конкурирующих прав женщины и неродившегося ребенка.

Действующий Закон Республики Беларусь от 7 июля 2012 г. «О вспомогательных репродуктивных технологиях» направлен, в первую очередь, на определение правовых и организационных основ применения вспомогательных репродуктивных технологий и обеспечение прав граждан при их применении. В статье 1 названного Закона дано определение эмбриона как ранней стадии развития живого организма, однако детальная регламентация правового статуса эмбриона отсутствует.

На наш взгляд, проблема уголовно-правового регулирования внутриутробного развития представляет собой сложное явление, в котором можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, принципиальное значение имеет защита эмбриона на ранних сроках беременности. Развитие вспомогательных репродуктивных и иных медицинских технологий, в том числе по клонированию человека и клеточной терапии, привело к тому, что появились новые отношения, объектом которых прямо или косвенно выступает эмбрион человека. Следует

отметить очевидное отставание в правовом регулировании этих общественных отношений в Республике Беларусь. Развитие новых биотехнологий, методов пренатальной диагностики и медицины привело к широкому распространению исследований на человеческих эмбрионах и поставило перед наукой ряд этико-правовых вопросов, таких как определение пределов реализации репродуктивных прав человека, выявление правомерности использования человеческих эмбрионов для научно-исследовательских и терапевтических целей, установление должной охраны жизнеспособного плода, статус которого максимально приближен к статусу родившегося человека. Законодательно признавая эмбриона ранним периодом биологической жизни человека, следует позаботиться и о гарантиях его защиты.

Между тем, как отмечает А. В. Малешина, определение статуса человеческого плода, в том числе на ранней, эмбриональной, стадии развития, необходимо в первую очередь для ответа на вопрос о том, как следует к нему относиться, и какого рода защиту предоставлять, каковы должны быть ее рамки: нужно ли уравнивать жизнь и целостность эмбриона, плода и родившегося человека или же рассматривать первые как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны? [14].

Действительно, предоставление равной уголовно-правовой охраны эмбриону, плоду и родившемуся человеку неизбежно ставит вопрос о правовом статусе искусственного прерывания беременности и его разграничении с убийством. Как известно, при отграничении аборта от детоубийства решающее значение традиционно имеет именно момент начала жизни. Перенос этого момента на зачатие или ранние сроки беременности автоматически превращает любой аборт в убийство. И в этой связи конфликт интересов матери и плода представляется трудноразрешимым. Действующее законодательство не возлагает на женщину обязанность вынашивания плода при каждой беременности и не предусматривает санкций за репродуктивную свободу выбора. Право самостоятельно решать вопрос о материнстве относят к субъективным правам женщины. Поэтому признание за плодом права на сохранение своей целостности в течение необходимого срока внутриутробного развития автоматически лишает женщину права на прерывание беременности или существенно ограничивает это право даже на самых ранних сроках. Между тем на практике в случае конфликта жизненных интересов, как отмечается, приоритет все же отдается женщине, его вынашивающей.

В этой связи Л. А. Лозанович отмечает, что соблюсти права как женщины, так и ее нерожденного ребенка одновременно не возможно. Взаимозависимость здесь проявляется в том, что если женщина реализует свое право на искусственное прерывание беременности, то нивелируется право на жизнь зачатого плода, а если признать право на внутриутробную жизнь как неотъемлемую часть права на жизнь вообще, то будут ограничены права женщины [15, с. 32].

М. Киселева верно отметила по этому поводу, что дискуссии о моменте начала жизни, с точки зрения уголовного права, фактически являются спором о том, какой должна быть степень ответственности за посягательство на жизнь человека в разных стадиях ее развития (эмбрион–плод–ребенок) [16, с. 55].

Проблема предоставления плоду человека повышенной охраны активно обсуждается и решается в зарубежных государствах. Защита жизни человека еще до появления его на свет является свидетельством ее приоритетности и важности. Отсутствие норм, направленных на защиту, в первую очередь, жизнеспособного плода, является существенным пробелом современного отечественного законодательства.

В настоящее время законодательство многих зарубежных государств положительно решает вопрос о признании плода (эмбриона) человека самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны: либо прямо – путем создания специальных норм, либо косвенно – при установлении уголовной ответственности за незаконное прерывание беременности, учитывая в качестве объекта посягательства не только жизнь и здоровье женщины, но и жизнь плода.

Следует отметить, что прерывание беременности при наличии тех или иных условий криминализировано во многих УК. Так, ряд стран установили ответственность за прерывание беременности без согласия женщины (Япония, Турция, Корея, Бельгия, Франция, Австрия, Сербия). Во многих странах необходимым условием проведения процедуры прерывания беременности является не только срок (как правило, до 12 недель, в Турции – до 10), но и наличие специального врачебного заключения, иногда даже заключения консилиума врачей, подтверждающего медицинские основания либо наличие иных условий, при которых проведение этой операции допустимо. В противных случаях деяние признается уголовно наказуемым. Такого подхода придерживаются Израиль, Швейцария, Норвегия, Бельгия, ФРГ, Австрия и др.

Помимо указанного, в некоторых странах криминализированы также подстрекательство к совершению аборта (Турция, ФРГ) либо добывание (предоставление) необходимых средств для прерывания беременности (Турция, Франция), прерывание беременности в результате насильственных действий (Бельгия, Турция), сбыт средств и медикаментов для прерывания беременности (ФРГ) и некоторые другие.

Анализ уголовного законодательства зарубежных стран показал, что в ряде государств право на жизнь еще нерожденного ребенка охраняется посредством введения уголовной ответственности за самоаборт (прерывание беременности или допущение этого самой женщиной). Такой запрет установлен в УК Аргентины, Австрии, Испании, Кореи, ФРГ, Швейцарии, Японии и некоторых других государств. Таким образом, законодатели этих стран признают нерожденного ребенка человеческим существом, подлежащим самостоятельной защите.

В связи с этим в юридической литературе предлагается внести в уголовный закон изменения, направленные на установление уголовной ответственности за умерщвление жизнеспособного плода человека. Так, С. В. Тасаков обосновывал суждение, что жизнь эмбриона может стать самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны при условии введения в Уголовный кодекс соответствующей нормы об охране жизни эмбриона [17, с. 27]. О необходимости установления уголовно-правовой охраны жизни эмбриона (плода) человека высказывалась и Н. Е. Крылова. Так, в частности, она предлагала установить уголовную ответственность за следующие посягательства на эмбрион (плод) человека: 1) создание эмбрионов в экспериментальных целях, не связанных с преодолением бесплодия; 2) проведение опытов на эмбрионе или исследований с ним, не связанных с лечением, способных причинить ему вред (за исключением ультразвуковых исследований); 3) разрушение эмбриона (плода) с целью трансплантации отдельных органов, тканей или клеток; 4) использование фетальных тканей в корыстных целях, а также их купля-продажа; 5) селекция эмбрионов, за исключением случаев, когда она преследует цель преодоления болезней, сцепленных с полом ребенка [18, с. 12].

Принимая во внимание тот факт, что в Республике Беларусь нет законодательно закрепленного запрета на осуществление аборт, необходимо отметить, что в перспективе ближайшего будущего проведение реформирования уголовного законодательства в части, касающейся охраны жизни и здоровья эмбриона, в полной мере не представляется возможным. В условиях легализации абортов уголовно-правовая охрана эмбриона не может быть абсолютной. Во многом это обосновывается, прежде всего, возникающим конфликтом интересов матери и еще нерожденного ребенка, который на современном этапе развития законодательства о здравоохранении всегда решается в пользу женщины. Во всяком случае, на сроке беременности до 12 недель женщине предоставляется полная свобода выбора: оставлять уже существующего ребенка в живых или нет.

Таким образом, следует отметить нарастающий интерес и широкое обсуждение проблем правового регулирования начала жизни, статуса эмбриона человека и других вопросов, проводимое в мире в последние годы. Все это свидетельствует о сложности и противо-

речивости данного вопроса и необходимости дальнейшего его комплексного исследования не только в рамках уголовного права, но и с учетом современных достижений биологии, медицины и других наук.

Подводя итог сказанному, отметим, что ввиду значимости человеческой жизни и последних достижений науки на пути ее сохранения, обеспечения, воспроизводства требуется подвергнуть серьезному пересмотру имеющиеся уголовно-правовые средства, в первую очередь в плане смещения рамок начала предоставления уголовно-правовой охраны жизни. Помимо этого, основания для установления такой уголовно-правовой охраны должны быть закреплены в законодательстве о здравоохранении, где также требуется серьезная проработка вопросов, связанных с определением правового статуса эмбрионов, детализация правового регулирования проводимых исследований и манипуляций с (над) эмбрионами.

Список использованных источников

1. Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 467 с.
2. Бабий, Н. А. Преступления против жизни : алгоритмы квалификации / Н. А. Бабий. – Минск : Тесей, 2009. – 186 с.
3. Лунева, А. В. Уголовная ответственность за детоубийство : проблемы теории и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Лунева. – М., 2013. – 196 л.
4. Загородников, Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников. – М. : Госюриздат, 1961. – 278 с.
5. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
6. Радченко, М. В. Ненадлежащее врачевание в репродуктивной сфере: уголовно-правовой аспект : автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / М. В. Радченко. – Екатеринбург, 2002. – С. 19.
7. Лукичев, О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. В. Лукичев; С.-Петерб. Акад. МВД России. – СПб., 1997. – 23 с.
8. Мурзина, Л. И. Убийство матерью новорожденного ребенка : уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. И. Мурзина; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2009. – 21 с.
9. Сидоренко, Э. Л. Обеспечение права ребенка на жизнь в современном уголовном законодательстве России / Э. Л. Сидоренко // Совершенствование уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и криминологических мер борьбы с преступностью : сб. ст. / Акад. упр. МВД России; редкол. : В. Ф. Цепелев [и др.]. – Вологда, 2008. – С. 119–126.
10. Попов, А. Н. Умышленные преступления против жизни : проблемы законодательной регламентации и квалификации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. Н. Попов. – М., 2003. – 50 с.
11. Козаев, Н. Ш. Вопросы уголовно-правовой охраны жизни в свете современных достижений научно-технического прогресса / Н. Ш. Козаев // Мед. право. – 2014. – № 2. – С. 49–52.
12. Бабаджанов, И. Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико-аксиологический и частно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01; 12.00.03 / И. Х. Бабаджанов. – Душанбе, 2014. – 369 л.
13. Шевчук, С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции / С. С. Шевчук // Мед. право. – 2003. – № 1. – С. 37–41.
14. Малешина, А. В. Перспективы и возможности уголовно-правовой охраны «будущей жизни» (сравнительно-правовой анализ) [Электронный ресурс] / А. В. Малешина // Консультант Плюс. Технология 3000 [Электронный ресурс]. – М., 2017.
15. Лозанович, Л. А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Л. А. Лозанович. – Ставрополь, 2004. – 192 л.
16. Киселева, М. Посягательство на жизнь эмбриона / М. Киселева // Законность. – 2010. – № 1. – С. 53–55.

17. Тасаков, С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С. В. Тасаков. – Екатеринбург, 2010. – 51 с.

18. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика : уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н. Е. Крылова. – М., 2006. – 54 с.

Дата поступления: 29.03.2017

N. A. Shved

Candidate of Juridical Sciences

SPC of Problems of Law and Order Strengthening of the Office

of Prosecutor General of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

PROSPECTS OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF UNBORN CHILDREN IN ACCORDANCE WITH THE MODERN CRIMINAL LAW POLICY

Topical issues of possibilities of criminal law protection of a child before birth in accordance with the modern criminal policy are studied in the article. Different approaches to the determination of the moment of beginning of criminal law protection of human life are analyzed. The necessity of improvement of criminal law in this field is pointed out.

Keywords: criminal policy, humanization, criminal and legal protection of life, right to life, embryo, abortion, the life beginning.

УДК 343.98

И. Г. Дода

кандидат филологических наук

E-mail: doda@sudexpertiza.by

Г. В. Михайленко

кандидат юридических наук

E-mail: mihailenko@sudexpertiza.by

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ПОРНОГРАФИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье приведен научный анализ нормативных правовых актов Республики Беларусь в области противодействия изготовлению и распространению материалов порнографического характера. Обоснована актуальность и практическая значимость в разработке научных основ нового формируемого рода судебной экспертизы – судебной искусствоведческой экспертизы материалов порнографического характера.

Ключевые слова: нормативные правовые акты, материалы порнографического характера, судебная искусствоведческая экспертиза.

Республика Беларусь как суверенное государство присоединилась к ряду международных договоров по вопросам борьбы с распространением порнографии, в том числе Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими [1].

Основные положения, содержащиеся в международных договорах и соглашениях в области противодействия распространению материалов порнографического характера, нашли отражение в республиканских нормативных правовых актах, устанавливающих целый комплекс запретительных мер, противодействующих изготовлению и распространению порнографии в любых ее проявлениях.

Так, согласно п. 8 Указа Президента Республики Беларусь от 01.02.2010 № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [2] поставщики интернет-услуг по запросу пользователей интернет-услуг оказывают услуги по ограничению доступа этих пользователей к информации, содержание которой направлено на распространение порнографических материалов, запрещенных законодательством.

Статьей 38 Закона Республики Беларусь от 17.07.2008 № 427-З «О средствах массовой информации» [3] запрещено в средствах массовой информации распространение информации, направленной на пропаганду войны, экстремистской деятельности или содержащей призывы к такой деятельности, порнографии, насилия и жесткости, а также другой информации, распространение которой способно нанести вред национальным интересам Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 9 Закона Республики Беларусь от 19.11.1993 № 2570-XII «О правах ребенка» государство «...обеспечивает неприкосновенность личности ребенка, осуществляет его защиту от всех видов эксплуатации, включая сексуальную, от физического и (или) психического насилия, жестокого, грубого или оскорбительного обращения, унижения, сексуальных домогательств, в том числе родителей (опекунов, попечителей) и родственников, ...принуждения к занятию проституцией, попрошайничеством, азартными играми или действиями, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера...» [4].

В целях предотвращения пропаганды порнографии, насилия и жестокости, защиты общественной морали Совет Министров Республики Беларусь постановлением от 22.10.2008 № 1571 (далее – постановление № 1571) [5] утвердил Положение о Республиканской экспертной комиссии по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости. Данным постановлением установлено, что выпуск, тиражирование, показ, прокат, продажа и рекламирование эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения осуществляются в порядке, определяемом Министерством культуры Республики Беларусь. Постановлением определены задачи, функции и права Республиканской экспертной комиссии по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости (далее – РЭК). Впервые в пункте 2 данного постановления приведено содержание терминов и определений, таких как: «объект экспертизы», «порнографические материалы или предметы порнографического характера», «продукция -аудио и аудиовизуальная продукция».

До принятия постановления № 1571 Министерство культуры Республики Беларусь постановлением от 08.05.2007 № 18 (далее – постановление № 18) утвердило Инструкцию о порядке выпуска, тиражирования, показа, проката, продажи и рекламирования эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения (далее – Инструкция) [6]. В пункте 2 постановления № 18 приводится содержание следующих терминов и определений: «порнография», «эротика», «аудио-и аудиовизуальная продукция», «продукция, содержащая элементы эротики», «продукция, содержащая элементы порнографии», «продукция сексуального назначения», «пропаганда порнографии» и др. Пунктом 3 данного постановления установлено, что «Выпуск, тиражирование, показ, прокат, продажа и рекламирование эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения могут осуществляться только при наличии экспертного заключения об отсутствии в продукции элементов пропаганды порнографии, насилия и жестокости (далее – экспертное заключение) на каждое наименование такой продукции, выдаваемого в порядке, установленном законодательством об административных процедурах».

Форма экспертного заключения Республиканской экспертной комиссии по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости была утверждена постановлением Министерства культуры Республики Беларусь от 20.12.2008 № 47 [7].

В Положении о Республиканской экспертной комиссии по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости (далее – Положение о РЭК) постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10.10.2014 № 961 (далее – постановление № 961) [8], в частности, были внесены изменения и дополнения следующего содержания:

– в пункте 12: «Основанием для проведения экспертизы продукции является заявление государственных органов, организаций, индивидуальных предпринимателей (далее – заявитель) либо решение, постановление (определение) о назначении экспертизы государственных органов (должностных лиц), имеющих право в соответствии с законодательством назначать экспертизу (далее – решение, постановление (определение));»

– пункт 14 дополнен частью третьей следующего содержания: «Экспертное заключение, подготовленное по результатам проведения экспертизы, назначенной на основании решения, постановления (определения), оформляется с соблюдением требований процессуального законодательства, предъявляемых к заключению эксперта».

Следует отметить, что в действующий состав РЭК постановлением № 961 были включены высококвалифицированные представители государственных органов, специалисты организаций и учреждений: учреждения образования «Белорусский университет культуры и искусств», Института журналистики Белгосуниверситета, Белорусской медицинской академии последидипломного образования, управления киновидеоискусства Министерства культуры Республики Беларусь, Белорусской государственной академии искусств, Национальной государственной телерадиокомпании, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

В Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь [9] имеются две статьи, предусматривающие уголовную ответственность за изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343 УК), в том числе с изображением несовершеннолетних (ст. 343-1 УК).

Следует отметить, что согласно п. 8 ст. 4 УК под несовершеннолетним понимается лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет.

Кодекс о браке и семье Республики Беларусь определил возрастные границы следующим образом: «Лицо с момента рождения до достижения им восемнадцати лет считается несовершеннолетним. Ребенок до достижения им четырнадцати лет считается малолетним. Несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет – считается подростком» [10; чч. 1, 2, 3 ст. 197]. Именно критерии возраста лиц являются определяющими для составов уголовных преступлений указанных выше статей УК.

Элементы составов преступлений, предусмотренных ст. 343 и ст. 343-1 УК, имеют следующие характеристики.

Статья 343 УК: непосредственным объектом преступления является общественная нравственность в сфере половых отношений. Дополнительным объектом является нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних. Предметом преступления являются порнографические материалы, предметы порнографического характера. Содержание указанных понятий приведено в постановлениях № 1571 и № 18. Признание материалов или предметов порнографическими осуществляется на основании результатов соответствующих экспертных заключений, проводимых в порядке, установленном Положением о РЭК, утвержденным постановлением № 1571.

Соответственно, порнографическими материалами и предметами порнографического характера будут признаваться те, в которых вульгарно-натуралистически, омерзительно-цинично, непристойно фиксируются половые сношения, имеет место самоцельная, умышленная демонстрация большей частью обнаженных гениталий, антиэстетичных сцен полового акта, сексуальных извращений, зарисовок с натуры, которые не соответствуют нравственным критериям, оскорбляют честь и достоинство личности, ставя ее на уровень проявлений животных инстинктов.

Предметы порнографического характера следует различать с продукцией сексуального назначения, под которой согласно п. 2 Инструкции понимаются изделия, аппараты, приборы и приспособления, предназначенные для сексуального стимулирования, поскольку распространение последней допускается в специальном порядке. В диспозиции данной статьи из числа порнографических материалов в качестве предметов преступления дополнительно выделяются печатные издания, кино-, видеофильмы и сцены порнографического содержания. Основное отличие печатных изданий и кино-, видеофильмов от порнографических материалов состоит в том, что создание печатных изданий и кино-, видеофильмов в основном осуществляется «промышленным» (типографским или иным) способом, такие материалы

имеют выходные данные авторов и иные необходимые реквизиты, данные предметы по умолчанию подразумеваются предназначенными для распространения среди неопределенного круга лиц. В случае, если указанные виды продукции, признанные порнографическими, не содержат таких реквизитов, то они оцениваются как порнографические материалы (например, изображения, фотографии, видеоролики, снятые пользователями, и т. п.).

Содержание термина «сцены порнографического содержания» не раскрывается в законодательстве. В справочной литературе под сценой понимается минимальная законченная часть действия или фильма. Исходя из контекста данного термина, можно предположить, что в данном случае речь может идти о форме представления публичного исполнения/показа действий порнографического характера.

Объективная сторона состоит из альтернативных деяний, перечисленных в диспозиции. Состав формальный, преступление считается оконченным с момента совершения деяний.

Изготовление представляет собой создание порнографии (оригинала или копии) любым способом (печатание, рисование, фотографирование, видеосъемка и т. д.). Также изготовлением является внесение изменений, переделка (модификация) продукции с целью придания ей порнографического характера. Уголовно наказуемым является изготовление порнографии в целях ее распространения или рекламирования.

Под хранением подразумевается совершение любых умышленных действий, связанных с фактическим нахождением порнографических материалов или предметов порнографического характера во владении виновного с целью их распространения (рекламирования).

Распространение является объединяющим термином для иных деяний, перечисленных в диспозиции состава. Данный термин имеет различное законодательное толкование. Содержание понятия «распространение информации» раскрыто в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» [11], согласно которой распространение представляет собой действия, направленные на ознакомление с информацией неопределенного круга лиц. Распространение может выражаться в выпуске в обращение, рекламировании, передаче на любых основаниях (продажа, аренда, дарение или иная форма отчуждения), в том числе путем показа или демонстрации.

Содержание термина «трансляция», как специфической формы распространения информации, дано в модельном законе, который принят в Санкт-Петербурге 15.06.1998 г. и утвержден постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств № 11-11 «О модельном законе «О трансграничном спутниковом телевизионном и радиовещании и международном спутниковом информационном обмене» [12]. В статье 2 закона отмечается, что «трансляция представляет собой первоначальную передачу сигнала (информации), осуществляемую наземным передатчиком через космический спутник любого вида в закодированной или в незакодированной форме, предназначенную для его приема потребителем».

Рекламирование является самостоятельной формой совершения рассматриваемого преступления, представляющей собой особый вид распространения. Исходя из содержания понятия «реклама», указанного в ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10.05.2007 № 225-З «О рекламе» [13], под ней следует рассматривать распространение информации об объекте рекламирования в любой форме, направленной на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и (или) его продвижение на рынке.

К рекламированию относится совершение таких действий, как анонсирование, сообщение об условиях приобретения, выставление для всеобщего обозрения материалов. Анализ судебной практики показывает, что в большинстве случаев рекламирование порнографии имеет место при размещении в сети Интернет, в средствах массовой информации, информационных ресурсах объявлений о продаже продукции, содержащей порнографию.

В настоящее время содержание термина «публичная демонстрация» в отечественном законодательстве отсутствует. Не имеется единообразия в понимании его сущности среди ученых и в специальной научной литературе. В справочной литературе под «демонстрацией» понимается публичный показ чего-либо либо публичный показ наглядным способом. В законодательстве термин «показ» применительно к фильмам используется следующим образом. Так, в ст. 200 Кодекса Республики Беларусь об культуре от 20.07.2016 № 413-З отмечается, что «Паказ фільма – дэманстрацыя (публічнае выкананне) фільма, якая ажыццяўляецца ў кіназалах або іншых спецыяльна абсталяваных памяшканнях (месах), а таксама па тэлебачанні, праз глабальную камп’ютарную сетку Інтэрнэт або іншымі тэхнічнымі спосабамі» [14]. В соответствии с ч. 1 ст. 187 данного Кодекса «публічны паказ прадметаў музейнага значэння, музейных прадметаў, навукова-дапаможных і сыравінных матэрыялаў, які суправаджаецца каментарыямі, прадстаўленнем інфармацыі аб іх».

Под публичным исполнением согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве) [15] понимается представление произведения или объекта смежных прав посредством актерской игры, пения, чтения, декламации, игры на музыкальном инструменте, танца или каким-либо иным образом, в том числе с помощью технических устройств (в отношении аудиовизуального произведения – показ кадров в их последовательности), в местах, где присутствуют или могут присутствовать лица, не принадлежащие к обычному кругу семьи или близким знакомым семьи лица, осуществляющего или организующего такое представление.

Публичным показом в соответствии со ст. 4 Закона об авторском праве является демонстрация оригинала или экземпляра произведения непосредственно или показ в виде фотографии, слайда, кино-, телекадра на экране либо с помощью другого технического устройства или любым иным способом (в отношении аудиовизуального произведения – показ отдельных кадров вне их последовательности) в местах, где присутствуют или могут присутствовать лица, не принадлежащие к обычному кругу семьи или близким знакомым семьи лица, осуществляющего или организующего такой показ.

Субъективная сторона ст. 343 УК Республики Беларусь характеризуется виной в форме прямого умысла. При этом осознанием виновного должен охватываться порнографический характер материалов или предметов. Цели и мотивы содеянного для квалификации данного преступления значения не имеют, за исключением совершения деяний в виде изготовления и хранения порнографии, для квалификации которых обязательным является доказывание цели – совершение данных деяний для распространения или рекламирования.

Субъектом преступления в виде распространения, рекламирования, трансляции или демонстрации заведомо несовершеннолетнему порнографических материалов является лицо, достигшее восемнадцати лет.

Повышенная ответственность установлена за совершение указанных в ч. 1 ст. 343 УК деяний с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи. Указанный признак состава преступления характеризуется повышенной общественной опасностью, создает условия для совершения посягательств на неопределенно широкий круг лиц, обеспечивает анонимность, позволяет преступнику осуществлять многократное адресное воздействие, при этом имеет место отсутствие территориальности преступных деяний. Понятие «глобальная компьютерная сеть Интернет» достаточно активно используется в национальном законодательстве, но узаконенное определение данного термина отсутствует. В справочной литературе глобальная компьютерная сеть Интернет в основном понимается как всемирная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации. Единого понимания данного признака объективной стороны данного состава преступления в литературе в настоящее время не имеется. В большинстве случаев использование сети Интернет определяется как способ или средство совершения этого преступления. В настоящее время

большинство ученых в области уголовного права приходят к выводу, что использование сети Интернет, как сети передачи данных, понимается как способ совершения данного преступления, поскольку информация передается на базе протоколов, лежащих в основе сети Интернет. Вместе с тем следует учитывать, что согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17.07.2008 № 427-З «О средствах массовой информации» [3] информационные сообщения и (или) материалы, распространяемые через глобальную компьютерную сеть Интернет, рассматриваются как продукция средства массовой информации (т. е. как предмет преступления). Понятие «сеть электросвязи общего пользования» дано в ст. 34 Закона Республики Беларусь от 19.07.2005 № 45-З «Об электросвязи» [16]. Согласно указанной статье сеть электросвязи общего пользования представляет собой комплекс взаимодействующих сетей электросвязи, предназначенный для оказания услуг электросвязи всем пользователям услуг электросвязи, в том числе по распространению программ телевизионного вещания и радиовещания. Так, исходя из содержания Правил оказания услуг электросвязи, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17.08.2006 № 1055 [17], к сетям электросвязи общего пользования относятся сеть проводного вещания, сеть сотовой подвижной электросвязи, сеть стационарной электросвязи.

Отличие выделенной сети электросвязи от сети электросвязи общего пользования состоит в том, что она предназначена для возмездного оказания услуг ограниченному кругу пользователей услуг электросвязи или группам таких пользователей и не присоединена к сети электросвязи общего пользования.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 данной статьи, охватывает: распространение, рекламирование, трансляцию или демонстрацию порнографических материалов или предметов заведомо несовершеннолетнему. Содержание указанных деяний в основном аналогично одноименным признакам, указанным в ч. 1 ст. 343 УК. Основное отличие состоит в том, что действия направлены в отношении конкретного несовершеннолетнего, при этом, осознание возраста несовершеннолетнего виновным является обязательным условием для привлечения к ответственности по рассматриваемой норме.

Квалифицирующие признаки «группа лиц», «организованная группа», «предварительный сговор», указанные в ч. 2 ст. 343 УК, определяются в ст.ст. 4, 18, 17 УК соответственно и характеризуются аналогично как и в других составах преступлений.

Статья 343-1 УК: непосредственным объектом преступления является общественная нравственность в сфере половых отношений. Дополнительным объектом является нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетних.

Предмет преступления – порнографические материалы, предметы порнографического характера, содержащие изображение заведомо несовершеннолетнего. Согласно п. 2 Положения о РЭК порнографические материалы или предметы порнографического характера с изображением несовершеннолетнего представляют собой разновидность порнографических материалов или предметов порнографического характера, которая включает в себя материалы или предметы, содержащие любое изображение или описание ребенка либо воспринимающиеся как изображение или описание ребенка либо совершеннолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающего реальные или смоделированные действия сексуального характера либо принимающего участие в совершении таких действий или в их имитации, либо реалистичное изображение, в том числе созданное с использованием анимации или электронной техники, образа ребенка, совершающего или участвующего в совершении действий сексуального характера, а равно любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях.

Объективная сторона данного преступления состоит из альтернативных деяний, перечисленных в диспозиции. Состав – формальный, преступление считается оконченным с момента совершения любого из следующих деяний: изготовления с целью распространения или рекламирования; хранения с целью распространения или рекламирования; распространения; рекламирования, трансляции, публичной демонстрации.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла. При этом осознанием виновного должен охватываться порнографический характер материалов или предметов. Цели и мотивы содеянного для квалификации деяния лица значения не имеют, за исключением совершения деяний в виде изготовления и хранения порнографии, для квалификации которых обязательным является доказывание цели – совершение данных деяний для распространения или рекламирования.

Квалифицированным видом данного преступления является совершение его с использованием заведомо несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 343-1 УК) или заведомо малолетнего (ч. 3 ст. 343-1 УК) для изготовления порнографических материалов, печатных изданий, кино-, видеофильмов или сцен порнографического содержания. Указанные деяния реализуются путем:

- использования несовершеннолетнего для изготовления порнографических материалов;
- привлечения его в качестве исполнителя в сценах порнографического содержания,

что предполагает использование несовершеннолетнего в процессе проведения таких мероприятий (открытый показ натуралистических элементов полового акта с участием несовершеннолетнего, трансляция).

Следует отметить, что в Республике Беларусь практика расследования уголовных дел, связанных с изготовлением и распространением материалов порнографического характера, испытывает потребность в проведении судебной искусствоведческой экспертизы порнографических материалов.

В настоящее время отнесение продукции (объектов экспертизы) к порнографическим материалам, как указано выше, проводится Республиканской, Минской городской и областными экспертными комиссиями по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости. По информации, полученной из Министерства культуры Республики Беларусь, в период с 01.01.2010 г. по 30.11.2015 г. РЭК и областными экспертными комиссиями (далее – ОЭК) проведено 2914 экспертиз. По данным, полученным из Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, с начала 2010 г. и по октябрь 2015 г. по областям и городу Минску было зарегистрировано 2300 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 343 и 343-1 УК. За 2016 г., по данным пресс-службы Верховного Суда Республики Беларусь [18], за изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ст. 343 УК) было осуждено 321 человек.

Вместе с тем, анализ экспертных заключений, которые составлялись членами РЭК и ОЭК, свидетельствует в целом об отсутствии единого методологического подхода к проведению судебных искусствоведческих исследований и отнесению материалов к категории порнографических. Порядок проведения экспертиз, проводимых РЭК и ОЭК, а также итоговые документы по результатам ее проведения, уголовно-процессуальному законодательству, как правило, не соответствуют. Помимо общих замечаний относительно оформления экспертных заключений, выполненных общественными комиссиями, это мнение также выражается в отсутствии в исследовательских частях экспертных заключений положенных в основу признаков и применяемых методов, подтверждающих те или иные по содержанию экспертные выводы, что в итоге на практике может привести к признанию данного процессуального документа недопустимым доказательством.

По справедливым утверждениям, проблема судебной искусствоведческой экспертизы заключается в ее недостаточной изученности [19, с. 29], в отсутствии доступных методологических инструментов для ее более активного применения [20, с. 15]. Участники уголовного процесса, инициирующие назначение судебных искусствоведческих экспертиз, наверняка сталкиваются на практике с проблемой выбора соответствующих специалистов и вида судебной искусствоведческой экспертизы, постановкой и формулированием вопросов, требующих своего разрешения при проведении экспертных исследований.

В нашей республике, за исключением отдельных работ, посвященных уголовно-правовой квалификации преступлений, связанных с изготовлением и распространением материалов порнографического характера, в том числе с участием несовершеннолетних, исследований

и разработок в направлении развития судебной искусствоведческой экспертизы и ее новых родов и видов пока не имеется. Таким образом, самостоятельный род судебных искусствоведческих экспертиз по уголовным делам, связанным с изготовлением и распространением материалов порнографического характера, для Республики Беларусь пока является новым, только формируемым. В приложении 1 к Инструкции о порядке осуществления деятельности экспертно-квалификационной комиссии Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, утвержденной постановлением от 02.02.2016 № 9 [21] в Перечне видов (подвидов) судебных экспертиз, по которым аттестуются эксперты и проводятся судебные экспертизы, судебные искусствоведческие экспертизы отсутствуют.

С учетом имеющейся системы действующих нормативных правовых актов, регулирующих меры противодействия изготовлению и распространению порнографических материалов, результатов обобщения специальной научно-методической литературы по проблемным вопросам судебно-искусствоведческой экспертизы, а также анализа экспертных заключений, которые составлялись членами РЭК и ОЭК по результатам проведения экспертиз, назрела острейшая необходимость в разработке научно-методических основ формируемого нового рода судебной экспертизы, связанных с распространением материалов порнографического характера.

С этой целью специалистам Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь предстоит в ближайшее время определиться с местом судебной искусствоведческой экспертизы порнографических материалов в системе судебных экспертиз. С учетом сложившейся практики рассмотрения и расследования уголовных дел по уголовным делам данной категории, следует определить предмет и объекты судебных экспертных исследований, классифицировать задачи, решение которых возможно при проведении комплексных судебных искусствоведческих экспертиз, назначаемых по уголовным делам, связанным с изготовлением и распространением порнографии, классифицировать методы экспертных исследований, сформулировать и выработать методические рекомендации по критериям экспертной оценки продукции порнографического и эротического характера, решить ряд организационно-методических вопросов и т. п.

Полагаем, что в ближайшей перспективе судебная искусствоведческая экспертиза, в том числе и по уголовным делам, связанным с изготовлением и распространением материалов порнографического характера, займет соответствующее место в системе судебных комплексных экспертиз, выполняемых экспертами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. О правопреемстве Республики Беларусь в отношении международных договоров по вопросам борьбы с распространением порнографических изданий [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24.06.1998 г., № 339 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 01.02.2010 г., № 60 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июня 2008 г., № 427-3 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-XII // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Об экспертных комиссиях по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости (вместе с «Положением о Республиканской экспертной комиссии по предотвращению про-

паганды порнографии, насилия и жестокости») [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22.10.2008 г., № 1571 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Об утверждении Инструкции о порядке выпуска, тиражирования, показа, проката, продажи и рекламирования эротической продукции, продукции, содержащей элементы эротики, насилия и жестокости, продукции по сексуальному образованию и половому воспитанию, а также продукции сексуального назначения и признании утратившим силу постановления Министерства культуры Республики Беларусь от 13 апреля 2000 г. № 8п [Электронный ресурс] : постановление М-ва культуры Респ. Беларусь, 08.05.2007 г., № 18 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Об утверждении формы экспертного заключения, удостоверения и вкладыша к нему члена Республиканской экспертной комиссии по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости и признании утратившим силу постановления Министерства культуры Республики Беларусь от 24 декабря 2002 г. № 18 [Электронный ресурс] : постановление М-ва культуры Респ. Беларусь, 20.12.2008 г., № 47 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. О внесении дополнений и изменений в постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10.10.2014 г., № 961 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-3 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

10. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 278-3 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

11. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

12. О модельном законе «О трансграничном спутниковом телевизионном и радиовещании и международном спутниковом информационном обмене» (Принято 15 июня 1998 года в г. Санкт-Петербург) [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств № 11-11 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

13. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-3 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

14. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронный ресурс] : 20 июля 2016 г., № 413-3 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

15. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

16. Об электросвязи [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 19 мая 2005 г., № 45-3 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

17. Об утверждении Правил оказания услуг электросвязи [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17.08.2006 г., № 1055 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

18. За изготовление и распространение порнографии в Беларуси за год осудили более 300 человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://42/tyt.by/527966>. – Дата доступа: 15.02.2017.

19. Цховребова, И. А. Судебная экспертиза в уголовном процессе: перспективы ресурсного обеспечения / И. А. Цховребова // Рос. следователь. – 2011. – № 16. – С. 29–31.

20. Бондаренко, Л. К. Проблема содержания современного российского искусства / Л. К. Бондаренко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 5 (11). – Ч. 3. – С. 15–18.

21. Об утверждении Инструкции о порядке осуществления деятельности экспертно-квалификационной комиссии Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь, 02.02.2016 г., № 9 // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Дата поступления: 20.03.2017

I. G. Doda

Candidate of Philological Sciences

G. V. Mikhailenko

Candidate of Juridical Sciences

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

**CRIMINAL JUSTICE COUNTERMEASURES AGAINST PRODUCTION AND DISSEMINATION
OF PORNOGRAPHIC MATERIALS ACCORDING TO THE LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article provides scientific analysis of normative legal acts in the field of measures against production and dissemination of pornographic materials. Authors substantiate urgency and practical importance of the development of scientifically valid framework of the new kind of forensic examination – forensic arts examination of pornographic materials.

Keywords: normative legal acts, materials of pornographic nature, forensic arts examination.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

Г. А. Павловец

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: pga241083@mail.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В связи с созданием Следственного комитета Республики Беларусь предварительное расследование в уголовном процессе претерпело существенные изменения. Принятые законодателем нововведения повлияли на предварительное расследование не только в деятельном ее аспекте, но также отразились и на сущности стадии предварительного расследования. В свою очередь не остался в перманентном состоянии и институт предварительного расследования. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости более детального освещения вопросов предварительного расследования в Республике Беларусь.

Ключевые слова: предварительное расследование, стадия уголовного процесса, уголовно-процессуальный институт, структура предварительного расследования, уголовный процесс.

В уголовном процессе Республики Беларусь предварительное расследование является основным видом деятельности управомоченных органов и должностных лиц по досудебной подготовке материалов уголовного дела. Исключением являются уголовные дела частного обвинения (гл. 44 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь – далее УПК), где вместо предварительного расследования подготовка материалов к судебному разбирательству производится непосредственно лицом, пострадавшим от преступления, а также уголовные дела, законченные в порядке ускоренного производства (гл. 47 УПК).

Важнейшее значение для развития предварительного расследования в целом имел закон Российской империи от 29 августа 1808 г. «О следственных приставах, определяемых при полиции», в котором законодатель выделил должностное лицо полиции – «судебного пристава», целенаправленно занимающегося предварительным расследованием по уголовным делам.

Расследование преступлений именуется предварительным потому, что производится до суда и для суда, предшествуя судебному следствию. Выводы следователя, начальника следственного подразделения и прокурора по уголовному делу, по которому окончено расследование, имеют предварительное значение для судьбы самого уголовного дела и его главных участников – обвиняемого и потерпевшего, поскольку итоговое решение по нему принимается только судом. В то же время результаты предварительного расследования по уголовному делу, которое не направляется в суд, а прекращается органом уголовного преследования по установленным в УПК основаниям, приводят данных должностных лиц не к предварительным, а к окончательным выводам, в том числе об отсутствии общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, отсутствии в деянии состава преступления и др.

Нужно обратить внимание на то факт, что в странах англосаксонской системы права как такового предварительного расследования нет. Например, досудебное исследование об-

стоятельств дела в США составляют три этапа: принятие решения об обвинении, подача обвинительного документа в суд и рассмотрение его судьей. Расследованием же преступления занимаются на стадии полицейского (внесудебного) расследования. Это первая стадия уголовного процесса, включающая в себя четыре этапа: 1) пресечение совершения преступления, 2) расследование до ареста, 3) арест, 4) регистрацию арестованного и полицейское расследование после ареста. Однако сами американские и английские юристы не относят данную стадию к уголовному процессу. Деятельность на ней имеет административную природу и неотличима от оперативно-розыскного производства [1].

В соответствии с п. 26 ст. 6 УПК «предварительное расследование – это производство предварительного следствия, дознания по уголовному делу».

В свою очередь в теории уголовного процесса имеются различные подходы к определению предварительного расследования как вида деятельности. Например, С. В. Борико под предварительным расследованием предлагает понимать деятельность органов дознания, предварительного следствия по собиранию, проверке и оценке доказательств, на основе которых устанавливаются имеющие значение для дела обстоятельства [2, с. 186].

А. Г. Стовповой определяет предварительное расследование несколько шире, а именно как деятельность уполномоченных должностных лиц по собиранию, проверке, оценке доказательств и установлению на их основе обстоятельств преступления, изобличению и привлечению лица в качестве обвиняемого, принятию мер к возмещению причиненного преступлением ущерба и передаче дела в суд либо по его прекращению [3, с. 190].

Несколько с философским «оттенком» трактует расследование преступлений В. М. Савицкий. Автор пишет, что это активная, целенаправленная деятельность, направленная на установление истины по каждому уголовному делу [4, с. 139]. Однако, данное определение явно является небесспорным, поскольку возникает закономерный вопрос о возможности достижения истины при расследовании преступления. Представляется, что на современном этапе вести речь об истине в уголовном процессе можно назвать моветоном, поскольку речь все же должна идти об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Отдельные авторы вообще не дают как такового определения данной категории как вида деятельности, а в свою очередь просто констатируют, что это некий этап, который начинается с принятия уголовного дела к своему производству после его возбуждения и до передачи дела прокурору для направления в суд [5, с. 302]. В то же время сложно согласиться с таким подходом, поскольку предварительное расследование как вид деятельности в соответствии с УПК может заканчиваться и принятием иных решений, например, прекращением производства по делу или передачей уголовного дела прокурору для направления в суд для применения принудительных мер безопасности и лечения.

Таким образом, представляется под предварительным расследованием понимать урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность органов дознания и предварительного следствия по установлению обстоятельств общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и изобличению лиц, его совершивших.

Предварительное расследование можно также рассматривать как относительно самостоятельный этап (часть) уголовного процесса, именуемый стадией.

Нужно отметить, что в нашем государстве с образованием Следственного комитета Республики Беларусь стадия предварительного расследования претерпела существенные изменения, что, естественно, отразилось и на определении ее сущности. В настоящее время, представляется, наиболее приемлемым рассматривать стадию предварительного расследования как самостоятельный этап уголовного процесса, в ходе которого органы дознания производят неотложные следственные и другие процессуальные действия для обнаружения и закрепления следов уголовно наказуемого деяния, а уполномоченные законом должностные лица осуществляют предварительное следствие по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, в целях решения задач уголовного процесса [6, с. 49].

В свою очередь, В. В. Вандышев рассматривает предварительное расследование как необходимую и самостоятельную стадию уголовного процесса, заключающуюся в правоотношениях и деятельности всех его участников при определяющей роли органов уголовного преследования по установлению наличия или отсутствия фактических и юридических оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого и передачи уголовного дела в суд [7, с. 252].

Небесспорное определение стадии предварительного расследования предложено И. А. Пикаловым, под которой автор понимает самостоятельную стадию уголовного процесса, представляющую собой строго регламентированную уголовно-процессуальным законом совокупность следственных действий по собиранию, закреплению и оценке доказательств, преследующую цель воссоздания истинной картины преступления, установления виновных лиц и обеспечение условий для дальнейшего рассмотрения уголовного дела в суде [8]. Как было выше обозначено, на стадии предварительного расследования создаются не только предпосылки для дальнейшей передачи уголовного дела прокурору для направления в суд, но и решается вопрос о прекращении производства по уголовному делу или уголовного преследования конкретного лица.

Законодателем четко определены пределы стадии предварительного расследования, т. е. момент ее начала и окончания (ст. ст. 183, 191 УПК). Так, начинается данная стадия с момента возбуждения уголовного дела и заканчивается прекращением производства по уголовному делу (хотелось бы обратить внимание на определенного рода непоследовательность законодателя, который в ст. 251 УПК данный вид окончания называет прекращением предварительного расследования либо уголовного преследования) или направлением прокурором (его заместителем) уголовного дела в суд в соответствии со ст. 264 УПК.

При этом следует различать пределы предварительного расследования как стадии уголовного процесса и предварительного расследования как деятельности соответствующих органов. Так, предварительное расследование как деятельность уполномоченных должностных лиц начинается с момента принятия уголовного дела к своему производству. Момент возбуждения уголовного дела и принятия его к своему производству могут не совпадать. Заканчиваться же предварительное расследование как деятельность может либо одновременно с окончанием стадии предварительного расследования, например, в случае прекращения производства по уголовному делу, либо принятием одного из следующих решений: о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд; о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд для решения вопроса о применении принудительных мер безопасности и лечения.

В этой связи, необходимо обратить внимание, что пределы предварительного расследования как вида деятельности существенным образом отличаются при проведении предварительного следствия и дознания. Так, при осуществлении производства по уголовным делам органами дознания, их процессуальная деятельность по уголовному делу может заканчиваться принятием несколько иных решений, а именно: передачей уголовного дела следователю для проведения предварительного следствия и прекращением производства по делу. В то же время, анализ ст. ст. 186 и 251 УПК свидетельствует о явном законодательном пробеле, поскольку среди процессуальных решений, принимаемых органом дознания в соответствии со ст. 186 УПК отсутствует упоминание о таком решении, как прекращение производства по уголовному делу, однако, согласно ч.1 ст. 251 УПК органы дознания наделены правом выносить постановление о прекращении предварительного расследования или уголовного преследования. На основании вышесказанного, представляется целесообразным привести рассматриваемые нормы в соответствие и закрепить в ст. 186 УПК возможность прекращения производства по уголовному делу органами дознания.

Непосредственные задачи предварительного расследования вытекают из предусмотренных ст. 7 УПК общих задач и заключаются в:

1) собирании, проверке и оценке доказательств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу;

- 2) быстром и полном расследовании преступлений и общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом;
- 3) изобличении лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние;
- 4) предупреждении и пресечении общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом;
- 5) выявлении причин и условий, способствовавших совершению уголовно наказуемого деяния;
- 6) принятии мер по возмещению причиненного вреда;
- 7) подготовке материалов уголовного дела для рассмотрения в судебном разбирательстве.

Отдельные авторы к задачам предварительного расследования относят также ограждение граждан от неосновательного обвинения в совершении преступления [9, с. 3], воспитание граждан в духе неуклонного исполнения законов и уважения правил общежития [10, с. 38–48], уточнение степени необходимости уголовно-правового воздействия или возможности ограничиться применением мер общественного воздействия [11, с. 44].

Однако важно подчеркнуть, что содержание одних задач не должно входить в содержание других. Другое дело, что все задачи, определяющие предназначение конкретной стадии уголовного процесса, представляют собой систему как взаимосвязанное множество, составляющее единое целое. Каждая из задач характеризует отдельные, самостоятельные направления деятельности, позволяет раскрыть сущность предварительного расследования. В этом и состоит ценность и направленность конкретной задачи [12, с. 25].

В теории уголовного процесса разработано такое понятие, как система (структура) предварительного расследования, в соответствии с которой предварительное расследование делят на части (этапы). Например, П. С. Элькинд, Р. Д. Рахунов, И. М. Лузгин на две: 1) с момента принятия дела следователем к своему производству до привлечения лица в качестве обвиняемого; 2) с момента привлечения лица в качестве обвиняемого до окончания предварительного расследования [13, с. 53; 14, с. 48; 15, с. 89]; А. К. Гаврилов – на три: 1) производство первоначальных неотложных следственных действий; 2) дальнейшее расследование с целью выявления такой совокупности доказательств, которая оказалась бы достаточной для привлечения конкретного лица к уголовной ответственности; 3) окончание расследования [16, с. 100].

Встречаются суждения о выделении четырех и более этапов предварительного расследования [17, с. 112; 18, с. 241–242; 19, с. 19–20 и др.].

В то же время предложенные подходы к делению расследования на две и более частей не характеризуют последовательность наиболее значимых групп процессуальных действий, поэтому систему предварительного расследования лучше всего представить в виде совокупности решений, определяющих направления движения уголовного дела:

- 1) принятие следователем, лицом, производящим дознание, уголовного дела к своему производству;
- 2) соединение и выделение уголовного дела;
- 3) приостановление и возобновление предварительного расследования;
- 4) привлечение в качестве обвиняемого;
- 5) прекращение предварительного расследования;
- 6) окончание предварительного расследования с передачей уголовного дела прокурору для направления в суд [6, с. 51].

Альтернативный подход к определению системы предварительного расследования предложен А. В. Смирновым и К. Б. Калиновским. По мнению авторов, она складывается из трех классических этапов: 1) общего расследования, которое ведется в отношении общего – неопределенного круга лиц. Этот этап осуществляется от момента возбуждения уголовного дела до вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; 2) суммарного расследования, которое включает в себя суммирование добытых доказательств, предъ-

явление обвинения и выяснение доводов обвиняемого; 3) специального расследования, которое производится в отношении конкретного обвиняемого. На данном этапе с учетом подтверждения или опровержения доводов защиты еще раз проверяется обоснованность обвинительных доказательств и определяется окончательное обвинение [20, с. 348–349].

Предварительное расследование рассматривается также как правовой институт, представляющий собой совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих общественные отношения между участниками уголовного процесса в связи с собиранием, проверкой и оценкой доказательств для установления всех имеющих значение обстоятельств по уголовному делу. Эти нормы закреплены в гл. 22 УПК, регламентирующей формы предварительного расследования, органы, уполномоченные на его осуществление, а также общие правила предварительного расследования.

Значение предварительного расследования заключается в том, что оно создает необходимые условия для вынесения законного, обоснованного, мотивированного и справедливого приговора по делу. Предварительное расследование, основанное на законе, принципах уголовного процесса, способствует эффективной защите прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений; а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. И наоборот, осуществление предварительного расследования без достаточных к тому оснований является грубейшим нарушением законности, приносящим большой вред обществу, государству, правам и законным интересам физических и юридических лиц [21].

Таким образом, от качества предварительного расследования зависит разрешение уголовного дела по существу. Обеспечить законность и обоснованность принятых решений, восстановить нарушенные права можно только в случае, если производство предварительного расследования осуществляется оперативно и качественно.

Список использованных источников

1. Калиновский, К. Б. Основные черты уголовного процесса зарубежных государств / К. Б. Калиновский // Уголовный процесс : сб. учеб. пособий. Особенная часть. – Вып. 3. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kalinovsky-k.narod.ru/p/2003-3.htm/>. – Дата доступа : 07.02.2017.
2. Уголовный процесс : учебник / С. В. Борико. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2012.
3. Стовповой, А. Г. Уголовный процесс : Курс лекций. Часть 1 / А. Г. Стовповой. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010.
4. Савицкий, В. М. Очерк теории прокурорского надзора / В. М. Савицкий. – М. : Наука, 1975.
5. Уголовный процесс : учеб. пособие / М. А. Шостак. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2008. – 630 с.
6. Уголовный процесс. Особенная часть : учеб. пособие : в 2 т. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2017.
7. Вандышев, В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юрид. вузов и фак. / В. В. Вандышев. – М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2010.
8. Пикалов, И. А. Уголовный процесс Российской Федерации (краткий курс) : учеб. пособие / И. А. Пикалов [Электронный ресурс] // Allpravo.Ru – 2005. – Режим доступа : <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum4772/>. – Дата доступа : 16.02.2017.
9. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. – М., 1981.
10. Жогин, Н. В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. – М., 1965.
11. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.
12. Ефимичев, С. П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности : моногр. / П. С. Ефимичев, С. П. Ефимичев. – М. : Юстицинформ, 2009.
13. Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963.

14. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р. Д. Рахунов. – М., 1961.
15. Лузгин, И. М. Методологические проблемы расследования / И. М. Лузгин. – М., 1973.
16. Гаврилов, А. К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии (правовые и организационные вопросы) / А. К. Гаврилов. – Волгоград, 1970.
17. Банин, В. А. Предмет доказывания в советском уголовном процессе: гносеологическая и правовая природа / В. А. Банин. – Саратов, 1981.
18. Громов, Н. А. Уголовный процесс России / Н. А. Громов. – М., 1998.
19. Дубинский, А. Я. Производство предварительного расследования органами внутренних дел / А. Я. Дубинский. – Киев, 1987.
20. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008.
21. Рыжаков, А. П. Предварительное расследование / А. П. Рыжаков [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

Дата поступления: 11.04.2017

G. A. Paulavets

Candidate of Juridical Sciences
Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

PRELIMINARY INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEDURE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Preliminary investigation in the criminal procedure has undergone significant changes. Due to the establishment of the Investigative Committee of the Republic of Belarus. The innovations adopted by the legislator influenced the preliminary investigation not only in its active aspect, but also affected the essence of the stage of the preliminary investigation. In turn, the institute of preliminary investigation did not remain in a permanent state. These circumstances reflect the necessity for a more detailed coverage of issues of preliminary investigation in the Republic of Belarus.

Keywords: preliminary investigation, criminal procedure stage, criminal procedure institute, structure of the preliminary investigation, criminal procedure.

УДК 343.137.5

М. М. Якубель

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: mayak81@list.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ В ВОЗРАСТЕ ДО ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ

На основе рассмотрения норм наиболее значимых актов отечественного уголовно-процессуального законодательства осуществляется ретроспективный анализ правовых подходов к несовершеннолетним, совершившим уголовно наказуемые деяния. Прослеживается исторический путь становления института производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, и формулируются выводы об эффективности нормотворчества на различных этапах его формирования. Дается оценка современного состояния названного производства.

Ключевые слова: уголовный процесс, производство по уголовному делу, несовершеннолетние преступники, лица в возрасте до восемнадцати лет, особое производство, процессуальные гарантии.

Несовершеннолетние являются социальной группой, которая наиболее значима для будущего любого государства, но вместе с тем и наиболее социально уязвима. Незавершенный процесс формирования личности подростков, их подверженность влиянию взрослых, отсутствие четко сформированной жизненной позиции и другие факторы обуславливают определенную поведенческую нестабильность данной категории субъектов, следствием которой нередко становится совершение противоправных деяний.

В различные исторические периоды становления белорусского государства законодателя волновали вопросы ответственности таких лиц за совершенные преступления. Отдельные примеры нормативной регламентации отношений с участием детей и подростков встречались уже несколько столетий назад. Так, в Судебнике Казимира 1468 г., ставшем одной из первых попыток закрепления правовых норм в области уголовного и уголовно-процессуального права на белорусских землях, нашла отражение идея об ограничении возраста уголовной ответственности. Согласно положениям Судебника освобождались от ответственности члены семьи преступника (его дети и жена), если они не знали о совершенной им краже и не пользовались похищенным имуществом [1, с. 118–119]. Если же им было известно о содеянном, то на них, за исключением детей, не достигших семи лет, возлагалась обязанность отработать сумму украденного отцом имущества [2, с. 245].

Однако значимые попытки юридического закрепления соответствующих процедур относятся уже к периоду действия Статутов Великого княжества Литовского (1529, 1566 и 1588 гг.). Эти юридические документы, являясь важным источником прав человека того времени, закрепили нормы, призванные защищать интересы детей в сферах брачно-семейного, наследственного, уголовного и уголовно-процессуального права.

Важным достижением стало установление «предела уголовной вменяемости» – возраста, не достижение которого служило основанием для значительного смягчения наказания или даже для его полной отмены. Статут 1566 г. обозначил возраст уголовной ответственности лица за совершенное преступление с 14 лет, а документ 1588 г. увеличил его до 16 лет [2, с. 245, 246]. Существенным новшеством явилось закрепление процессуальных гарантий по охране ребенком своих прав в суде с помощью адвоката [3, с. 90; 4, с. 64].

После разделов Речи Посполитой во второй половине 18 в. большая часть современной территории Беларуси вошла в состав Российской Империи, где до середины 19 в. вопросы производства в отношении несовершеннолетних не получали существенного законодательного осмысления. Вместе с тем, возраст лица, совершившего преступление, в ряде случаев рассматривался как обстоятельство, смягчающее наказание. Так, Воинский артикул Петра I (согласно артикулу № 195) предусматривал возможность замены обвиненному в совершении кражи несовершеннолетнему наказания передачей родителям для сечения лозами. Однако это правило касалось только несовершеннолетних, совершивших преступление впервые [5, с. 35].

Существенные новшества в правовую регламентацию анализируемого производства привнес Устав Уголовного судопроизводства (1864 г.). В нем нормы, определявшие порядок деятельности по делам несовершеннолетних от 10 до 17 лет, были впервые помещены в отдельный раздел. В ходе следствия обязательным было установление возраста лица, и разрешение вопроса о том, действовал ли обвиняемый во время совершения преступного деяния с разумением. Возраст лица должен был подтверждаться справкой из метрических книг, ревизских сказок или других документов, либо посредством освидетельствования субъекта судебным врачом [6, с. 161].

Последующее развитие рассматриваемый институт получил с принятием Закона «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых» 2 июня 1897 г. В нем были предусмотрены дополнительные процессуальные гарантии для несовершеннолетних от 10 до 17 лет: участие законных представителей в уголовном процессе, новые специфические меры пресечения (ответственный надзор, заключение в отделение при исправительных колониях и помещение в монастырь, в соответствии с вероисповеданием несовершеннолетнего), выделение дел о соучастии несовершеннолетних в преступлении в особое производство, обязательное участие защитника, возможность проведения закрытого судебного заседания [5, с. 36].

После октябрьской революции 1917 г. рассматриваемая сфера уголовно-процессуальной регламентации подверглась существенной корректировке. Был принят Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних», который упразднил суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних, а дела об общественно опасных деяниях лиц в возрасте до 17 лет отнес к ведению названных комиссий. Впоследствии Декрет СНК РСФСР «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» от 4 марта 1920 г. повысил указанный возраст до 18 лет. При этом дела в отношении несовершеннолетних от 14 до 18 лет передавались в народный суд в исключительных случаях, если комиссия устанавливала невозможность применения к ним мер медико-педагогического воздействия [7, с. 79].

Согласно «Инструкции комиссиям по делам несовершеннолетних», утвержденной постановлением Наркомпроса, Наркомздрава и НКЮ 19 июля 1920 г., комиссии формировались в составе председателя-педагога (представителя отдела народного образования), врача и народного судьи. Однако содержательная регламентация порядка расследования дел о несовершеннолетних отсутствовала, в связи с чем органы на местах издавали свои инструкции, конкретизируя компетенцию комиссий [7, с. 79].

Создание и существование таких комиссий свидетельствует о прогрессивной направленности мышления законодателей, поскольку в их основе лежали не карательные, а вос-

питательно-профилактические идеи. Вместе с тем, отсутствие качественной нормативной регламентации, кадровая и материальная необеспеченность деятельности комиссий не позволили им эффективно реализовывать свои функции.

Принятый в 1922 г. УПК РСФСР, действие которого в 1923 г. было распространено и на территорию БССР, не содержал норм, которые позволяли бы говорить о наличии комплексной юридической процедуры в отношении несовершеннолетних. Во многом это было обусловлено существованием упомянутых ранее комиссий о несовершеннолетних, к компетенции которых относилось рассмотрение противоправных деяний подростков. Тем не менее УПК закрепил возможность производства обязательного медицинского освидетельствования с целью определения возраста обвиняемого и предусмотрел обязанность выделения дела о преступлении, совершенном лицом в возрасте до 16 лет в отдельное производство, с последующей передачей его для рассмотрения в комиссию о несовершеннолетних для применения средств медико-педагогического воздействия [8, с. 14].

УПК БССР, вступивший в действие 1 апреля 1961 г., значительно расширил права и гарантии прав участников уголовного процесса, в том числе и несовершеннолетних. Наряду с имевшимися ранее нормами он закрепил обязательность проведения предварительного следствия по данной категории дел (ч. 2 ст. 123), предусмотрел расширенный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 151), определил правила допроса несовершеннолетних (ст. ст. 159, 288), порядок участия в производстве по делу защитника, законного представителя и педагога (п. 2 ч. 1 ст. 51; ч. 2 ст. 52; ст. 150; ст. 201; ст. 282 и др.), оговорил отдельные особенности применения мер пресечения к несовершеннолетним и специальную меру пресечения для них – «Отдачу несовершеннолетних под присмотр» (ч. 3 ст. 84; ст. 86; ч. 3 ст. 91; ст. 97), закрепил обязательность проведения экспертизы для установления возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего, если имелись сомнения в их совершеннолети (п. 4 ст. 75), определил процедуру применения к подросткам принудительных мер медицинского характера (ст. 307) и др. [9].

Таким образом УПК 1961 г. существенно дополнил регламентацию рассматриваемого производства. Однако нормы о несовершеннолетних все еще не были объединены в отдельную главу, а располагались применительно к отдельным статьям и институтам. Следует отметить, что в УПК РСФСР (1960 г.) указанные нормы уже были структурно выделены в отдельный раздел № 7 «Производство по делам несовершеннолетних», состоявший из одноименной главы 32 [10].

В период действия УПК 1961 г. порядок применения норм уголовно-процессуального закона в части производства в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, неоднократно уточнялся и разъяснялся Пленумом Верховного Суда БССР.¹

Принятый в 1999 г. УПК Республики Беларусь продолжил нормативное совершенствование анализируемого производства. Преемственно отразив положения предыдущего УПК и существенно их расширив, он предложил концептуально новый подход к рассматриваемому порядку процессуальной деятельности: в законе появилась гл. 45 «Производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет», которая объединила 13 статей, содержащих ключевые особенности ведения дел о несовершеннолетних. Содержательно, УПК 1999 г. конкретизировал процедуру участия защитника, законного представителя, а также педагога и психолога в рассматриваемом производстве (ч. 3 ст. 429, ст. 435; ст. 436; ст. 437), предусмотрел возможность выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство (ст. 431), обозначил специфич-

¹ Постановления Пленума Верховного Суда Белорусской ССР: от 2 ноября 1962 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»; от 9 сентября 1968 г. № 6 «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность»; от 17 июня 1970 г. № 4 «О деятельности судов республики по борьбе с преступлениями несовершеннолетних»; от 4 июля 1975 г. № 4 «О практике рассмотрения судами дел о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними в группе»; от 15 марта 1978 г. № 2 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних» и др. [11].

ку применения задержания и мер пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, не достигших восемнадцатилетнего возраста (ст. 432), определил порядок вызова таких субъектов к следователю или в суд (ст. 433), закрепил сокращенное – по сравнению со взрослыми – время их допроса (ст. 434), предусмотрел возможность удаления несовершеннолетнего обвиняемого из зала судебного заседания (ст. 438) и др.

Отдельные законодательные подходы к анализируемому производству и вопросы его практической реализации получили разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 (с послед. изм. и доп.) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних».

Признавая ряд положительных моментов, нашедших отражение в действующем УПК, следует отметить, что существующую регламентацию все еще нельзя назвать идеальной. Так, актуальной остается проблема дальнейшего структурного объединения норм о несовершеннолетних, поскольку многие положения соответствующей тематики остались за пределами гл. 45.² Кроме того, сложности вызывают отдельные вопросы участия в деле законного представителя, педагога и психолога, некоторые аспекты применения к несовершеннолетним мер процессуального принуждения. Вызывает озабоченность также недостаточная регламентация порядка участия в уголовном деле несовершеннолетних свидетеля, потерпевшего и др. В этой связи использование результатов проведенного ретроспективного анализа процесса формирования уголовно-процессуальных подходов к несовершеннолетним может способствовать разработке положений, направленных на совершенствование анализируемого производства, поскольку позволяет обнаружить негативные законодательные тенденции прошлого и не допустить их повторения в современном правотворчестве, а успешные инициативы – подвергнуть дальнейшей разработке с целью оптимизации действующего УПК.

Таким образом, рассмотрение исторических предпосылок формирования производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних позволяет сформулировать следующие выводы:

1) на протяжении всего периода становления и развития отечественной государственности законодатель предпринимал попытки формирования индивидуального уголовно-процессуального подхода к несовершеннолетним, совершившим уголовно наказуемые деяния. При этом анализ законодательных источников свидетельствует об эволюционной направленности этого процесса: от единичных упоминаний в исторических памятниках права до современного процессуального института;

2) анализ динамики законодательства в рассматриваемой сфере позволяет признать, что в содержательном аспекте она также носит прогрессивный характер. Об этом свидетельствуют выявленные в ходе проведенного исследования тенденции гуманизации уголовно-процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних, выразившиеся в поэтапном расширении процессуальных гарантий прав и законных интересов названных участников уголовного процесса;

3) на текущем этапе развития белорусской системы права, *производство, предусмотренное гл. 45 УПК*, выступает одним из важных элементов общегосударственного правового подхода к несовершеннолетним. Оно *представляет собой установленный уголовно-процессуальным законом порядок деятельности по уголовным делам о преступлениях лиц, не достигших на день их совершения восемнадцатилетнего возраста, обусловленный социально-психологическими особенностями несовершеннолетних и направленный на создание и обеспечение дополнительных гарантий их прав и законных интересов*. Существование такого «особого» порядка служит обеспечению всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств совершенного преступления, установлению причин и условий, способствовавших его совершению, уменьшению негативного воздействия уголовно-процессуальных процедур на психику несовершеннолетнего.

² Это, в свою очередь, предопределило внесение в ч. 2 ст. 429 УПК указания о том, что порядок производства по делам о преступлениях несовершеннолетних определяется общими правилами УПК, а также гл. 45.

Список использованных источников

1. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: падручнік / Т. І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
2. Демченко, Г. В. Наказание по литовскому статуту в трех редакциях (1529, 1566 и 1588 г.) : в 3 ч. / исслед. Г. В. Демченко. – [Б.м., 2004]. – Ч. 1. – 273 с.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Пер. на сучасную бел. мову А. С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2010. – 207 с.
4. Лесун, Л. И. Охрана прав ребенка в Статутах Великого княжества Литовского / Л. И. Лесун // Соц.-пед. работа. – 2010. – № 9. – С. 62–64.
5. Орлова, Т. В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе российского государства : моногр. / Т. В. Орлова; под ред. Г. И. Загорского. – М. : Проспект, 2015. – 112 с.
6. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. – М. : Юрид. лит., 1991. – 496 с.
7. Тетюев, С. В. Выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего : история нормативной регламентации / С. В. Тетюев // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – № 2. – С. 78–82.
8. Крымінальна-працэсуальны кодэкс БССР (са зменамі і дадаткамі на 1 студзеня 1935 г.). – Менск : НКЮ БССР, 1935. – 88 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят ВС БССР 29 дек. 1960 г. : введен в действие 1 апр. 1961 г. – Минск. : Репринт, 1994. – 304 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Россия. Технология 3000. – М., 2017.
11. Постановления Пленума Верховного Суда Белорусской ССР, 1961–1979. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : Беларусь, 1980. – 191 с.

Дата поступления: 18.04.2017

M. M. Yakubel

Candidate of Juridical Sciences

Academy of the MIA of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

HISTORICAL PRECONDITIONS OF THE FORMATION OF PRODUCTION ON CRIMINAL CASES OF CRIMES COMMITTED BY PERSONS UNDER THE AGE OF EIGHTEEN

Retrospective analysis of legal approaches to juvenile offenders who have committed criminal acts is done on the bases on the examination of the norms of the most significant acts of the national criminal procedure legislation. The historical way of the establishment of the institute of proceedings in criminal cases concerning the crimes committed by persons under the age of eighteen years is examined and conclusions about the effectiveness of norm setting at various stages of its formation are formulated. An estimation of the current form of these proceedings is provided.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, juvenile offenders, persons under the age of eighteen, special prosecution, procedural guarantees.

УДК 343.1

В. В. Зезюлин

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: plancton@rambler.ru

О ПОНЯТИИ ОСНОВАНИЙ К ОТКАЗУ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье проведен анализ понятия оснований отказа в возбуждении уголовного дела. Предложена классификация оснований отказа в возбуждении уголовного дела в зависимости от волеизъявления должностного лица (императивные и диспозитивные). Озвучена позиция применения положений статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) к стадии возбуждения уголовного дела. На основании исследования аргументирована необходимость введения в УПК отдельной нормы, определяющей основания отказа в возбуждении уголовного дела, на основе разработанной дефиниции.

Ключевые слова: уголовный процесс, основания к отказу в возбуждении уголовного дела, освобождение от уголовной ответственности.

Отказ в возбуждении уголовного дела, как и любое другое решение в порядке ст. 174 УПК, на первоначальной стадии уголовного процесса принимается на основе совокупности фактических данных, установленных органом уголовного преследования, начальником следственного подразделения при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях либо непосредственном обнаружении признаков преступления.

Отечественные ученые каких-либо изысканий на указанную тему не проводили. В единственной комплексной работе, которую провел Н. Н. Гапанович, посвященной отказу в возбуждении уголовного дела, в том числе основаниям к его принятию, не дается понятия оснований к отказу в возбуждении уголовного дела. Автор приравнивает их исключительно к обстоятельствам, указанным в ст.ст. 5 и 6 УПК БССР 1960 г. (принят 29 декабря 1960 г., вступил в силу 1 апреля 1961 г.) [1, с. 12–21].

Большинство зарубежных авторов высказывают мнения, что под основаниями отказа в возбуждении уголовного дела понимаются данные, полученные в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях, которые в силу закона не допускают дальнейшее ее проведение [2, с. 52; 3, с. 186; 4, с. 36; 5, с. 4 и др.].

Н. И. Сотников предлагает более широкое определение оснований к отказу в возбуждении уголовного дела с использованием их классификации в зависимости от силы правового предписания. К ним автор относит достоверно установленные в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях обстоятельства, одни из которых являются безусловным препятствием к возбуждению уголовного дела, а другие могут служить обстоятельством, исключающим возбуждение уголовного дела в зависимости от волеизъявления отдельных заинтересованных участников процесса, а также по усмотрению уполномоченных на то законом государственных органов и должностных лиц» [6, с. 44]. Аналогичной позиции придерживается М. И. Ешманский [7, с. 102]. В научной литературе представлено довольно большое количество классификаций оснований отказа в возбуждении уголовного дела:

– материальные и процессуальные [8, с. 10–11; 9, с. 305; 10, с. 82–88];

– юридические и фактические [11, с. 231–243];
– реабилитирующие и нереабилитирующие [12, с. 50–58; 13, с. 87–94; 14, с. 134; 15, с. 387].

Отдельно следует выделить классификацию оснований отказа в возбуждении уголовного дела, предложенную Н. Н. Гапановичем, который разделил основания на три группы: 1) «обстоятельства, препятствующие возбуждению уголовного дела, вследствие того, что исключают наличие факта преступления или же указывают на отсутствие того или иного признака состава преступления (отсутствие события преступления; отсутствие состава преступления); 2) основание к возбуждению уголовного дела отпадает в связи с установленным в законе освобождением от наказания, наличием процессуальных решений по тем же фактам, за отсутствием жалобы пострадавшего от преступления и в связи со смертью лица, совершившего общественно опасное деяние (в том числе истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности; издание акта об амнистии, устранивающего применение наказания за определенные виды преступлений; недостижение правонарушителем возраста, с которого возможна уголовная ответственность); 3) невозбуждение уголовного дела в связи с принятием решения о применении к правонарушителю мер общественного воздействия или принудительных мер воспитательного характера» [1, с. 21–46].

По нашему мнению, формулировка дефиниции оснований отказа в возбуждении уголовного дела не должна в себе содержать их классификаций, которые, в свою очередь, являются условными. Использование различных делений оснований отказа к возбуждению уголовного дела при определении интересующего нас понятия приведет к возникновению множества вариаций его формулировки. К тому же недопустимо произвести оценку значения изучаемого объекта на основе признаков, которые, в свою очередь, зависят от результатов этой оценки.

В связи с этим мы постараемся определить дефиницию оснований отказа в возбуждении уголовного дела без использования каких-либо градаций и классификаций.

Согласно ч. 1. ст. 178 УПК орган уголовного преследования при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела обязан указать соответствующий пункт ч. 1 ст. 29 УПК. Соответственно, наличие одного из обстоятельств, указанных в данной статье, обязательно для принятия такого решения.

В отличие от возбуждения уголовного дела, УПК не называет обстоятельства, наличие (отсутствие) которых влечет за собой принятие решения в виде отказа в возбуждении уголовного дела, основаниями. В соответствии с ч. 1 ст. 178 УПК орган уголовного преследования выносит мотивированное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела. Согласно ст. 167 УПК основаниями возбуждения уголовного дела являются: 1) наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу; 2) исчезновение лица, если в течение десяти суток с момента подачи заявления оперативно-розыскными мероприятиями, проведенными в этот срок, установить местонахождение лица не представилось возможным.

Для определения, что же является основанием отказа в возбуждении уголовного дела, нам необходимо рассмотреть каждый из указанных элементов в отдельности. Однако необходимо изначально определить этимологическое значение слова «основание». Основание – это «причина, достаточный повод, оправдывающее что-нибудь» [16, с. 578; 17, с. 650]. Также «основание» связывают с «условием» и его достаточностью [18, с. 446]. Законодатель очень часто использует данный термин в нормативных правовых актах¹. При этом названия некоторых статей также содержат данный термин, в том числе и вышеуказанная ст. 167 УПК. Исходя из этимологии данного слова и специфики его употребления в УПК, следует, что для любого действия необходимы условия. Не исключение составляет и отказ в возбуж-

¹ Например, в УПК слово основание используется 397 раз (с учетом содержания).

дении уголовного дела. Рассматривая вопрос, что является основанием отказа в возбуждении уголовного дела, мы будем определять условия, при наличии которых орган уголовного преследования выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, с учетом того, что законодатель поставил знак равенства между двумя этими понятиями.

Если следовать буквальному толкованию данных норм, то условиями отказа в возбуждении уголовного дела являются: 1) отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления; 2) обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу; 3) установление местонахождения исчезнувшего лица в течение десяти суток с момента подачи заявления [19, с. 300].

Рассматривая «отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления», как первое условие, следует обратить внимание на понятие преступления, предусмотренное ч. 1 ст. 11 УПК, под которым понимается: совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом и запрещенное им под угрозой наказания.

Исходя из этого, орган уголовного преследования при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основе полученных сведений должен установить отсутствие достаточных данных, указывающих на наличие общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости деяния в совокупности или в частности.

Следует обратить внимание, что в отличие от возбуждения дела, где такое основание, как наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, является обязательным, их отсутствие при принятии решения об отказе в возбуждении дела не является определяющим.

Второе условие – обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, содержание которых закреплено в ч. 1 ст. 29 УПК. В соответствии с ч. 1 ст. 178 УПК законодатель обязывает орган дознания, следователя, прокурора ссылаться на ч. 1 ст. 29 УПК при вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Таким образом, данное решение может быть вынесено только при наличии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, т. е. является его обязательным условием.

Третьим рассматриваемым условием отказа в возбуждении уголовного дела является установление местонахождения исчезнувшего лица в течение 10 суток с момента подачи заявления. В данном случае законодатель строго прописал в уголовно процессуальном законе требование, которое имеет временной характер. Однако возникает ряд вопросов, вызванных ограничением данным временным промежутком в части отказа в возбуждении уголовного дела при наличии различных обстоятельств. К таким обстоятельством можно отнести наличие признаков преступления, совершенного в отношении исчезнувшего лица, чье местонахождение было установлено. Нас интересует незакрепление в уголовно-процессуальном законодательстве указаний на необходимость установления отсутствия причинной связи между исчезновением лица и совершенным в отношении него преступлением (при наличии такового) в указанный период времени. Так, например, встает вопрос о возможности вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела по материалу проверки по факту исчезнувшего лица, чье местонахождение было установлено, однако в течение 10 дней не получены достаточные данные, указывающие на совершение в отношении него преступления и взаимосвязи с его исчезновением. Исходя из этого, мы полагаем необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве такое условие отказа в возбуждении уголовного дела, как «установление отсутствия причинной связи между исчезновением лица, чье местонахождение было установлено, и признаков преступления, совершенного в отношении него в течение 10 суток». Присутствие данного условия более четко определит возможность вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при проведении проверки по факту исчезновения лица, по результатам которой его местонахождение было установлено в течение 10 суток с момента подачи заявления.

Анализ ст. ст. 166 и 178 УПК показывает, что законодателем предусмотрено три условия, при которых орган уголовного преследования по материалам проверки выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом он разделяет эти решения на две группы: не связанные с исчезновением лица и связанные с исчезновением лица.

При вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам проверок первой группы должно быть соблюдено только условие «наличие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу», однако наличие такого условия, как «отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления», не требуется.

По результатам проведенной проверки, связанной с исчезновением лица, при вынесении решения должно быть соблюдено условие «установление местонахождения исчезнувшего лица в течение десяти суток с момента подачи заявления при отсутствии причинной связи между исчезновением лица и признаков преступления, совершенного в отношении него (при наличии таковых)».

Таким образом, достаточными условиями отказа в возбуждении уголовного дела являются:

1) наличие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, предусмотренных ч. 1 ст. 29 УПК;

2) установление местонахождения исчезнувшего лица в течение десяти суток с момента подачи заявления при отсутствии причинной связи между исчезновением лица, и признаками преступления, совершенного в отношении него (при наличии таковых).

Следует также оговориться, что не все обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, могут быть условием, обязующим орган уголовного преследования, при проведении проверки по заявлениям и сообщениям, принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Статья 29 УПК предусматривает прекращение уголовного процесса как по материалам проверки, так и по уголовным делам, т. е. она «актуальна» на всех стадиях уголовного процесса. Законодатель не стал разделять в отдельных нормах обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, которые относятся исключительно к прекращению производства по уголовному делу и не являются условиями отказа в возбуждении уголовного дела. Видимо, данная особенность наличествует в УПК по причине того, что часть условий отказа в возбуждении уголовного дела, и прекращения производства по уголовному делу идентичны. Более того, все обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу (их наличие), которые обязывают орган уголовного преследования на первоначальной стадии уголовного процесса принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела, являются соответствующими и на дальнейших стадиях.

Условия, позволяющие не привлекать лицо к уголовной ответственности, закрепленные в ст. ст. 29 и 30 УПК, имеют разный характер в зависимости от волеизъявления органа, ведущего уголовный процесс. Если наличие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, обязывает принять решение о прекращении производства по уголовному делу, то условия, закрепленные ст. 30 УПК, предоставляют такое право. Аналогичная ситуация присутствует и в отношении условий отказа в возбуждении уголовного дела, закрепленных в подстрочных примечаниях раздела XIV УПК.

Примечания Особенной части УПК в большинстве своем носят императивный характер, за исключением Раздела XIV УПК (примечания к ст. ст. 435, 445 и главам 37 и 38). Орган уголовного преследования при наличии (соблюдении) определенных условий обязан отказать в возбуждении уголовного дела или прекратить по нему производство. По преступлениям против порядка исполнения воинской обязанности, направления и прохождения альтернативной службы законодатель предусмотрел диспозитивный способ освобождения от уголовной ответственности, который может применяться по усмотрению органа, ведущего уголовный процесс, при наличии различных условий (совершения преступления, не представляющего большой общественной опасности, наличия смягчающих обстоятельств, совершения преступления впервые, содеянное явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств).

В ходе исследования мы пришли к выводу, что все условия отказа в возбуждении уголовного дела в зависимости от волеизъявления должностного лица (которое должно выражаться на основе объективных признаков) можно разделить на *императивные* и *диспозитивные*, особенность которых мы описали выше.

Данная классификация определит направление группирования условий отказа в возбуждении уголовного дела, порядок их реализации в уголовно-процессуальном законе и позволит определить семантический аспект понятия оснований отказа в возбуждении уголовного дела.

Обстоятельства, которые допускают со стороны органа, ведущего уголовный процесс, право выбора решения о необходимости освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренного уголовным законом, основанного на субъективных факторах (при том, что все условия данного обстоятельства были выполнены), должны регламентироваться другой нормой (статьей) УПК. Ранее учеными уже высказывались мнения о необходимости закрепления нереабилитирующих оснований прекращения производства по делу (когда речь идет именно об освобождении от уголовной ответственности) в одной статье УПК (ст. 30), с использованием последней на стадии возбуждения уголовного дела [20, с. 51; 21, с. 301–303]. Однако следует учитывать, что условия освобождения от уголовной ответственности, указанные в подстрочных примечаниях раздела XIV и ст. 30 УПК, различны. Это, как нам представляется, обусловлено спецификой общественных отношений, возникающих при совершении общественно опасного деяния, предусмотренных указанным разделом, а также целями, которые преследует законодатель. Данный факт не исключает возможность применения указанных условий в порядке ст. 30 УПК, если внести изменения в указанную статью с указанием ссылки на данные примечания и требованием наличия соответствующих условий. Такое решение исключит необходимость внедрять иные дополнительные основания освобождения от уголовной ответственности в гл. 12 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь, что имело бы сложность ввиду узкого круга и ограниченности составов преступлений, к которым они относятся. Исходя из этого, реализация деления условий нами будет производиться с учетом применения правил освобождения от уголовной ответственности, в соответствии со ст. 30 УПК к стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, условия отказа в возбуждении уголовного дела, обладающие императивным характером, мы предлагаем закрепить в ст. 29 УПК, а имеющие диспозитивную направленность – в ст. 30 УПК.

На основе проведенного исследования условий отказа в возбуждении уголовного дела мы предлагаем внести изменения в ст. 30 УПК:

1. Название статьи изложить в следующей редакции: «Условия к отказу в возбуждении уголовного дела и прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности».
2. Пункт 4 ч.1 изложить в следующей редакции: «примирением с лицом, пострадавшим от преступления;».
3. Добавить часть 1¹ следующего содержания: «Прокурор, начальник следственного подразделения, следователь, орган дознания с согласия прокурора вправе отказать в возбуждении уголовного дела и освободить лицо от уголовной ответственности в случаях, указанных в ч. 1 настоящей статьи, а также в примечаниях раздела XIV настоящего Кодекса.».
4. Часть 4 изложить в следующей редакции: «Отказ в возбуждении уголовного дела и прекращение производства по уголовному делу по основаниям, указанным в пунктах 1–4 части первой настоящей статьи, не допускается, если лицо, совершившее общественно опасное деяние, против этого возражает.».

На основе предложений необходимо привести в соответствие ст. 89 УК:

1. В названии статьи слово «потерпевший» заменить на «лицом, пострадавшим от преступления».

2. В тексте статьи слово «потерпевшим» заменить на «лицом, пострадавшим от преступления».

Также в ч. 1 ст. 178 УПК после «...соответствующий пункт части 1 статьи 29» необходимо добавить «либо части 1¹ ст. 30».

Данные изменения также обусловлены необходимостью внедрения в уголовный процесс принципа целесообразности, о котором мы говорили в предыдущих разделах диссертационного исследования. Использование данного принципа на стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе Республики Беларусь не будет иметь признаков рецепции, а определит собственный курс модернизации уголовно-процессуального законодательства. При этом такие изменения помогут разгрузить следственные органы от проведения ненужных дополнительных дублирующих действий при сохранении обоснованности принятых решений, обусловленных усилением контрольных и надзорных функций ведомственного аппарата и прокуратуры.

Предложенные нововведения объединят все условия отказа в возбуждении уголовного дела, которые будут закреплены (обусловлены) в двух нормах УПК (ст. 29 и ст. 30).

Стоит обратить внимание, что при применении положений ст. 30 УПК необходимо соблюдение дополнительных условий, к которым относятся: решение органа, ведущего уголовный процесс, и согласие на это прокурора. Поэтому соблюдение только части условий исключает возможность отказа в возбуждении уголовного дела, т. е. будет отсутствовать основание отказа в возбуждении уголовного дела. Исходя из этого, мы определяем основания к отказу в возбуждении уголовного дела в порядке ст. 30 УПК как совокупность условий. Таким образом, понятие основания отказа в возбуждении уголовного дела, в данном случае полностью отвечает своему семантическому значению – достаточность условий. Поэтому при их наличии невозможно принятие иного решения. Данная особенность подтверждает правило недопустимости иного решения, при наличии оснований отказа в возбуждении уголовного дела, даже с учетом того, что условие волеизъявления должностного лица входит в это основание.

Таким образом, *основаниями* (достаточными условиями) отказа в возбуждении уголовного дела являются:

- 1) наличие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, предусмотренных ч. 1 ст. 29 УПК;
- 2) наличие волеизъявления об этом органа уголовного преследования, при соблюдении условий, предусмотренных частями 1¹ и 4 ст. 30 УПК;
- 3) установление местонахождения исчезнувшего лица в течение десяти суток с момента подачи заявления при отсутствии причинной связи между исчезновением лица и признаками преступления, совершенного в отношении него (при наличии таковых).

Мы полагаем, что основания отказа в возбуждении уголовного дела должны быть закреплены в уголовно-процессуальном законе. Это обусловлено не только предложениями введения оснований, имеющих диспозитивные начала, но и необходимостью их понимания практическими работниками. В ходе проведенного анкетирования сотрудников органа уголовного преследования (ОВД, Следственного комитета), на вопрос «что вы понимаете под основаниями отказа в возбуждении уголовного дела» не было получено однозначного ответа, что наводит на мысль о сложности структурирования отдельных норм УПК, несистематичности при использовании законодательной техники и недостаточности уделенного внимания к изучаемому субинституту уголовного процесса со стороны законодателя. Эта необходимость также выражена и желанием правоприменителей (65% из числа опрошенных респондентов) ввести в УПК отдельную норму, регламентирующую основания отказа в возбуждении уголовного дела².

² В опросе участвовало 248 респондентов, которыми являлись сотрудники ОВД и Следственного комитета г. Минска и г. Бобруйска, в том числе Бобруйского района Могилевской области.

На основе вышеизложенного мы полагаем гл. 20 УПК необходимо дополнить ст. 178¹ «Основания к отказу в возбуждении уголовного дела» со следующим содержанием: «Основаниями к отказу в возбуждении уголовного дела являются:

1) наличие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, предусмотренных ч. 1 ст. 29 УПК;

2) наличие волеизъявления об этом органа уголовного преследования, при соблюдении условий, предусмотренных частями 1¹ и 4 ст. 30 УПК;

3) установление местонахождения исчезнувшего лица в течение десяти суток с момента подачи заявления при отсутствии причинной связи между исчезновением лица и признаками преступления, совершенного в отношении него (при наличии таковых).».

Такое построение условий, которое обусловлено зависимостью от волеизъявления органа уголовного преследования при принятии решения по результатам проверки заявлений и сообщений о преступлениях, позволяет нам выделить авторскую классификацию оснований отказа в возбуждении уголовного дела: основания к отказу в возбуждении уголовного дела, в зависимости от волеизъявления должностного лица, классифицируются на императивные и диспозитивные. К императивным относятся основания, указанные в пунктах 1 и 3 ст. 178¹ УПК, к диспозитивным – указанные в п. 2 этой же статьи.

В заключение необходимо сказать, что основания отказа в возбуждении уголовного дела являются необходимым элементом для его принятия. Их грамотное «изложение» в уголовно-процессуальном законе необходимо для правильного толкования и использования на правоприменительной практике, что в свою очередь повлияет на законность и обоснованность принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Список использованных источников

1. Гапанович, Н. Н. Отказ в возбуждении уголовного дела / Н. Н. Гапанович. – Минск : Вышэйш. шк., 1967. – 124 с.
2. Гордеев, А. Ю. Отказ в возбуждении уголовного дела : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Ю. Гордеев. – М., 2006. – 222 л.
3. Кожокар, В. В. Возбуждение уголовного дела : вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. В. Кожокар. – М., 2016. – 301 л.
4. Калашников, В. С. Правовые последствия отказа в возбуждении уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. С. Калашников. – М., 2010. – 199 л.
5. Саржанов, В. Н. Отказ в возбуждении уголовного дела (по материалам подразделений дознания таможенных органов) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. Н. Саржанов. – М., 2004. – 180 л.
6. Сотников, Н. И. Отказ в возбуждении уголовного дела : учеб. пособие / Н. И. Сотников; под ред. Ю. Д. Лившица. – Караганда : Караганд. Высш. шк. МВД Респ. Казахстан, 1992. – 102 с.
7. Ешманский, М. И. Об основаниях к отказу в возбуждении уголовного дела / М. И. Ешманский // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь: сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2005 г. / под общ. ред. И. И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 243 с.
8. Давыдов, П. М. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе / П. М. Давыдов, Д. Я. Мирский. – М., 1965. – 99 с.
9. Жогин, Н. В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. – М. : Юрид. лит., 1965. – 367 с.
10. Михайленко, А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А. Р. Михайленко. – Саратов : Саратов. юрид. ин-т., 1975. – С. 82–88.
11. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс : учебник / М. А. Чельцов. – 4-е изд., испр. и перераб. – М. : Госюриздат, 1962. – 503 с.
12. Лукашевич, В. З. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим обстоятельствам / В. З. Лукашевич // Правоведение. – 1968. – № 4. – С. 50–58.

13. Мотовиловкер, Я. О. Основания прекращения уголовного дела по реабилитирующим лицо мотивам / Я. О. Мотовиловкер // Сов. государство и право. – 1972. – № 9. – С. 87–94.
14. Цыпкин, А. Л. О расширении судебных гарантий в советском уголовном судопроизводстве / А. Л. Цыпкин // Ученые записки Саратовского юридического института. – 1969. – Вып. 16. – С. 129–139.
15. Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. П. Божьева. – 3-е изд. испр. и доп. – М. : Спарк, 2002. – 704 с.
16. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Издат. центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
17. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. Т.2. К-О. – 1982. – 736 с.
18. Современный толковый словарь русского языка / Авт.-сост. А. Н. Чехомоненко. – Минск : Харвест, 2007. – 784 с.
19. Уголовный процесс : учеб. пособие / М. А. Шостак. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2008. – 630 с.
20. Мытник, П. В. Обстоятельства, исключаящие производство по уголовному делу (ст. 29 УПК) : иллюзия общеизвестности? / П. В. Мытник // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 1(50). – С. 47–51.
21. Головки, Л. В. Теория и практика уголовного права и уголовного процесса : Альтернативы уголовному преследованию / Л. В. Головки. – СПб. : Юрид. центр пресс, 2002. – 544 с.

Дата поступления: 04.04.2017

V. V. Zezulin

Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

ON THE CONCEPT OF THE GROUNDS FOR REFUSAL TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the concept of the grounds for refusal to initiate criminal proceedings. Classification of the grounds for refusal to initiate criminal proceedings, based on the will of the official is offered (imperative vs dispositive). Position to apply the provisions of the article 30 of the Criminal Procedure Code to the stage of criminal proceedings initiation is stated. Urgent necessity to implement a separate norm, which defines the grounds for refusal to initiate criminal proceedings founded on the definition elaborated is justified on the basis of the study.

Keywords: criminal procedure, grounds for refusal to initiate criminal proceedings, exemption from criminal responsibility.

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.91

А. М. Клим

кандидат юридических наук

E-mail: anatoly_Klim@mail.ru**Н. А. Легенченко**

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: 1874805@mail.ruАкадемия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ОБЩЕУГОЛОВНОЙ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В Республике Беларусь на монографическом уровне исследование основных показателей общеуголовной корыстной преступности комплексно не осуществлялось (опубликовано лишь несколько научных работ, в которых изучены отдельные составы преступлений, входящие в систему общеуголовной корыстной преступности). В этой связи, авторы предприняли попытку восполнить имеющийся в криминологической науке пробел, проанализировав состояние, структуру и динамику общеуголовной корыстной преступности, с учетом действующего уголовного законодательства Республики Беларусь и сложившейся криминальной ситуации в стране.

Ключевые слова: общеуголовная корыстная преступность; криминологический анализ общеуголовной корыстной преступности; состояние, структура и динамика общеуголовной корыстной преступности; социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые и социально-ролевые признаки структуры личности преступника, осужденного за общеуголовные корыстные преступления.

Проблема научного исследования общеуголовной корыстной преступности является весьма актуальной для правоохранительной системы государства. Данный вид преступности имеет наибольшие количественные показатели. Например, доля общеуголовных корыстных преступлений в странах с развитой экономикой превышает 90%, а в развивающихся – более 60% от общего объема зарегистрированной преступности [1, с. 202]. Традиционно к общеуголовной корыстной преступности относят следующие составы преступлений, предусмотренные Уголовным кодексом (далее – УК) Республики Беларусь: кража (ст. 205), грабеж (ст. 206), разбой (ст. 207), вымогательство (ст. 208), мошенничество (ст. 209)¹.

Состояние и динамика общеуголовной корыстной преступности в Республике Беларусь за период с 2001 по 2016 гг. приведена в таблице 1. Проведенный криминологический анализ показывает, что динамика числа зарегистрированных вышеуказанных пяти составов преступлений определялась особенностями движения всей зарегистрированной преступности.

¹ Автор А. М. Клим в одной из своих публикаций (Клим, А. М. Общеуголовная корыстная преступность : криминологическое понятие и типология / А. М. Клим // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НППЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А. В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2016. – Вып. 2/40. – С. 35–41) подробно охарактеризовал криминологическое понятие и типологию общеуголовной корыстной преступности.

Удельный вес общеуголовной корыстной преступности от общего количества преступлений варьировал в пределах от 47,5% (2016 г.) до 65,3% (2007 г.). Изучаемая преступность в отличие от иной, на наш взгляд, в большей степени находится в зависимости от социально-экономических условий, складывающихся в обществе в тот или иной период, и моральных принципов людей. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. на фоне снижения общего количества зарегистрированных преступлений (4,2%) произошло и снижение исследуемого вида преступности на 5,5%. Причем произошло снижение по четырем рассматриваемым нами составам преступлений, кроме мошенничества. Так, количество зарегистрированных краж сократилось на 8,2% (в том числе из квартир и частных домов на 7,7%), вымогательство – на 24,3%, грабежи – на 10,6%, разбой – на 20,8%. В то же время мошенничество увеличилось на 28,0%.

Таблица 1 – Состояние и динамика общеуголовной корыстной преступности в Республике Беларусь (2001–2016 гг.)

Годы	Всего зарегистрировано преступлений	Всего зарегистрировано общеуголовной корыстной преступности	В том числе по статьям УК					Удельный вес общеуголовной корыстной преступности от общего количества преступлений (%)	Удельный вес краж от общего количества общеуголовной корыстной преступности (%)
			Ст. 205	Ст. 206	Ст. 207	Ст. 208	Ст. 209		
2001	114 177	65 114	52 480	2107	5241	380	4906	57,02	80,6
2002	135 133	73 925	59 658	2465	6806	488	4508	54,71	80,7
2003	153 977	89 990	74 675	6311	4017	435	4552	58,44	83,0
2004	169 016	97 916	81 482	8886	1831	451	5266	57,93	83,2
2005	195 361	122 229	103 196	9971	1591	419	7052	62,56	84,4
2006	191 468	121 325	104 161	8505	1288	427	6944	63,36	85,9
2007	180 427	117 841	103 082	7747	1069	288	5655	65,31	87,5
2008	158 506	98 938	87 387	5947	749	171	4684	62,42	88,3
2009	151 293	93 056	82 340	5045	677	159	4835	61,51	88,5
2010	140 920	83 066	73 590	4170	565	145	4596	58,95	88,6
2011	132 052	81 242	73 598	3252	389	102	3901	61,52	90,6
2012	102 127	61 790	56 378	2367	289	85	2617	60,5	91,2
2013	96 676	52 587	46 356	2459	311	97	3364	54,4	88,2
2014	93 932	47 203	40 528	2171	289	141	4074	50,3	85,9
2015	96 982	46 725	40 417	2116	284	140	3768	48,18	86,5
2016	92 943	44 166	37 121	1891	225	106	4823	47,52	84,0

Удельный вес отдельных составов преступлений в общем объеме общеуголовной корыстной преступности и всей преступности за 2016 г. составил: кража (ст. 205 УК) – 84,0% (39,9%); грабеж (ст. 206 УК) – 4,3% (2,0%); разбой (ст. 207 УК) – 0,5% (0,2%); вымогательство (ст. 208 УК) – 0,2% (0,1%); мошенничество (ст. 209 УК) – 10,9% (5,2%).

На кражи в структуре общеуголовной корыстной преступности приходилось от 80,6% (2001 г.) до 91,2% (2012 г.), а их удельный вес среди всей зарегистрированной преступности составил от 39,9% (2016 г.) до 57,1% (2007 г.). Снижение доли краж в общей структуре преступности за последние годы может свидетельствовать об увеличении латентности этого вида корыстных преступлений. В советский период в среднем по СССР кражи составляли

менее 30% от общего числа зарегистрированных преступлений. Уровень раскрываемости краж по Республике Беларусь в 2016 г. составил 47,3%. В период с 2011 по 2015 гг. этот показатель варьировал в пределах от 40,0% до 45,5%.

А. А. Тайбаков указывает, что «кражи относятся к одному из самых распространенных посягательств против собственности, этот тип преступлений является деянием, которое определяет динамику, уровень, структуру общеуголовной преступности в целом» [2, с. 85]. Криминолог, характеризуя структуру преступности на территории Российской Федерации, отмечает, что кражи занимают порядка 44% от общего числа посягательств. Такая тенденция характерна в настоящее время и для Республики Беларусь.

Виды краж по степени распространенности подразделяются на: квартирные, в т. ч. и с проникновением в жилище; уличные; автотранспорта; транспорте; карманные; скопанные в сельской местности, а также у совместно проживающих лиц в общежитиях, гостиницах, пансионатах, домах отдыха. В общем числе краж преобладают посягательства на личное имущество граждан.

А. А. Тайбаков отмечает, что одной из существенных проблем современной общеуголовной корыстной преступности являются именно кражи из квартир, которые представляют значительную общественную опасность в силу большого материального ущерба, причиняемого преступлениями, высоким уровнем криминального профессионализма участников (ведь порядка 24% краж совершается лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности) [2, с. 85].

В 2016 г. более 30% в Республике Беларусь пришлось на кражи из жилых помещений, в том числе из квартир и частных домов – около 27%. Почти такая же тенденция наблюдалась и в предыдущие годы. На сегодняшний день по Республике Беларусь в городах и поселках городского типа совершается свыше 60% краж, а в населенных пунктах сельской местности – чуть более 30%. Каждая пятнадцатая кража совершается несовершеннолетними или при их участии, а каждое пятое преступление совершается группой лиц. Лидирующее место занимают группы, состоящие из двух-четырех человек; данные группы характеризует смешанный состав участников, в их числе лица как ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности, так и не привлекавшиеся к уголовной ответственности.

Наиболее часто кражи личного имущества происходят в дневное время (с 10 до 18 часов – порядка 40%), временные границы с 18 до 22 часов и с 22 до 6 часов утра занимает наименьшее количество краж [2, с. 97].

Разнообразны способы совершения краж, выбор которых обуславливается объектом и предметом посягательства, личностью виновного, его криминальным опытом, указывает А. А. Тайбаков [2, с. 85]. В частности, при кражах из помещений широко используются подбор ключей, выбивание дверей, пролом стен, проникновение через окна, чердаки, отключение сигнализации. Карманные кражи чаще всего совершаются в общественных местах группами профессиональных преступников с использованием предметов, которыми возможно разрезать карманы и сумки.

Повышенная общественная опасность общеуголовных корыстных преступлений, в частности краж, состоит в том, что они опасны не только своей распространенностью, но и тем, что сопряжены с более тяжкими преступлениями: умышленное убийство, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения.

Динамика выявления в Республике Беларусь лиц, совершивших общеуголовные корыстные преступления (2001–2016 гг.) приведена в таблице 2.

Почти каждая пятая кража совершается женщиной, более 70% выявленных лиц за совершение данного преступления являются неработающими и неучащимися, имеющими базовое и среднее образование, а каждое третье лицо имеет судимость. Лица, совершающие кражи, как правило, живут на преступный доход, более 50% из них не имеют постоянного источника дохода.

Таблица 2 – Динамика выявления в Республике Беларусь лиц, совершивших общеуголовную корыстную преступность (2001–2016 гг.)

Годы	Всего выявлено лиц	Всего выявлено лиц, соверш. общеуг. корыст. прест. (ОКП)	В том числе выявлено лиц за:					Удельн. вес лиц, совер. ОКП от кол-ва зарег. ОКП
			кражу	грабеж	разбой	вымогательство	мошенничество	
2001	56 418	26 893	20 606	1815	3384	228	860	41,3
2002	63 982	27 303	20 406	1455	4356	244	842	36,9
2003	73 205	32 617	24 301	3462	3458	277	1119	36,2
2004	83 938	36 346	27 338	5361	1744	289	1614	37,1
2005	89 467	39 736	29 611	5924	1724	315	2162	32,5
2006	80 364	33 624	25 142	4769	1368	289	2056	27,7
2007	77 778	31 821	23 924	4630	1064	162	2041	27,0
2008	72 944	28 760	21 938	3956	898	177	1791	29,1
2009	73 310	28 951	22 424	3684	856	178	1809	31,1
2010	74 109	28672	22 889	3439	688	116	1540	34,5
2011	66 315	26 979	22 365	2806	491	94	1223	33,2
2012	52 981	22 669	19 578	1979	312	75	725	36,7
2013	49 801	18 567	15 281	1997	389	74	826	35,3
2014	49 943	17 055	13 813	1864	374	51	953	36,1
2015	53 082	17 819	14 504	1854	341	78	1042	38,1
2016	51 551	17 595	14 396	1743	267	87	1102	34,1

Грабеж в структуре общеуголовной корыстной преступности в среднем составляет около 4,5%. Уголовная статистика чаще всего фиксирует грабежи с отягчающими обстоятельствами, среди которых преобладают повторность, предварительный сговор, проникновение в жилище, совершение организованной группой, применение насилия. Что касается характера насилия, примененного при грабеже и разбое, то в ходе преступного посягательства чаще всего используется угроза насилия и физическое насилие. 40% грабежей и разбоев сопровождались причинением потерпевшему легкого вреда.

Более 80% грабежей и разбоев за последние годы были совершены без применения оружия. Около 90% грабежей и разбоев совершено в городах, не случайно их называют «городскими преступлениями». Во-первых, именно в городах проживает большая часть населения республики. Во-вторых, там же сосредоточена подавляющая масса товарно-денежных ценностей, в отличие от села, где главную ценность составляют сельскохозяйственные продукты и орудия их производства. Кроме того, следует иметь в виду, что в городе легче скрыться после совершения преступления.

Предметом грабежа и разбоя, как указывают Г. Г. Шиханцов и И. В. Муха, чаще всего являются деньги (46%), мобильные телефоны (38%), ювелирные изделия (8%), аудио- и видеотехника (3%). На предметы одежды и обуви приходится 3%, а на продукты питания – 2% [3, с. 17–18].

Среди совершивших грабежи растет число лиц без постоянного источника дохода. Каждый пятнадцатый грабеж совершается несовершеннолетними или при их участии, каждый пятый – группой лиц. Характеризуя место совершения преступления, отметим, что порядка 50% всех грабежей совершаются в общественном месте.

Несмотря на то, что разбой занимает в структуре преступности незначительную долю, всего – 0,1% от общего числа зарегистрированных преступлений в 2016 г., это одно из наи-

более опасных преступлений, направленных не только против собственности, но и против личности. В последние три десятилетия насилие получило широкое распространение и стало частым явлением в повседневной жизни. Значительная часть общеуголовных корыстных преступлений совершается с применением или угрозой применения огнестрельного или иного оружия. Данные исследования А. А. Тайбакова свидетельствуют, что каждый второй грабеж личного имущества и каждое третье разбойное нападение с целью завладения личным имуществом граждан происходит на улицах, площадях, в парках и скверах в вечернее и более позднее ночное время. 40% разбоев совершаются группой лиц, примерно каждое восьмое преступление совершается несовершеннолетними или при их участии, высока и степень употребления спиртных напитков лицами, совершающими разбойные нападения (порядка 30% разбоев совершались в состоянии алкогольного опьянения) [2, с. 110–111].

Грабежи и разбои не являются сезонными преступлениями, совершаются в любое время года примерно в одинаковых количествах. В отличие от времени года, время суток имеет важное значение для осуществления виновным своих преступных замыслов. Подавляющее большинство грабежей и разбоев (70%) совершается в вечернее и ночное время в отрезок от 18 часов до 6 часов утра. Именно в это время в значительной мере ослабевает деятельность органов внутренних дел, уменьшается возможность оказания помощи потерпевшим при отражении.

Наиболее распространенными местами совершения грабежей и разбоев являются улица, переулки, скверы, городские парки (70,5%). Второе место занимает жилище потерпевшего, чаще всего городская квартира (24,5%), третье – магазин. Преобладающим местом совершения преступления у женщин грабительниц является квартира (53%). Таким образом, в зависимости от места совершения посягательства условно можно выделить 2 основных вида грабежа и разбоя: «уличный», «квартирный».

Важной составляющей криминологической характеристики того или иного преступления является социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности преступника. Что касается половой принадлежности преступников, то около 90% грабежей и разбоев совершено мужчинами, а 10% – женщинами, причем последними совершены только грабежи. Таким образом, можно констатировать, что разбой был и остается «мужским преступлением». Это объясняется тем обстоятельством, что в ходе разбоя преступникам приходится использовать физическое насилие для завладения чужим имуществом. Зачастую женщины не всегда могут применять его в силу своих психофизических свойств. В литературе отмечается, что весьма незначительное участие женщин в совершении разбоев определяется, видимо, не только особенностями воспитания лиц женского пола.

Особенностью совершения мошенничеств является то, что в предмет посягательств входят не только вещи, имеющие материальную ценность, но и вещи, представляющие или удостоверяющие право на имущество. Виды мошенничества, указанные в криминологической литературе, многообразны (гадание, знахарство, шулерство при игре в карты и пр.), а способов совершения мошенничества два: обман и злоупотребление доверием, что выражается в сообщении заведомо ложных сведений или заведомом сокрытии (несообщении) обстоятельств, которые вводят потерпевшего в заблуждение. Мошенничества чаще всего совершаются в городах, на вокзалах, в аэропортах, рынках, около крупных магазинов и носят, как правило, групповой характер (каждое четвертое преступление), 20% совершается ранее судимыми лицами.

По мнению А. И. Долговой, именно мошенничество, совершаемое с использованием специальных криминальных навыков, служит, как правило, одним из показателей профессиональной преступности [4, с. 591]. Кражи, мошенничества, вымогательства часто совершаются преступниками-профессионалами, значительная часть которых неоднократно привлекалась к уголовной ответственности и осуждалась. Разные профессиональные воры, мошенники, вымогатели специализируются на разных вариантах преступного поведения с учетом криминальной специализации, уровня преступного профессионализма, интеллектуальных и физических способностей.

Широкое распространение в последние два десятилетия имело вымогательство, сопряженное с угрозой физической расправы или насилием. Совершаются вымогательства в большинстве своем в городах, высок удельный вес вымогательства, совершенного в группе лиц, повлекшего тяжкие последствия. Около 50% осужденных за вымогательство не занимались никакой общественно полезной деятельностью, около 40% совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения [2, с. 126].

Следует отметить, что вымогательство претерпевало существенные изменения: от явно общеуголовных способов отъема денег отдельными лицами до высокоорганизованной формы преступной деятельности (рэкета) и, наконец, эпизодов все усложнявшейся системной организованной преступной деятельности. Значительная часть вымогательства латентна.

За 12 месяцев 2015 г. выявлено 17 819 лиц, совершивших общеуголовные корыстные преступления, что на 4,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года (17 055 лиц). Анализ динамики числа выявленных лиц по составам общеуголовных корыстных преступлений показал, что за 12 месяцев 2015 г. произошло: увеличение числа лиц, совершивших кражу (за 12 мес. 2015 г. – 14 504 лица; за 12 мес. 2014 г. – 13 813 лиц), вымогательство (за 12 мес. 2015 г. – 78 лиц; за 12 мес. 2014 г. – 51 лицо), мошенничество (за 12 мес. 2015 г. – 1 042 лица; за 12 мес. 2014 г. – 953 лица).

Произошло сокращение числа выявленных лиц, совершивших грабеж (за 12 мес. 2015 г. – 1854 лица; за 12 мес. 2014 г. – 1864 лица); разбой (за 12 мес. 2015 г. – 341 лицо; за 12 мес. 2014 г. – 374 лица). По остальным составам общеуголовных корыстных преступлений существенных изменений не произошло.

Динамика осуждения лиц, совершивших общеуголовную корыстную преступность в Республике Беларусь (2001–2016 гг.), приведена в таблице 3.

Таблица 3 – Динамика осуждения лиц, совершивших общеуголовную корыстную преступность (2001–2016 гг.)

Годы	Всего осуждено	Всего осуждено лиц, соверш. общеуг. корыст. прест. (ОКП)	В том числе осуждено лиц за:					Удельн. вес лиц, осужд. за ОКП от общего кол-ва осужд.
			кражу	грабеж	разбой	вымогательство	мошенничество	
2001	50 349	–	–	–	–	–	–	–
2002	53 626	23 566	17 831	1392	3446	202	695	43,9
2003	65 983	29 881	22 444	3083	3133	261	960	45,3
2004	73 713	32 829	24 289	5333	1500	335	1372	44,5
2005	77 594	34 930	25 527	5820	1520	269	1794	45,0
2006	78 238	33 791	25 186	5193	1230	245	1937	43,2
2007	70 996	28 925	21 391	4439	1091	204	1800	40,7
2008	68 531	27 533	20 732	4077	858	196	1670	40,2
2009	62 064	23 912	18 190	3461	736	128	1397	38,5
2010	61 054	23 402	18 375	2984	590	124	1329	38,3
2011	54 829	21 269	17 245	2516	404	102	1002	38,8
2012	40 356	16 901	14 338	1576	284	64	639	41,9
2013	38 479	14 129	11 530	1623	281	59	636	36,7
2014	40 617	13 803	10 981	1655	342	48	777	34,0
2015	43 420	14 145	11 326	1651	338	76	751	32,6
2016	44 770	15 174	12 358	1598	275	84	859	33,9

За 12 месяцев 2015 г. осуждено 14 145 лиц, совершивших общеуголовные корыстные преступления, что на 2,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года (13 803 лица). Анализ динамики числа осужденных лиц по составам общеуголовных корыстных преступлений показал, что за 12 месяцев 2015 г. произошло: увеличение числа лиц, осужденных за совершение кражи (за 12 мес. 2015 г. – 11 326 лиц; за 12 мес. 2014 г. – 10 981 лицо), вымогательство (за 12 мес. 2015 г. – 76 лиц; за 12 мес. 2014 г. – 48 лиц).

Произошло сокращение числа осужденных лиц, совершивших грабеж (за 12 мес. 2015 г. – 1651 лицо; за 12 мес. 2014 г. – 1655 лиц); разбой (за 12 мес. 2015 г. – 338 лиц; за 12 мес. 2014 г. – 342 лица); мошенничество (за 12 мес. 2015 г. – 751 лицо; за 12 мес. 2014 г. – 777 лиц). По остальным составам общеуголовных корыстных преступлений существенных изменений не произошло.

Криминологические исследования личности осужденных за общеуголовные корыстные преступления указывают, что большинству из них присущи общие черты и свойства, к которым можно отнести: стремление к паразитическому существованию; деформацию нравственного и правового сознания, завышенную оценку собственной личности; разнообразные пороки – употребление спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ, аморальное поведение, увлечение азартными играми.

В целом личность преступника, осужденного за общеуголовные корыстные преступления, относится к злостному типу, который систематически занимается преступной деятельностью, неоднократно судим.

Если обратить внимание на социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые и социально-ролевые признаки структуры личности преступника, осужденного за общеуголовные корыстные преступления, то среди лиц, осужденных за совершение краж, от 40 до 50% – лица, не работающие, длительное время уклоняющиеся от общественно полезного труда, со сформированными антисоциальными привычками. Характерен для этого вида преступников и высокий уровень рецидива – до 70% среди лиц, осужденных за карманные и квартирные кражи; данным лицам присущ высокий уровень криминального профессионализма, характерно употребление жаргона, наличие татуировок, кличек, деградация нравственных и моральных свойств и качеств. Обращает на себя внимание низкий образовательный уровень лиц, осужденных за совершение краж личного имущества. Возрастная структура лиц, совершающих тайные похищения личного имущества, неоднородна: наибольший удельный вес принадлежит лицам в возрасте от 18 до 29 лет, несовершеннолетние лица (в 80% случаев) воспитывались в неблагополучных семьях [3, с. 21–23]. Лица, совершающие грабежи, разбои и вымогательства, как правило, мужчины (порядка 90%), преимущественно холостые (около 70%), с низким общеобразовательным уровнем, входящие в возрастную группу 18–29 лет, дерзкие, агрессивные и жестокие, неработающие, неоднократно судимые, в том числе и за тяжкие преступления, им присуща устоявшаяся агрессивная направленность, ярко выраженные корыстно-паразитирующие свойства. Лишь каждый пятый преступник, осужденный за совершение разбоя, имел высшее или среднее специальное образование.

Образовательный уровень лиц, осужденных за совершение мошенничества, выше, чем у иных категорий преступников. По данным выборочного исследования, 14% из них имели высшее образование и 52% – среднее. В большинстве случаев лица, осужденные за совершение мошенничества, входили в возрастную группу 30–39 лет. Среди осужденных за мошенничество невысок удельный вес лиц, состоящих в браке (43%), свыше половины данных лиц имели несовершеннолетних детей. Разрыв семейных отношений чаще всего обуславливался характером антиобщественного поведения: злоупотреблением спиртными напитками, употреблением наркотических средств и психотропных веществ, аморальным поведением, паразитическим образом жизни. У мошенников ярко выражено стремление к паразитизму – около 70% из них на момент совершения преступления нигде не работали и не учились, 40% не имели постоянного места жительства. Мошенники в большинстве сво-

ем общительны, энергичны, решительны в своих поступках, умеют привлечь к себе внимание, произвести благоприятное впечатление; им свойственна хитрость, притворство и способность к перевоплощению. Значительная часть мошенников (почти 40%) ранее судимы, в основном за общеуголовные корыстные преступления, в том числе за мошенничество. Необходимо также указать на высокий уровень интенсивности рецидива – каждый четвертый из осужденных за совершение мошенничества совершает новое преступление в течение первого года после отбытия наказания за предыдущие преступления.

В целом лиц, осужденных за совершение общеуголовных корыстных преступлений, характеризует грубость, жестокость, стремление к причинению насилия, безответственность и легкомыслие, пренебрежение к труду, высока и доля рецидива в их составе.

Общеуголовная корыстная преступность тесно связана с наркотизмом, алкоголизмом, игроманией и другими подобными явлениями. Исследования А. Н. Пашнина показали, что в качестве этих причин совершения квартирной кражи указали 45,6% опрошенных лиц из числа отбывающих наказание за эти преступления. По данным Н. Н. Демидова, 51% респондентов заявили о наркотиках и алкоголе как об основных причинах краж. Все чаще отмечается не непосредственное влияние на преступление в момент его совершения состояния опьянения или возникшей перед его совершением потребности в алкоголе, наркотиках, а то, что такая потребность является устойчивой, связана с деформацией личностных характеристик, среды общения, утратой либо вообще отсутствием у нее легальных источников дохода [4, с. 600–601].

Список использованных источников

1. Стаценко, В. Г. Криминология : учеб. пособие / В. Г. Стаценко. – Минск : Амалфея, 2011. – 336 с.
2. Тайбаков, А. А. Социально-криминологическое исследование корыстной преступности европейского севера России и ее предупреждение органами внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Тайбаков; С.-Петербург. ун-т МВД РФ. – С.Пб., 2001. – 417 с.
3. Шиханцов, Г. Г. Предупреждение грабежей и разбоев : моногр. / Г. Г. Шиханцов, И. В. Муха. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 103 с.
4. Криминология : учеб. для вузов / Т. А. Боголюбова [и др.] ; под общ. ред. А. И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2014. – 1008 с.

Дата поступления: 03.04.2017

A. M. Klim

Candidate of Juridical Sciences

N. A. Legenchenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

STATUS, STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE ORDINARY SORDID CRIME

Comprehensive studies of main indicators of ordinary sordid crimes in the Republic of Belarus have not been done on the monographic level (just a few papers, which examine distinct acta reum included in the system of ordinary sordid crimes, are published). In this regard authors have made an attempt to fill the gap in the criminological science and to analyze the status, the structure and the dynamics of the ordinary sordid crime given current criminal legislation of the Republic of Belarus and current criminal situation in the country.

Keywords: ordinary sordid crime, criminological analysis of the ordinary sordid crime, status, structure and dynamics of the ordinary sordid crime, socio-demographic, ethical and psychological, criminal and social role features of the structure of the identity of the offender, convicted for ordinary sordid crimes.

УДК 343.8

С. В. Ананич

кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: sveta.js@mail.ru

Н. А. Легенченко

кандидат юридических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: 1874805@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ

Противодействие проявлениям коррупции в настоящий период является одним из приоритетов государственной политики Республики Беларусь. В системе защиты сбалансированных интересов личности особую важность приобретает комплексный подход в исследовании проблем противодействия коррупции, а также оперативность, своевременность, превентивность и соразмерность соответствующих мер. Свою важную миссию в противодействии коррупции выполняют уголовно-правовая и криминологическая науки, разработки которых должны иметь предельно конкретный характер, чтобы ими было возможно воспользоваться и эффективно применить в практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность, система предупреждения коррупции, коррупционные риски.

Коррупция в современном мире является планетарной проблемой. Причем это явление распространяется в условиях глобализации настолько стремительными темпами, что даже инновации последнего времени в социально-экономическом и политическом устройстве общества не гарантируют абсолютного иммунитета и одновременно требуют эффективных мер и адекватного ответа.

В настоящее время вопросы противодействия коррупции исследуются рядом специалистов-криминологов и ученых-правоведов. В работах И. И. Басецкого, А. В. Башана, В. И. Берестня, И. В. Годунова, А. В. Конюка, Н. С. Ищенко, А. И. Кирпичникова, Т. Я. Хабриевой, В. М. Хомича [1–8] коррупция рассматривается как угроза национальной безопасности, проблема, которая подрывает эффективную реализацию современной экономической модели. Поэтому, как указывают специалисты, построение действенной системы противодействия коррупции является центральным элементом внутренней государственной политики.

Этимологически термин «коррупция» происходит от латинского корня «*corruptio*», означающего «порча, подкуп»; термин, обозначающий традиционное использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам.

Легальное определение коррупции закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», в соответствии с которой «коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного». Представленная дефиниция имеет нормативно-правовой характер, поскольку содержит объективные и субъективные признаки деяний, которые по своему характеру и направленности относятся к коррупционным правонарушениям. В зависимости от опасности этих деяний они дифференцируются на преступления, административные и дисциплинарные правонарушения.

Исходя из криминологических позиций, коррупция – это явление, поразившее государственный и общественный аппараты управления, выражающееся в разложении власти, умышленном незаконном использовании должностными лицами своего служебного положения в корыстных целях для личного обогащения.

К коррупции, в современный период, относится достаточный спектр деяний, совершаемых посредством или на основе коррупционного злоупотребления властью по службе; она охватывает соответствующие деяния как тех, кто облечен полномочиями власти, так и тех, кто пытается добиться для себя необоснованных преимуществ со стороны представителей власти. В последнем случае речь идет о деяниях коррупционного характера со стороны граждан и юридических лиц, так называемых потребителей коррупционных услуг. Далеко не все из них криминализированы на уровне уголовных преступлений. Многие из коррупционных деликтов рассматриваются как административные или дисциплинарные правонарушения. Некоторые из них пока не получили надлежащей правовой оценки в качестве определенного вида коррупционного правонарушения.

Постановлением от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь и Следственного комитета Республики Беларусь утвержден ныне действующий перечень коррупционных преступлений. В этот перечень включены следующие преступления:

1. Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК);
2. Легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 и ч. 3 ст. 235 УК);
3. Злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 424 УК);
4. Бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 425 УК);
5. Превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 426 УК);
6. Незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК);
7. Получение взятки (ст. 430 УК);
8. Дача взятки (ст. 431 УК);
9. Посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК);

10. Злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 1 ст. 455 УК).

Несомненно, взяточничество является наиболее распространенным видом коррупционных преступлений, удельный вес которого в структуре коррупционной преступности составляет около половины из всех остальных коррупционных преступлений. В целом, в структуре коррупционной преступности в 2011–2016 гг. наибольшая доля принадлежит именно таким преступлениям, как взяточничество (51,6%), хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (30,5%), злоупотребление властью или служебными полномочиями (11,7%).

В настоящее время в стране создана и функционирует эффективная система организации противодействия коррупции, которая включает в себя следующие элементы: разработку и принятие антикоррупционной нормативной правовой базы и определение механизма ее выполнения; разграничение между государственными органами их функций, зон ответственности и организацию взаимодействия по противодействию коррупции; создание и обеспечение деятельности специальных подразделений по борьбе с коррупцией; образование на различных уровнях комиссий, координационных советов и совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией, специальных информационно-аналитических и криминалистических центров; обеспечение научного сопровождения деятельности государственных органов по борьбе с коррупцией; использование государственных СМИ, активное вовлечение граждан, общественных организаций и трудовых коллективов в деятельность по противодействию коррупции.

Повышение эффективности работы по противодействию коррупции является центральным элементом в деятельности государственных и правоохранительных органов. Генеральная прокуратура Республики Беларусь является ответственной за организацию борьбы с коррупцией, наделена особыми полномочиями. Наряду с координацией, эта структура в целях обеспечения организации борьбы с коррупцией аккумулирует информацию о фактах, свидетельствующих о коррупции; анализирует эффективность применяемых мер по противодействию коррупции; осуществляет надзор за исполнением руководителями государственных органов и иных организаций требований актов законодательства в сфере борьбы с коррупцией и в случае выявления правонарушений принимает меры по привлечению лиц, их совершивших, к ответственности, установленной законодательными актами; готовит предложения по совершенствованию правового регулирования борьбы с коррупцией; осуществляет иные полномочия в сфере борьбы с коррупцией, установленные законодательными актами.

Задачами, которые решают органы прокуратуры при осуществлении деятельности по противодействию коррупционным проявлениям, являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов.

На официальном сайте Генеральной прокуратуры, в целях информационного обеспечения системы противодействия коррупции, функционирует страничка «Борьба с коррупцией». Здесь юридические и физические лица могут оставить сообщение о фактах взяточничества, иных коррупционных преступлениях, совершенных представителями органов государственной власти, в том числе правоохранительных органов и судов, должностными лицами предприятий, организаций и учреждений. Вся поступившая информация тщательно проверяется с последующим принятием необходимых мер. Существенными элементами этой деятельности также являются: работа с обращениями граждан; функционирование телефонов горячей линии, телефонов доверия, телефонов обратной связи; проведение единых дней информирования; деятельность информационно-пропагандистских групп; встречи руководителей с трудовыми коллективами; прием граждан по месту их жительства, а также реализация в деятельности государственных органов и организаций заявительного принципа «Одно окно».

Центральная роль в деятельности по противодействию коррупции отводится печатным и электронным СМИ, где в рамках различных передач, например «Надо разобраться», «Дело принципа», в печатных изданиях, например «Советская Белоруссия», «На страже» обсуждаются и размещаются материалы по вопросам противодействия коррупции. Информация о наиболее резонансных преступлениях и правонарушениях своевременно и всесторонне доводится до общественности, например в телепередаче «Зона Икс».

Позиция Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Никто со стороны не наведет порядок в нашем собственном доме, название которому – Беларусь» является базой для создания эффективной информационно-пропагандистской деятельности СМИ по вовлечению общественности в борьбу с коррупцией и преступностью в целом.

В настоящее время в Республике Беларусь создана комплексная система противодействия коррупции, включающая разнообразные управленческие уровни, отрасли экономики, которая основана на национальной модели развития государства и соответствует международным стандартам. Эффективность реализуемых в Республике Беларусь мер по противодействию коррупции признается и международным сообществом.

Очевидно, что на современном этапе исторического развития необходима международная антикоррупционная стратегия, состоящая из комплекса правовых, политических и организационных мероприятий, которая позволяла бы отдельным государствам на их основе формировать и реализовывать эффективные национальные программы борьбы с этим злом. Республикой Беларусь последовательно выполняются рекомендации ООН, других международных организаций по совершенствованию системы борьбы с коррупцией. Так, ратифицированы и выполняются требования основных международных актов, действующих в системе противодействия коррупции. Например: 27 января 1999 г. в г. Страсбурге была принята Европейская конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, которая ратифицирована Законом Республики Беларусь от 26 мая 2003 г.; 4 ноября 1999 г. в г. Страсбурге была принята Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, которая также ратифицирована Законом Республики Беларусь от 26 декабря 2005 г.; 15 ноября 2000 г. в г. Палермо была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, она также ратифицирована Законом Республики Беларусь от 3 мая 2003 г.; 31 октября 2003 г. была принята Конвенция ООН против коррупции, также ратифицирована Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г.

Вышеупомянутые международные правовые акты различных международных организаций решают лишь отдельные проблемы противодействия коррупции. Отправляясь от них, в республике создана действенная национальная законодательная база, которая определяет перечень мер и принципы противодействия коррупции, элементы экономических, социальных, идеологических, организационно-управленческих и иных предупредительных мероприятий, а также предусматривает уголовную ответственность за коррупционные преступления и правонарушения.

Укажем, что система мер уголовно-правового противодействия коррупции в республике сложилась достаточно давно и характеризуется определенной стабильностью. В числе коррупционных преступлений общественно опасные посягательства на отношения собственности и порядок осуществления экономической деятельности, интересы службы. Однако практика применения уголовно-правовых норм в рассматриваемой сфере обозначила определенные проблемы. Так, например, многие факты коррупционных проявлений характеризуются корыстными побуждениями, связанными со стремлением извлечь материальную выгоду для себя или близких. Такими мотивами однозначно характеризуется хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, получение взятки. В то же время многие коррупционные преступления, посягающие на интересы службы, в качестве признаков субъективной стороны предусматривают в альтернативе корыстную или иную личную заинтересованность (ст.ст. 424, 425, 426 УК).

Установление содержания мотива «иная личная заинтересованность» как признака ряда преступлений против интересов службы представляет большой интерес для квалификации и правоприменительной практики.

Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. д.

Следует отметить, что любое лицо, совершающее умышленное преступление, действует из каких-то личных интересов. С точки зрения психологии, если человек не заинтересован в совершении каких-либо действий, не мотивирован, то действие не будет совершено. Поэтому мотив любого преступления представляет собой некую личную заинтересованность в совершении общественно опасного деяния со стороны субъекта.

Юридическое значение имеет установление таких признаков мотива «личной заинтересованности» должностного лица, которые делают его деяние общественно опасным на уровне преступления.

Можно отметить следующие отличительные признаки рассматриваемого мотива:

- 1) иная личная заинтересованность предполагает выгоду неимущественного характера, для достижения которой субъектом выполнено (либо не выполнено) конкретное деяние;
- 2) должно быть установлено конкретное содержание побуждений, которыми руководствовалось должностное лицо при совершении (либо не совершении) конкретного деяния;
- 3) оценка проявившегося побуждения субъекта как признака субъективной стороны преступления против интересов службы.

Следует отметить, что если установление первых двух свойств носит относительно объективный характер, то вывод по последнему – будет носить в значительной степени субъективный характер и зависеть от взгляда правоприменителя.

Характеризуя иную личную заинтересованность, в теории уголовного права отмечается, что такими устремления становятся в том случае, если обусловлены побуждениями негативного свойства, низменного характера, асоциальными, не вызванными необходимостью сложившейся ситуации. К иной личной заинтересованности причислялись стремление сохранить работу (нередко руководящую, высокооплачиваемую должность), ложно понятые интересы предприятия, узковедомственные интересы. Однако подобные мотивы могут присутствовать в сознании любого человека. Для этого человек ходит на работу и стремится к карьерному росту. Выполняя профессиональные обязанности, человек может в определенной мере ошибаться, идти в своих поступках на некоторые рискованные действия. В связи с этим характеристика его поведения с точки зрения мотивации и ее оценки, как преступной, будет носить субъективный характер, и зависеть от мнения правоприменителя. Отграничение личной заинтересованности, которая присуща любому сознательному поведению, от заинтересованности преступного характера, не имеет четкого правового критерия, что не позволяет достичь приемлемого уровня единообразия судебной практики.

В связи с этим полагаем, что наличие в числе признаков некоторых преступлений против интересов службы признака совершения их по мотивам «иной личной заинтересованности», который носит оценочный характер, неизменно будет вызывать споры в процессе правоприменительной деятельности. Поэтому полагаем целесообразным рассмотрение вопроса об исключении данного признака, либо об изменении его редакции.

Рассмотренный аспект правовой оценки признаков субъективной стороны некоторых коррупционных преступлений отражает в целом проблемы, связанные с доказыванием рассматриваемого вида общественно опасных деяний в связи с неоднозначным пониманием их признаков правоприменителями.

Поэтому полагаем, что уголовно-правовые признаки составов коррупционных преступлений требуют осмысления и определенной корректировки в целях использования в описании составов конкретных юридических формулировок и сведения к минимуму оценочных признаков.

Считаем также, что в настоящее время система противодействия коррупции не должна быть ограничена лишь мерами уголовно-правового воздействия, она должна иметь комплексный характер, охватывая все сферы жизнедеятельности – политическую, экономическую, социальную, духовную, труда, образования, быта, досуга и иные. Особое внимание должно уделяться подбору, подготовке, воспитанию и расстановке кадров для органов власти и государственного управления, руководителей предприятий и организаций различных форм собственности. В этом ряду и меры по формированию антикоррупционного сознания и одноименной устойчивости у управленцев и государственных служащих. Важное место в системе противодействия коррупции должны занять меры не только государственного регулирования и контроля, но и общественного в тех сферах деятельности, которые подвергаются наиболее часто коррупционным рискам.

Список использованных источников

1. Басецкий, И. И. Коррупция: теория и практика противодействия / И. И. Басецкий, А. В. Башан. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 567 с.
2. Берестень, В. И. Коррупция и ее общественная опасность : учеб.-метод. пособие / В. И. Берестень; Респ. ин-т высш. шк. – Минск : РИВШ, 2005. – 166 с.
3. Годунов, И. В. Азбука противодействия коррупции / И. В. Годунов. – М. : Акад. Проект, 2012. – 296 с.
4. Ищенко, Н. С. Беларусь и мировой опыт противодействия коррупции / Н. С. Ищенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2011. – 250 с.
5. Кирпичников, А. И. Российская коррупция / А. И. Кирпичников. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 439 с.
6. Коррупция: природа, проявления, противодействие : моногр. / отв. ред. акад. РАН Т. Я. Хабриева. – М. : ИД «Юриспруденция», 2014. – 688 с.
7. Противодействие коррупции : учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.
8. Коррупционная преступность : криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2008. – 504 с.
9. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // Консультант плюс : Беларусь. Технология ПРОФ / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Дата поступления: 01.02.2017

S. V. Ananich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

N. A. Legenchenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

ANTI-CORRUPTION CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL MEANS

Countering corruption acts is currently one of the priorities of the public policy of the Republic of Belarus. Comprehensive approach to the research of difficulties in countering corruption, as well as urgency, promptness, preventive and proportional character of proper measures acquire special importance in the system of protection of the balanced interests of a person. Criminal and criminological sciences perform their important mission in countering corruption, with the developments being extremely concrete, so that they can be used and effectively applied in the practical activity of law-enforcement bodies.

Keywords: corruption, corruption criminality, corruption prevention system, corruption risks.

УДК 343.95

А. В. Гладков

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: *adunkt85@mail.ru*

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье отражаются выводы автора на основе актов отечественного законодательства, а также мнений и взглядов как отечественных, так и зарубежных ученых, на социальную и специально-криминологическую характеристику мер предупреждения коррупции, и предлагается выработанная на их основе система мер предупреждения формирования личности преступника коррупционной направленности.

Ключевые слова: личность преступника, личность преступника-коррупционера, акты законодательства, коррупция, меры предупреждения.

Общесоциальное предупреждение преступлений характеризуется тем, что меры, посредством которых оно осуществляется, являются необходимым элементом социально-экономической деятельности, устранения недостатков в политической, социальной, нравственно-психологической и духовной сферах общества. Как правило, они связаны с улучшением материального благосостояния граждан, условий их труда и отдыха, укреплением дисциплины и организованности, а также с другими позитивными изменениями в обществе. Направленные на решение указанных задач меры попутно устраняют негативные процессы и явления, выполняя при этом опосредованно функцию предупреждения преступлений. Признаками мер общего предупреждения являются масштабность, всеохватывающий и разносторонний характер, комплексность и взаимозависимость, непрерывность и радикальность [1, с. 113].

Общесоциальная профилактика выходит за рамки криминологии и служит составной частью общественной практики вообще и предметом всех наук об обществе и человеке. Она выступает одним из главных направлений и практической задачей всех многообразных усилий государства и общества в сфере борьбы с преступными проявлениями. Следует признать, что в настоящее время общесоциальный уровень ослаблен из-за наличия различных негативных социально-экономических процессов, осложняющих жизнеобеспеченность членов нашего общества. Отдельные криминологи меры как общесоциального, так и специального предупреждения преступности классифицируют на следующие виды: экономические, политические, правовые, психологические и организационные [2, с. 368–371]. Применительно к личности коррупционера предлагается несколько иная классификация мер по его предупреждению, выделяя социально-экономические, организационные, правовые, психологические и иные меры. Такая классификация является более оптимальной и уже используется в национальном нормотворчестве в специализированных государственных программах по борьбе с коррупцией [3; 4].

Социально-экономические меры предупреждения преступности направлены на нейтрализацию криминогенных последствий функционирования экономической сферы. Переход

экономики государства на рыночные отношения, негативные проявления мирового финансового кризиса 2008 г. повлекли определенные отрицательные последствия в социальной сфере общества: падение жизненного уровня населения, проблемы с трудоустройством, рост цен на социальное жилье и др. Для обеспечения сбалансированного развития экономики государства в условиях изменения официального курса белорусского рубля постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 мая 2011 г. № 662 утвержден план действий Правительства по данному вопросу [5].

Цель социально-экономических мер государства по предупреждению коррупционных проявлений – повышение материального благосостояния и социальной защищенности государственных служащих, т. е. создание условий труда, позволяющих ценить занимаемую должность и воздерживаться от совершения коррупционных правонарушений из опасения потерять престижную работу. Организационные меры направлены на совершенствование системы контроля за деятельностью аппарата управления в условиях становления рыночной экономики в целях минимизации коррупционных проявлений. *Организационные меры* в борьбе с коррупцией включают: разработку и внедрение новых социальных технологий, объективно препятствующих совершению корыстных преступлений; привлечение институтов гражданского общества к борьбе с коррупционной преступностью; обеспечение надлежащего государственного и общественного контроля за экономической деятельностью юридических и физических лиц.

Одним из наиболее действенных механизмов, способствующих формированию надлежащей нравственности государственных служащих, являются специально разработанные правила профессиональной этики. Этические кодексы призваны помочь государственному служащему правильно ориентироваться в сложных нравственных коллизиях и ситуациях, обусловленных спецификой его работы; содействовать укреплению авторитета государственной власти, доверия граждан к институтам государства; обеспечить единую нравственно-правовую основу для согласованных и эффективных действий всех структур власти; противодействовать падению нравственной культуры в обществе. В Республике Беларусь действуют нормы профессиональной этики для судей [6], прокурорских работников, работников судов общей юрисдикции [7], служащих Национального банка Республики Беларусь, таможенника. Как правило, нарушение кодексов поведения влечет за собой дисциплинарную ответственность. Представляется целесообразным принятие также кодекса поведения государственных служащих, который представлял бы собой нормативный свод правил антикоррупционного поведения. Разработка и принятие модельного кодекса поведения государственных служащих для государств – участников СНГ способствовало бы созданию единого правового поля борьбы с коррупционными правонарушениями в рамках СНГ.

Как свидетельствует практика противодействия коррупции, а также мнения ученых, исследующих данную проблематику [8; 9], эффективность борьбы может возрасти, если в этом будут задействованы не только государственные органы, но и *институты гражданского общества*. Общеизвестно, что активное гражданское общество является важным элементом борьбы с коррупцией, хотя эту задачу не всегда просто решить в любой стране мира. Оно должно быть представлено в виде совокупности неправительственных институтов и самоорганизующихся посреднических групп, способных к организованным и ответственным коллективным действиям в защиту общественно значимых интересов в рамках заранее установленных правил гражданского или правового характера. Наличие гражданского общества обуславливают три основных критерия: политический, юридический, социально-экономический. Политическим показателем гражданского общества выступает наличие демократического режима осуществления власти, юридическим – наличие правового государства, а социально-экономическим – наличие среднего класса. С учетом того, что гражданское общество в Беларуси, как и на всем постсоветском пространстве, находится еще в зачаточном состоянии, развитие его институтов следует считать первостепенной за-

дачей в борьбе со взяточничеством. В ходе решения этой задачи важно, чтобы деятельность всех государственных органов была «прозрачна» для гражданского общества, а государство не могло вмешиваться в деятельность данных институтов. Немаловажно, чтобы гражданское общество могло иметь возможность участвовать и в антикоррупционном мониторинге, выражать мнение о его результатах и вносить предложения по совершенствованию его деятельности.

В качестве организационной меры служит также криминологическая экспертиза процессов, которая представляет собой изучение, анализ, оценку ее предмета – экономических, социальных, культурно-воспитательных и иных мероприятий с целью определения их возможного или существующего влияния на преступность, ее причинный комплекс, тенденции, качественно-количественные характеристики, последствия и другие криминологически значимые показатели [1, с. 116]. Республика Беларусь одной из первой на постсоветском пространстве законодательно закрепила правовые и организационные основы проведения криминологической экспертизы проектов законов. С этой целью издан Указ от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе проектов законов Республики Беларусь», которым утверждено Положение о порядке проведения криминологической экспертизы проектов законов Республики Беларусь [10]. Именно на ГУ НПЦ возложено проведение данной экспертизы, и прежде всего проведение исследования содержания проектов законов с целью выявления положений, реализация которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера. В соответствии с Указом от 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы» [11] расширены поэтапно правовые рамки обязательной криминологической экспертизы: проекты законов, правовых актов Президента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Национального банка, Управления делами Президента Республики Беларусь. Криминологическая экспертиза позволяет выявить в проектах нормативных правовых актов, предлагаемых к принятию, те положения, которые создают условия для возможных коррупционных правонарушений. Очевидно, что дефекты правовых норм могут играть роль непосредственных причин девиантного, в том числе преступного, поведения. Правовые меры заключаются в обеспечении четкой правовой регламентации деятельности органов всех ветвей власти, законности и гласности в их работе и исключении при этом возможности злоупотреблений должностных лиц, устранении коллизий в законодательстве и восполнении пробелов в правовом регулировании отдельных видов экономических отношений. На решение отдельных аспектов указанных задач направлен Закон «О государственной службе в Республике Беларусь» [12]. Его реализация позволяет усовершенствовать работу госаппарата, повысить его эффективность, укрепить дисциплину и ответственность.

Вместе с тем обнажились и перекосы организационного, правового и иного характера, требующие устранения посредством дальнейшего реформирования института государственной службы. На наш взгляд, целесообразно создать четкую правовую основу служебной деятельности государственных служащих и в целом работы государственного аппарата; предусмотреть в законодательстве основания увольнения с государственной службы лиц, нарушивших этические нормы поведения, связанные с осуществлением должностных полномочий; пересмотреть систему подбора граждан на государственную службу с учетом их нравственных качеств, взглядов, интересов, связей; создать режим, обеспечивающий, с одной стороны, подконтрольность должностных лиц духу и букве закона, а с другой – их правовую защищенность от произвола и некомпетентного вмешательства сторонних организаций и средств массовой информации; внедрить гибкую систему формирования и обновления государственного аппарата; разработать систему карьерного роста государственных служащих на основе их обязательной аттестации через каждые пять лет с присвоением более высокооплачиваемой категории при нахождении на одной и той же должности до уровня руководителя структурного подразделения.

На протяжении последних лет в Республике Беларусь предпринимаются определенные шаги по пресечению проявлений бюрократизма и волокиты в деятельности государственных органов, иных государственных организаций, улучшению качества их работы с гражданами и юридическими лицами как одна из мер противодействия бытовой коррупции. Одним из главных показателей в их работе является обеспечение максимально быстрого и эффективного решения вопросов, возникающих у населения. Так, в соответствии с Директивой Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О мерах по дальнейшей дебюрократизации государственного аппарата» [13] первоочередной целью органов государственной власти является проведение такой политики и таких проектов, которые последовательно улучшали бы качество жизни людей, максимально облегчали решение вопросов, с которыми повседневно сталкиваются граждане. Решение проблем каждого человека осуществляется в основном через взаимодействие с государственными органами посредством совершения последними определенных действий, называемых административными процедурами. Одной из мер, призванных обеспечить доступность, простоту, оперативность административных процедур, является их оптимизация, которая способствует достижению эффективности действий государственных органов через упрощение, прозрачность и сокращение количества административных процедур. Для облегчения обращения населения в органы власти в местных исполнительных и распорядительных органах созданы службы «одного окна», которые призваны обеспечить возможность подачи гражданами заявлений об осуществлении административных процедур через единое окно приема заявлений. Заявительный принцип «одного окна» должен не только внедряться повсеместно, но и успешно расширяться и реализовываться на практике.

Психологические меры, как и иные (политические, идеологические, технические и др.), выполняют вспомогательную роль в решении задачи предупреждения преступности. Одна из важнейших задач, которую выполняют психологические меры, – это формирование антикриминальной устойчивости государственных служащих.

Психологический элемент ментально-духовного компонента устойчивости сотрудника основывается на базовых личностных предпосылках психологической устойчивости, но отличается повышенной устойчивостью именно к экстремальным факторам профессиональной деятельности. Данный элемент должен включать в себя волевую направленность сотрудника на выполнение оперативно-служебных и служебно-боевых задач, высокую гражданско-правовую активность, для чего осуществляется овладение новыми знаниями и навыками, утверждение легитимными средствами своей правоты и профессионально-личностной значимости [14, с. 177]. Психологический элемент ментально-духовного компонента антикриминальной устойчивости позволяет сотруднику выполнять свой служебный долг вопреки не только потенциальному насилию со стороны правонарушителей, но и препятствиям со стороны криминально ангажированных государственных служащих, включая руководителей и персонал правоохранительных органов.

Политические меры предупреждения преступности – это принципы государственно-правовой политики борьбы с преступностью (всеобщность и обязательность правовых установлений, справедливость и гуманизм, принцип равенства граждан перед законом и судом, принцип ответственности за вину, отвергающий объективное вменение и др.), которые необходимо учитывать как при реформировании системы права, так и при решении многих сопутствующих организационных и экономических вопросов. Одним из условий результативного противодействия коррупции является реализация мер, направленных на изменение отношения не только общественности, но и самих государственных служащих к коррупционным явлениям путем формирования атмосферы неприятия коррупции во всех ее формах и создание условий, препятствующих коррупционным правонарушениям в органах государственной власти и местного самоуправления. Значительную роль в этом должны сыграть

не только нормативные правовые акты, регулирующие вопросы государственной службы, но и *идеологическое обеспечение государственной службы*, направленное на утверждение общечеловеческих, общегуманных, общесоциальных ценностей.

Жизнестойкость коррупционных отношений поддерживается существующей в современном обществе социальной ментальностью, поэтому преодоление коррупции напрямую зависит от того, какие идеологические, мировоззренческие принципы будут заложены в правосознание граждан, сформируют профессиональное правосознание государственных служащих. Профессиональное правосознание государственных служащих обусловлено спецификой социальной роли и содержанием осуществляемой ими деятельности и определяет их образ жизни и мотивы поведения как в служебной сфере, так и в быту. Профессиональное правосознание формируется в процессе подготовки специалиста и практического осуществления им профессиональной деятельности. Определенная субкультура государственных служащих, для которой характерна деформация правового сознания в сочетании со сложившимися в обществе взглядами на коррупцию как обыденное явление, влияет на изменение характеристик личности и его профессиональных возможностей в асоциальную сторону. Именно на формирование антикоррупционного мировоззрения и следует делать основной упор в противостоянии коррупции. Большинство требований к этическим, нравственным требованиям, предъявляемым к государственным служащим, подкреплено лишь моральной ответственностью, а их несоблюдение влечет осуждение со стороны отдельных групп граждан, что при сложившихся в современном обществе взглядах, нормах поведения, отношениях не имеет особой значимости. Соблюдение правил служебного поведения, этических требований должно стать традицией, нормой, обязанностью, делом чести любого профессионала, для чего необходима соответствующая государственная идеология. При этом, *идеологические меры* должны включать комплекс мероприятий по идейно-политическому, трудовому и нравственному воспитанию государственных служащих.

К *техническим мерам* относятся различные средства и приспособления, затрудняющие либо препятствующие совершению преступлений, в том числе взяточничества: применение полиграфа при приеме на государственную службу и дальнейшем продвижении по службе; переоснащение специализированных подразделений по борьбе с коррупцией с учетом внедрения современных технологий и научно-технических разработок в сфере борьбы с преступностью (создание автоматизированных информационно-поисковых систем и банков данных, материально-техническое перевооружение и т. п.).

К *иным мерам* предупреждения формирования личности коррупционера следует отнести: выработку и пропагандирование средствами массовой информации антикоррупционной политики государства, систематическое информирование населения через средства массовой информации о деятельности правоохранительных органов в борьбе с коррупционной преступностью; разработку долгосрочных государственных программ по усилению борьбы с коррупцией; поддержание устойчивого равновесия государственных и частных интересов в экономике; формирование у населения антикоррупционного социального поведения, веры в успех дела борьбы с коррупцией; наличие принципа политической воли, т. е. неуклонного выполнения должностными лицами принятых на себя обязательств и данных избирателям обещаний; воспитание негативного отношения к коррупционным проявлениям; четкое разграничение функций между соответствующими государственными органами по принятию решений, их реализации и контролю; уменьшение монополии и создание конкуренции в сфере оказания государственных услуг; повышение правовой культуры государственных служащих, их компетентности и профессионализма; формирование положительного образа государственного служащего, а также повышение престижа государственной службы; проведение научных исследований по данной проблеме и внедрение результатов исследований и др.

В отличие от общесоциальных специально-криминологические меры осуществляются целенаправленно в интересах предупреждения отдельных видов преступности. По своей

природе и предназначению они призваны решать задачи устранения, нейтрализации, минимизации криминогенных факторов. Необходимо поддержать высказанную в юридической литературе точку зрения, согласно которой средствам и методам специального предупреждения преступности, как и формированию личности преступника, присущи следующие черты: 1) меры специального характера непосредственно направлены на предупреждение преступности, ее отдельных видов и конкретных преступлений; 2) деятельность по применению специальных предупредительных мероприятий дополняет управленческие, общеобразовательные, социальные, правовые меры с расчетом оказать влияние непосредственно на преступность, ее отдельные виды, на предотвращение и недопущение конкретных преступлений; 3) субъектами специального предупреждения преступлений являются организационные структуры, для которых борьба с преступностью составляет основную функцию [15, с. 120]. По содержанию специальные меры предупреждения взяточничества, на наш взгляд, более обоснованно классифицировать на организационные и правовые.

Организационные меры должны включать разработку специализированных программ по борьбе с коррупцией. Как свидетельствует международный опыт, большинство стран СНГ идут по пути принятия не комплексных, а специализированных программ по противодействию коррупции. Такой подход, на наш взгляд, является более целесообразным и обоснованным. При этом специализированные программы могут носить как краткосрочный, так и долгосрочный характер, но запланированные программные мероприятия должны выполняться в полном объеме. Проведенный автором анализ в части реализации программных мероприятий показывает, что не все они выполнены в полном объеме, что в конечном итоге влияет на эффективность антикоррупционной политики государства. Кроме того, необходимо учитывать и негативный зарубежный опыт по реализации программ, поскольку подобное характерно и для Республики Беларусь.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь определена как государственный орган, ответственный за организацию борьбы с коррупцией. Не решает проблему усиления эффективности деятельности специализированных подразделений и повышения роли органов прокуратуры в этих вопросах и то обстоятельство, что Указом от 17 декабря 2007 г. № 644 утверждено Положение о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, целями которого являются осуществление на основе анализа правоприменительной практики согласованных действий по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции. Председателем республиканского координационного совещания является Генеральный прокурор Республики Беларусь [16]. Следует также отметить, что при Генеральной прокуратуре создан Общественный совет по противодействию коррупции, в состав которого помимо работников Генеральной прокуратуры включены руководители различных общественных объединений, в том числе профсоюзных организаций и объединений предпринимателей, научных, образовательных учреждений, средств массовой информации. Основными целями Совета являются содействие и поддержка правоохранительных органов в борьбе с коррупцией, выявление их причин, выработка оптимальных механизмов защиты от проникновения коррупции в органы государственной власти и местного самоуправления в целях снижения в них коррупционных рисков, создание единой системы мониторинга и информирования общественности по проблемам коррупции и др.

Многочисленность государственных структур, выполняющих контрольные и надзорные функции, часто необоснованное количество проводимых ими проверок в отношении субъектов хозяйствования не только создают определенные условия для роста коррупционных проявлений, но и снижают возможность дальнейшего развития малого и среднего бизнеса, что негативно отражается на экономике государства. Указанное обуславливает целесообразность на государственном уровне провести мероприятия по реформированию государственных структур, выполняющих контрольные и надзорные функции.

Правовые меры, на наш взгляд, в числе основных должны включать обеспечение ответственности национального законодательства международным стандартам, дальнейшее развитие международного сотрудничества. Не вдаваясь в детальный анализ международных конвенций о борьбе с коррупцией, ратифицированных Республикой Беларусь, следует отметить, что в целом национальное уголовное законодательство об ответственности за коррупционные преступления в своих принципиальных положениях соответствует международным требованиям и стандартам. Вместе с тем, отдельные аспекты этой проблемы еще остаются открытыми и нуждаются в доработке.

Возможность взаимодействия чиновника и индивида во многом определяется степенью прозрачности процедур принятия соответствующих решений органами государственной власти и управления. Публичная власть в демократическом обществе должна быть институтом, открытым для общественного контроля. Граждане должны иметь доступ к необходимым нормативным материалам и сведениям, участвовать в процессе выработки и принятия решения по вопросам, затрагивающим их интересы. К числу правовых мер следует отнести и дальнейшее совершенствование антикоррупционного законодательства в целом, чтобы наряду с уголовным максимально задействовать и другие отрасли права, регулирующие различные сферы общественных отношений, в которых сосредоточены основные детерминанты, способствующие коррупции. В настоящее время большинство ученых-криминологов стран СНГ одним из основных элементов успешной борьбы с коррупцией считают формирование надлежащего антикоррупционного законодательства [17; 18]. Идея противостоять коррупционной преступности средствами других отраслей права нашла поддержку как ученых, так и лиц, непосредственно ведущих борьбу с коррупцией [9]. В Республике Беларусь реализация и научно-прикладное обеспечение противодействия формированию личности коррупционного преступника средствами различных отраслей права еще находятся в стадии зарождения, поэтому работа в данном направлении должна проводиться системно и постоянно с учетом особенностей национального законодательства.

Список использованных источников

1. Алексеев, А. И. Криминология : курс лекций / А. И. Алексеев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Щит-М, 2004. – 314 с.
2. Криминология : учеб. для вузов по специальности «Юриспруденция» / Ю. М. Антонян [и др.]; под ред. : В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2000. – 678 с.
3. Об утверждении Государственной программы по борьбе с коррупцией на 2007–2010 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2007 г., № 220 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 15.06.2009 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
4. О Государственной программе по усилению борьбы с коррупцией на 2002–2006 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 окт. 2002 г., № 500 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 113. – 1/4068.
5. О дополнительных мерах экономического регулирования и социальной защиты населения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 мая 2011 г., № 662 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
6. О принятии Кодекса чести судьи Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Съезда судей Респ. Беларусь, 5 дек. 1997 г. // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
7. Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников общих судов : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 27 янв. 2010 г., № 3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 43. – 8/21912.
8. Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества : сб. материалов / С.-Петерб. гуманитар.-политол. центр «Стратегия»; под ред. М. Б. Горного. – СПб. : НОРМА, 2000. – 266 с.

9. Основы противодействия коррупции (системы общегосударственной этики поведения) / науч. ред. : С. В. Максимов [и др.]. – М. : Спарк, 2000. – 228 с.
10. О криминалистической экспертизе [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
11. О мерах по совершенствованию криминалистической экспертизы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2011 г., № 230 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.12.2011 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
12. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.05.2013 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
13. О мерах по дальнейшей де бюрократизации государственного аппарата : Директива Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 2006 г., № 2 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 2. – 1/8173.
14. Сафронов, А. Д. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел / А. Д. Сафронов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2003. – 415 с.
15. Криминология : учеб. пособие / А. В. Боков [и др.] ; под ред. С. М. Иншакова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2005. – 222 с.
16. Об утверждении Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2007 г., № 644 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 08.01.2013 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
17. Максимов, С. В. Коррупция. Закон. Ответственность / С. В. Максимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮрИнфоР, 2008. – 255 с.
18. Мельник, М. І. Корупція: сутність, поняття, заході протидії / М. І. Мельник. – Київ : Атіка, 2001. – 304 с.

Дата поступления: 03.04.2017

A. V. Gladkov

Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

MEASURES TO PREVENT THE ESTABLISHMENT OF THE IDENTITY OF THE CORRUPTIVE OFFENDER

The article provides the conclusions of the author, made on the basis of national legislation, as well as the opinions and views of national and foreign researchers on the social and special criminological characteristics of the measures to prevent corruption. The system of the measures of prevention of the establishment of the identity of the corruptive offender is provided.

Keywords: identity of the offender, identity of the corruptive offender, legislation, corruption, preventive measures.

УДК 343.95

С. М. Казакевич

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: kazakevich.bel@gmail.com

А. В. Гладков

адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: boss.alexander82@mail.ru

**ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА: ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИЦ,
СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА)**

В статье отражаются взгляды отечественных и зарубежных ученых на личность преступника, позиция авторов на понятие личности преступника, совершающего преступления экономического, в том числе и коррупционного характера, рассматриваются факторы, влияющие на формирование личности преступника. Приводится криминологическая характеристика лиц, совершающих указанные преступления.

Ключевые слова: личность преступника, экономические преступления, преступления коррупционного характера, характеристика личности, формирование личности, свойства личности.

Вопросы изучения личности преступника являются объектом научных исследований многих ученых. С появлением новых видов преступлений, преобразованием политической и экономической структуры общества, расширяются и углубляются пределы понятия «личность преступника».

Так, Ю. Д. Блувштейн и А. М. Яковлев полагают, что понятие «личность преступника» охватывает всех лиц, совершивших преступления, независимо от того, насколько выражена связь между свойствами личности и преступным поведением [1, с. 64].

Н. С. Лейкина утверждает, что личность преступника – это совокупность криминологически значимых свойств человека, обусловивших совершение им преступления [2, с. 9].

Несколько иное содержание вкладывает в понятие «личность преступника» Ю. М. Антонян, который рассматривает его как совокупность отрицательных криминогенных качеств личности, которые обусловили (или могли обусловить) совершение человеком преступления [3, с. 53].

В свою очередь, В. А. Ананич считает, что «личность преступника» – это не что иное, как совокупность социально значимых негативных свойств, образовавшихся в ней в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми, а также в результате активного воздействия электронных средств коммуникации, печатных изданий и иных факторов» [4, с. 37].

Как нам представляется, различия в трактовке термина «личность преступника» вызваны прежде всего разными подходами к методологии исследования, а также недостаточно четкой определенностью объекта исследования.

Применительно к изучаемому вопросу полагаем, что определение личности преступника, совершающего преступления экономического, в том числе и коррупционного характера, представляет собой не что иное, как личность человека, который совершил правонарушение вследствие присущих ему антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к общественным интересам и выбора общественно опасного пути для реализации своего замысла.

Прежде чем рассматривать криминологическую характеристику личности преступника, совершающего преступления экономического, в том числе и коррупционного характера, остановимся на вопросах формирования личности преступника в целом.

В криминологии выделяют социально-экономические, правовые, организационно-управленческие, а также социально-психологические и иные детерминанты, способствующие формированию личности преступника.

Социально-экономические. Такие явления и процессы в экономической жизни общества, как состояние и развитие сферы производства; обеспечение имеющихся у населения потребностей и интересов, получение населением стабильного и обеспечивающего достойную жизнь дохода; размеры и способы обеспечения доходов разных субъектов [5]. Рост достаточно обеспеченного слоя людей, имеющих сверхвысокие доходы, ведет к социально-экономическому разрыву в обществе, где наряду с классом государственных служащих, решающих публичные задачи, зарождается бизнес-класс, что толкает последних на подкуп должностных лиц с целью реализации своих корпоративных интересов.

Правовые. Прежде всего это правовой нигилизм, который представляет собой направление общественно-политической мысли, отрицающее социальную и личностную ценность права и считающее его наименее совершенным способом регулирования общественных отношений. Как социальное явление, свойство общественного, группового и индивидуального сознания правовой нигилизм имеет различные формы проявления: от равнодушного, безразличного отношения к роли и значению права через скептическое отношение к его потенциальным возможностям до полного неверия в право и явно негативного отношения к нему.

Следующим фактором являются пробелы и коллизии в действующем законодательстве, отставание правотворческой деятельности от потребностей правоприменительной практики. Нормы права должны четко регламентировать, во-первых, все сферы деятельности должностных лиц с целью нейтрализации возможности манипулирования ими в личных противоправных целях, во-вторых, финансово-хозяйственную деятельность предприятий, учреждений, организаций. Эффективным может быть только динамичное законодательство, обеспечивающее всесторонний контроль общественных отношений в соответствии с изменяющейся ситуацией в политической, экономической, социальной и других сферах жизнедеятельности государства. К числу рассматриваемого вида детерминант относятся также недостаточная эффективность практики применения норм уголовного законодательства об ответственности за коррупционные преступления и иных правовых актов, направленных на борьбу с коррупцией. Кроме того, нельзя пренебрегать правовыми возможностями и иных отраслей права (гражданское, финансовое, административное и др.) в противодействии формированию коррупционных качеств личности, которые, на наш взгляд, должны использоваться более эффективно.

Организационно-управленческие. Государство заинтересовано в развитии сферы предпринимательской или иной экономической деятельности, поэтому пределы его вмешательства в экономику и контроль над ней, основания, способы и формы контроля должны быть максимально четко регламентированы, особенно в период выхода государства из международного финансового кризиса. При отсутствии подобной регламентации создаются благо-

приятные возможности для чиновничьего произвола и роста взяточничества. Использование принципа «одного окна» в деятельности государственных и иных органов нуждается в усовершенствовании.

Социально-психологические и иные детерминанты. В первую очередь – это многовековые традиции «решать вопросы» на государственной службе, а также психологическая готовность значительной части населения к подкупу государственных служащих для реализации как законных, так и незаконных интересов. Этим обусловлен тот факт, что в обществе формируются традиции, обычаи, неписанные правила поведения.

Таким образом, формирование личности преступника порождается комплексом социально-экономических, политических, правовых, организационно-управленческих и психологических детерминантов, а также его психологическими особенностями.

Рассмотрим криминологическую характеристику личности преступника, совершающего преступления экономического, в том числе и коррупционного характера.

Криминологическими исследованиями установлено, что наиболее часто преступления совершаются лицами в возрасте от 14 до 24 лет. В целом же на современном этапе развития общества преступники чаще принадлежат к возрастной группе до 29 лет. За ней следует группа 30–39 лет, а затем с возрастом преступная активность значительно спадает [6, с. 85].

Личность преступника, совершающего экономические, в том числе коррупционные преступления, значительно отличается от личности преступников, совершающих иные преступления, как по возрасту, уровню образования, так и по социальному статусу. Обращает на себя внимание тот факт, что лица, совершающие преступления рассматриваемых видов, как правило, ранее не привлекались к уголовной ответственности.

Наиболее часто преступления экономического, в том числе коррупционного характера, совершают преступники в возрасте от 30 до 49 лет. Далее следует возрастная группа от 19 до 29, затем – от 50 лет и старше. Это еще раз подтверждает, что данные виды преступлений чаще всего совершаются людьми в относительно зрелом возрасте. Несомненно, здесь сказывается сама специфика деяния, так как совершение преступлений данного вида предполагает глубокое знание определенной отрасли экономики, психологических особенностей людей, в ней работающих, законодательной базы, обладание необходимыми связями, которые могут носить и некриминальный характер.

Экономические и коррупционные преступления – преступления прежде всего интеллектуальные, что предполагает высокий образовательный уровень преступника, который оказывает безусловное влияние на привычки, мировоззрение, круг интересов, положение личности в социальной структуре общества. По образовательному уровню в числе совершивших экономические преступления доминирует группа с высшим образованием и лишь незначительная часть приходится на лиц со средним и средним специальным образованием.

По социальному статусу преступники характеризуются примерно равными параметрами – это служащие, а также лица, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью. Говоря о социальном положении таких лиц, следует подчеркнуть, что в таком возрасте человек считается социально зрелым, у него складываются достаточно устоявшиеся мировоззренческие позиции. Последние, в свою очередь, определяют общую направленность личности, ее целеустремленность, сказываются на всей совокупности особенностей поведения, действий, привычек и наклонностей. Именно они определяют способ взаимодействия личности и окружающего мира, формируют систему взглядов, убеждений и ценностных ориентаций.

Ориентированность экономики на создание и потребление материальных благ позволила сформировать у лиц, совершающих экономические преступления, преимущественно материальную ценностную ориентацию. Для данной категории преступников в системе ценностей стали превалировать корысть, забота о личном, обман, выживание любой ценой в условиях конкуренции, вера во всевластие денег, стремление к личному обогащению и др.

Такая личность стремилась перейти от удовлетворения элементарных жизненно важных потребностей к обогащению любыми средствами. А если личность с такими ценностными ориентациями становилась руководителем или другим должностным лицом субъекта хозяйствования, то, естественно, она не стремилась к работе в правовом русле. Безусловно, указанные обстоятельства влияли на установление именно корыстной мотивации в совершении преступлений, которая, в большей своей части, и являлась доминирующей в совершении экономических и коррупционных преступлений.

Психологические и психические свойства личности преступника, совершающего экономические преступления, формируются главным образом под влиянием социальной среды, следовательно, здесь и проявляется специфичный характер этого преступления. В общепринятом понимании характерными для лиц, совершающих преступления, являются такие качества, как недисциплинированность, негативное отношение к труду, исполнению общегражданских обязанностей, пренебрежение правилами человеческого общежития. Применительно к личности экономического преступника, такие лица внешне являются законопослушными гражданами, однако отношение таких лиц к закону можно назвать избирательным: то есть, принимая и выполняя одни нормы права, они игнорируют выполнение других, что продиктовано мотивацией преступного поведения.

При этом негативная оценка со стороны граждан дается не по принципу нарушения нравственных и правовых устоев, а по принципу умения извлечь выгоду из экономических процессов. Неизменными остаются лишь корыстные мотивы, связанные с материально-ценностной ориентацией.

Таким образом, совершению преступлений экономического и коррупционного характера предшествует формирование личности преступника как таковой, которое связано как с социальными, экономическими, так и с политическими противоречиями, возникающими в процессе жизнедеятельности общества. Изучение личности преступника и составление криминологического портрета является неотъемлемой частью разработки комплекса мер по противодействию не только указанных видов преступлений, но и преступности в целом.

Список использованных источников

1. Блувштейн, Ю. Д. Введение в курс криминологии : учеб. пособие / Ю. Д. Блувштейн, А. М. Яковлев. – Минск : Минск. высш. шк. МВД СССР, 1983. – 81 с.
2. Лейкина, Н. С. Криминология о преступнике / Н. С. Лейкина. – Л. : О-во «Знание» РСФСР. Ленингр. орг., 1978. – 27 с.
3. Антонян, Ю. М. Изучение личности преступника : учеб. пособие / Ю. М. Антонян. – М. : Изд-во Всесоюз. науч.-исслед. ин-та МВД СССР, 1982. – 80 с.
4. Ананич, В. А. Состояние и перспективные направления развития научно-методологических основ изучения личности преступника / В. А. Ананич // Исполнение уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 апр. 2010 г. / редкол. : А. В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2010. – С. 35–40.
5. Алексеев, А. И. Криминология : курс лекций / А. И. Алексеев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Щит-М, 2004. – 314 с.
6. Криминология : учеб. для юрид. вузов / С. Б. Алимов [и др.]; под ред. : В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – 2-е изд., доп и перераб. – М. : Юристъ, 1997. – 511 с.

Дата поступления: 06.04.2017

S. M. Kazakevich

Candidate of Juridical Sciences
Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

A. V. Gladkov

Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

**PERSONALITY OF THE CRIMINAL: THE DETERMINANTS OF FORMATION
AND THE MAIN CHARACTERISTICS (ON THE EXAMPLE OF PERSONS
COMMITTING CRIMES OF AN ECONOMIC NATURE)**

The article reflects the views of domestic and foreign scientists on the identity of the criminal, the authors' position on the notion of the identity of the criminal who commits crimes of an economic, including corruption nature, considers factors that influence the formation of the criminal's personality. Criminological characteristics of persons committing these crimes are given.

Keywords: criminal personality, economic crimes, corruption crimes, personality characteristics, personality formation, personality characteristics.

УДК 343.8:343.91

Ю. А. Сурженко

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: adunkt85@mail.ru

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается практика противодействия правонарушениям в местах лишения свободы, начиная с конца XVIII в. до настоящего времени. Автором также затрагиваются вопросы становления режима в исправительных учреждениях (далее – ИУ) Беларуси и средств его обеспечения, проводится параллель между принимаемыми на различных исторических этапах мерами предупреждения и пресечения преступлений с современными средствами обеспечения режима в ИУ.

Ключевые слова: исправительные учреждения, тюрьма, уголовно-исполнительная система, особые условия, чрезвычайные происшествия, режим в исправительных учреждениях, средства обеспечения режима.

После трех разделов Речи Посполитой, состоявшихся в 1772, 1793 и 1795 гг., территория современной Беларуси полностью оказалась включенной в состав Российской империи, что определило дальнейшее развитие уголовно-исполнительной политики нашего государства.

Подчеркнем, что в это время тюремное заключение не имело широкого распространения на территории Беларуси и России, что в свою очередь обусловило отсутствие нормативно-правового регулирования многих вопросов, связанных с исполнением данного уголовного наказания. По этой причине их разрешение возлагалось в основном на усмотрение администраций тюрем, что, по мнению М. Н. Гернета, порождало произвол «во всем тюремном деле» [1, с. 159]. В то же время начало XIX в. ознаменовалось стремительным развитием законодательства в сфере исполнения данного вида наказаний и практики его реализации [1, с. 139; 2, с. 63]. Однако, несмотря на это, существенных изменений не последовало. Переполненность тюрем и низкое их финансирование приводило к плохому материально-бытовому обеспечению лиц, отбывавших наказания, а отсутствие необходимого медицинского обслуживания провоцировало высокую смертность и частые вспышки инфекционных заболеваний, таких, например, как холера и тиф. Даже столь серьезная мера, направленная на улучшение положения узников, как организация Попечительного о тюрьмах общества не привела к существенному изменению ситуации в тюрьмах страны [1, с. 144, 368; 3, с. 42, 46, 47].

При этом, как отмечает М. Н. Гернет, в XIX в. обстановка в местах лишения свободы Российской империи характеризовалась следующими негативными явлениями:

- свободные передвижения арестантов по корпусам тюрем;
- самовольные обустройства камер;
- повсеместное распространение запрещенных предметов, таких как ножи, водка, игральные карты, денежные средства;
- превращение надзирателей в прислугу [4, с. 30].

Кроме того в этот период происходит выделение в среде осужденных сословия профессиональных преступников, быстро захвативших власть и установивших свои порядки в тюрьмах, влияние которых в «арестантской среде» стало определяющим, а их указания имели, зачастую, большее значение, чем сотрудников учреждений. При этом в местах лишения свободы происходит также зарождение и повсеместное распространение «тюремной субкультуры», представляющей собой совокупность неформальных норм и традиций, которые настолько укоренились в отечественной пенитенциарной системе, что оказывают существенное влияние на поведение осужденных в ИУ и в настоящее время.

Описанная неблагоприятная ситуация детерминировала довольно большое количество совершаемых в тюрьмах правонарушений, в том числе чрезвычайного характера.

К тому же XIX в. для Российской империи ознаменовался широким распространением в обществе революционных идей, в связи с чем в учреждения уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) стали попадать лица, обладавшие резкими радикальными взглядами на существовавшие устои в государстве, активные участники террористической деятельности и т. д. В местах лишения свободы им придавался эпитет «политические», которые характеризовались особой сплоченностью и стремлением к взаимопомощи и поддержке. Именно с такими людьми связан первый в истории случай групповых неповиновений, развившийся в массовой голодовке осужденных, произошедшей в 1827 г. в тюрьме на Благодатском руднике. Администрация учреждения была не готова противостоять такого рода противоправным деяниям, не относящимся к категории «бунты», в связи с чем пошла на существенные уступки и режимные послабления [5, с. 176].

Немаловажным фактором, влиявшим на усиление криминализации мест лишения свободы, являлось и отсутствие профессиональных работников. Так, основные функции по охране и надзору за осужденными возлагались на военнотружеников, не способных выполнять иные обязанности по службе, например получивших инвалидность во время военных действий [3, с. 63].

Следует отметить, что руководство УИС Российской империи стремилось искоренить перечисленные недостатки из деятельности тюремных учреждений, укрепить порядок содержания в них и сократить количество совершаемых преступлений. Однако, как правило, вся профилактическая деятельность в конечном итоге сводилась лишь к ужесточению требований по исполнению и отбыванию тюремного заключения, большинство из которых попросту не исполнялось, в связи с отсутствием необходимого контроля над деятельностью сотрудников тюремных учреждений.

При этом вопросам обеспечения режимных требований и поддержания правопорядка в тюрьмах внимания практически не уделялось. В связи с этим их разрешение практически полностью зависело от усмотрения администраций учреждений, что, зачастую, принимало противозаконный характер. Так, распространенной превентивной мерой являлось подталкивание заключенных к совершению преступлений с целью «отстрела» (физического уничтожения) наиболее опасных из них [2, с. 168]. К профилактическим мероприятиям также относились: обривание половины головы арестанта, клеймение лиц, совершивших побег, круговая ответственность, предусматривавшая заковку в кандалы до 25 человек в случае побега одного и т. д. Однако, как отмечает В. М. Лисицын, такие меры все же носили скорее унижительный характер, чем действительно профилактический [2, с. 80; 5, с. 72].

Представляется, что реальная попытка изменить сложившуюся ситуацию в учреждениях УИС произошла только в 1879 г., когда в составе МВД было создано Главное тюремное управление [3, с. 47, 48], которое стало основным органом, определившим дальнейшее развитие отечественной уголовно-исполнительной политики. Однако данная реформа и проводимые мероприятия к ожидаемым результатам не привели, на фоне кризисных явлений, протекающих в Российской империи в конце XIX – начале XX вв., усилились негативные тенденции и в среде осужденных. Об этом ярко свидетельствуют статистические данные

Главного тюремного управления, в соответствии с которыми в 1905 г. в результате нападения на тюрьмы на свободе оказалось 99 осужденных, в 1906 г. было зарегистрировано более 130 массовых беспорядков, 480 взрывов, 7 поджогов, а в 1907 г. в местах лишения свободы было убито более 140 сотрудников [6, с. 46; 7, с. 44]. Кроме того в среднем из каждой тюрьмы ежегодно совершалось от двух до трех побегов [8, с. 59, 60].

После Февральской революции 1917 г. большинство тюрем на белорусских землях были разрушены, имущество расхищено, а почти вся служебная документация уничтожена, в том числе Главного тюремного управления [3, с. 106]. В связи с этим одной из основных задач Советской Социалистической Республики Белоруссия (далее – ССРБ) стало экстренное восстановление тюремных учреждений, причем основные усилия были направлены уже на создание новой системы исправительно-трудовых учреждений (далее – ИТУ), главная цель которых заключалась в перевоспитании осужденных.

Между тем, в процессе реорганизации УИС Карательный отдел Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) ССРБ столкнулся с рядом перешедших с царской России проблем в сфере исполнения наказаний, а именно:

- высокий уровень преступности в ИТУ и за их пределами;
- тяжелое материальное положение учреждений УИС;
- существенная их переполненность;
- низкий профессионализм работников;
- практически полное отсутствие взаимодействия с иными государственными структурами;
- слабая воспитательная работа с осужденными и т. д. [9, с. 97].

Эти проблемы не позволяли правоохранительным органам решать главные задачи в местах лишения свободы, заключающиеся в снижении уровня преступности и восстановлении правопорядка.

Важнейшим нормативным правовым актом, направленным на решение данной задачи, стала временная инструкция НКЮ РСФСР «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такого» от 13 июля 1918 г., положения которой с определенными поправками были затем изложены в инструкции «О местах заключения ССРБ», принятой НКЮ ССРБ 11 сентября 1918 г. В инструкции предусматривалась экстраординарная, с современной точки зрения, мера, направленная на сокращение опасных правонарушений в местах лишения свободы, заключавшаяся в продлении первоначально установленного судом срока наказания «хулиганам, погромщикам и упорным рецидивистам», причем ограничений по времени не устанавливалось. В этих нормативных правовых актах также выделялась такая мера взыскания, как «более суровый режим», применявшаяся к наиболее опасным нарушителям.

Широкое распространение в этот период приобрели побеги, в связи с чем борьбе с ними уделялось существенное внимание. Так, в декрете ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. предусматривалась такая мера, как введение в бригадах осужденных круговой поруки, распространявшая ответственность за побег на нескольких осужденных, а за повторный побег могла применяться даже исключительная мера наказания в виде расстрела.

В качестве тактического средства обеспечения режима можно рассматривать попытку правоохранительных органов поддерживать порядок в учреждениях УИС при помощи профессиональных преступников, так называемых «воров в законе». Таких лиц пытались использовать как основную силу против более серьезных, по мнению советских властей, преступников, таких как «троцкисты», прозападные либералы, различные националисты, «отморозки» и прочие опасные преступники. Однако наделение «воров» привилегиями и властными полномочиями по отношению к другим осужденным обернулось в итоге серьезным просчетом, значительно усилившим криминогенность мест лишения свободы [8, с. 63, 64]. Представляется, что определенные отголоски этого тактического решения мы можем наблюдать и в настоящее время, когда в борьбе с «ворами в законе» и иными лидерами и авторитетами криминального мира задействуются значительные силы и средства.

Важным шагом в развитии отечественной уголовно-исполнительной науки стало принятие в 1926 г. Исправительно-трудового кодекса Белорусской ССР (далее – ИТК БССР), особое значение которого заключалось в том, что направление организации исполнения наказания в ИТУ впервые получило законодательное закрепление и вышло за рамки подзаконных инструкций и циркуляров. Анализируя его положения, следует отметить, что законодатель продолжил выделять в особую группу меры, направленные на предотвращение побегов, но в то же время происходит серьезное их смягчение. Так, осужденные, совершившие побег без отягчающих обстоятельств, вообще освобождались от уголовной ответственности. По нашему мнению, на такое лояльное отношение к данному виду преступлений могло повлиять существенное сокращение их количества, что может свидетельствовать об эффективности принятых в 1919 г. жестких мер реагирования либо указывать на стремление законодателя оградить работников учреждений УИС и иных лиц от противоправных действий осужденных, пытающихся совершить побег. Стоит также отметить, что в ИТК БССР было закреплено в качестве общего средства, направленного на пресечение всех противоправных деяний, применение огнестрельного оружия.

Дальнейшее развитие средств, направленных на противодействие преступности в местах лишения свободы и обеспечение исполнения установленных режимных требований, связано с организацией в 1930 г. исправительно-трудовых лагерей (далее – ИТЛ). Примечательно, что в соответствующем Положении об ИТЛ уже не было норм, специально направленных на профилактику побегов, в нем, как нам представляется, указывалось лишь одно средство обеспечения режима и пресечения преступлений, которым являлось огнестрельное оружие.

С момента создания ИТЛ обстановка в учреждениях УИС не только не улучшилась, но была еще более дестабилизирована за счет практически повсеместно распространившихся неслужебных связей с криминальными авторитетами. Работники этих учреждений, зачастую, брали взятки, предоставляли осужденным служебную информацию, незаконно прекращали уголовные дела, уничтожали доказательства, снабжали преступников оружием, поощряли проституцию, устраивали оргии с осужденными женщинами, насиловали их и т. д. [10, с. 448].

Описанная ситуация выступила главным фактором, обусловившим организацию в ИТЛ информационно-следственных отделов, ставших первыми в истории отечественной пенитенциарной системы специализированными оперативными подразделениями по обслуживанию учреждений УИС. В задачи этих подразделений входило предотвращение преступлений, выявление неслужебных связей, розыск сбежавших осужденных, установлению лиц, имеющих причастность к противоправной деятельности [10, с. 494, 495; 11, с. 71]. Указанные отделы, по сути, вели оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), которая имела существенное значение в профилактике правонарушений на протяжении всего дальнейшего исторического развития, что обусловило закрепление в 2000 г. в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь (далее – УИК) ОРД в качестве одного из основных средств обеспечения режима в ИУ.

Существенный всплеск распространения резких протестных настроений в среде осужденных произошел в 1939 г. как реакция на отмену условно-досрочного освобождения и зачетов рабочих дней в ИТУ. Несмотря на то, что за неподчинения сотрудникам учреждений, в том числе за отказ от работы, предусматривались суровые меры дисциплинарной ответственности, вплоть до смертной казни [10, с. 116, 117], практически во всех учреждениях страны было зарегистрировано резкое увеличение затяжных групповых неповиновений, хулиганств, беспорядков, побегов и иных серьезных правонарушений. Предпринимаемые меры, и даже показательные расстрелы, к ожидаемым результатам не привели, что вынудило советскую власть вернуться к институту условно-досрочного освобождения [11, с. 71].

Для Беларуси следующая волна чрезвычайных происшествий в ИТУ связана с началом Великой Отечественной войны. В среде лиц, отбывавших наказания, особенно по «политическим» статьям, быстро распространились слухи о возможной их «ликвидации», в связи

с неудачами советских войск и затруднительностью эвакуации осужденных. Ситуацию осложняло и наличие достоверных фактов таких расправ, например, по приказу начальника тюрьмы г. Глубокое Витебской области Приемышева было расстреляно около 600 человек. Именно страх оказаться в числе «превентивно расстрелянных» провоцировал массовые неповиновения и многочисленные попытки совершения побегов [12, с. 48, 49]. В то же время такие волнения имели относительно краткосрочный характер и прекратились с эвакуацией осужденных в отдаленные районы СССР.

Важным шагом в обеспечении надлежащего исполнения наказаний в местах лишения свободы при осложнении оперативной обстановки стало принятие в 1943 г. Инструкции о действиях начальствующего и надзирательского состава тюрем в случаях побега или нападения заключенных на тюремную охрану [10, с. 509–517]. Это был первый специализированный комплексный нормативный правовой акт, направленный на урегулирование вопросов исполнения и отбывания наказания при возникновении чрезвычайных происшествий и ситуаций.

В послевоенные годы состояние правопорядка в большинстве ИТУ приняло критический характер, что в основном было связано с высокой концентрацией в них опасных уголовных и политических преступников и развернувшейся борьбой между различными группировками. К категории наиболее опасных осужденных в это время относились: изменники Родины; фашистские пособники; власовцы; члены боевых националистических вооруженных формирований из Украины, Западной Беларуси и Прибалтики; особо опасные уголовные преступники. Численность этих лиц в 1947 г. составляла порядка 40% от всей массы осужденных. К тому же в среде уголовных авторитетов произошел идеологический раскол. Так, прибывшие с фронта «воры» за оказанную помощь советской власти были объявлены «суками» другими криминальными авторитетами, не участвовавшими в боевых действиях. Указанные противоречия послужили началом жестоких расправ в среде осужденных, что привело к практически повсеместному распространению массовых беспорядков, побегов, убийств, бандитизму и т. д. Имевшие место в данный период групповые правонарушения в учреждениях УИС по своему характеру и масштабу были уникальными для всей отечественной истории, достигая 20 000 человек, а по продолжительности – несколько месяцев.

Практический интерес в этой связи представляет предложение Министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову от 25 мая 1954 г. о введении в 3-м лаготделении Степного лагеря МВД «строного режима». Под ним понималось установление вплоть до прекращения неповиновений и беспорядков дополнительных ограничений ко всем осужденным, заключавшихся в прекращении переписки, свиданий, выводов на работы, зачетов трудовых дней, рассмотрении любых обращений и материалов, в том числе по досрочному освобождению [10, с. 617]. Проводя сравнение с современным «режимом особого положения в ИУ», закрепленным в статье 76 УИК Республики Беларусь, мы приходим к выводу, что вышеуказанный «строгий режим» стал своеобразным прообразом данного правового средства обеспечения режима в ИУ.

В этот период руководством УИС и администрациями ИТУ активно вырабатываются и применяются различные меры, направленные на стабилизацию обстановки в пенитенциарных учреждениях и обеспечение исполнения осужденными установленных режимных требований [8, с. 65; 10, с. 555, 556; 12, с. 58; 13, с. 110], среди которых:

- применение суровых условий наказания к опасным осужденным;
- повышенная дисциплинарная ответственность;
- изоляция «воров в законе» от основной массы осужденных;
- солидарная ответственность осужденных, в случаях, когда не представлялось возможным установить виновного, а также для профилактики побегов;
- применение смертной казни в отношении лиц, совершивших убийства в местах лишения свободы;

- направление специальных групп «паханов» для наведения порядка в ИТУ, добивавшихся от осужденных беспрекословного подчинения своей воле;
- организация специальных ИТУ для лиц, осужденных за бандитизм, убийства, вооруженные разбои, побег, а также содержания шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов и иных антисоветских групп и лиц, получивших в итоге название «особых лагерей». Представляется, что эти «особые лагеря», впервые применяемые как средство по наведению правопорядка в местах лишения свободы, в последующем были законодательно выделены в качестве отдельного вида учреждения УИС и в настоящее время носят название «исправительные колонии особого режима».

На наш взгляд, перечисленные меры можно рассматривать как экспериментальные попытки установления новых правовых и организационно-тактических средств обеспечения режима в учреждениях УИС. При этом, несмотря на экстраординарность некоторых из них, комплексное их использование привело к значительному сокращению преступности в местах лишения свободы, которая уже к 1958 г. снизилась на 40% по сравнению даже с 1955 г. [8, с. 65]. Представляется, что применение указанных мер позволило приобрести существенный опыт в сфере исполнения наказаний в виде лишения свободы, оценить их эффективность и целесообразность, выявить отрицательные и положительные стороны, что имело важное теоретическое и практическое значение в последующем развитии рассматриваемой сферы уголовно-исполнительной науки.

В этой связи стоит обозначить, что конец 50-х гг. XX в. ознаменовался для данной области права началом серьезных научных исследований, которые привели к формированию основных положений и требований режима в ИТУ, а также становлению и развитию правовых средств его обеспечения. Многие теоретические наработки этого времени были в итоге воплощены в 1969 г. в законе СССР «Об утверждении основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик», на основании которых в 1971 г. был принят второй ИТК БССР. Одной из особенностей нового ИТК стало закрепление такого средства обеспечения режима, как «меры безопасности», к которым относились наручники и смиренная рубашка. Представляется, что в последующем эти меры были трансформированы белорусским законодателем в такие средства обеспечения, как физическая сила и специальные средства.

В это же время происходит эксперимент по созданию в ИТУ локально-профилактических участков, ставших с 1984 г. одним из основных требований по оборудованию исправительных колоний [14, с. 46]. Между тем, их организация, по нашему мнению, происходила как попытка формирования нового средства обеспечения режима в ИТУ, поскольку в условиях укрупнения таких учреждений основная задача организуемых участков заключалась в снижении групповых неповиновений и хулиганств, массовых беспорядков, насильственных действий по отношению к осужденным и персоналу и т. д.

Следует отметить, что 60-е – первая половина 80-х гг. характеризовались относительным спокойствием в местах лишения свободы БССР. В то же время во многих ИК имели место значительные незаконные послабления и упущения в режимном плане в угоду производственному процессу, что привело в 1987 г. к массовым беспорядкам в ИК № 7 г. Минска и в итоге – к ликвидации этого учреждения, что имело всесоюзный общественный резонанс.

Глубокие социальные потрясения 90-х гг., связанные с распадом СССР, также негативно отразились и на состоянии правопорядка в большинстве постсоветских стран, что в свою очередь детерминировало высокий уровень криминогенности и криминализации мест лишения свободы Республики Беларусь, многочисленные групповые неповиновения, массовые беспорядки, захваты заложников, побег и т. д.

Окончательным шагом в формировании требований исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы и средств его обеспечения стало принятие УИК, вступившего в силу в 2001 г. В главе 11 Кодекса впервые было дано законодательное определение понятия «режим

в ИУ», закреплены его основные положения, а также установлен перечень средств его обеспечения, выработанный, с нашей точки зрения, на основе анализа негативных процессов, происходивших в местах лишения свободы в основном в советский и постсоветский период. При этом одним из важнейших нововведений явился новый институт уголовно-исполнительного права – «режим особого положения в ИУ», направленный на предотвращение и пресечение различных чрезвычайных происшествий в учреждениях УИС.

Итак, подводя итог данной статьи, нам представляется, что процесс формирования правовых средств противодействия преступности в ИУ можно условно разделить на несколько этапов:

- конец XVIII в. – 1917 г., связан с развитием пенитенциарной системы Беларуси в составе Российской империи (несмотря на существенное развитие законодательных положений, относящихся к режиму в ИУ, вопросам его обеспечения и борьбы с противоправными проявлениями должного внимания не уделялось, что детерминировало высокий уровень преступности в этих учреждениях и неисполнение осужденными элементарных режимных требований);

- 1917–1991 гг., обусловлен установлением советской власти на территории белорусского государства (в указанный период достаточно мощный научный импульс теоретического и практического обоснования получили вопросы, связанные с обеспечением установленных требований режима в ИУ, в результате чего многие экспериментальные наработки в сфере обеспечения правопорядка в учреждениях УИС были переняты в качестве передового опыта и воплощены в дальнейшем в современном законодательстве);

- 1991 г. – настоящее время, так называемый современный период, связан с развитием суверенной Республики Беларусь (происходит окончательное научное и законодательное оформление положений режима в ИУ, устанавливается перечень основных средств его обеспечения).

Кроме того, проведенный ретроспективный анализ позволяет также выделить ряд детерминантов, обуславливавших на различных исторических этапах рост количества чрезвычайных происшествий в учреждениях УИС, что необходимо учитывать в практической деятельности и в настоящее время:

- увеличение в ИУ численности осужденных, придерживающихся радикальных взглядов;
- наличие кризисных процессов и явлений в обществе и государстве;
- распространенность в ИУ атрибутов профессиональной преступности, в связи с чем неформальные нормы и традиции приобретают для осужденных большее значение, чем правовые предписания;

- низкий профессионализм сотрудников пенитенциарных учреждений;
- недостаточный контроль и надзор за деятельностью учреждений УИС со стороны вышестоящих инстанций и надзорных органов, приводящий к злоупотреблению служебным положением и неслужебным связям с осужденными;

- преследование руководством ИУ определенных целей, например повышение производительности труда осужденных, в ущерб установленным законодательством режимных требований;

- возникновение реальной угрозы для жизни и здоровья осужденных, их родственников;
- существенное ухудшение положения осужденных, например неприменение досрочного освобождения;

- нарушения законности со стороны работников УИС, иных государственных органов и организаций, негативно отражающиеся на правовом положении лиц, отбывающих наказание.

Таким образом, можно резюмировать, что в местах лишения свободы правопорядок достигается путем обеспечения установленных законодательством режимных требований, причем средства их обеспечения выступают в качестве основных мер предупреждения правонарушений. Между тем, приобретенный на различных исторических этапах опыт их применения позволяет нам более объективно подходить к выбору и реализации соответствующих профилактических мероприятий, прогнозировать их эффективность и возможные негативные последствия.

Список использованных источников

1. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет; редкол : А. А. Герцензон [и др.]. – 3-е изд. – М. : Госюриздат, 1960. – Т. 1 : 1762–1825. – 384 с.
2. Лисицын, В. М. За тюремной стеной : История Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939) / В. М. Лисицын; науч. ред. Д. В. Караев. – Гродно : ГОУПП «Гродн. тип.», 2003. – 352 с.
3. Шарков, А. В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь : моногр. / А. В. Шарков; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 323 с.
4. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет. – 3-е изд. – М. : Госюриздат, 1961. – Т. 3 : 1870–1900. – 430 с.
5. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет; редкол : А. А. Герцензон [и др.]. – 3-е изд. – М. : Госюриздат, 1961. – Т. 2 : 1825–1870. – 582 с.
6. Лапицкий, Ю. А. Фундаментальное понятие терроризма и противодействие преступлениям террористического характера в исправительных колониях : учеб. пособие / Ю. А. Лапицкий, З. А. Андреева. – М. : Моск. ун-т потреб. кооперации, 2005. – 224 с.
7. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет. – 3-е изд. – М. : Госюриздат, 1962. – Т. 4 : Петропавловская крепость. 1900–1917. – 302 с.
8. Стуканов, А. П. Побег из тюрем и колоний России / А. П. Стуканов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. – 147 с.
9. Отчет Карательного отдела Наркомата VII съезду Советов об исправительно-трудовой политике Советского государства за период с Великой Октябрьской социалистической революции по 1919 г. [не позднее 5 декабря 1919 г.] // Из истории исправительно-трудовых учреждений РСФСР (октябрь 1917–1920 годы): сб. докл. / под ред. А. К. Стальгевича. – М. : ВШ МВД РСФСР, 1960. – С. 96–110.
10. ГУЛАГ : Главное управление лагерей. 1918–1960. Сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров; под ред. А. Н. Яковлева. – М. : МФД, 2000. – 888 с.
11. Соркин, Г. С. Эволюция теоретико-правовых взглядов на проблемы оперативно-розыскной деятельности в следственных изоляторах / Г. С. Соркин // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. № 1с. – С. 71–75.
12. Козлов, В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953–начало 1980-х гг.) : моногр. / В. А. Козлов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : РОССПЭН, 2009. – 543 с.
13. Организационные и правовые основы обеспечения режима в исправительных учреждениях : учеб. пособие / В. Б. Шабанов [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 196 с.
14. Шабанов, В. Б. Организация режима в исправительных учреждениях : учеб. пособие / В. Б. Шабанов, В. С. Красиков, Н. В. Кийко; под ред. В. Б. Шабанова; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 187 с.

Дата поступления: 27.03.2017

Y. A. Surzhenka

Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

**MEASURES OF COUNTERACTION AGAINST CRIMINALITY IN CORRECTIONAL FACILITIES:
HISTORICAL ASPECT**

The practice of counteractions to offences in penitentiaries since the end of the XVIII-th century up to nowadays is examined in the article. The author of the article also addresses the problems of regime formation in correctional facilities of the Republic of Belarus and the means to promote it, draws the parallel between different measures of prevention and suppression of crimes, which were taken on different historical stages, and current means to ensure the regime in correctional facilities.

Keywords: correctional facilities, prison, penal enforcement system, special conditions, emergencies, regime in correctional facilities, means to ensure the regime.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

С. Н. Нефедов

кандидат технических наук, доцент

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: nefedov@sudexpertiza.by

МОДЕЛЬ ДОКАЗЫВАНИЯ ТУЛМИНА И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДОСТОВЕРНОСТИ ВЫВОДА

Общая схема доказывания по конкретному делу представляет собой достаточно сложную структуру. Эту структуру обычно разбивают на более простые элементы, для которых применяют модели формирования промежуточных выводов. Модель доказывания Тулмина применима для ситуаций, когда нет четких и достоверных данных. Однако в данной модели не используются количественные показатели достоверности, а также нет формальных правил построения вывода. В статье рассматриваются количественные модели формирования вывода на основе байесовского подхода и теории Демпстера-Шефера. Анализируется возможность использования данных методов в доказывании.

Ключевые слова: доказывание, достоверность, количественный показатель, модель, вывод, байесовский подход, теория Демпстера-Шефера.

Принятие решения экспертом (формирование вывода на основе анализа комплекса признаков), либо следователем или судьей (на основе анализа совокупности доказательств) происходит во многом по аналогичным логическим правилам. Так, под оценкой доказательств понимается «логический процесс установления допустимости и относимости доказательств, наличия и характера связей между ними, определения значения и путей использования доказательств для установления истины по делу» [1, с. 180]. В процессе доказывания необходимо рассматривать большую совокупность различных фактов и других источников доказательств, между которыми существует сложная взаимосвязь, что делает этот процесс сложной мыслительной процедурой, включающей логические рассуждения и анализ аргументации различных сторон.

Большое удобство в оценке всей совокупности фактов, а также убедительность аргументации обеспечивают визуальное представление логики рассуждений. Использованию графических методов в доказывании посвящено сравнительно немного работ по теории доказательств и доказыванию. Наиболее известными являются графические методы доказывания, разработанные Дж. Вигмором и А. А. Эйсманом [2].

Общая схема доказывания представляет собой достаточно большую структуру, которую всегда можно разбить на более простые элементы.

А. А. Эйсман простейшую ячейку в системе доказательств назвал *элементарным актом доказывания*. В любом элементарном акте доказывания он выделял два суждения: одно служит доказательством, другое – доказываемым обстоятельством, или тезисом. Два единичных суждения можно соединить в акте доказывания, если между ними существует логическая связь. Поэтому акт доказывания содержит третье суждение – о характере связи (рисунок 1).

доказательство	→ связывающее суждение →	тезис
а) структура		
На месте происшествия обнаружен след гражданина Н	Если на месте происшествия остался след человека, то этот человек был на месте происшествия	Гражданин Н был на данном месте происшествия
б) пример		

Рисунок 1 – Элементарный акт доказывания по Эйсману

Модель аргументации Тулмина

Более развернутую логическую модель анализа аргументов и их визуального представления разработал Стивен Тулмин¹. Основы разработанного им метода он изложил в книге «Использование аргументации» [3], которая впервые опубликована в 1958 г. Первоначально схема аргументации разрабатывалась для сферы права, в последующем она стала применяться более широко.

Модель аргументации Тулмина заключается в построении логической структуры аргументов, в том числе для ситуаций, когда нет четких правильных ответов. Этот метод включает шесть основных компонентов.

Утверждение / тезис / заключение (*Claim*) – некоторый тезис, который необходимо доказать.

Факт / доказательство / данные (*Data*) – используемые для обоснования утверждения.

Обоснование / цепь рассуждений (*Warrant*) – показывает логическую связь между фактом и утверждением.

Первые три компонента составляют основу модели, иногда модель обозначают *DWC* (от: *data, warrant, claim*). Модель *DWC* практически аналогична элементарному акту доказывания Эйсмана.

Вторая триада является дополнением первой тройки и позволяет учитывать несколько аргументов, в том числе противоречивых, и формировать выводы с различной степенью доверия.

Поддержка / подкрепление (*Backing*) – аргументы и соображения, подкрепляющие обоснование.

Опровержение / контраргумент (*Rebuttal/ Counterargument*) – указание потенциальных возражений. Контраргумент увеличивает потенциальные возражения против утверждения, а опровержение смягчает эти возражения.

Квалификатор / определитель (*Qualifier*) – определяет степень правдоподобия утверждения.

Считается, что такая модель (рисунок 2) более соответствует естественному процессу рассуждения и аргументации.

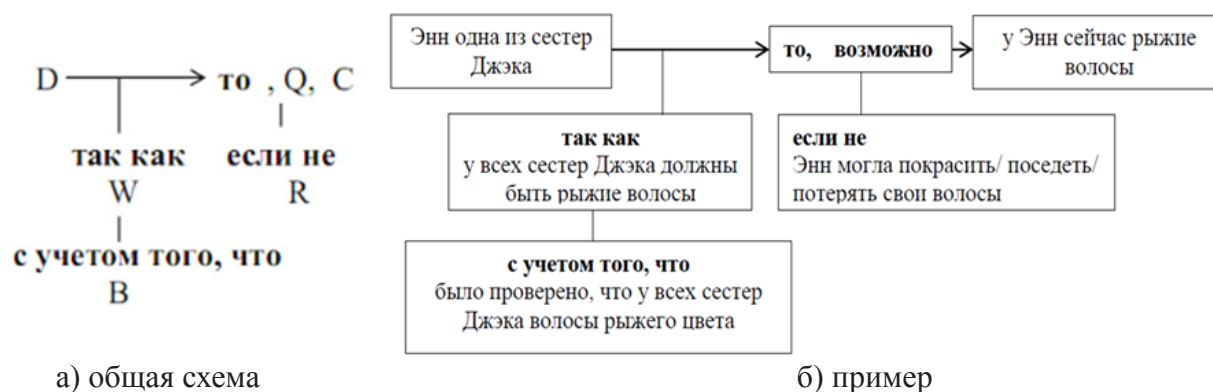

Рисунок 2 – Модель доказывания Тулмина

¹ Стивен Тулмин (Stephen Toulmin; 1922–2009) – британский философ, автор научных трудов по проблемам практической аргументации, профессор.

Важным элементом модели Тулмина является квалификатор, он обычно ассоциируется с сомнениями по поводу обоснованности доказательств или наличием контраргументов и опровержений. Различная степень правдоподобия отражается в вербальной форме. В таблице приведены используемые Тулмином вербальные формулировки и их эквивалент на русском языке (приведено несколько вариантов), а на рисунке 3 – графическая интерпретация вербальной шкалы.

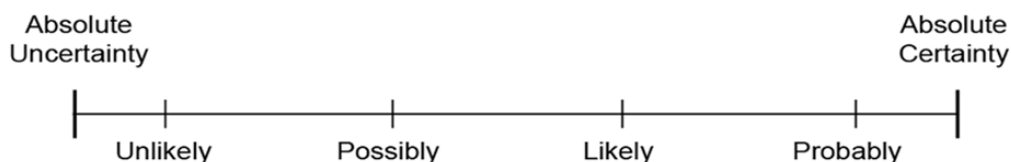

Рисунок 3 – Вербальная шкала степени правдоподобия Тулмина

Таблица – Вербальные формулировки степени правдоподобия

Вербальная форма	Эквивалент на русском языке
absolute uncertainty	абсолютная неопределенность
unlikely	маловероятно, неправдоподобно
possibly	возможно; может быть
likely	подходящий; пригодный, перспективный
probably	вероятно, наверное
absolute certainty	абсолютная определенность

Формальная и свободная системы оценки доказательств

Как справедливо отмечал Ю. К. Орлов, «возможны лишь две взаимоисключающие системы оценки доказательств – *формальная* и на основе *внутреннего убеждения* (свободная)» [4]. Тулмин не использует количественные показатели степени правдоподобия (которые используются в математическом понимании термина *вероятность*), а также не приводит формальных правил построения вывода, поэтому данная модель также реализует свободную оценку.

Для реализации формального способа формирования вывода необходимо решить следующие задачи.

1. Определить весомость отдельных факторов, которая отражает степень взаимной связи между факторами и выводом из них, т. е. необходимо определить количественный *параметр, характеризующий эту взаимосвязь*. Эта связь обычно является недетерминированной, либо неизвестен детерминированный закон.

2. Определить количественный параметр, характеризующий *достоверность проявления единичного фактора*.

3. Определить правила нахождения параметра, характеризующего *обоснованность вывода* (окончательного и промежуточных), т. е. показателя достоверности.

Байесовский подход

При байесовском подходе степень достоверности каждого из фактов, также как и вывода оценивается вероятностью, которая принимает значения от нуля до единицы [5].

Достоверность (вероятность) вывода определяют на основе правила Байеса для вычисления апостериорной условной вероятности $P(H|E)$ события (гипотезы) H при условии, что произошло событие (факт) E . Апостериорную вероятность $P(H|E)$ можно вычислить с помощью формулы:

$$P(H|E) = \frac{P(H) \times P(E|H)}{P(E)}, \quad (1)$$

где $P(E)$, $P(H)$ – безусловные (априорные) вероятности свидетельства E и гипотезы H ; $P(E|H)$ – условная вероятность события E при условии, что справедлива гипотеза H .

В процессе формирования вывода обязательно рассматриваются две гипотезы (версии возможного результата); например, версии обвинения H_p , с вероятностью – $P(H_p)$ и версии защиты H_d , с вероятностью – $P(H_d)$. В качестве альтернативной версии часто принимается альтернативная гипотеза, которую обозначают $\neg H$ («не H »).

Решение принимается на основе сравнения вероятностей этих версий (гипотез), для этого анализируют отношение их вероятностей – $R = P(H_p) / P(H_d)$. Обычно это отношение называют отношением шансов. Если возможны только две версии, то они образуют полную группу событий, поэтому $P(H_p) + P(H_d) = 1$, следовательно: $P(H_d) = 1 - P(H_p)$, и отношение шансов можно определить только по одной вероятности: $R = P(H_p) / (1 - P(H_p))$.

Вывод определяется как условная вероятность анализируемого события E (след на месте преступления) при справедливости каждой гипотезы (след оставил подозреваемый, либо кто-то иной), т. е. $P(E|H_p)$ и $P(E|H_d)$. Результат оценки доказательства (например, результат экспертизы) представляют как отношение этих условных вероятностей, это отношение называют отношением правдоподобия (*likelihood ratio*) и обозначают LR .

Итоговое (с учетом нового доказательства, например, результатов экспертизы) отношение апостериорных вероятностей версий ($R_{\text{и}}$) равно произведению отношения априорных вероятностей ($R_{\text{а}}$) на отношение правдоподобия (LR) – правило Байеса:

$$R_{\text{и}} = LR \times R_{\text{а}}. \quad (2)$$

В отличие от вероятности, которая может принимать численные значения от нуля до единицы, отношения шансов – R и правдоподобия – LR могут принимать любые положительные значения. Если R или LR равно единице, то вероятности одинаковые (события равновероятны). Если LR больше единицы, то доказательство (результат экспертизы) подтверждает H_p , если LR меньше единицы, то подтверждается альтернативная гипотеза – H_d . Численное значение LR характеризует степень подтверждения той или иной гипотезы.

Если необходимо учитывать несколько доказательств, то данное правило применяют последовательно несколько раз. Однако эти доказательства должны быть независимыми.

В настоящее время байесовский подход все более широко применяется (в основном, в государствах с англо-саксонской правовой системой) при анализе доказательств, прежде всего, результатов экспертизы [5]. Однако при использовании методов теории вероятностей для представления данных, характеризующихся различной степенью достоверности, существует ряд трудностей. Это стимулировало возникновение новой теории.

Теория свидетельств Демпстера-Шефера

Основы новой теории были разработаны Демпстером [6], в дальнейшем она была развита Шеффером [7]. Новая теория получила название теории свидетельств Демпстера-Шефера (ТДШ) [8].

Основным понятием ТДШ является *фрейм различения* Θ , определяемый как полное множество взаимоисключающих событий (подмножеств) A_i , причем эти подмножества могут быть пересекающимися (т. е. содержать одинаковые элементы). Под событиями здесь понимаются различные выводы (тезисы), которые могут следовать из имеющейся совокупности фактов. Роль фрейма различения Θ в ТДШ такая же, как роль пространства событий в теории вероятностей.

Другое фундаментальное понятие ТДШ – понятие *базовой вероятности*, которая обозначается $m(A_i)$, и характеризует степень доверия, первоначально приписываемую подмножеству A_i .

Вероятность $P(A)$ в теории вероятностей и $m(A)$ в ТДШ отличаются тем, что в теории вероятностей A должно быть отдельным элементом, а в ТДШ A может содержать несколько элементов. Базовые вероятности должны удовлетворять двум основным свойствам:

- 1) базовая вероятность нулевого события равна 0;
- 2) сумма базовых вероятностей для всех подмножеств фрейма различения равна 1.

Так как A может являться не только конкретным элементом, но и множеством, то это позволяет задавать оценки базовых вероятностей для интервалов изменения случайных величин, не зная их законов распределения на этих интервалах. Другими словами, если для определения вероятности некоторой совокупности событий при использовании теории вероятностей необходимо знать вероятности всех элементарных исходов, то при использовании ТДШ это не обязательно. Однако платой за это является возможность получения только интервальных оценок, границами которых являются меры *доверия* и *правдоподобия*.

Мера доверия A , обозначаемая $Bel(A)$, отражает полное число доверий к A . Математически это может быть выражено как:

$$Bel(A) = \sum_{B \subset A} m(B). \quad (3)$$

Функция Bel называется функцией доверия (от англ. *believe* – доверять), она должна удовлетворять следующим условиям:

- 1) доверие к нулевой гипотезе равно 0, т. е. $Bel(\emptyset) = 0$;
- 2) доверие ко всему фрейму различения равно 1, т. е. $Bel(\Theta) = 1$;
- 3) сумма доверий A и $\neg A$ не должна превышать 1, т. е. $Bel(A) + Bel(\neg A) \leq 1$.

Таким образом, функция доверия будет равна базовым вероятностям в случае множеств, состоящих из одного элемента (элементарного исхода), и будет больше или равна базовым вероятностям для множеств, содержащих более одного элемента.

Величина $[1 - Bel(\neg A)]$ называется правдоподобием множества и обозначается $Pls(A)$ (от англ. *plausibility* – правдоподобие), т. е.

$$Pls(A) = 1 - Bel(\neg A). \quad (4)$$

Эта величина определяет максимальное значение степени возможной достоверности, которое может быть назначено A . Величины $Bel(A)$ и $Pls(A)$ можно интерпретировать как нижнюю и верхнюю вероятности события A , т. е. предполагается существование некоторой истинной вероятности $P(A)$:

$$Bel(A) \leq P(A) \leq Pls(A). \quad (5)$$

Следует отметить, что в ТДШ рассматриваются не все подмножества фрейма различения Θ , а только те, которые имеют ненулевые базовые вероятности. Каждое из этих подмно-

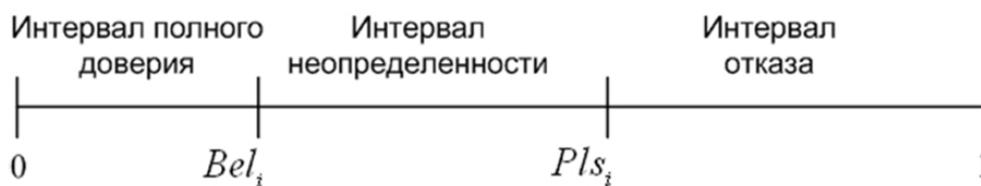

Рисунок 4 – Интерпретация доверительного интервала для $P(A_i)$

жеств называется фокальным элементом. В результате применения ТДШ каждому подмножеству A_i ставится в соответствие доверительный интервал $[Bel(A_i), Pls(A_i)]$ (рисунок 4).

Если необходимо объединить несколько выводов, то применяют *правило Демпстера*, которое позволяет вычислить новое значение функции доверия по двум значениям, базирующимся на разных наблюдениях. Пусть Bel_1 и Bel_2 два значения функции доверия, которым соответствуют два значения базовых вероятностей m_1 и m_2 . Правило позволяет вычислить новое значение $m_1 \oplus m_2$, а затем и новое значение функции доверия $Bel_1 \oplus Bel_2$. Конкретные формулы для расчета достаточно громоздки, приводить их не будем, их можно найти, например, в [8, с. 95].

Проиллюстрируем применение ТДШ на конкретном примере, основанном на общепринятых высказываниях. Предположим, что свидетель C_1 утверждает, что он видел подозреваемого Π на месте преступления. Будем обозначать это событие « Π был на месте преступления». Пусть вероятность того, что свидетелю C_1 можно верить, составляет 0,9, а того, что верить нельзя – 0,1. Показание C_1 истинно, если ему можно верить, но оно не обязательно ложно, если ему верить нельзя (в соответствии с одним из основных положений теории, разделяющих неуверенность и незнание). Таким образом, утверждение C_1 о том, что Π был на месте преступления обосновывается с достоверностью 0,9, а то, что он не был – с достоверностью 0 (так как нет свидетельств в пользу этой гипотезы). Будем обозначать это событие « Π не было на месте преступления», хотя при использовании формальных правил следовало записать – « $\neg\Pi$ был на месте преступления».

Мера правдоподобия будет равна:

$$\begin{aligned} Pls(\Pi \text{ был на месте преступления}) &= \\ = 1 - Bel(\Pi \text{ не было на месте преступления}) &= 1 - 0,0 = 1. \end{aligned}$$

Таким образом, интервал доверия к показаниям свидетеля C_1 – [0,9; 1].

Теперь, предположим, что другой свидетель – C_2 также говорит, что он видел Π на месте преступления. Пусть вероятность того, что C_2 можно верить меньше, чем C_1 (например, у C_2 плохое зрение) – составляет 0,8, а что верить нельзя – 0,2. И пусть, также, показания C_1 и C_2 – независимы друг от друга. Тогда можно вычислить вероятность правдивости обоих утверждений как произведение их вероятностей – $(0,8 \times 0,9) = 0,72$. Вероятность сомнительности обоих утверждений – $(0,2 \times 0,1) = 0,02$. А вероятность того, что верить можно, по крайней мере, одному из них (мера правдоподобия) – $(1 - 0,02) = 0,98$. Следовательно, на основании показаний двух свидетелей о том, что Π был на месте преступления, можно вычислить границы интервала доверия для этого вывода – [0,98; 1].

Теперь, рассмотрим, что будет, если свидетели C_1 и C_2 говорят противоположные вещи: C_1 утверждает – Π был на месте преступления, а C_2 говорит, что нет. В этой ситуации они оба не могут говорить правду и, следовательно, не могут вызывать доверие. Априорная вероятность того, что можно верить только C_1 , а C_2 нет – $(0,9 \times 0,2) = 0,18$. А того, что верить можно только C_2 , а C_1 нет – $(0,8 \times 0,1) = 0,08$. Наконец, вероятность того, что верить нельзя никому – $(0,2 \times 0,1) = 0,02$. Имея вероятность того, что по крайней мере одному из свидетелей верить нельзя – $(0,18 + 0,08 + 0,02) = 0,28$, можно вычислить апостериорную вероятность того, что верить можно лишь C_1 и Π был на месте преступления – $0,18 / 0,28 = 0,643$; или апостериорную вероятность того, что прав C_2 и Π не был на месте преступления – $0,08 / 0,28 = 0,286$. Правдоподобие составляет:

$$\begin{aligned} Pls(\Pi \text{ был на месте преступления}) &= \\ = 1 - Bel(\Pi \text{ не было на месте преступления}) &= 1 - 0,286 = 0,714. \end{aligned}$$

Таким образом, интервал доверия к утверждению: Π был на месте преступления, имеет вид [0,643; 0,714].

Если показания свидетелей изменить на противоположные: C_2 утверждает – Π был на месте преступления; а C_1 утверждает – Π не было на месте преступления. Тогда, интервал доверия к утверждению: Π был на месте преступления, будет иметь вид [0,286; 0,357].

Данный пример иллюстрирует применение ТДШ при формировании вывода для простейшей ячейки в системе доказательств. При анализе всей совокупности доказательств целесообразно применять один из графических методов доказывания [2], и последовательно применять аналогичные правила формирования вывода.

Заклучение

Следует заметить, что количественные показатели степени достоверности данных, применяемые в ТДШ, не имеют строгого теоретического обоснования, однако они хорошо согласуются с экспертными оценками, кроме того, для такого подхода проще получить исходные данные. Хотя в большинстве случаев формирование базовых вероятностей основывается на субъективном мнении человека (эксперта, следователя и др.), применение ТДШ позволяет построить систему доказывания и аргументации, которая будет одинаково пониматься всеми участниками процесса, также как в байесовском подходе [5].

Байесовский подход основан на математически строгой теории вероятностей. Однако он требует точных исходных данных, которых в большинстве случаев получить невозможно, поэтому приходится использовать приближенные данные. Следовательно, достоверность расчета окончательных показателей будет определяться не математической строгостью используемых правил, а точностью исходных числовых данных.

Список использованных источников

1. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – М. : Мегатрон XXI, 2000. – 334 с.
2. Нефедов, С. Н. Графические методы в доказывании : сопоставление методов Вигмора и Эйсмана / С. Н. Нефедов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А. В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2015. – Вып. 2/38. – С. 47–57.
3. Toulmin, S. E. The Uses of Argument / S. E. Toulmin // Updated Edition, Cambridge University Press, Cambridge, 2003. – 247 с.
4. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Юрист, 2009. – 75 с.
5. Нефедов, С. Н. Байесовский подход к оценке доказательств и стандартизация вербальных формулировок выводов эксперта / С. Н. Нефедов // Проблемы укрепления законности и правопорядка : наука, практика, тенденции : сб. науч. тр.; НПЦ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь : сб. науч. тр. – Минск : РИПО, 2015. – Вып. 8. – С. 187–195.
6. Dempster, A. P. A generalization of Bayesian inference / A. P. Dempster // J. of the Royal Statistical Society. 1968. V. 30. Series B. – P. 1–38.
7. Shafer, G. A Mathematical Theory of Evidence / G. Shafer. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1976.
8. Муромцев, Д. И. Введение в технологию экспертных систем / Д. И. Муромцев. – СПб : СПб ГУ ИТМО, 2005. – 108 с.

Дата поступления: 11.05.2017

S. N. Nefedov

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

TOULMIN'S MODEL OF ARGUMENTATION AND QUANTITATIVE INDICATORS OF THE VALIDITY OF CONCLUSION

The total framework of proving in the specific case is quite a complicated structure. These structures are usually split into simpler elements, for which the models of the formation of intermediate conclusions are applied. Toulmin's model of argumentation is applicable for the situations, when precise and credible data are absent. But quantitative indicators of validity are not used in this model, and it lacks formal rules of conclusion-drawing as well. The article discusses quantitative models of conclusion-drawing based on Bayesian approach and Dempster-Shafer theory. Possibility of application of these methods in proving is analyzed.

Keywords: proving, validity, quantitative indicator, model, conclusion, Bayesian approach, Dempster-Shafer theory.

УДК 343.985.8

А. Н. Толочко

кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: tolochko28061981@mail.ru

Взаимосвязь и соотношение оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса: теоретико-правовой анализ

Посредством анализа правовых норм и научной литературы рассмотрены некоторые аспекты взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса. Изучено соотношение документирования и доказывания. Определены основные сходства и различия данных процессов. Затронуты вопросы использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе.

Ключевые слова: взаимосвязь, оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, документирование, доказывание.

В соответствии с классификацией юридических наук, избранной Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс с 2012 г. отнесены к разным специальностям, которые являются смежными по отношению друг к другу.

Содержанием специальности, в которую входит оперативно-розыскная деятельность (12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность), являются объединенные на сходной исторической и методологической основе юридические дисциплины, образующие комплекс уголовно-процессуальных, криминалистических, судебно-экспертных и оперативно-розыскных знаний, обеспечивающих функционирование и развитие научных теорий, институтов, средств и методов противодействия преступности.

Содержанием специальности, в которую входит уголовный процесс (12.00.09 – уголовный процесс), является система юридических знаний в области уголовно-процессуального права, обеспечивающих функционирование и развитие его понятий, институтов, научных теорий, способов и средств, способствующих эффективному выявлению и расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел судом в интересах укрепления законности и правопорядка, защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства.

В отличие от специальности 12.00.09, предметом исследования которой являются процессуальные аспекты расследования и проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства, исследования по специальности 12.00.12 направлены на совершенствование тактических и организационно-методических основ расследования, использования достижений естественных и технических наук в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений [1].

Несмотря на разграничения научных специальностей и отличия в предметах исследований, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс неразрывно связаны друг с другом ввиду общности решаемых задач. Особенно это становится заметным при детальном изучении правовых норм и правоприменительной практики.

Проанализируем некоторые нормы оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства.

Так, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при выполнении задач оперативно-розыскной деятельности обязаны: исполнять в пределах своей компетенции поручения, указания, постановления, определения в соответствии с законодательными актами; предоставлять и представлять органу уголовного преследования и суду материалы оперативно-розыскной деятельности в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными актами законодательства (ст. 14 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») [2].

На органы дознания и должностных лиц в зависимости от характера преступления возлагаются: производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам; проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий и принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений (ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь) [3].

Некоторые основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий носят уголовно-процессуальный характер. К ним относятся: поручение, указание, постановление органа уголовного преследования по уголовному делу, рассматриваемому заявлению или сообщению о преступлении; постановление органа уголовного преследования, определение, постановление суда об объявлении розыска обвиняемого; постановление должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, органа уголовного преследования, определение, постановление суда о применении мер по обеспечению безопасности (ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») [2].

Материалы оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в целях: подготовки и проведения следственных, иных процессуальных действий, доказывания в уголовном процессе; могут являться основанием к возбуждению уголовного дела в соответствии с законодательными актами (ст. 49 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»). Материалы оперативно-розыскной деятельности предоставляются для использования в орган уголовного преследования или суд в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными актами законодательства (ст. 50 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») [2].

Предварительное следствие приостанавливается, когда обвиняемый скрылся от органа уголовного преследования либо когда по иным причинам не установлено его местонахождение (ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь). При отсутствии сведений о месте нахождения обвиняемого следователь поручает производство розыска органу дознания (ст. 248 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь) [3]. Розыск обвиняемых, скрывшихся от органа уголовного преследования или суда, и (или) местонахождение которых этим органам неизвестно, является одной из задач оперативно-розыскной деятельности. Также к задачам относится установление имущества, которое подлежит или может подлежать аресту в уголовном процессе (ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») [2].

Следователь по расследуемому им уголовному делу, а также при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении вправе знакомиться с материалами оперативно-розыскной деятельности, относящимися к расследуемому делу, рассматриваемому заявлению или сообщению, давать поручения органам, уполномоченным законом осуществлять дознание, оперативно-розыскную деятельность, о производстве следственных и других процессуальных действий, проведении оперативно-розыскных мероприятий и требовать от них содействия в производстве следственных и других процессуальных действий. Такие поручения следователя даются в письменной форме и являются для указанных органов обязательными для выполнения (ст. 36 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь) [3].

Наряду с этим для выявления граждан, совершивших преступления, по горячим следам и организации расследования преступлений создаются следственно-оперативные группы. Практика борьбы с преступностью накопила значительный опыт организации взаимодействия следственных и оперативных подразделений. Организационно-тактическое сотрудничество следователя и оперативного сотрудника выражается в согласованном (совместном) планировании их действий, постоянном взаимообмене информацией, проведении совместных совещаний для анализа результатов и выработки версий. Такие формы взаимодействия называют организационными, организационно-тактическими или организационно-служебными. Они призваны обеспечивать согласованную деятельность следственных и оперативных подразделений, имеют тенденцию к постоянному совершенствованию и именно им, по мнению отдельных ученых, принадлежит ведущая роль в совместной деятельности субъектов [4, с. 291].

Взаимосвязь уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности не заканчивается прекращением уголовного преследования или вступлением в силу приговора суда. В частности, производство по уголовному делу может быть возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Такие обстоятельства могут быть выявлены и установлены при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Оперативно-розыскная деятельность направлена на обеспечение безопасности участников уголовного процесса.

Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс, находясь в объективной взаимосвязи, имеют смежные либо общие проблемы научного характера. В частности, исследование проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе не может быть проведено в одностороннем порядке, а предполагает учет как оперативно-розыскных, так и уголовно-процессуальных аспектов.

Эффективность исследований взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса определяется не только детальным изучением их взаимодействия, взаимовлияния и взаимозависимости, но и соотношения (посредством сравнения, сопоставления).

На основе теоретико-прикладных обобщений в системе соотношения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности можно выделить целый ряд элементов. В частности, большой научный интерес для исследователей представляет соотношение оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных правоотношений.

Однако, наиболее характерным для предмета и целей нашего исследования является соотношение документирования и доказывания, правильное понимание которого позволит избежать нежелательных последствий, порождаемых несовершенством законодательства.

Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого решения уголовного дела (ст. 102 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь) [3]. В качестве основного субъекта доказывания будем рассматривать следователя.

Документирование – это процесс выявления и закрепления оперативно-розыскным путем фактических данных о событии преступления и причастных к нему лицах, другой информации, имеющей значение для его раскрытия (предупреждения), а также обеспечения возможности их использования в уголовном процессе [5, с. 260]. Документирование осуществляет оперативный сотрудник. Ниже по тексту будет рассматриваться оперативный сотрудник, который свою деятельность осуществляет исключительно в рамках закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности». Мы не ставим перед собой задачу вторгаться в сферу его полномочий, как участника уголовно-процессуальных отношений.

Доказывание осуществляется в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, которые регулируют только внешнюю, практическую сторону деятельности субъекта доказывания.

Мыслительная деятельность уполномоченных на это лиц по проверке и оценке полученной информации является формой процесса познания, которая уголовно-процессуальными нормами не регламентируется, протекает по законам логического мышления, а не по нормам уголовно-процессуального закона [6, с. 80].

Философия рассматривает познание как отражение в сознании свойств, качеств, сторон, связей и отношений предметов и явлений материального мира. Всякое познание имеет целью получение знаний об окружающей человека действительности. Познание – сложный и диалектически противоречивый процесс, связанный с активной деятельностью человека. Познание объективной действительности служит интересам практики, потребности которой определяют направление и содержание познавательной деятельности [7, с. 5]. Философской основой познания является учение о познаваемости объективной действительности и круг гносеологических проблем, связанных с ним. Речь идет об объекте и предмете познания, содержании человеческих знаний и их характеристике, понимании и структуре процесса познания [6, с. 77].

При документировании также происходит познание фактов и явлений реальной действительности.

Теоретическую основу работы, как следователей, так и сотрудников оперативных подразделений составляют положения ряда наук, имеющих общий объект исследования. Следовательно, в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности могут применяться одинаковые методы познания (чувственные, рациональные, интуитивные), гносеологическая сущность которых остается одной и той же, вне зависимости от сферы применения. Так, например, наблюдение и в том и в другом случае представляет собой планомерное, целенаправленное, преднамеренное восприятие, сущность которого не изменяется от того, будет ли применять данный методследователь или оперативный сотрудник. Однако условия его применения, объект и цель могут быть различными, что отражается на приемах наблюдения, его роли в процессе познания, достоверности полученных результатов и т. д. [6, с. 78].

Следует согласиться с точкой зрения С. С. Овчинского о том, что предмет познания при оперативно-розыском установлении обстоятельств «сконцентрирован вокруг предмета доказывания, который определен УПК, однако по содержанию значительно шире, насыщен событиями, указывающими путь к получению доказательств» [8, с. 59–60].

Важно понимать, что познание при документировании проводится не в том нормативно урегулированном порядке, как при уголовно-процессуальном доказывании, и лицом, обладающим иными властными полномочиями, чем участники уголовного процесса, а также применяемыми специальными силами, средствами и методами. По-разному также осуществляется фиксация и закрепление информации.

Объект познания при документировании тоже довольно специфичен: исследуются обстоятельства, связанные не только с прошлым преступным событием, но и с подготавливаемыми преступлениями, т. е. с теми событиями, которые произойдут в будущем. В данном случае оперативный сотрудник должен предвидеть действия преступников и предотвращать, пресекать их.

Общим является то, что как при документировании, так и при доказывании познание основано на том, что действия человека, в том числе и противоправные, вызывают изменения в окружающей среде, отражаются в ней.

В процессе доказывания и в ходе документирования ведется делопроизводство (уголовное дело и дело оперативного учета).

Способами получения оперативно-розыскной информации являются оперативно-розыскные мероприятия (оперативный опрос; наведение справок; сбор образцов; исследование предметов и документов; оперативное отождествление; оперативный осмотр; наблюдение; проверочная закупка; контролируемая поставка; слуховой контроль; контроль в сетях электросвязи; контроль почтовых отправок; оперативное внедрение; оперативный эксперимент).

Нельзя не заметить сходства многих из оперативно-розыскных мероприятий с определенными следственными действиями (например, оперативный опрос и допрос; оперативный осмотр и осмотр, обыск; оперативный эксперимент и следственный эксперимент; контроль

в сетях электросвязи и прослушивание и запись переговоров; оперативное отождествление и предъявление для опознания; исследование предметов и документов и назначение и проведение экспертизы).

Различие заключается в гласном и негласном характере их проведения, нормативном правовом регулировании, организационно-тактических особенностях, правилах оформления полученных результатов. При раскрытии определенных преступлений невозможно получить фактические данные процессуальным путем, требуется проведение оперативно-розыскных мероприятий. Именно оперативно-розыскные мероприятия придают расследованию действенность и результативность, в особенности когда речь идет о замаскированных преступлениях.

Оперативно-розыскная информация при соблюдении определенных процессуальных условий может быть использована в качестве доказательства по уголовному делу. Это значит, что занимаясь документированием преступной деятельности разрабатываемых и удостоверяя результаты оперативно-розыскных мероприятий в материалах дела оперативного учета, оперативный сотрудник осуществляет познание не только «для себя», как иногда полагают. Объективно он является частью познавательной системы, в которую входят и последующие адресаты доказывания: следователь, прокурор, суд. Именно эта сторона процесса познания, обращенная к будущему адресату доказывания, явственно прослеживается в оперативно-розыскной деятельности. Но обоснование правильности выводов оперативного сотрудника, т. е. доказывание в процессуальном аспекте, логически завершают следователь, прокурор, суд составлением итогового процессуального документа. То есть правоприменительная деятельность оперативного сотрудника обращена к суду не непосредственно, как это имеет место при произнесении обвинительной или защитной речи, а опосредованно.

Как показывает анализ реализованных сведений, имеющихся в делах оперативного учета и уголовных делах, результаты оперативно-розыскной деятельности носят в основном ориентирующее значение для планирования и осуществления следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Изучение материалов оперативно-розыскного назначения свидетельствует о наличии в них информации, носящей ориентирующее значение для собирания доказательств по уголовному делу: о способе совершения преступлений; размере материального ущерба; лицах, совершивших преступления; составе преступных групп; предметах и документах, могущих стать доказательствами по уголовному делу, и их местонахождении; лицах, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей; связях, проходящих по делу лиц; ухищрениях, используемых преступниками для сокрытия совершенных деяний; избранной подозреваемыми и обвиняемыми линии поведения на следствии; склонении организаторами преступных групп своих сообщников к даче ложных показаний; воздействию на свидетелей с целью их склонения к изменению показаний и др. [9, с. 27].

В данном случае речь идет, как отмечает Р. С. Белкин, о возникновении фактических сведений, которые лишь впоследствии в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, станут доказательствами [10, с. 41].

В процессе документирования оперативник должен обеспечить сохранность полученных данных до момента востребования их следователем и предусмотреть их процессуальное использование, в том числе без разглашения источника получения.

Следовательно, задача документирования состоит в том, чтобы не только лицо, проводящее исследование, стало обладателем знания о преступлении, но чтобы такое знание и результаты проведенной работы могли затем получить следователь, а в последующем — все участники уголовного процесса. Документирование можно рассматривать как первоначальную стадию поисково-разведывательных мероприятий для получения фактических данных о предмете доказывания. В этой связи документирование всегда коммуникативно, оно обеспечивает переход знания к третьим лицам [7, с. 22].

Оперативные сведения обуславливают возможность не только своевременного и обоснованного проведения следственных действий, но и тщательной подготовки к ним, что во многом обеспечивает их результативность. Например, оперативно-розыскные данные свидетельствуют о месте нахождения похищенных вещей и намерении преступников избавиться от них. Это позволяет следователю правильно определить время проведения и тактику обыска, а также предусмотреть устранение возможных негативных последствий.

Также материалы, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, могут использоваться для выдвижения версий и планирования расследования по уголовному делу, избрания наиболее эффективных тактических приемов проведения отдельных следственных действий, и в частности для розыска скрывшихся лиц. При этом оперативно-розыскным путем решается одна из важнейших уголовно-процессуальных задач – неотвратимость наказания.

Полученные при документировании фактические данные так же, как и доказательства, требуют тщательной проверки, чтобы выяснить:

- каково их значение для решения задач борьбы с преступностью и какова их относимость к будущему предмету доказывания по уголовному делу;
- их достоверность, т. е. соответствие этих данных действительности;
- законность источника, способов получения и закрепления сведений лицами, имеющими на то право [6, с. 85].

Анализ фактических данных, полученных в процессе документирования, в зависимости от способов их получения и содержания информации дает основание выделить среди них сведения:

- указывающие на лиц как будущих участников процесса: свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и т. д.;
- указывающие на местонахождение предметов и документов как будущих доказательств по делу;
- характеризующие организованную преступную группу, взаимоотношения ее соучастников, их возможное воздействие на участников процесса и противодействие правоохранительным органам;
- влияющие на выбор тактических приемов проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также служащие основанием для выдвижения следственных и оперативно-розыскных версий [6, с. 87].

Изложенное выше открывает возможность для системного исследования процесса документирования в рамках единой теории раскрытия и расследования преступлений. Задачами такого исследования являются:

- выявление и классификация значимых для раскрытия и расследования признаков преступлений, изучаемых криминалистической теорией;
- выявление и изучение особенностей обнаружения и фиксации этих признаков, изучаемых теорией оперативно-розыскной деятельности;
- разработка приемов использования полученных оперативным путем фактических данных (для решения уголовно-процессуальных задач), изучаемых теорией уголовного процесса [6, с. 86].

Таким образом, сформулируем некоторые выводы.

Взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса определяется:

- общностью задач оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса;
- прямым указанием в процессуальном законодательстве на обязанности органов дознания проводить необходимые оперативно-розыскные мероприятия и принимать иные меры в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждать и пресекать преступления;
- направленностью оперативно-розыскных мероприятий на информационное обеспечение уголовно-процессуальной деятельности;

- уголовно-процессуальным характером некоторых оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- направленностью оперативно-розыскной деятельности на обеспечение безопасности участников уголовного процесса;
- установлением в оперативно-розыском законодательстве порядка использования материалов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и осуществления следственных действий.

Актуальность и научно-практическая значимость изучения соотношения документирования и доказывания определяется тем, что данный аспект наиболее объективно и характерно отражает соотношение двух самостоятельных видов деятельности – оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной, правильное представление о котором позволит избежать нежелательных последствий, порождаемых несовершенством законодательства. Соотношения документирования и доказывания охарактеризовать можно следующим образом:

- в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности могут применяться одинаковые методы познания (чувственные, рациональные, интуитивные), гносеологическая сущность которых остается одной и той же;
- познание при документировании проводится не в том нормативно урегулированном порядке, как при уголовно-процессуальном доказывании, и лицом, обладающим иными властными полномочиями, чем участники уголовного процесса, а также применяемыми специальными силами, средствами и методами. По-разному также осуществляется фиксация и закрепление информации;
- объект познания при документировании тоже довольно специфичен: исследуются обстоятельства, связанные не только с прошлым преступным событием, но и с подготавливаемыми преступлениями, т. е. с теми событиями, которые произойдут в будущем. В данном случае оперативный сотрудник должен предвидеть действия преступников и предотвращать, пресекать их;
- документирование можно рассматривать как первоначальную стадию поисково-разведывательных мероприятий для получения фактических данных о предмете доказывания.

Не претендуя на абсолютную новизну полученных выводов, автор хотел бы надеяться, что изложенное будет способствовать развитию, конкретизации и в некотором смысле упорядочиванию уже существующих знаний в этой области, полученных в результате кропотливой работы предшественников, а также облегчит процесс освоения учебного материала обучающимися юридических вузов и положительно скажется на правоприменительной практике.

Список использованных источников

1. Краткие паспорта специальностей [Электронный ресурс] // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь. – 2017. – Режим доступа : <http://www.vak.org.by/index.php?go=Box&in=cat&id=14>. – Дата доступа : 22.02.2017.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 59 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Респ. Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 343 с.
4. Криминалистика : учебник / И. А. Анищенко [и др.]; под ред. Г. Н. Мухина; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2006. – 863 с.
5. Басецкий, И. И. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : учеб. пособие / И. И. Басецкий, В. Ч. Родевич, В. П. Шиенок. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 333 с.
6. Шматов, М. А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук / М. А. Шматов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 228 с.
7. Лузгин, И. М. Расследование как процесс познания / И. М. Лузгин. – М. : Высш. шк. МВД СССР, 1969. – 177 с.

8. Овчинский, С. С. Оперативно-розыскная информация / С. С. Овчинский ; под. ред.: А. О. Овчинского, В. С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2000. 367 с.

9. Тукало, А. Н. Сущность и направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности / А. Н. Тукало, В. Ч. Родевич; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 119 с.

10. Белкин, Р. С. Криминалистика : Проблемы, тенденции, перспективы / Р. С. Белкин. – М. : Юрид. лит., 1987. – 270 с.

Дата поступления: 07.04.2017

A. N. Tolochko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

Academy of the MIA of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

THE RELATIONSHIP AND CORRELATION OF OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY AND CRIMINAL LAW: THEORETICAL AND LAW ANALYSIS

Some aspects of the relationship between operative-investigative activity and criminal law are discussed through the analysis of legal norms and scientific literature. The correlation of documentation and proof is studied. The main similarities and differences of these processes are determined. The issues of the use of operational search materials in the criminal process are addressed.

Keywords: relationship, operative-investigative activity, criminal law, documentation, proof.

УДК 343.98

А. М. Хлус

кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь
E-mail: hkus.home@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ЗАДЕРЖАНИЮ ВЗЯТОЧНИКА С ПОЛИЧНЫМ

В статье рассматриваются особенности задержания взяточника с поличным в ситуации вымогательства взятки. Такое задержание часто производится в ходе проведения оперативного эксперимента, непроцессуальный характер которого не способствует формированию доказательств.

Автор акцентирует внимание на тактической операции, осуществляемой только после возбуждения уголовного дела, для которого не всегда достаточно оснований. В условиях недостаточности сведений о преступлении заявление гражданина о вымогательстве взятки предлагается рассматривать не только как повод для возбуждения уголовного дела, но и как информационное сообщение, указывающее на признаки преступления.

Ключевые слова: взяточничество, следственная ситуация, задержание с поличным, тактическая операция.

Взяточничество является самым распространенным коррупционным преступлением. Ответственность за взяточничество дифференцируется в зависимости от роли лица, совершающего преступное деяние, и предусмотрена в Республике Беларусь тремя статьями Уголовного кодекса: ст. 430 (получение взятки); ст. 431 (дача взятки); ст. 432 (посредничество во взяточничестве) [1].

От следственной ситуации первоначального этапа зависит структура предстоящей деятельности. На первоначальном этапе раскрытия и расследования взяточничества часто складывается следственная ситуация, когда гражданин сообщает о вымогательстве взятки. Если информация об этом поступает непосредственно к следователю, то он определяет цели и задачи своей деятельности, а также силы и тактические средства. Он организует взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), привлекает к сотрудничеству необходимых специалистов и осуществляет контроль за реализацией элементов созданной им структуры деятельности.

В методике расследования взяточничества особое место отводится ОРД, обеспечивающей выявление этого преступления. Осуществляя оперативную проверку в отношении конкретного лица, органы, осуществляющие ОРД, проводят негласные оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), в том числе и оперативный эксперимент.

Если проводился оперативный эксперимент, то с информацией о нем следователь знакомится постфактум, например, в момент принятия решения о возбуждении уголовного дела. Такая ситуация исключает возможность участия следователя в раскрытии и расследовании взяточничества в полном объеме, т. е. с момента появления первичной информации о преступлении и его выявления.

В обозначенной выше следственной ситуации целесообразно проведение тактической операции по задержанию вымогателя взятки с поличным. При этом проводимый оперативными подразделениями оперативный эксперимент должен являться частью тактической операции задержания взяточника с поличным [2, с. 101]. По-нашему мнению, проводить оперативный эксперимент во всех случаях взяточничества нет необходимости. Например, когда имеет место вымогательство взятки, проводить оперативный эксперимент нецелесообразно, так как в этой ситуации не создается обстановка, максимально приближенная к предполагаемой преступной деятельности проверяемого гражданина [3].

Тактическая операция по задержанию взяточника с поличным в своем развитии проходит несколько этапов: 1) принятие решения и подготовка к проведению операции (подготовительный); 2) реализация запланированных в рамках тактической операции действий и мероприятий (рабочий); 3) фиксация и оценка результатов тактической операции (заключительный).

Подготовительный этап тактической операции состоит из двух стадий: до и после возбуждения уголовного дела.

В период до возбуждения уголовного дела определяются задачи расследования, и принимается решение о проведении тактической операции. Принятие решения о ее проведении обусловлено наличием таких тактических задач, которые могут быть решены посредством производства совокупности действий и мероприятий, а также возможностью возбуждения уголовного дела.

На этапе принятия решения и подготовки тактической операции по задержанию с поличным необходимо проанализировать имеющуюся информацию, осуществить выбор средств и способов ее реализации, подобрать участников, подготовить технические средства и т. д. Тщательному анализу подлежат требования лица о предмете взятки, особенности его личности, предполагаемое место и способ передачи незаконного вознаграждения.

Для возбуждения уголовного дела необходимы повод и основания. Поводом для возбуждения уголовного дела в рассматриваемой следственной ситуации является заявление гражданина (ст. 166 УПК Республики Беларусь) (далее – УПК) [4]. Основаниями для возбуждения уголовного дела являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ст. 167 УПК). Основанием для возбуждения уголовного дела также могут являться материалы ОРД (ст. 49 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») (далее – Закон об ОРД) [3]. Чаще всего данные, указывающие на признаки преступления, содержатся в заявлении гражданина. Но практика раскрытия взяточничества не идет по пути признания данных, содержащихся в заявлении гражданина, как информации о признаках совершаемого или совершенного преступления. Здесь кроется наиболее важная проблема, решение которой будет способствовать эффективному проведению тактической операции и, соответственно, задержанию взяточника с поличным. Ее решение, по-нашему мнению, возможно следующим образом. Заявление гражданина в связи с таким специфическим преступлением, как взяточничество, следует рассматривать не только как повод для возбуждения уголовного дела, но и как информационное сообщение, указывающее на признаки преступления. Особенно это значимо в случае вымогательства взятки. Такой подход к рассмотрению заявления гражданина должен основываться на максимально подробной информации, содержащейся в объяснениях гражданина в форме опроса, который может провести следователь.

В ходе опроса выясняется информация: 1) о характере взаимоотношений заявителя с потенциальным подозреваемым в совершении взяточничества; 2) о времени, месте, поводе для возникновения отношений; 3) о количестве и подробном описании всех имевших место встреч и лицах, присутствовавших при этом; 4) о месте, времени встречи с предполагаемым получателем взятки; 5) об особенностях обстановки места встречи; 6) о предмете взятки и особенностях ее передачи; 7) о попытках заявителя решить свою проблему в обход закона; 8) о том,

имел ли место конфликт между заявителем и потенциальным взяточником и в связи с чем он произошел; 9) о том, оказывалась ли ранее помощь заявителю проверяемым должностным лицом; 10) о том, на основании чего заявитель считает, что у него вымогают взятку; 11) о том, как заявителю было предъявлено требование дать взятку; 12) о последствиях, которые могут наступить для заявителя, если он не выполнит требования вымогателя взятки и др.

Наличие времени до момента передачи предмета взятки позволяет осуществить предварительную проверку заявления гражданина посредством проведения ОРМ. Проверка сообщения о взяточничестве должна вестись с максимальной осторожностью. Преступник не должен узнать о проводимой проверке. Иначе он будет стремиться уничтожить улики причастности к совершению преступления, а потенциальные свидетели склонены к даче ложных показаний.

Анализ информации, полученной в результате проведенного опроса и проверочных мероприятий, позволяет принять решение о возбуждении уголовного дела и проведении тактической операции по задержанию взяткополучателя с поличным.

Возбуждение уголовного дела служит процессуальным основанием для моделирования и планирования тактической операции, а также подготовки к задержанию с поличным. Это позволяет проводить следственные действия, осуществление которых возможно только после возбуждения уголовного дела.

Моделирование предполагает выбор совокупности тактических средств, которые, с учетом имеющейся на первоначальном этапе информации, обеспечат решение тактической задачи. Модель тактической операции служит началом ее планирования, итогом которого является составление развернутого плана проведения следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий. Он должен составляться коллегиально, с участием оперативных работников.

По данной категории уголовных дел следует планировать: фиксацию фактов передачи предмета взятки; обнаружение доказательств о подобных фактах противоправной деятельности; отслеживание фактов встречи, телефонных разговоров, переписки должностного лица с теми, кому он создает режим наибольшего благоприятствования при получении, например, кредита, в ходе коммерческих операций и т. п.; принятие мер с целью предупредить потерю материальных следов и обеспечить защиту свидетелей; обнаружение и пресечение новых преступных действий заинтересованных лиц.

План может предусматривать одновременное совершение действий и проведение мероприятий в разных местах или в одном месте либо последовательное осуществление действий следователем, а мероприятий оперативными работниками.

На основании составленного плана проводятся следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия, которые объединены общностью задач и имеют подготовительный характер. В плане необходимо предусмотреть следующие действия и ОРМ: 1) допрос заявителя; 2) следственные осмотры: предмета взятки, специальной техники, передаваемой заявителю, оказывающему содействие при задержании взяточника с поличным; 3) подготовку гражданина, участвующего в проведении тактической операции; 4) производство ОРМ, направленных на документирование преступной деятельности и обеспечивающих задержание с поличным, например, наблюдение, контроль в сетях электросвязи и др.

В ходе допроса заявителя необходимо получить информацию об обстоятельствах, при которых произошло вымогательство взятки. Допрос заявителя позволяет процессуально закрепить сведения, ранее изложенные в ходе опроса, проведенного на основании заявления или сообщения гражданина о подготавливаемом, совершенном или совершаемом преступлении. Перед началом следственного действия допрашиваемый предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Следственный осмотр денег или иных ценностей, которые предстоит передать взяточнику, является следующим следственным действием. Если предметом взятки являются

денежные купюры, то необходимо на них нанести специальные обозначения химическим веществом, которые не видны визуально, но будут выявляться в ультрафиолетовом свете, а также переписать серии и номера банкнот [5, с. 175–176].

В процессе осмотра предмет взятки должен быть сфотографирован по правилам масштабной фотосъемки. Осмотренные предметы взятки должны быть упакованы в конверт либо пакет, который также обрабатывается ранее использованным химическим веществом. После обработки предмета взятки и его упаковки образец примененного химического вещества целесообразно нанести на чистый лист бумаги, который затем упаковывается в отдельный конверт. Конверт заверяется подписями понятых, присутствующих при осмотре предмета взятки, и скрепляется печатью следователя. Это необходимо для проведения в будущем экспертизы.

В протоколе осмотра предмета взятки подлежат отражению объяснения заявителя: почему он соглашается на передачу материальных ценностей, где и при каких обстоятельствах они будут переданы взяткополучателю; факт вручения потерпевшему предмета взятки [6, с. 16].

Для негласной фиксации разговора между потерпевшим и взяткополучателем, как до передачи денег (имущества), так и в процессе их передачи применяют специальную технику. Для этих целей используют малогабаритные магнитофоны (диктофоны). Перед вручением магнитофона (диктофона) производится осмотр технического средства. В протоколе его осмотра указывают техническое состояние и параметры цифрового магнитофона (диктофона), а также флеш-карты, ее внешний вид, индивидуальные особенности, отсутствие записи (производится прослушивание флеш-карты). После этого записывается исходная информация об основании (заявление о преступлении) и цели данного действия, участниках следственного действия, месте и времени предстоящей записи переговоров между субъектами взяточничества.

Большое значение имеет инструктаж гражданина, принимающего активное участие в раскрытии и изобличении взяточника. Его инструктируют о порядке использования переданного ему технического средства и его возможностях, а также определяют задачи, стоящие перед ним.

Проводится самостоятельное мероприятие, направленное на распределение обязанностей между членами следственно-оперативной группы (далее – СОГ), и их инструктаж.

До непосредственного задержания взяточника с поличным проводятся ОРМ, направленные на изучение лица (лиц), совершившего вымогательство взятки. В этих целях возможно проведение таких ОРМ, как негласный оперативный опрос, наблюдение, контроль в сетях электросвязи и др.

Не менее значимым является ознакомление с обстановкой места предстоящей передачи предмета взятки. Если задержание с поличным предстоит провести на открытой местности, то в этом случае учитывается наличие на участке предполагаемого захвата проходных дворов и подъездов, параллельных улиц, переулков.

Если для передачи предмета взятки выбрано помещение, то оно изучается по планам, схемам, строительным чертежам, которые получают в домоуправлениях, бюро технической инвентаризации.

Следующим этапом после подготовки является непосредственно задержание с поличным. Для этого СОГ заблаговременно, вместе с лицом, способствующим задержанию и изобличению взяточника, выезжает на место, где должна состояться передача предмета взятки.

Прибыв на место, члены СОГ распределяются согласно выполняемым функциям и занимают заранее определенные точки. Гражданин, содействующий раскрытию преступления, вступает в контакт с взяткополучателем.

После передачи предмета взяткополучателю производится немедленное его задержание. Задержание с поличным должно быть неожиданным для лица, получившего взятку. При задержании необходимо использовать способы, позволяющие ограничивать действия преступника, и исключить возможность выброса (уничтожения) предмета взятки.

Если до задержания с поличным предварительная запись переговоров между субъектами взяточничества не производилась либо характер угроз при вымогательстве взятки не

конкретизирован, то лицу, содействующему раскрытию преступления, следует не только передать предмет взятки, но и завести разговор с взяточполучателем. В процессе такого разговора может быть получена и зафиксирована техническими средствами информация о требовании взятки и угрозе, возможно реализуемой при его не выполнении.

В процессе задержания взяточника необходимо быть готовым к попыткам задерживаемого уничтожить предмет взятки или иные изобличающие предметы и документы. Предусматривается и возможность заявления взяточника о наличии законных оснований для получения денег, ценностей (например, о якобы возвращенном долге либо о том, что предмет взятки забыт посетителем).

После задержания осуществляется личный обыск взяточполучателя. Личный обыск производится с учетом следующих особенностей:

- необходимо исключить возможность выброса изобличающих предметов;
- обыск фиксируется при помощи видеотехники;
- извлечение предмета взятки из карманов подозреваемого, иных носимых предметов целесообразно поручить одному из понятых (в дальнейшем исключается заявление о манипуляциях работников милиции).

Если же предмет взятки обнаруживается и изымается следователем или оперативным работником, то им необходимо обращать внимание понятых на момент его извлечения из кармана, а также на его индивидуальные признаки. В дальнейшем в протоколе личного обыска фиксируется, из какого кармана или носимого предмета был изъят предмет взятки и его индивидуальные признаки. После этого он помещается в упаковку, которая скрепляется печатью, подписями следователя и понятых. В протоколе личного обыска делается отметка о производившейся видеозаписи. Если предмет взятки при личном обыске не обнаруживается, то проводится обыск помещения, в котором произошла его передача. Он проводится также и для обнаружения денег, ценностей и имущества, нажитого преступным путем, предметов и документов, свидетельствующих о связях субъектов взяточничества. Данный обыск, как правило, завершается наложением ареста на имущество. В случае задержания с поличным, обыск проводится сразу после задержания, параллельно с осмотром места происшествия. Если задержание с поличным производилось за пределами помещений, то, затем, обыск проводится на рабочем месте подозреваемого, по месту его жительства, а также по месту работы и жительства лиц, связанных с взяточником.

После задержания целесообразно произвести допрос. Его проводят в помещении, где происходило задержание, либо в ином административном здании или в автомобиле, на котором прибыла оперативная группа, если передача взятки производилась на нейтральной территории. При этом обязательно необходимо произвести его видеозапись в целях предупреждения в последующем отказа преступника от показаний, данных в качестве подозреваемого.

В ходе первого допроса подозреваемого особое внимание следует обратить на установление всех деталей передачи взятки и тех действий (бездействия), которые взяточник совершил или должен был совершить в интересах взяточдателя, а также на выяснение их связей.

Вопросы, задаваемые в момент такого допроса, должны быть просты по форме и содержанию. Их выяснение создает основу для изобличения взяточполучателя. Ценность такого допроса состоит в том, что взяточполучатель, будучи неожиданно задержанным с поличным, не успевает придумать себе «легенду». В ходе допроса реализуется такой эффективный тактический прием пресечения лжи, как внезапность. Следует помнить, что в дальнейшем взяточполучатель может не только отказаться от первичных показаний, но и компрометировать правоохранительные органы, обвиняя их в применении незаконных методов для получения признания. Поэтому в процессе допроса подозреваемого, который надо рассматривать как экспресс-допрос, должны использоваться такие приемы, которые лишат его возможности обвинять следователя в нажиме или применении недозволенных методов. Самый распространенный и простой тактический прием, который должен применяться при допросе – собственноручная запись показаний или внесение в протокол допроса изменений и дополнений. При применении такого приема нужно стремиться, чтобы запись была подробной, отражала

основное содержание действий и разговоров подозреваемого с потерпевшим. Это не дает полной гарантии от указанных выше нежелательных последствий. Поэтому, при его реализации, необходимо «подстраховаться» от ссылок на плохое здоровье во время дачи показаний и обвинения в использовании физического насилия. В этих целях, сразу после допроса, проводится освидетельствование подозреваемого. Очень эффективный и имеющий широкое распространение прием – видеозапись допроса. Его преимущество в том, что он наглядно исключает всякую возможность применения незаконных методов, поэтому не требует освидетельствования на предмет отсутствия телесных повреждений.

Освидетельствование взяточполучателя проводится с целью обнаружения на его теле и одежде химического вещества, которым был обработан предмет взятки. Такое действие оправдано, если взяточполучатель прикасался к предмету взятки. В противном случае проводить освидетельствование нецелесообразно.

Необходимость в проведении освидетельствования может быть вызвана оказанным в процессе задержания сопротивлением, а также целью исключения возможных заявлений подозреваемого о причинении ему телесных повреждений в процессе задержания и после него.

Осмотр места происшествия проводится с целью уточнения обстановки, в которой происходила передача взятки. Основные решаемые при этом задачи: зафиксировать следы пребывания субъектов взяточничества на месте передачи взятки, обнаружить предмет взятки или его части, упаковочные материалы, документы, в которых отражены действия задержанного в интересах потерпевшего и т. п. Следователям необходимо во всех случаях производить осмотр данного места, так как в момент задержания взяточник старается избавиться от изолирующих его предметов. Обнаруженные предметы и документы затем подвергаются более детальному осмотру. Особое внимание обращается на документы, свидетельствующие:

- о незаконности действий (бездействия) должностного лица;
- об обстоятельствах, создавших условия, способствующие взяточничеству.

Кроме осмотра места происшествия целесообразно провести иные виды следственного осмотра. Например, объектом осмотра является одежда, в которой находился подозреваемый в момент задержания. В ходе ее осмотра осуществляется поиск следов, образовавшихся от химического вещества, которым обрабатывался предмет взятки.

Осмотр предмета взятки предполагает выявление следов рук взяточполучателя, а также ранее нанесенных на денежные купюры специальных химических веществ.

В отличие от других предметов, осмотр материалов звукозаписи (видеозаписи) требует не только внешнего исследования, но и изучения тех данных, которые зафиксированы на цифровых носителях.

В протоколе осмотра должно найти отражение: наименование; тип носителя; индивидуальные признаки флэш-карты. После внешнего осмотра приступают к исследованию информации, содержащейся на представленном носителе. Для воспроизведения записанной информации целесообразно использовать те же технические средства, которые применялись при ее записи. В случае невозможности их использования, применяются иные исправные технические средства, исключающие возможность повреждения либо уничтожения записи. В протоколе необходимо отметить наименование технического средства, применяемого для воспроизведения записи, его тип и технические характеристики.

При прослушивании фонограммы или просмотре видеозаписи необходимо обращать внимание на ее качество, наличие шумов, посторонних записей и др. Содержание информации, записанной на носителе, переводится в машинописный текст и заносится в протокол осмотра. Наличие протокола исключает в последующем необходимость дополнительного воспроизведения записи.

Доказательственное значение результатов тактической операции зависит от процессуальной формы их закрепления. Вместе с тем, необходимо помнить, что материалы ОРД не имеют доказательственного значения. Но они могут быть использованы в целях доказывания в уголовном процессе (ст. 49 Закона об ОРД).

Оценка хода и результатов тактической операции предполагает анализ приобретенного опыта, позволяет выявить недостатки в ее организации, подготовке, выборе метода и тактических средств.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать некоторые выводы:

Во-первых, тактическая операция по задержанию взяточника с поличным является комплексным тактическим средством, представляющим собой совокупность следственных, организационных и других действий, а также оперативно-розыскных и иных мероприятий. Проведение тактической операции обеспечивает раскрытие, расследование преступления, а также изобличение виновного в его совершении.

Во-вторых, необходимо совершенствование тактических операций, их единообразное понимание и проведение в рамках возбужденного уголовного дела. Это будет способствовать результативному сбору доказательств и изобличению взяточника при его задержании с поличным.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Грицаев, С. И. Некоторые аспекты организации расследования взяточничества / С. И. Грицаев, В. В. Помазаев, И. В. Родевич // Организационно-методические проблемы расследования : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Д. Зеленский. – Краснодар : КубГАУ, 2016. – 180 с.
3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Долинин, В. Н. Особенности тактической операции «задержание с поличным» при расследовании взяточничества / В. Н. Долинин // Рос. юрид. журн. – 2015. – № 3. – С. 174–178.
6. Хлус, А. М. Расследование взяточничества / А. М. Хлус. – Минск : НО ООО «Б ИП-С», 2004. – 65 с.

Дата поступления: 26.04.2017

A. M. Khlus

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor
Belarusian State University
Minsk, Belarus

PROBLEMS OF CONDUCTING AND CONTENT OF TACTICAL OPERATIONS IN DETENTION BRIBE TAKERS IN THE ACT

The article deals with the peculiarities of bribe-taking with red-handedness in the situation of bribe extortion. Such detention is often performed during an operational experiment, the non-procedural nature of which does not contribute to the formation of evidence.

The author focuses attention on a tactical operation carried out only after the institution of a criminal case, which does not always have enough grounds to be initiated. In the conditions of insufficient information about the crime, it is proposed to be considered the citizen's application for extortion of a bribe not only as an excuse for initiating a criminal case, but also as an information message indicating the signs of a crime.

Keywords: bribery, investigation situation, detention in the act, tactical operation.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

УДК 341.24:340.69

Е. П. Хаткевич

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: chuprina81@inbox.ru

А. А. Куприянова

кандидат юридических наук

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье предлагаются методические подходы к исследованию международного сотрудничества Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности. Авторы обосновывают, что при определении объекта данного исследования следует исходить из того, что в основе всякого сотрудничества лежит понятие «социальное взаимодействие», сущность которого представляет обмен индивидуальными деятельностями. Помимо типов обмена деятельностей, в статье указываются уровни и направления изучения международного сотрудничества Республики Беларусь в обозначенной сфере. Формулируется его цель как совершенствование судебно-экспертной деятельности и расширение территориальных границ ее осуществления в интересах Республики Беларусь и мирового сообщества, в целом. Называются интересы, которыми предопределяется эта цель, а также задачи, решение которых необходимо для ее достижения. Авторы статьи также уделяют внимание вопросу о круге субъектов международного сотрудничества.

Ключевые слова: международное сотрудничество, социальное взаимодействие, обмен индивидуальными деятельностями, национальная и международная системы судопроизводства, судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, судебно-экспертное учреждение, Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь.

Для современного этапа развития общества характерна глобализация всех сфер человеческой деятельности, включая судопроизводство и его неотъемлемую часть – судебно-экспертную деятельность. Это обусловлено рядом объективных причин, таких как: бурный рост миграции населения, сопровождающийся активизацией транснациональной преступности; усиление экономических интеграционных процессов, неизбежно порождающих возникновение экономических споров между государствами; появление глобальных проблем экологического характера, требующих не только своего решения, но и установления субъектов международного права, ответственных за их возникновение и усугубление, и т. д. Как следствие, в мировой практике заключается все больше международных договоров (соглашений, конвенций), регулирующих вопросы оказания правовой и, в том числе, судебно-экспертной помощи. Создаются международные правоохранительные и судебные органы, объединения судебных экспертов (в числе последних примеров – созданный в 2004 г. Международный судебно-экспертный стратегический альянс – International Forensic Strategic Alliance (IFSA), объединивший к 2012 г. региональные сети судебно-экспертных лабораторий всех континентов мира).

Не остается в стороне от мировых тенденций и Республика Беларусь. С момента объявления о своей независимости в 1991 г. она подписала несколько многосторонних (Минская конвенция 1993 г., Кишиневская конвенция 2002 г.) и десятки двусторонних договоров о правовой помощи по уголовным, гражданским, хозяйственным делам, а также ряд соглашений о сотрудничестве в области судебной экспертизы. В 2013 г. в республике была создана новая централизованная система государственных органов, осуществляющих полномочия в сфере судебно-экспертной деятельности – Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – Государственный комитет), одной из основных задач которого стала организация и развитие в пределах своей компетенции международного сотрудничества в указанной сфере. Эта задача успешно решается. Государственный комитет и подчиненные ему структуры ведут активную работу по заключению договоров о сотрудничестве с судебно-экспертными институтами, научными организациями и учреждениями образования стран ближнего и дальнего зарубежья, организации и проведению международных мероприятий (конференций, семинаров, круглых столов, мастер-классов и т. п.) в целях обмена опытом и сами принимают участие в различных международных мероприятиях, проектах, программах. Практика показывает, что интерес нашей страны к сотрудничеству в сфере судебно-экспертной деятельности с другими государствами взаимен.

Актуальность темы обуславливает необходимость ее изучения на глубоком теоретическом уровне. Отдельные вопросы международного судебно-экспертного сотрудничества исследовались в работах таких авторов, как: Т. М. Бекбулатова, Ж. Л. Бекжанов, Р. С. Белкин, В. Е. Бородаев, Н. В. Говорина, В. В. Гулевская, М. М. Дауленов, О. В. Домнина, И. П. Карлин, С. А. Кузьмин, И. М. Нурбеков, Г. Г. Омелянюк, С. А. Смирнова, А. И. Усов, Е. Е. Фектистова, Х. М. Хавлла, Х. А. Хасан, В. С. Хижняк, О. И. Цоколова, и многих других. Хотелось бы особо выделить две российские диссертации, в которых указанные вопросы изучались не в рамках других тем, а в качестве объекта самостоятельного исследования – это кандидатская диссертация И. Э. Никитиной на тему «Европейское сотрудничество в сфере судебно-экспертной деятельности» (2011 г.) [1] и докторская диссертация Ш. Н. Хазиева на тему «Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности» (2016 г.) [2].

Международное сотрудничество Республики Беларусь в рассматриваемой сфере пока не было объектом самостоятельного изучения на уровне монографического исследования. Отдельные авторы (С. А. Евмененко, С. Н. Нефедов, С. В. Чашин) исследуют возможности заимствования нашей страной передового зарубежного опыта в области обеспечения качества судебно-экспертной деятельности.

Целью настоящей статьи является разработка теоретических предпосылок изучения международного сотрудничества Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности, которые будут способствовать обеспечению полноты и всесторонности его исследования, повышению эффективности организации исследовательской работы, правильному структурированию ее результатов.

Определенная нами цель, в первую очередь, предполагает выявление сущности и содержания отдельных элементов, образующих понятие «международное сотрудничество Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности». Одним из таких элементов является понятие «сотрудничество».

В литературе можно найти несколько его определений, однако все они близки по содержанию и различаются несущественно: сотрудничество – «тип взаимоотношений людей между собой в процессе деятельности, характеризующийся согласованностью, слаженностью мнений и действий» [3, с. 739]; «в психологическом смысле: позитивное взаимодействие, в котором цели и интересы участников совпадают либо достижение целей одних участников возможно только через обеспечение интересов и устремлений других его участников» [4]; «сотрудничество подразумевает взаимосвязанные действия индивидов, направ-

ленные на достижение своих целей, с обоюдной выгодой для взаимодействующих сторон» [5, с.122]. Все приведенные определения прямо или косвенно содержат указание на философскую категорию «взаимодействие».

Сотрудничество представляет собой один из двух основных типов социального взаимодействия, выступая в качестве антагониста соперничества. «Сотрудничество предполагает наличие общих, совместных целей, – отмечает О. А. Врублевская, – ...и строится на основе взаимоподдержки, взаимопомощи, признательности, уважения, стремления учитывать интересы партнера... Соперничество предполагает наличие единого неделимого объекта притязаний... Оно характеризуется стремлением опередить, отстранить, подчинить или уничтожить соперника» [6, с. 63].

Авторы ряда философских, психологических и социологических исследований обосновывают положение о том, что в основе всякого социального взаимодействия лежит так называемый «обмен индивидуальных деятельностей» [7, с. 81; 8, с. 118; 9, с. 24]. «Обмен деятельностей, – пишет Л. Николов, – вообще имеет место тогда, когда и в силу чего деятельность любого из участвующих в ней субъектов имеет значение положительного или отрицательного условия для деятельности остальных участвующих субъектов и может повлиять на последнюю» [8, с. 120]. С учетом представлений о сотрудничестве как «позитивном взаимодействии», полагаем, что в случае сотрудничества речь может идти только о положительном значении деятельности каждого из участников для деятельности остальных.

Обмен деятельностей подразделяется на три основных типа: 1) субъекты выполняют роли сопроцессентов некоторой деятельности; 2) один или несколько субъектов создают продукт, служащий в качестве предмета или средства в деятельности другого или других субъектов; 3) один или более субъектов находятся в положении предмета деятельности другого или других субъектов [8, с. 119–120]. Заметим, что обмен деятельностей необязательно предполагает, что деятельность субъектов будет совместной – она может быть и обособленной, но при этом должна быть взаимосвязанной.

Конкретные направления деятельности, осуществляемой в рамках указанных типов обмена, следует определять, с учетом предмета нашего исследования, исходя из содержания понятия «судебно-экспертная деятельность». Однако прежде необходимо сделать важную оговорку.

Термин «судебно-экспертная деятельность» является частью лексической системы русского языка. При поиске его эквивалента в других языках (используемых в государствах, сотрудничество с которыми изучается) неизбежно возникает проблема расхождения объемов терминов исходного языка и языка перевода. «Абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима», – подчеркивает В. Н. Комиссаров [10, с. 38]. Даже в тех странах, где население широко использует русский язык, а правовая система и понятийный аппарат юридической науки близки нашим, данный термин определяется законодателем по-разному, не говоря уже о научных кругах. С учетом сказанного, при выявлении направлений деятельности Республики Беларусь в обозначенной сфере в рамках ее сотрудничества с другими государствами считаем допустимым отталкиваться от определений термина «судебно-экспертная деятельность», закрепленных в нормативных правовых актах нашей республики, а также представлений о его содержании, изложенных в научных работах белорусских авторов.

В Республике Беларусь пока не принят Закон «О судебно-экспертной деятельности». В абз. 3 п. 422-4 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 г. № 450, судебно-экспертная деятельность определена как возмездное оказание услуг судам (судьям), органам дознания, следователям, прокурорам, иным участникам уголовного, гражданского, хозяйственного, административного процесса в установлении фактических обстоятельств дела, подлежащих доказыванию по делам, рассматриваемым в суде, делам об административных правонаруше-

ниях, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и иных сферах деятельности. Учеными-криминалистами данное определение было подвергнуто обоснованной критике как не содержащее основных характеристик деятельности судебного эксперта (ее исследовательского характера, процессуального статуса и др.) [11, с. 35–36]. Соглашаясь по существу с этими аргументами, заметим, что упомянутый п. 422-4 содержит оговорку, в соответствии с которой термин «судебно-экспертная деятельность» используется в таком понимании для целей главы 41-1 Положения и п. 35-1 приложения 1 к нему и, следовательно, приведенное определение не претендует на раскрытие содержания термина в полном объеме.

Отдельные белорусские авторы рассматривают содержание судебно-экспертной деятельности с учетом функций, которые выполняют государственные судебно-экспертные учреждения. К ним отнесены следующие направления: «научно-методическое обеспечение (теоретическое, методическое); организационно-правовое обеспечение; информационное обеспечение; учебно-методическое обеспечение (подготовка специалистов и повышение их квалификации, работа со следователями и судьями по изучению правил и особенностей назначения судебных экспертиз); организация и производство судебных экспертиз; профилактическая деятельность» [11, с. 36].

По мнению А. И. Шведа, «понятие судебно-экспертной деятельности должно базироваться на философском представлении о деятельности как социальной активности. ...Деятельность как социальная активность имеет свойства развивающихся систем со сложной структурой, для которых специфична самоорганизация. Структуру судебно-экспертной деятельности можно рассматривать на различных уровнях:

- действие (прием, техническая операция);
- судебная экспертиза (технология экспертного исследования);
- комплекс судебных экспертиз и исследований;
- деятельность судебно-экспертного учреждения (подразделения);
- деятельность системы государственных судебных экспертных органов;
- реализация единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности» [12, с. 329].

На наш взгляд, при изучении вопросов международного сотрудничества представленные подходы можно использовать в комплексе, поскольку они не исключают, а взаимодополняют друг друга: уровни осуществления судебно-экспертной деятельности являют собой ее вертикальный срез, а конкретные направления, обозначенные выше, – срез горизонтальный, который может быть сделан на любом из перечисленных уровней.

Поскольку на различных уровнях круг участников существенно отличается, возникает закономерный вопрос: все ли из этих участников могут претендовать на роль субъектов международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности и, соответственно, все ли уровни нужно исследовать в рамках данной темы.

В юридической литературе к вопросу о субъектах международного сотрудничества в той или иной сфере единого подхода нет. Одни авторы считают, что такое сотрудничество «строится между субъектами международного права и, прежде всего, государствами» [13, с. 15]; другие же обозначают более широкий круг субъектов, включая в него несколько групп участников, отличающихся степенью, целью участия, особенностями в характере и направлении деятельности. Например, Р. С. Тамаев к субъектам международного сотрудничества по уголовным делам относит государственные органы и должностных лиц, уполномоченных на производство уголовно-процессуальной деятельности; лиц, заинтересованных в исходе дела и отстаивающих охраняемые законом собственные, защищаемые или представляемые интересы; лиц, привлекаемых к участию в следственных и судебных действиях в связи с процессом доказывания или выполнением различных вспомогательных задач [14, с. 50–51].

Бесспорным является то, что в субъектном составе международного сотрудничества обязательно присутствие иностранного элемента: взаимодействующие субъекты должны представлять интересы различных государств. Что же касается круга субъектов, участвующих в таком сотрудничестве, то, по нашему мнению, здесь недостаточно ограничиться самими государствами. Нельзя отрицать тот факт, что реально международное сотрудничество реализуется в действиях конкретных людей и именно на этом уровне взаимодействия возникает много проблем самого различного характера, которые препятствуют достижению его конечных целей. Если исключить указанный уровень субъектов из субъектного состава международного сотрудничества, соответствующие проблемы останутся без внимания и решения, что недопустимо.

Таким образом, ни один из представленных уровней, включая первый, не должен исключаться из объекта исследования. Другое дело, что содержание конкретных направлений сотрудничества от уровня к уровню будет разным и требует самостоятельного изучения на каждом из них.

Ключевым ориентиром для формирования содержания направлений международного сотрудничества Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности должна быть его цель. Представляется, что таковая может быть сформулирована как совершенствование судебно-экспертной деятельности и расширение территориальных границ ее осуществления в интересах Республики Беларусь и мирового сообщества, в целом. Государственные и межгосударственные интересы в указанной сфере лежат в плоскости обеспечения эффективности функционирования, соответственно, национальной и международной систем судопроизводства и предопределены задачами последних.

Сформулированная нами цель предполагает решение следующих задач: гармонизация законодательств Республики Беларусь и стран-партнеров в сфере судебно-экспертной деятельности; признание результатов судебно-экспертных исследований на международном уровне; расширение круга фактических обстоятельств, устанавливаемых посредством производства судебных экспертиз; повышение степени определенности (категоричности) выводов, формулируемых в заключениях экспертов; снижение стоимости, категории сложности судебных экспертиз и сокращение сроков их производства и др.

Полагаем, что использование предложенных в настоящей статье методических подходов, основанных на понимании сущности международного сотрудничества в целом, его цели и задач, направлений и уровней его реализации в сфере судебно-экспертной деятельности, будет способствовать всестороннему и полному исследованию вопросов международного сотрудничества Республики Беларусь в указанной сфере, в ходе которого будут выявлены и изучены имеющиеся механизмы установления и укрепления международных контактов, виды и формы сотрудничества между государствами, оценена их эффективность и достаточность, обозначены способы устранения выявленных пробелов и проблем, с учетом мирового мирового опыта определены перспективные направления внутренней и внешней политики Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности.

Список использованных источников

1. Никитина, И. Э. Европейское сотрудничество в сфере судебно-экспертной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. Э. Никитина; Всерос. НИИ МВД РФ. – М., 2011. – 34 с.
2. Хазиев, Ш. Н. Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Ш. Н. Хазиев; ФБУ РФЦСЭ при МЮ РФ. – М., 2016. – 44 с.
3. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова. – Екатеринбург, 2000. – 937 с.
4. Косолапов, Н. А. Сотрудничество / Н. А. Косолапов // Глоссарий по политической психологии. – М. : РУДН, 2003. – С. 106.

5. Фролов, С. С. Основы социологии : учеб. пособие / С. С. Фролов. – М.: Юрист, 1997. – 343 с.
6. Врублевская, О. А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях / О. А. Врублевская // Вестн. Сибирск. гос. аэрокосм. ун-та им. акад. М. Ф. Решетникова. – 2006. – № 5(12). – С. 60–65.
7. Жбанкова, И. И. Социальное взаимодействие / И. И. Жбанкова // Социальное действие / под ред. Ю. А. Харины. – Минск, 1980. – Гл. 3. – С. 77–93.
8. Николов, Л. Структуры человеческой деятельности / Л. Николов; под. общ. ред. Л. П. Буйвой. – М. : Прогресс, 1984. – 176 с.
9. Общение и оптимизация совместной деятельности / каф. соц. психологии фак. психологии Моск. гос. ун-та, каф. психологии филос. фак. Карлова ун-та; под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушека. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – 304 с.
10. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.
11. Куприянова, А. А. Перспективы развития государственной судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь / А. А. Куприянова // Законность и правопорядок. – 2011. – № 2(18). – С. 35–39.
12. Швед, А. И. Анализ проблемы системы теории судебной экспертизы в свете учения о судебно-экспертной деятельности / А. И. Швед // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / НППЦ пробл. укрепл. закон-ти и правопорядка Ген. прок-ры Респ. Беларусь; редкол. : В. М. Хомич [и др.]. – Минск, 2016. – Вып. 9. – С. 326–330.
13. Самарин, В. И. Взаимодействие органов Республики Беларусь, ведущих уголовный процесс, с учреждениями юстиции иностранных государств по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. И. Самарин. – Минск, 2006. – 308 л.
14. Тамаев, Р. С. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью : дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.04 / Р. С. Тамаев. – М., 2002. – 163 л.

Дата поступления: 03.04.2017

E. P. Khatkevich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

A. A. Kupriyanova

Candidate of Juridical Sciences

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

THEORETICAL BACKGROUND OF THE STUDY OF INTERNATIONAL COOPERATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE SPHERE OF FORENSIC ACTIVITY

Methodical approaches to studying the international cooperation of the Republic of Belarus in the sphere of forensic activity are proposed in the article. The authors justify that when defining the object of the study it should be assumed that any cooperation is based on the concept of «social interaction»; the essence of this concept is the exchange of individual activities. Besides the types of activities' exchange, the article shows levels and directions of studying the international cooperation of the Republic of Belarus in the sphere announced. The goal of this cooperation is defined as the improvement of forensic activity and the extension of its territorial borders to the benefit of the Republic of Belarus and world community. The interests predetermining this goal are named as well as the tasks that need to be solved in order to reach it. The authors of the article also focus on the issue of international cooperation's subjects.

Keywords: international cooperation, social interaction, exchange of individual activities, national and international system of legal procedures, forensic examination, forensic activity, forensic institution, State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus.

УДК 343.985

Е. П. Орехова

кандидат юридических наук

Белорусский государственный университет

г. Минск, Беларусь

E-mail: orekhovaep@gmail.com

СУБЪЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье с учетом мнений различных ученых, на основании сравнительно-правового анализа соответствующих норм белорусского и зарубежного законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность, рассматривается вопрос о правовом статусе субъектов судебно-экспертной деятельности. Предлагается авторское определение термина «судебный эксперт». Отмечается возможность унификации объема прав и обязанностей судебного эксперта в уголовном, административном, гражданском и хозяйственном процессах. В статье обращается внимание на целесообразность разработки и принятия Закона «О судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь».

Ключевые слова: судебная экспертиза, специальные знания, эксперт, права эксперта, обязанности эксперта, руководитель судебно-экспертного учреждения.

В Республике Беларусь действует Закон «О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь» [1], который, по сути, стал первым нормативным правовым актом, унифицировавшим требования и правовой статус судебных экспертов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Однако, кроме названного Государственного комитета, судебные экспертизы проводятся в органах Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Государственном пограничном комитете Республики Беларусь, Государственном таможенном комитете Республики Беларусь, а также юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, получившими лицензии на осуществление судебно-экспертной деятельности в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» [2]. Кроме этого, экспертизы могут проводить лица, имеющие необходимые специальные знания (познания) в разовом порядке. Как видим, в настоящее время достаточно широкий круг субъектов имеет право проводить судебную экспертизу. В связи с этим актуальным и практически значимым является вопрос об определении субъектов судебно-экспертной деятельности и их правового статуса.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) (ст. 61) [4], Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) (ст.ст. 96, 97, 98) [5], Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК) (ст. 70) [6], Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) (ст. 4.7) [7] закреплено, кто может быть экспертом, а также раскрывается правовой статус эксперта в соответствующих процессах. Однако в настоящее время в белорусском законодательстве прямо не определено, кто относится к субъектам судебно-экспертной деятельности.

В начале 2000-х в Беларуси предпринималась попытка разработать Закон «Об основах судебно-экспертной деятельности» [8], в котором в ст. 5 указывалось, что субъектами экс-

пертной деятельности являются орган (лицо), назначивший экспертизу; государственные экспертные учреждения и экспертные подразделения республиканских органов государственного управления; негосударственные организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие судебно-экспертную деятельность; судебные эксперты. Однако 21 июня 2005 г. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь принято постановление об отклонении проекта Закона «Об основах судебно-экспертной деятельности» [9, с. 30].

В настоящее время поднимается вопрос о принятии Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности», который бы упорядочил судебно-экспертную деятельность, объединил положения о ней в единый законодательный акт [10, с. 12–14], в том числе определил бы требования к субъектам судебно-экспертной деятельности. Присоединяясь к мнению А. В. Клинчука, Л. О. Занимон [10], отметим, что данный законопроект должен быть направлен на упорядочение судебно-экспертной деятельности, определение требований к субъектам судебно-экспертной деятельности, относительную унификацию правового статуса судебного эксперта в уголовном, гражданском, хозяйственном и административном процессах.

В аспекте сравнительного правоведения следует отметить, что в ряде государств бывшего СССР приняты законы о судебной экспертизе. Так, в ст. 7 Закона Украины «О судебной экспертизе» [11] используется понятие субъекты судебно-экспертной деятельности. Судебно-экспертную деятельность осуществляют государственные специализированные учреждения, а также в случаях и на условиях, определенных названным Законом, судебные эксперты, не являющиеся работниками указанных учреждений. К государственным специализированным учреждениям относятся: научно-исследовательские учреждения судебных экспертиз Министерства юстиции Украины; научно-исследовательские учреждения судебных экспертиз, судебно-медицинские и судебно-психиатрические учреждения Министерства здравоохранения Украины; экспертные службы Министерства внутренних дел Украины, Министерства обороны Украины, Службы безопасности Украины и Государственной пограничной службы Украины. Исключительно государственными специализированными учреждениями осуществляется судебно-экспертная деятельность, связанная с проведением криминалистических, судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз. Для проведения некоторых видов экспертиз, которые не осуществляются исключительно государственными специализированными учреждениями, по решению лица или органа, назначивших судебную экспертизу, могут привлекаться кроме судебных экспертов также другие специалисты в соответствующих областях знаний.

В законах Азербайджана («О деятельности государственной судебной экспертизы» от 18.11.1999 г. [12]), Казахстана («О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан» от 20 января 2010 г. [13]), Литвы («О судебной экспертизе» от 29.10.2002 г. [14]), Молдовы («О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта» от 14.04.2016 г. [15]) законодатель не использует понятие «субъекты судебно-экспертной деятельности», вместо этого разъясняется термин «судебный эксперт», закрепляется, кто и кем может быть назначен судебным экспертом, определяются требования к судебному эксперту, руководителю судебно-экспертного подразделения, права, обязанности и ответственность судебного эксперта.

В Российской Федерации в настоящее время действует Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [16], который касается только осуществления судебно-экспертной деятельности в государственных учреждениях, но в нем также не используется термин «субъекты судебно-экспертной деятельности». В настоящее время в Государственную Думу внесен проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3], разработчики которого сочли необходимым унифицировать правовое положение негосударственных судебных экспертов в соответствии со статусом экспертов государственных учреждений. По мнению

С. И. Комарицкого, «такой подход российского законодателя является прогрессивным, поскольку правовой статус судебных экспертов, порядок проведения судебных экспертиз должен быть одинаковым, независимо от того, государственный или негосударственный эксперт участвует в судопроизводстве (процессе)» [17, с. 36].

На основании изучения и анализа законодательства иных государств, полагаем, что в проекте Закона Республики Беларусь, касающегося судебно-экспертной деятельности, в качестве субъектов судебно-экспертной деятельности следует определить:

- 1) Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь;
- 2) экспертные подразделения республиканских органов государственного управления, осуществляющие в соответствии с законодательными актами полномочия в сфере судебно-экспертной деятельности;
- 3) негосударственные организации и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих судебно-экспертную деятельность в соответствии с актами законодательства;
- 4) судебного эксперта;
- 5) руководителя судебно-экспертного подразделения.

В проекте Закона Республики Беларусь, касающегося судебно-экспертной деятельности, следует раскрыть правовой статус судебного эксперта, обозначая его права и обязанности, учитывая при этом действующее процессуальное законодательство Беларуси.

Стоит также отметить, что в действующем процессуальном законодательстве используется термин «эксперт». Однако, поскольку понятие «эксперт» используется в различных областях человеческой деятельности, то для конкретизации, полагаем, в проекте Закона, касающегося судебно-экспертной деятельности, ввести термин «судебный эксперт» и с принятием указанного закона внести соответствующие изменения в процессуальные кодексы.

Согласно ст. 61 УПК, экспертом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено производство экспертизы.

В административном процессе экспертом является не заинтересованное в исходе дела об административном правонарушении лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому судьей, должностным лицом органа, ведущего административный процесс, поручено производство экспертизы (ч. 1 ст. 4.7 ПИКоАП).

В качестве эксперта в гражданском судопроизводстве может быть назначено любое лицо, обладающее специальными познаниями в области науки, техники, искусства и иных сферах деятельности (ст. 96 ГПК).

Экспертом в суде, рассматривающем экономические дела, может выступать лицо, обладающее специальными познаниями в области науки, искусства, техники или ремесла, необходимыми для дачи заключения, наделенное в порядке, установленном законодательством, полномочиями на проведение экспертизы и назначенное судом, рассматривающим экономические дела, в порядке, установленном ХПК (п. 1 ст. 70 ХПК).

Анализ и синтез приведенных выше определений позволяет сделать вывод, что характеристиками судебного эксперта, на наш взгляд, должны быть:

- 1) не заинтересованное в исходе дела лицо;
- 2) лицо, обладающее специальными познаниями в области науки, техники, искусства и иных сферах деятельности;

3) лицо, которому поручено производство экспертизы. Полагаем, что непосредственно в определении «судебный эксперт» необходимо указать: «которому поручено производство экспертизы в порядке, установленном УПК, ГПК, ГПК, ПИКоАП». Такая характеристика отражается в нормах ст. 4.7 ПИКоАП и ст. 70 ХПК). При назначении судебной экспертизы решается вопрос о виде (подвиде) экспертизы, вопросах, ставящихся на разрешение экс-

перту. Это требует от лиц, назначающих экспертизу, базовых знаний о предмете, объектах, задачах, методиках судебных экспертиз. Кроме этого, такой подход позволит отграничить судебную экспертизу от иных видов экспертиз и специальных исследований.

Таким образом, полагаем, следует на законодательном уровне закрепить, что судебным экспертом является не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями (познаниями) в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому лицами, ведущими уголовный, административный, гражданский или хозяйственный процесс, поручено производство экспертизы.

Различные аспекты проблемы совершенствования правового статуса судебного эксперта рассмотрены в трудах Т. В. Аверьяновой, И. А. Анищенко, О. С. Бочаровой, А. И. Винберга, Е. Ю. Горошко, О. М. Дятлова, А. В. Дулова, Е. А. Зайцевой, Н. П. Майлис, Н. Т. Малаховской, Е. Р. Россинской, А. С. Рубиса, Е. Л. Седовой, А. Р. Шляхова [18–28] и др. ученых.

Анализ правового статуса судебного эксперта, определенный ст. 61 УПК, ст. 4.7 ПИ-КоАП, ст. ст. 97, 98 ГПК, ст. 70 ХПК, указывает на существенную разницу объема прав и обязанностей судебного эксперта при производстве экспертиз по разным категориям дел. Наибольший объем прав и обязанностей судебного эксперта предусмотрен в уголовном процессе. Исходя из теоретических подходов к правовому статусу судебного эксперта, положений законодательства, полагаем, что в проекте Закона Республики Беларусь, касающегося судебно-экспертной деятельности, следует закрепить базовый перечень прав судебного эксперта:

- 1) знакомиться с материалами, относящимися к предмету экспертизы, и выписывать из них необходимые сведения;
- 2) заявлять ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения; о привлечении к проведению экспертизы других экспертов;
- 3) с разрешения органа, назначившего экспертизу, присутствовать при производстве отдельных процессуальных действий, задавать участникам процессуальных действий вопросы, относящиеся к предмету экспертизы;
- 4) участвовать в судебных заседаниях суда, задавать вопросы, относящиеся к предмету экспертизы;
- 5) давать заключения по поставленным вопросам;
- 6) знакомиться с протоколом процессуального действия, при котором он присутствовал, а также в соответствующей части – с протоколом судебного заседания и делать подлежащие внесению в протокол замечания относительно полноты и правильности записи его действий и заключения;
- 7) подавать жалобы на действия органа, ведущего процесс, ограничивающие его права при производстве экспертизы;
- 8) получать возмещение расходов, понесенных при производстве экспертизы, и возмещение понесенных им расходов и вознаграждение за выполненную им работу, не входящую в круг его прямых служебных обязанностей.

Дополнительные права судебного эксперта могут быть предусмотрены законодательством, только исходя из специфики процесса. Например, в УПК целесообразно в качестве права эксперта закрепить возможность заявлять ходатайства о принятии мер по обеспечению его безопасности, членов семьи, близких родственников и иных лиц, которых он обоснованно считает близкими, а также имущества.

В проекте Закона Республики Беларусь, касающегося судебно-экспертной деятельности, в качестве обязанностей судебного эксперта в уголовном, административном, гражданском, хозяйственном процессах, полагаем, необходимо предусмотреть следующие:

- 1) дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- 2) отказаться от дачи заключения, если поставленные вопросы выходят за пределы его специальных познаний, либо если у него отсутствует материально-техническая база или

специальные условия для производства экспертизы, либо если представленные ему материалы недостаточны для ответа на эти вопросы, а также отказаться от дальнейшего проведения экспертизы, если он придет к выводу о невозможности дачи заключения, о чем письменно уведомить лицо, поручившее ему производство экспертизы, с обоснованием этого отказа;

3) представить органу, назначившему экспертизу, документы, подтверждающие его специальную квалификацию;

4) сообщить по требованию органа, назначившего экспертизу, сведения об отношениях с лицами, участвующими в деле;

5) являться по вызовам органа, назначившего экспертизу, для разъяснения содержания данного им заключения;

6) представить по требованию органа, назначившего экспертизу, смету расходов на производство экспертизы, сформированную в соответствии с законодательством;

7) соблюдать порядок при производстве процессуальных действий и во время судебного заседания;

8) не разглашать сведения об обстоятельствах дела и иные сведения, ставшие ему известными в связи с проведением экспертизы, если он был предупрежден об этом органом, назначившим экспертизу;

9) заявлять самоотвод в случаях, установленных законодательством.

В проекте Закона Республики Беларусь, касающегося судебно-экспертной деятельности, полагаем, также необходимо закрепить, что эксперт не вправе:

1) помимо органа, назначившего экспертизу, вести переговоры с участниками процесса по вопросам, связанным с производством экспертизы;

2) самостоятельно собирать материалы для исследования, за исключением отбора образцов для сравнительного исследования по указанию органа, назначившего экспертизу;

3) проводить исследования, которые могут повлечь за собой полное или частичное уничтожение объектов экспертизы либо изменение их внешнего вида или основных свойств, если на это не было специального разрешения органа, назначившего экспертизу.

Руководитель судебно-экспертного учреждения также является субъектом судебно-экспертной деятельности. В ст. 230 УПК, ст. 10.17 ПИКоАП, ст. 223 ГПК, п. 3 ст. 93 ХПК закреплено, что руководитель судебно-экспертного учреждения:

1) поручает проведение экспертизы одному или нескольким экспертам;

2) разъясняет экспертам их права и обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным кодексом, предупреждает об ответственности, установленной законодательными актами, о чем берет у них подписку, которая вместе с заключением эксперта направляется органу, назначившему экспертизу.

Поскольку руководитель судебно-экспертного учреждения знакомится с материалами, поступившими на экспертизу, полагаем, что в проекте Закона Республики Беларусь, касающегося судебно-экспертной деятельности, следует закрепить, что руководитель обязан не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с организацией и проведением экспертизы.

Обобщая изложенные результаты работы, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Представляется необходимым разработать и принять Закон «О судебно-экспертной деятельности», в котором, кроме прочего, определить субъектов судебно-экспертной деятельности, их объем прав и обязанностей.

2. В Законе «О судебно-экспертной деятельности» нами предлагается закрепить термин «судебный эксперт» с внесением соответствующих изменений в процессуальные кодексы. Судебным экспертом является не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями (познаниями) в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому лицами, ведущими уголовный, административный, гражданский или хозяйственный процесс, поручено производство экспертизы.

3. Полагаем, в большей части следует унифицировать объем прав и обязанностей судебного эксперта в уголовном, административном, гражданском, хозяйственном процессах путем внесения соответствующих изменений в УПК, ПИКоАП, ГПК, ХПК, а также внесением соответствующей статьи в проект Закона «О судебно-экспертной деятельности».

Список использованных источников

1. О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 293-З // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 01 сент. 2010 г., № 450 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 26.11.2015 г. № 475 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : проект Федер. закона, № 306504-6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=107690#0>. – Дата доступа : 31.01.2017.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г., одобрен Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
6. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г., одобрен Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
7. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г., одобрен Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
8. Об основах судебно-экспертной деятельности: проект Закона Респ. Беларусь (снят с рассмотрения) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sudmed.mogilev.by/proiekt-zakona-riespubliki-bielarus-o-sudiebno-ekspiernoi-dieiatelnosti.html>. – Дата доступа : 14.07.2016.
9. Габриянич, А. Б. О правовом регулировании судебно-экспертной деятельности / А. Б. Габриянич // Актуальные проблемы науки XXI века; Минск. ин-т упр. – Минск, 2012. – С. 28–31.
10. Клиничук, А. В. Концептуальные основы регулирования судебно-экспертной деятельности / А. В. Клиничук, Л. О. Занимон // Судебная экспертиза Беларуси. – 2016. – № 1(2). – С. 12–15.
11. О судебной экспертизе : Закон Украины, 25 февр. 1994 г., № 4038-ХП (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/4038-12>. – Дата доступа : 31.01.2017.
12. О деятельности государственной судебной экспертизы : Закон Азербайджанской Республики, 18 нояб. 1999 г., № 758-II (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2704#A000000013. – Дата доступа : 31.01.2017.
13. О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан : Закон Респ. Казахстан, 20 янв. 2010 г., № 240-IV (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30560032#pos=1;-315. – Дата доступа : 31.01.2017.
14. О судебной экспертизе : Закон Литовской Республики, 29 окт. 2002 г., № IX-1161 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=463687. – Дата доступа : 31.01.2017.
15. О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта: органический закон Респ. Молдова, 14 апр. 2016 г., № 68 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=365259>. – Дата доступа : 31.01.2017.

16. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федер. закон, 31 мая 2001 г., № 73-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=176337#0>. – Дата доступа : 31.01.2017.
17. Комарицкий, С. И. Проект закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и проблема участия в проведении судебной экспертизы негосударственных экспертов / С. И. Комарицкий // Юрист. – 2014. – № 17. – С. 36–41.
18. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – М. : Норма, 2007. – 479 с.
19. Винберг, А. И. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебной экспертизы) : учеб. пособие / А. И. Винберг, Н. Т. Малаховская / Отв. ред. Б. А. Викторов. – Волгоград : НИРИО, 1979. – 184 с.
20. Горошко, Е. Ю. Теория судебной экспертизы: курс лекций / Е. Ю. Горошко, И. А. Анищенко. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 219 с.
21. Дулов, А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы / А. В. Дулов; под ред. Д. С. Карева. – Минск : ИМВССиПО БССР, 1962. – 408 с.
22. Дятлов, О. М. Криминалистика и судебная экспертиза / О. М. Дятлов, Д. В. Капский, О. С. Бочарова. – Минск : БНТУ, 2008. – 291 с.
23. Зайцева, Е. А. Правовой институт судебной экспертизы в современных условиях / Е. А. Зайцева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – 188 с.
24. Майлис, Н. П. Введение в судебную экспертизу / Н. П. Майлис. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 112 с.
25. Подготовка и назначение экспертиз : пособие для следователей, судей и экспертов / А. С. Рубис [и др.]; НИИКиСЭ М-ва юстиции Респ. Беларусь. – Минск : Харвест, 2006. – 320 с.
26. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – М. : Норма, 2011. – 736 с.
27. Седова, Е. Л. К вопросу о профессионально важных качествах судебного эксперта / Е. Л. Седова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НИИКиСЭ М-ва юстиции Респ. Беларусь; редкол. : А. С. Рубис (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2008. – Вып. 2 (24). – С. 147–150.
28. Шляхов, А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А. Р. Шляхов. – М. : Юрид. лит., 1979. – 168 с.

Дата поступления: 05.04.2017

K. P. Orekhova

Candidate of Juridical Sciences
Belarusian State University
Minsk, Belarus

ACTORS OF FORENSIC ACTIVITY

The article considers the issue of the legal status of actors of forensic expert activity based on opinions of various scientists and comparative legal analysis of the Belarusian and foreign legislation. The author's definition of the term «forensic expert» is suggested. It is proposed to unify the rights and responsibilities of a forensic expert in the criminal, administrative, civil and economic proceedings. The article proves the expediency of adopting the Law «On Forensic Inquiry Activities in the Republic of Belarus».

Keywords: forensic inquiry, expertise, forensic expert, expert rights, responsibilities of the forensic expert, head of forensic science institution.

УДК 347.948.2

Л. Ф. Парамонова

кандидат юридических наук

Институт судебных экспертиз по Павлодарской области

Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан

г. Павлодар, Казахстан

E-mail: flid66@mail.ru

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассмотрены этапы развития законодательства Республики Казахстан, регламентирующего судебно-экспертную деятельность, в период с 1997 по 2017 гг. Методами системно-структурного и сравнительно-правового анализа проведено сравнение правовых норм трех законов о судебно-экспертной деятельности.

Рассмотрены новеллы Закона Республики Казахстан от 10 февраля 2017 г. «О судебно-экспертной деятельности». Особо отмечены главы, регламентирующие деятельность Палаты судебных экспертов Республики Казахстан, процедуру валидации методик и методов судебной экспертизы.

Проведенный анализ может представлять интерес для зарубежных коллег.

Ключевые слова: судебная экспертиза, законы о судебно-экспертной деятельности, судебный эксперт, Палата судебных экспертов, валидация.

Законодательную основу судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД) в Республике Казахстан до принятия первого Закона о судебной экспертизе (1997 г.) составляло уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное законодательство, а также законодательство по делам об административных правонарушениях и другие нормативные правовые акты.

Принятый закон отличал небольшой объем норм, фрагментарная регламентация судебно-экспертной деятельности, что отражено и в названии: «О судебной экспертизе» [1]. В законе было 6 разделов: «Общие положения», «Судебная экспертиза», «Судебный эксперт», «Научно-методическое и учебное обеспечение судебно-экспертной деятельности», «Финансовое, социальное и материально-техническое обеспечение судебно-экспертной деятельности», «Международное сотрудничество в области судебной экспертизы».

Законодательно были определены задачи и принципы экспертной деятельности, формы ее организации, порядок контроля профессионального уровня экспертов, источники финансирования судебной экспертизы, а также формы международного сотрудничества. В законе содержались и принципиально новые понятия: «судебный эксперт», «специальные научные знания», «лица, осуществляющие судебно-экспертную деятельность на основании лицензии», «квалификационное свидетельство судебного эксперта», «аттестация судебного эксперта», «Государственный реестр судебных экспертов».

В Уголовно-процессуальном кодексе КазССР было указано: «экспертами могут быть лица, обладающие специальными познаниями в области науки и техники» (ст. 54), т. е. законодатель акцентировал внимание на научной природе экспертного знания, эта позиция получила свое продолжение в последующем при разработке первого отраслевого закона, где

впервые был использован термин «специальные научные знания». М. С. Строгович справедливо указывает, что «в основе экспертизы лежит определенная отрасль научного знания, заключение экспертов – доказательство, основанное на данных науки» [2, с. 436]. И далее: «Эксперт исходит в своих выводах из подлинных научных положений, из достижений науки, выражающих закономерности изучаемых данной наукой явлений» [2, с. 438]. Однако в законе отсутствовало определение вновь введенного понятия.

Для предотвращения монополизации судебно-экспертной деятельности в республике в качестве альтернативы экспертам государственных учреждений был введен новый институт: институт судебных экспертов, осуществляющих свою деятельность на основании лицензии. Однако имеющееся в законе ограничение – выдача лицензий только физическим лицам – не позволило создать достойный противовес ЦСЭ и сформировать за эти годы конкурентную среду.

В данный закон неоднократно вносились изменения и дополнения, что было обусловлено как необходимостью корректировки отдельных норм, так и процессом гармонизации законодательства, связанным с постоянным обновлением действующих и принятием новых законов и кодексов. За рамками правового поля остались такие вопросы, как статус и полномочия руководителя экспертного учреждения, порядок проведения экспертизы живых лиц, социальное обеспечение судебных экспертов, являющихся сотрудниками государственных учреждений.

Принятие закона потребовало формирования адекватной нормативно-правовой базы, в связи с чем было разработано и принято более 20 подзаконных актов, но параллельное принятие таких документов как Министерством юстиции, так и Министерством здравоохранения Казахстана привело к несогласованности целого ряда норм [3, с.11].

Однако нельзя не отметить важность этого закона: впервые на столь высоком уровне правового регулирования были законодательно закреплены принципы организации и основные положения СЭД, что придало новый импульс развитию института судебной экспертизы и послужило отправной точкой при разработке аналогичных законов в других государствах.

В январе 2010 г. в Казахстане был принят второй закон о СЭД [4], в котором по сравнению с предыдущим был значительно расширен список основных понятий и дано их определение, а именно: специальные научные знания, предмет, объекты и образцы судебной экспертизы, метод и методика судебно-экспертного исследования, специальность судебного эксперта, руководитель органа судебной экспертизы, Государственный реестр методик судебно-экспертных исследований Республики Казахстан.

В законе детализированы принципы судебно-экспертной деятельности; определен правовой статус руководителя органа судебной экспертизы; порядок и условия выдачи, отказ в выдаче лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью; законодательно закреплены особенности производства судебной экспертизы живых лиц.

Однако в законе имелся ряд положений, требующих доработки с внесением изменений и дополнений, таких как: путаница с терминами, обозначающими государственные судебно-экспертные учреждения («государственные органы», «государственные организации»); отсутствие законодательно закрепленных компетенций Министерства юстиции и Министерства здравоохранения в части издания подзаконных нормативных актов, регламентирующих судебно-экспертную деятельность; неполный перечень субъектов, имеющих право назначать экспертизы (отсутствовали прокурор и нотариус); направление лицу, назначившему экспертизу, сообщения о невозможности дать заключение в случае неудовлетворения ходатайства эксперта. Целый ряд норм закона не соответствовал аналогичным нормам в действующих Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) РК, Гражданском процессуальном кодексе (далее – ГПК) РК и Кодексе РК об административных правонарушениях (далее – КоАП).

В 2013–2016 гг. в закон были внесены значительные изменения и дополнения, однако принятие новых кодифицированных актов, регламентирующих уголовный, гражданский

и административный процессы, разграничение полномочий между уровнями государственного управления (передача части полномочий Правительства Министерству юстиции) требовали кардинальной переработки отраслевого закона.

В целях реализации «Государственной программы дальнейшей модернизации правоохранительной системы Республики Казахстан на 2014–2020 годы», утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 31 декабря 2013 г. № 720 «О мерах по дальнейшему развитию правоохранительной системы Республики Казахстан» [5], был разработан и 10 февраля 2017 г. подписан новый Закон Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности» [6].

К концептуальным положениям нового закона можно отнести следующие: государственное регулирование в сфере судебно-экспертной деятельности; централизация экспертных функций в одном государственном органе; совершенствование судебно-экспертной деятельности до уровня международных стандартов аккредитации; расширение конкурентной среды за счет развития частного сектора, а именно, физических лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность на основании лицензии.

Новый Закон о СЭД состоит из 9 глав и 64 статей и отличается большим количеством новелл. В первую очередь, необходимо отметить, что расширено содержание судебно-экспертной деятельности: в нее включено международное сотрудничество в области судебной экспертизы (ст. 4). В предыдущем Законе о СЭД при наличии отдельной главы, регламентирующей международное сотрудничество, в содержании такое направление отсутствовало.

Еще одна новация – это законодательное закрепление Кодекса этики судебного эксперта (ст. 11), разработка и утверждение которого входит в компетенцию Министерства юстиции РК (подпункт 26 ст.12). Основой для создания казахстанского Кодекса этики судебных экспертов могут послужить «Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность», утвержденные постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 17 апреля 2014 года № 3 [7].

Вторая глава нового Закона о СЭД посвящена государственному регулированию в сфере судебно-экспертной деятельности. Впервые на законодательном уровне определена компетенция Министерства юстиции как государственного органа, осуществляющего реализацию государственной политики и контроля в области судебно-экспертной деятельности (ст. 12). Помимо этого, в компетенцию Министерства юстиции включен ряд новых полномочий, о которых уже упоминалось (разработка Кодекса этики судебного эксперта) и будет сказано далее.

Третья глава нового Закона о СЭД регламентирует деятельность руководителя органа судебной экспертизы и судебного эксперта, в том числе порядок присвоения квалификации судебного эксперта и его аттестации. В отдельную статью выделено определение понятия «руководитель органа судебной экспертизы» (ст. 16), расширен перечень его обязанностей: по окончании исследований руководитель обязан направить заключение эксперта, объекты исследований и другие материалы, представленные на исследование, органу (лицу), назначившему судебную экспертизу (подпункт 3 ст. 18).

Новацией является освобождение от прохождения аттестации судебных экспертов (сотрудников органов судебной экспертизы, и лиц, занимающихся судебно-экспертной деятельностью на основании лицензии) при наличии у них экспертного стажа более двадцати лет (п. 1 ст. 22).

Четвертая глава впервые законодательно закрепляет порядок создания, принципы и сферу деятельности Палаты судебных экспертов Республики Казахстан. Создаваемая Палата будет представлять собой некоммерческую профессиональную самофинансируемую организацию, основными задачами которой будут защита прав и законных интересов членов Палаты, координация их деятельности, контроль за соблюдением законодательства

о судебно-экспертной деятельности (п. 1 ст. 25). Согласно закону членами Палаты являются лица, занимающиеся судебно-экспертной деятельностью на основании лицензии (п. 3 ст. 25), и членство в Палате для них является обязательным (п. 4 ст. 25).

Палата наделена широкими полномочиями (п. 2 ст. 28), такими как: координация деятельности ее членов, а также территориальных палат; представительство и защита прав и законных интересов ее членов при осуществлении ими судебно-экспертной деятельности в их отношениях с государственными органами; оказание методической помощи в подготовке лиц, претендующих на получение лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью, для сдачи ими квалификационных экзаменов; организация обучения и повышения квалификации ее членов; разработка научно-методических материалов по вопросам судебно-экспертной деятельности; представительство в составе квалификационной и аттестационной комиссий; внесение в Министерство юстиции РК представлений о приостановлении, прекращении действия и лишении лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью; участие в нормотворческой деятельности Министерства юстиции РК, других государственных органов РК по вопросам судебно-экспертной деятельности; рассмотрение обращений физических и юридических лиц при нарушении обязанностей судебного эксперта и этики судебного эксперта ее членами. И это не исчерпывающий перечень. Палата также вправе осуществлять иную деятельность, не противоречащую законодательству РК. Полагаем, что создание и функционирование Палаты судебных экспертов в Казахстане упорядочит деятельность лицензиатов, придаст новый импульс для развития конкурентной среды в области судебной экспертизы.

Пятая глава нового Закона о СЭД, регламентирующая порядок организации и производства судебных экспертиз, содержит значительное количество новелл. Так, в соответствии с п. 4 ст. 32 нового Закона о СЭД повреждение или уничтожение объектов исследования, произведенное с разрешения органа (лица), назначившего судебную экспертизу, не влечет за собой возмещения ущерба их собственнику органом судебной экспертизы или судебным экспертом. В предыдущих законах такая норма отсутствовала, что приводило к конфликтам с собственниками поврежденного или уничтоженного в процессе исследования имущества.

Статья 33 нового Закона о СЭД регламентирует порядок получения образцов судебным экспертом в процессе исследования и требования к их оформлению по окончании производства экспертизы. В предыдущих законах такая статья отсутствовала; ее введение гармонизирует отраслевой закон с УПК РК, ГПК РК и КоАП РК.

Новой является срок удовлетворения ходатайства о предоставлении дополнительных материалов: в течение десяти рабочих дней (п. 4 ст. 34 нового Закона о СЭД). В предыдущем законе этот срок исчислялся в сутках, что зачастую не позволяло лицу, назначившему экспертизу, своевременно предоставить эксперту требуемые материалы.

В новом Законе о СЭД впервые закреплена норма, согласно которой комплексная экспертиза может проводиться одним судебным экспертом в случае, если он имеет право производства исследований по различным экспертным специальностям (п. 1 ст. 37). Аналогичная норма содержится и в УПК РК (ч. 1 ст. 282), однако ни в ГПК РК, ни в КоАП РК такой нормы не имеется.

В статье, регламентирующей порядок организации и производства повторной экспертизы, впервые появилась норма, восполняющая существовавший ранее пробел и определяющая особенности оформления заключения повторной экспертизы в случае возникновения разногласий между членами комиссии: эксперт, мнение которого расходится с выводами остальных членов комиссии, формулирует его в заключении отдельно (п. 3 ст. 42 нового Закона о СЭД).

В седьмой главе законодательно закреплена ряд положений, обеспечивающих успешное функционирование и развитие судебно-экспертной системы в Республике Казахстан; здесь

также имеется ряд новшеств. Так, обязательным является осуществление подготовки, переподготовки и повышение квалификации лиц, не являющихся сотрудниками органов судебной экспертизы, и претендующих на получение лицензии на занятие судебно-экспертной деятельностью, в органах судебной экспертизы, учебных и иных организациях (п. 1 ст. 54 нового Закона о СЭД).

Для обеспечения надлежащего профессионального уровня судебные эксперты, являющиеся сотрудниками органов судебной экспертизы, и лица, занимающиеся судебно-экспертной деятельностью на основании лицензии, один раз в пять лет должны проходить повышение квалификации (ст. 58 нового Закона о СЭД). Министерство юстиции в рамках своей компетенции должно разработать и утвердить правила повышения квалификации судебных экспертов (подпункт 21 ст. 12 нового Закона о СЭД).

Отдельная статья посвящена валидации методик и методов судебно-экспертного исследования (ст. 56 нового Закона о СЭД). Под валидацией подразумевается оценка пригодности использования методов и методик судебно-экспертного исследования, проводимая в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан (подпункт 2 ст. 1 нового Закона о СЭД). Министерству юстиции в соответствии с его компетенцией (подпункт 9 ст. 12 нового Закона о СЭД) необходимо разработать правила валидации методов и методик судебно-экспертных исследований, в которых будут определены: общий объем валидационных исследований для каждого типа методов и методик, порядок организации процедуры валидации, общие требования к отчету о валидации, критерии признания положительным или отрицательным вывода о валидации количественных, качественных, идентификационных и диагностических судебно-экспертных методик.

Проведенный ретроспективный анализ законодательства Республики Казахстан, регламентирующего судебно-экспертную деятельность, показал, что за прошедшие двадцать лет нормативно-правовая база претерпела значительные изменения, основная цель которых – развитие и совершенствование института судебной экспертизы, обеспечение качества проводимых судебных экспертиз. Полагаем, что данный анализ может представлять интерес для тех государств, в которых в настоящее время разрабатываются новые законы о судебно-экспертной деятельности или планируется внесение поправок в действующие нормативные правовые акты.

Список использованных источников

1. О судебной экспертизе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 12 нояб. 1997 г. № 188 (утратил силу). – Режим доступа : http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000188_. – Дата доступа : 07.04.2017.
2. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2-х т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – 470 с.
3. Калимова, А. С. Современное состояние и перспективы развития судебно-экспертной системы Республики Казахстан / А. С. Калимова // Современные направления судебной экспертизы : методика экспертного анализа преступлений : материалы междунар. конф. «Восток-Запад : партнерство в судебной экспертизе». – Алматы, 2005. – С. 10–18.
4. О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 20 янв. 2010 г. № 240-IV (утратил силу). – Режим доступа : http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000240_. – Дата доступа : 07.04.2017.
5. О мерах по дальнейшему развитию правоохранительной системы Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Казахстан от 31 дек. 2013 г. № 720. – Режим доступа : http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000720_. – Дата доступа : 07.04.2017.
6. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 10 февр. 2017 г. № 44-VI ЗРК. – Режим доступа : http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000044_. – Дата доступа : 07.04.2017.

7. Правила профессиональной этики лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность [Электронный ресурс] : постановление Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь от 17 апр. 2014 г., № 3. – Режим доступа : <http://sudexpert.gov.by/ru/lic.html>. – Дата доступа : 07.04.2017.

Дата поступления: 11.04.2017

L. F. Paramonova

Candidate of Juridical Science

Institute of Forensic Examinations in the Pavlodar Region

of the Forensic Examinations Center of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan

Pavlodar, Kazakhstan

THE STAGES OF DEVELOPMENT OF THE KAZAKHSTAN LEGISLATION REGULATING FORENSIC-EXPERT ACTIVITY

The article describes the stages of development of the Republic of Kazakhstan legislation regulating the forensic-expert activity in the period from 1997 to 2017, using the methods of system-structural and comparative legal analysis of the comparison of legal rules of the three laws on forensic-expert activity.

The article focuses on the novelties of the Law of the Republic of Kazakhstan of 10 February 2017 «On the forensic-expert activities». Chapters, that regulate the activities of the Chamber of forensic experts of the Republic of Kazakhstan, the procedure of validation of methods and techniques of forensic examination are highlighted.

The analysis may be of interest for foreign colleagues.

Keywords: forensic expertise, law on forensic-expert activity, forensic expert, Chamber of forensic experts, validation.

УДК 343.98

О. С. Бочарова

кандидат юридических наук

Российский государственный социальный университет

г. Минск, Беларусь

E-mail: *nihil13@mail.ru*

ПУБЛИЧНЫЕ И ЭКСПЕРТНЫЕ ЗАЩИТНЫЕ ПРИЗНАКИ В КОНЦЕПЦИИ СОЗДАНИЯ ЗАЩИЩЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются публичные и экспертные защитные признаки защищенных документов различных стран и правила отнесения к ним того или иного элемента или средства защиты. Приведена уровневая структура системы защиты документа от подделки, как на стадии изготовления, так и на стадии контроля подлинности. Рассмотрено формирование концепции создания и обращения защищенных документов в Республике Беларусь с использованием обязательного количества публичных и экспертных защитных признаков и проведением предварительной криминалистической экспертизы защищенности от подделки.

Ключевые слова: защищенный документ, публичные защитные признаки, экспертные защитные признаки, элементы и средства защиты, система защиты, предварительная экспертиза, судебно-техническая экспертиза документов.

Под *защищенными документами* понимаются документы, снабженные средствами защиты от подделки: банкноты и ценные бумаги, акцизные и контрольные (специальные) марки, паспорта и визовые марки, документы, удостоверяющие личность, право, правоотношения, знания, и иные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей. Отличительной особенностью этих документов является то, что они изготавливаются на специализированных предприятиях и в процессе изготовления каждому из них придается уникальная совокупность защитных свойств и признаков, отдельные из которых могут быть установлены визуально, иные только при помощи специального оборудования.

Так, в Республике Беларусь, защищенные документы (ценные бумаги и документы с определенной степенью защиты [1]) изготавливаются только на специализированных предприятиях, имеющих соответствующие лицензии Департамента государственных знаков Министерства финансов Республики Беларусь (Гознака Беларуси) [2].

Во всех странах мира развитие разработки и производства защищенных документов как отрасли и появление новых элементов и средств защиты многим обязано двум видам защищенных документов – банкнотам и паспортам. В Беларуси к документам, появление которых также повлияло на создание новых средств защиты, можно отнести контрольные знаки и акцизные марки.

Если способы подделки защищенных документов в целом типичны, универсальны и не зависят от страны, где осуществлялась фальсификация, то способы их защиты в настоящее время во многом зависят от научно-технических, технологических и производственных возможностей страны-изготовителя защищенного документа, а отдельные элементы и средства защиты являются уникальными разработками и охраняются патентами. К ним мы

относим документную бумагу (с водяными знаками, химической защитой и специальными включениями и пр.), нити безопасности, составы полиграфических красок, голографические и полиграфические средства защиты.

Современная концепция создания и обращения защищенных документов предполагает наличие различной уровневой структуры системы защиты документа от подделки, как на стадии изготовления, так и на стадии контроля подлинности.

На стадии изготовления защищенного документа такая уровневая структура предполагает наличие уровня технологической защиты (иначе, защиты материалов), уровней полиграфической и физико-химической защиты, каждый из которых независим, обособлен и равноправен по отношению к другим. При создании защищенного документа на каждом из данных уровней устанавливается конкретное множество элементов и средств защиты, заменять или добавлять которые при построении системы защиты документа возможно только в рамках определенного уровня [3]. Однако, в последнее время, наблюдается тенденция к комплексному характеру строения отдельных средств защиты документов, в которых соединяются элементы из двух и более уровней защиты. К ним можно отнести практически все современные полосы безопасности, сочетающие в себе особенности основы и нанесения на нее полиграфических и физико-химических элементов защиты, а также средства защиты, сочетающие физико-химические свойства специальных красок и особенности способов печати.

В данной классификации отдельно следует выделить новый уровень т. н. машиночитаемых элементов и средств защиты, появившийся в последнее время. Средства защиты на данном уровне, помимо внедренных в документ различных чипов и RFID-меток, сочетают в себе свойства полиграфической и физико-химической защиты с различными свойствами и возможностями специального кодирования.

На стадии контроля подлинности защищенных документов уровни контроля напрямую зависят от специальных знаний и компетенций лица, осуществляющего такой контроль, оснащения специальным оборудованием и методическими материалами. К этим уровням отнесем: уровень пользователя или потребителя (минимум знаний и отсутствие технических средств, наличие защитных признаков устанавливается органолептически), уровень эксперта (наличие специальных знаний, компетенций, методик исследования и приборов), уровень производителя защищенного документа (полное знание системы защиты и технологий изготовления, наличие всего комплекса приборных средств контроля их подлинности).

При этом следует выделить отдельно уровень кассира банка, контролера службы пограничного контроля, нотариуса, специалиста, по роду деятельности осуществляющего контроль подлинности отдельных категорий документов. Данный уровень в приведенной выше классификации находится между уровнем пользователя и эксперта. От пользователя его отличает наличие специальных знаний и компетенций, а от эксперта – отсутствие полного комплекса необходимого оборудования и ограниченность времени проверки (контроля подлинности).

Относительно появившихся в последнее время машиночитаемых (кодированных) защитных признаков отдельно выделим и уровень «машиночитаемой проверки». На данном уровне контроля подлинности используются машиночитаемые элементы банкнот для проверки в эмиссионно-кассовых центрах (детекторы банкнот), а также машиночитаемые элементы паспортов, водительских удостоверений и иных ID-документов для установления подлинности документов в автоматическом режиме (считыватели паспортов) специалистами пограничного контроля, банковскими служащими, нотариусами и инспекторами (ГАИ/ГИБДД).

Поэтому среди всего комплекса элементов и средств защиты выделяют публичные защитные признаки (элементы защиты) и экспертные защитные признаки на каждом из уровней изготовления защищенного документа. Одни из них определяются свойствами основы и материалов документа (бумага, полимерные материалы), другие – свойствами печатных

красок, третьи – особенностями и возможностями способов полиграфической печати, четвертые сочетаются с кодировкой. В свою очередь, каждая группа защитных признаков может быть представлена совокупностью свойств образующих ее материалов (основа, краски, специальные включения и пр.) и полиграфических технологий.

Рассмотрим кратко публичные и экспертные защитные признаки, существующие в настоящее время в концепции создания и обращения защищенных документов в Республике Беларусь.

Большинство защищенных документов выполняется на специальной бумаге, защитные свойства которой формируются на этапе ее производства. При этом бумага приобретает ряд позволяющих ее отличать защитных признаков, как публичных, так и экспертных. Отметим, что бумага для защищенных документов Республики Беларусь производится на Бумажной фабрике Гознака Республики Беларусь и не закупается за ее пределами (за исключением самокопирующей бумаги), что также является принципиальным при формировании концепции защищенных документов.

В настоящее время появляется все больше документов, которые полностью изготавливаются из полимерных материалов (все разновидности пластиковых карт, полимерные банкноты, паспорта (ID-карты), документы на автотранспорт и пр.), или же частично содержат в своей структуре полимерные покрытия или включения (гибридные банкноты, визовые марки, контрольные знаки, акцизные марки и др.). При этом полимерные материалы основы защищенного документа также должны содержать комплекс публичных и экспертных защитных признаков.

Рассмотрим публичные и экспертные защитные признаки основы на примере защищенных документов различных государств.

К основным публичным защитным признакам или же признакам подлинности бумажной основы отнесем водяные знаки (одно-, двух- и многотонные, филигранные), защитные волокна и планшеты (конфетти), защитные нити (полосы безопасности – сплошные, «ныряющие», Motion, «Мобайл», «Хамелеон», «Скат» и др.), которые могут быть установлены органолептически. Эти же защитные признаки как элементы защиты относятся и к экспертным защитным признакам, только рассматриваются они на экспертном уровне с другой точки зрения и в совокупности с иными защитными признаками бумаги-основы, такими как композиционный состав и оптические свойства, а также дополнительными защитными свойствами волокон и нитей, определяемыми с использованием приборов.

К публичным защитным признакам полимерной основы относятся: внедренная в гибридную банкноту полимерная полоса с прозрачным окном (защитный признак Varifeye и защитная нить Optics), прозрачные и полупрозрачные окна и теневые изображения полимерных банкнот, включая защитный признак WinDOE (дифракционный защитный элемент). Также к публичным защитным признакам можно отнести контролируемые визуальными свойствами ламинирующих покрытий и пластика и лаковое покрытие банкнот Securicoat. Все перечисленные защитные признаки становятся экспертными при исследовании их свойств с помощью специальных приборов.

Дополнительным публичным признаком, реализованным в основном в банкнотах, реже в странице данных паспортов, является микроперфорация, определяемая органолептически – при осмотре на просвет и тактильно. При этом перфорация в банкнотах используется и как машиночитаемый защитный признак для проверки в эмиссионно-кассовых центрах.

Для всех разновидностей наклеиваемых документов публичными и экспертными защитными признаками являются защитные просечка и подрезка (фигурная высечка), защищающие эти документы от повторного использования.

К публичным защитным признакам на уровне технологической защиты отнесем и все виды голограмм и кинеграмм, обладающих сложными визуальными эффектами. При этом

данные средства защиты относятся и к категории экспертных защитных признаков, в случае реализации в них собственных дополнительных защитных элементов (нанопечать, гильоши, скрытые изображения и др.), требующих специального приборного контроля.

В Республике Беларусь разработаны и запатентованы специальные средства защиты на уровне материалов – латентограмма и юниграмма [4], подлинность которых определяется простейшим прибором идентификатором (поляризатором), который имеется как у заказчика данных средств защиты, так и у контролирующих субъектов. Латентограмма представляет собой многослойный материал, содержащий скрытое изображение, а юниграмма дополнительно сочетает в себе свойства голографического изображения и поляризационные свойства. Это средство защиты вначале было опробовано на таком массовом защищенном документе, как проездной билет на общественный транспорт, а затем стало использоваться во многих защищенных документах республики, начиная от акцизных марок и контрольных знаков, товаросопровождающих документов (ТН-2, ТТН-1) [5] и заканчивая документами на образование. Отметим, что и латентограмма и юниграмма также используются и для защиты различной продукции посредством размещения на упаковке и бирках, в т. ч. и в иных странах.

Защитные признаки, связанные со свойствами печатных красок (УФ- и ИК-люминесцентными, ИК-метамерными, магнитными, поляризационными и др.), в основном относятся к экспертным защитным признакам, поскольку для установления их наличия либо отсутствия необходимы специальные приборы (визуализаторы или детекторы). К публичным защитным признакам печатных красок, контролируемым визуально, отнесем термохромные, металлизированные, иридисцентные и оптико-переменные (ОВИ) краски, оптически переменную магнитную краску (SPARK) с динамическим эффектом, защитный элемент STEP, обладающий оптически-переменными и поляризационными свойствами, а в полимерных банкнотах – защитный признак типа G-Switch и др.

В Республике Беларусь в защищенных документах имеются и публичные защитные признаки, связанные со свойствами печатных красок и определяемые органолептически, к которым относятся термохромные краски с обратимой реакцией на локальное и кратковременное температурное воздействие, химически нестойкие краски и краски, обратимо меняющие цвет от воздействия ряда химических веществ.

Элементы защиты, связанные с особенностями и возможностями способов печати, которые применяются при изготовлении защищенных документов, также разделяются на публичные и экспертные защитные признаки. К публичным защитным признакам отнесем все признаки, которыми характеризуются способы печати защищенных документов (металлографская, офсетная, ирисовая, Орловская, высокая, трафаретная), поскольку для их достоверного установления не требуется специальное оборудование, достаточно визуального и тактильного восприятия. К экспертным признакам, связанным со способами печати, отнесем признаки различных печатных форм, которые устанавливаются в процессе экспертизы. К элементам защиты, содержащим публичные и экспертные защитные признаки, также отнесем и множество графических элементов защиты. Публичные защитные признаки графических элементов это – защитные фоновые сетки различной структуры, включая антисканерные, гильоши, микротексты (микропечать), совмещающиеся и совмещаемые изображения, скрытые изображения (Kipp-effect), бескрасочное тиснение, скрытые муаровые узоры и многоцветные образы (MVC и MVC+, НМС) и др. При этом все перечисленные защитные признаки являются сугубо экспертными.

Элементы и средства защиты, используемые производителем в качестве публичных защитных признаков, являются наиболее распространенными, они могут быть дополнены и другими, повышающими защищенность документов от подделки. Число элементов и средств защиты, относящихся только к экспертным защитным признакам, сравнительно невелико, притом, что отдельные из них (графические ловушки и т. д.) являются признаками контроля производителем.

К паспортам и иным разновидностям удостоверений личности применяют и некоторые другие защитные признаки, специфические для данной группы документов. Обязательными их реквизитами являются фотоизображение владельца (отпечаток пальца, подпись и скан радужки глаза для биометрических защищенных документов), а также и различные ламинирующие покрытия с защитными свойствами, которые должны содержать в себе и публичные, и экспертные, и машиночитаемые признаки.

Защищенные документы в соответствии со своими функциями призваны регулировать, как правило, наиболее важные сферы общественных отношений, в связи с этим обладание ими становится привлекательным, создаются предпосылки для правонарушений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных документов.

Поскольку в законе предусмотрена уголовная ответственность за такие общественно опасные деяния, возникает необходимость доказывания наличия, наряду с субъективной, объективной стороны состава преступления. Особенность заключается в том, что значительная часть доказательств основывается на результатах судебно-технической экспертизы документов. Следствию необходимо, чтобы эксперт установил, «изготовлен ли представленный ему документ по технологии предприятия-изготовителя». При этом не учитывается и реальный уровень компетенции экспертов, и тот факт, что предприятиям, выпускающим защищенные документы, запрещено полностью раскрывать все используемые ими способы защиты.

В свете изложенного в концепции создания и обращения защищенных документов в Республике Беларусь заложено использование обязательного количества публичных и экспертных защитных признаков и проведение предварительной криминалистической экспертизы защищенности от подделки [6]. Это позволило на протяжении более чем 20 лет собрать в экспертных службах образцы всех защищенных документов, изготовленных предприятиями республики за этот срок. Кроме того, в распоряжении экспертов имеются полные и подробные описания банкнот, паспортов, водительских удостоверений и сертификатов на транспортные средства практически всех стран мира, которые ООО «Регула» оформила в информационно-справочные системы («Currency», «Passport», «Autodocs», «Frontline Documents system»).

В заключение отметим, что концепция создания защищенных документов в Беларуси подкреплена рядом нормативных документов, содержащих как ее основные положения, так и технические требования к созданию новых защищенных документов в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Бланки ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты, документы с определенной степенью защиты. Термины и определения : СТБ 997/ОР-2011. – Введ. 01.06.12. – Минск : Госстандарт : Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2011. – 12 с.
2. О некоторых вопросах изготовления и использования бланков строгой отчетности : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 дек. 2001 г., № 1846 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 2. – 5/9648.
3. Об утверждении положения об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки : постановление М-ва фин. Респ. Беларусь, 1 марта 2002 г., № 29 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 8/7851.
4. Об утверждении Инструкции о порядке изготовления и использования юниграммы : постановление М-ва фин. Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 71 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 8/16510.
5. Об утверждении типовых форм первичных учетных документов ТТН-1 «Товарно-транспортная накладная» и ТН-2 «Товарная накладная» и инструкции по заполнению типовых форм первичных учетных документов ТТН-1 «Товарно-транспортная накладная» и ТН-2 «Товарная накладная» : постановление М-ва фин. Респ. Беларусь, 18 дек. 2008 г., № 192 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 8/20328.

6. О некоторых мерах по предотвращению подделки ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 сент. 1993 г., № 636 // СП Респ. Беларусь. – 1993. – № 26–27. – Ст. 523.

Дата поступления: 17.04.2017

O. S. Bocharova

Candidate of Juridical Sciences
Russian State Social University
Minsk, Belarus

**PUBLIC AND FORENSIC PROTECTIVE FEATURES IN THE CONCEPT
OF CREATION OF PROTECTED DOCUMENTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article examines the public and expert protective functions of the protected documents of different countries and the rules for including elements or means of protection in them. The structure of the level of the document protection system against forgery is presented both at the stage of manufacturing and at the stage of authentication control. The formation of the concept of creation and circulation of protected documents in the Republic of Belarus with the use of mandatory number of generally available and expert signs of protection and the conduct of a preliminary criminalistic study of protection against forgery is considered.

Keywords: protected document, public protective features, expert protective features, elements and means of protection, protection system, preliminary examination, forensic examination of documents.

УДК 343.982.4:544.537

А. В. Водолазов

E-mail: vodolazart@gmail.com

Н. А. Вашкевич

E-mail: ya.vashkevich@yandex.by

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

ЛАЗЕРНАЯ АБЛЯЦИЯ И СФЕРЫ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье приводится описание явления лазерной абляции. Разъяснено происхождение термина «лазерная абляция». Приводится ретроспективное описание этапов возникновения и распространения метода лазерной абляции в различных сферах деятельности: технике, реставрации культурно-исторических объектов, исследовании веществ и материалов, повторного использования офисной бумаги для электрофотографических печатающих устройств.

Ключевые слова: бумага, лазерная абляция, реставрация, электрофотографические печатающие устройства.

Термин «абляция» (от лат. «*ablatio*» – отнятие, устранение) является междисциплинарным. В физике им обозначают совокупность сложных физико-химических процессов, результатом которых является удаление вещества с поверхности раздела фаз. В геологии в содержание этого термина вкладывают процесс уменьшения массы ледника или снега в результате таяния и испарения, выветривания или раскалывания (обламывания) айсбергов. В медицине абляция – это направленное разрушение ткани без ее физического удаления. В технике абляция – это унос массы с поверхности твердого тела потоком горячих газов, обтекающим эту поверхность, например, удаления вещества при воздействии на образец металла электрического разряда, потоком горячего газа, плазмы. Таким образом, абляция может протекать в виде эрозии, расплавления, сублимации вещества.

Под термином «лазерная абляция» понимают процесс взаимодействия лазерного излучения с веществом, при котором вещество плавится и испаряется, иногда сублимирует, с образованием паров и низкотемпературной плазмы. Лазерные импульсы продолжительностью в наносекунды или короче, вначале разогревают поверхность материала до точки его плавления, а затем до температуры парообразования. При воздействии же импульсами продолжительностью в пико- и фемтосекунды материал из твердого состояния сразу переходит в газообразное (испаряется), минуя фазу плавления. Причина этого заключается в том, что такая продолжительность импульсов меньше характерного времени релаксационных процессов в материале [1]. Максимально упрощенное описание процесса лазерной абляции можно представить в следующем виде: электроны вещества, возбуждаемые лазером, приобретают энергию, достаточную для их испарения (десятки электрон-вольт), и при этом не успевают передать возбуждение по электронной решетке другим электронам, сохраняя относительно низкую общую (не электронную) температуру вещества.

В 1972 г. американский физик Джон Асмус создал новый способ очистки памятников из мрамора от глубоко въевшихся загрязнений. Традиционные способы реставрации (ме-

ханические, химические, электролитические) могли частично разрушать камень, тогда как твердотельный лазер, использовавшийся Асмусом в эксперименте, не повреждал мраморную статую, подвергавшуюся очистке [2; 3]. Результаты эксперимента были настолько удачны, что Джон Асмус основал профессиональное сообщество LACONA (от – LAsers for the CONservation of Artworks).

Основные преимущества данного метода реставрации заключаются в возможности селективной обработки изделия (в силу различий в характере взаимодействия между излучением, с одной стороны, материалом реставрируемого объекта и поверхностными загрязнениями, с другой), отсутствии механического контакта инструмента с обрабатываемым объектом, высокой скорости обработки, возможности мгновенного прекращения процесса очистки и отсутствии негативного воздействия на окружающую среду. В настоящее время указанный метод используется и для очистки металлических памятников, экспонатов с рисунками, глубоким рельефом, отделками, инкрустацией, декоративными покрытиями, изделий из кожи.

Одними из наиболее сложных объектов для реставрации являются старинные документы и книги, на которых от частого использования остаются многочисленные следы рук, пятна сажи, воска и т. п. Методы механической очистки бумаги (основанные на использовании ластика, резиновой крошки, абразивной шкурки с мелким зерном), если они вообще могут быть применены к объекту реставрации исходя из его физического состояния, негативно влияют на целостность (прочность) бумаги, уменьшая ее толщину, и вызывают образование новых загрязнений в виде пыли [4].

Методам использования лазера при реставрации документов посвящен целый ряд работ [5–9]. В качестве примера успешного использования лазера при реставрации документов можно сослаться на результаты экспериментов, описанных в работе [4]. В ходе эксперимента образцы тряпичной бумаги (изготовленной в XIX в.), различающиеся между собой по композиционному составу (волокнистая составляющая, вид и количество наполнителя и проклейки), обрабатывались с двух сторон листа импульсным твердотельным волоконным иттербиевым лазером. В эксперименте определялись следующие показатели бумаги: сопротивление излому, величина pH водной вытяжки и белизна (коэффициент отражения). Для оценки влияния лазерной обработки на долговечность бумаги было проведено ускоренное термическое старение исследуемых образцов (воздействие температурой 105 °C в течение 72 часов). С целью получения более объективных данных эксперименты по лазерной обработке и оценке ее влияния на бумагу многократно повторялись, а их результаты усреднялись. Исследования показали, что обработка бумаги с использованием импульсно-периодического лазера является эффективным и безопасным способом очистки бумаги, который может быть использован при реставрации книг и документов [4].

Чтобы определить дату изготовления книг и документов, реставратор должен иметь максимально полную информацию о составе бумаги (тип целлюлозы, наполнители, проклейки, красители и т. п.). В настоящее время для исследования молекулярного состава веществ широко применяются методы инфракрасной спектроскопии. Для анализа композиционного состава бумаги в основном используется ИК-спектроскопия. Для определения содержания дополнительных компонентов в бумаге И. А. Балахнина, Н. Н. Брандт, Н. Л. Ребрикова, А. Ю. Чикишев предложили использовать метод лазерной абляции с последующим анализом образца методом КР-микроспектроскопии (конфокально-рамановской). Результаты показали, что метод КР-микроспектроскопии эффективен для исследования состава бумаги, определения типа целлюлозы (хлопковая/древесная). Метод позволяет, не повреждая волокна бумаги, определять различные компоненты бумаги, входящие в ее состав в малых количествах: казеин, кальцит, доломит, лазурит, оксиды титана и т. д. [10].

Методы исследования элементного состава веществ, включающие в себя применение лазерной абляции, активно внедряются и в криминалистику, в том числе в судебное техническое

исследование документов [11]. Для определения элементного состава веществ и материалов используется масс-спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой (ИСП-МС) в сочетании с лазерной абляцией. Данный метод применим для исследования стекла, волокон, наркотиков, драгоценных камней, фарфора, кирпича, золота, серебра, красок, чернил, бумаги [12–14].

Изучение возможностей лазерной абляции проходило также и в контексте очистки бумаги от текста, нанесенного на нее электрофотографическим способом. Данные исследования являются составной частью работ по снижению нагрузки антропогенного воздействия на экологию планеты. Около 1–2% от всех выбросов углерода составляют отходы, возникающие при производстве и переработке бумаги [15; 16]. Прогнозируемый рост потребления офисной бумаги только в Европе составляет 5% в год [17]. Закономерным будет предположение, что в таких развивающихся странах, как Китай и Индия этот показатель будет выше в несколько раз. Политика Европейского союза направлена на сокращение к 2050 г. вредных выбросов при производстве и переработке бумаги на 60–80% от уровня 1990 г. [18].

Принципиальная схема печати на электрофотографическом устройстве включает в себя:

- нанесение на бумагу электрического заряда, соответствующего распечатываемому изображению (тексту);
- нанесение на бумагу твердых частиц тонера (10–1000 млн. сферических частичек диаметром 0,005–0,025 мм общей массой от 50 до 100 мг), удерживаемых на листе электростатическим зарядом;
- плавление частиц тонера внутри устройства при температуре 100–200 °С.

Принципиальное описание возможностей удаления распечатанного текста с бумаги, а также описание проводившихся в этом направлении экспериментов можно обнаружить в зарубежных научных статьях [19–21]. Наряду с механическими и химическими способами для этих целей предлагается использовать лазер.

Успешное удаление лазером краски с поверхности бумаги, без повреждения последней было впервые осуществлено Артуром Шавловым в 1965 г.

Следует отметить, что при вводе в одну из популярных поисковых интернет-систем запроса: «как удалить распечатанный текст с бумаги», в строке результатов указано примерно 14 300 совпадений, что свидетельствует об относительно высоком интересе пользователей, по крайней мере, русскоязычного сегмента сети, к данному вопросу.

Одной из первых обратила внимание на проблему криминалистического исследования документов, подвергшихся лазерной абляции, А. В. Досова. В своей диссертации она ссылается на осуществленные ею эксперименты по определению возможности использования метода лазерной абляции для внесения изменений в содержание документов. Полученные ею данные свидетельствуют об образовании на месте ранее расположенных штрихов текста следов повреждения поверхностного слоя бумаги, которые можно обнаружить при микроскопическом исследовании [22, с. 49–50].

В Государственном учреждении «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» совместно с Институтом физики НАН Беларуси в 2017 г. проводится работа по изучению признаков лазерной абляции в документах, изготовленных электрофотографическим способом. Суть работы заключается в проведении экспериментов с использованием различных документов (видов бумаги и печатающих тонеров) и различных источников лазерного излучения (длина волны, мощность, частота и продолжительность импульсов). Предварительные эксперименты подтвердили фактическую возможность удаления текста с поверхности документа методом лазерной абляции. Это позволило перейти к этапу проведения основных экспериментов, для чего, совместно с сотрудниками отдела экспертиз документов и денежных знаков управления экспертиз документов, денежных знаков и почерка главного управления криминалистических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, были разработаны специальные мишени (рисунок).

Инвентарный № устр.: Тонер:		Устройство:	Дата:	Бумага:
		1234567890 КЕНФВАП	1234567890 КЕНФВАП	
		1234567890 КЕНФВАП	1234567890 КЕНФВАП	
		1234567890 КЕНФВАП	1234567890 КЕНФВАП	
		1234567890 КЕНФВАП	1234567890 КЕНФВАП	

№ эксперимента	Длина волны	Мощность импульса	Частота импульса	Продолжительность импульса	Отметки

Рисунок – Мишень для проведения экспериментов

Проведение экспериментов будет включать в себя не только определение оптимальных, с точки зрения эффективности удаления тонера, параметров лазера, но и прогнозирование возможных способов маскировки следов лазерного воздействия, а также выявление и систематизацию криминалистически значимых признаков удаления текстов при помощи лазера.

Список использованных источников

1. О механизме поглощения фемтосекундных лазерных импульсов при плавлении и абляции / М. Б. Агранат [и др.] // Письма в ЖЭТФ. – Т. 83, вып. 11. – С. 592–595.
2. Asmus, J. F. The development of a laser statue cleaner / J. F. Asmus // Lithoclastia 76/2 (1976). – P. 131–141.
3. Asmus, J. F. Light cleaning : laser technology for sur-face preparation in the arts / J. F. Asmus // Technol. Conserv. 3/78 (1978). – P. 14–18.
4. Исследования в консервации культурного наследия [Электронный ресурс] / А. А. Галушкин [и др.] // Лазерные технологии в очистке документов на бумажной основе : теоретические и методические аспекты. Вып. 3. – Режим доступа : <https://culture.wikireading.ru/75465>. – Дата доступа : 10.01.2017.
5. Парфенов, В. А. Лазерная очистка бумаги и пергамена / В. А. Парфенов // Основы реставрации западно-европейского переплета и сохранности фотодокументов. – М., 2008. – С. 37–43.
6. Removal of fungi and stains from paper substrates using laser ceaning Strategies / W. Kautek (eds.) // Lasers in the conservation of artworks (LACONA I), Restauratorenblatter (special Issue), Mayer & Comp. – Vienna, 1997. – P. 79–82.
7. Ochocinska, K. Experimental investigations of stained paper documents cleaned by the Nd:YAG laser pulses / K. Ochocinska, A. Kaminska, G. Sliwinski // Journal of Cultural Heritage 4 (2003). – P. 188–193.
8. Anti-fungal treatment of paper: a model Study with a laser wavelength of 532 nm / E. Pilch [at el] // Laser in the conservation of artworks (LACONA V), Springer-Verlag, Berlin; Heidelberg, 2005. – P. 18–27.
9. An investigation into the effect of wavelength in the laser cleaning of parchment / S. Sportun [at el] // Journal of cultural heritage. – Vol. 1 (2000). – P. 225–232.
10. КР-микроспектроскопия в исследованиях старинных бумажных материалов [Электронный ресурс] / И. А. Балахнина [и др.] // Пятый «Сибирский семинар по спектроскопии комбинационного рассеяния света» / Ин-т автоматизации и электрометрии. – Новосибирск, 2015. – Режим доступа : <https://istina.msu.ru/publications/article/11098086/>. – Дата доступа : 10.01.2017.

11. Roger W. Jones, Ph.D.; Robert B. Cody, Ph.D.; and John F. McClelland, Ph.D.J / Differentiating Writing Inks Using Direct Analysis in Real Time Mass Spectrometry // Forensic Sci, July 2006. – Vol. 51. – No. 4. – P. 915–918.
12. Rachel, L. Green. Trace Element Fingerprinting of Australian Ocher Using Laser Ablation Inductively Coupled Plasma-Mass Spectrometry (LA-ICP-MS) for the Provenance Establishment and Authentication of Indigenous Art / L. Rachel, B.Sc. Watling, R. John Watling // Ph.D.J Forensic Sci, July 2007. – Vol. 52. – No. 4. – P. 851–859.
13. Laser ablation coupled with DAPNe-NSI-MS applied to redacted documents / Huynh Vivian [at el] // Science and Justice. – 2016.
14. Нехорошев, С. В. Разработка методов и средств контроля веществ, материалов и изделий в криминалистике : дис. ... д-ра техн. наук : 05.11.13 / С. В. Нехорошев. – Томск, 2015. – 393 л.
15. Baumert, K. A. Navigating the Numbers : Greenhouse Gas Data and International Climate Policy / K. A. Baumert, T. Herzog, J. Pershing // World Resources Institute, Washington, DC, USA.
16. IED. (1996) Towards a Sustainable Paper Cycle. International Institute for Environment and Development, London, UK.
17. Hekkert M. P., van den Reek J., Worrell E., Turkenburg W.C. (2002) The Impact of Material Efficient End-use Technologies on Paper Use and Carbon Emissions, Resources. Conservation and Recycling 36:241–266.
18. EU. (2005) The Council of the European Union, Press Release 6693/0. The Council of the European Union, Brussels, Belgium.
19. Leal-Ayala, D. R., Paper un-printing: using lasers to remove toner-print in order to reuse office paper / D. R. Leal-Ayala, J. M. Allwood, T. A. M. Counsell // Appl Phys A (2011) 105:801–818.
20. Study of the Conditions of Irradiating Laser for Removal of Toner from Used Paper / Ihori Haruo [at el] // Electrical Engineering in Japan. – Vol. 179. – No. 1. – 2012.
21. Counsell, T. A. M. Desktop paper recycling : A survey of novel technologies that might recycle office paper within the office / T. A. M. Counsell, Julian M. Allwood // Journal of Materials Processing Technology 173 (2006) 111–123.
22. Досова, А. В. Теоретические и практические особенности комплексного криминалистического исследования документов с измененными реквизитами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. В. Досова. – Волгоград, 2014. – 233 л.

Дата поступления: 06.04.2017

A. V. Vodolazov

N. A. Vashkevich

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

LASER ABLATION AND ITS SCOPES OF APPLICATION

The description of the phenomenon of laser ablation is given in the article. The origin of the term «laser ablation» is expounded. Retrospective description of the stages of the emergence and spread of the method of laser ablation in different spheres of activities is provided: technics, objects of cultural and historical heritage restoration, examination of substances and materials, recycling of office paper for electrophotographic printing devices.

Keywords: paper, laser ablation, restoration, electrophotographic printing devices.

УДК 349.08:338.2 + 343.98

Ю. М. Уласевич

кандидат экономических наук

Белорусский государственный экономический университет

г. Минск, Беларусь

E-mail: ulasevichjm@rambler.ru

ПРИЗНАКИ ФИНАНСОВОЙ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ КАК ОДНОГО ИЗ СВОЙСТВ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

В статье на базе положений учения общей теории судебной экспертизы о свойствах объектов и их признаках показана необходимость установления признаков такого свойства финансового состояния субъекта хозяйствования, как платежеспособность, представления о которых в теории судебной экономической экспертизы отсутствуют. На основе изучения положений таких экономических наук, как экономический анализ, финансы и финансовый менеджмент, а также нормативных правовых актов выявлены и уточнены признаки платежеспособности, которую как одно из свойств финансового состояния целесообразно называть финансовой платежеспособностью.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, экономический анализ, финансы, свойства финансового состояния, признаки финансовой платежеспособности.

Одним из центральных в общей теории судебной экспертизы является учение о свойствах объектов и их признаках [1, с. 432, 436]. В задачу теории экспертизы каждого рода входит отобрать те свойства, которые могут быть изучены с применением специальных познаний, составляющих основу данной экспертизы [1, с. 436]. Очень важным моментом как общей, так и частных теорий (теорий экспертизы каждого рода) в области судебной экспертизы, является познание закономерностей проявления свойств в признаках и вариационность отображения признаков в носителях информации [1, с. 437].

Согласно положениям теории судебной экспертизы доказательственное значение имеет не сама вещь, не сам предмет, а их свойства, признаки [2, с. 212]. Свойства изучаются экспертом при исследовании объектов, предоставленных в его распоряжение, и позволяют ответить на поставленные вопросы [3, с. 92]. Однако «в практической судебно-экспертной деятельности эксперт как субъект познания имеет дело не непосредственно со свойствами, а с признаками, являющимися выражением тех или иных свойств объекта. Именно через признаки эксперт познает те или иные свойства объекта» [2, с. 218]. Свойства объекта экспертизы выражаются в признаках, каждый из которых можно рассматривать как своеобразный информационный сигнал [3, с. 92]. Признак выражает свойства вещи, это ее «знак», «примета» [1, с. 437].

В теории судебной экспертизы признаки систематизируются по различным основаниям, в частности, таким, как:

– характер: а) качественные, выражающие наличие или отсутствие у объекта экспертизы какого-либо существенного свойства (качества); б) количественные, отражающие свойство объекта, выраженное в числовой форме;

– отношение к объекту в целом или его части: а) общие; б) частные [3, с. 92–93].

Одним из востребованных в отечественной судебной экспертной практике является исследование платежеспособности субъекта хозяйствования (далее – платежеспособность).

Вместе с тем, признаки платежеспособности в теории судебной экономической экспертизы (далее – СЭЭ) [4], к предметным экспертным знаниям (специальным познаниям) которой непосредственно относится данный вопрос, не определены.

Известно, что при формировании частных теорий рода (вида) судебной экспертизы учитываются не только принципы, понятия, методология общей теории судебной экспертизы, но и содержание предметных экспертных знаний, которые основываются на положениях базовых наук, изучающих свойства объектов, их природу, закономерности изменения под влиянием различных факторов. Эти базовые науки востребованы при разработке методики исследования, средств и методов изучения самих объектов и их отображений [3, с. 76–77]. Учитывая это и отсутствие представлений о признаках платежеспособности в теории СЭЭ, целесообразным является изучение положений экономических наук с целью выявления содержащихся в них представлений о ее признаках.

В настоящее время платежеспособность изучается такими экономическими науками, как экономический анализ, финансы, финансовый менеджмент. В специальной экономической литературе отдельными авторами прямо называются признаки платежеспособности.

По мнению одних авторов, признаком платежеспособности является уровень коэффициентов ликвидности, а также показателей финансовой устойчивости. Так, Д. А. Ендовицкий, К. В. Бахтин, Д. В. Ковтун отмечают, что «уровень коэффициентов ликвидности еще не является признаком хорошей или плохой платежеспособности, в этой связи анализ дополняют расчетом показателей финансовой устойчивости» [5, с. 9]. При этом данными авторами приводятся такие коэффициенты (относительные показатели) ликвидности, как показатель критической ликвидности [5, с. 8], коэффициенты абсолютной, быстрой, текущей ликвидности [5, с. 204–209], а показатели финансовой устойчивости не называются.

Другими же авторами называются в различных сочетаниях следующие признаки платежеспособности:

- отсутствие просроченных платежей [6, с. 95; 7, с. 166];
- сбалансирование предстоящих расходов с денежными поступлениями в соответствующем отрезке времени [6, с. 95; 7, с. 166];
- наличие достаточного объема (в достаточном объеме) средств на расчетном счете [8, с. 163; 9, с. 171; 10, с. 498; 11, с. 61–62];
- отсутствие просроченной кредиторской задолженности [8, с. 163; 10, с. 498; 11, с. 61–62];
- наличие собственных оборотных средств [8, с. 163];
- отсутствие долгосрочной кредиторской задолженности [9, с. 171] и др.

Причем наряду с признаками платежеспособности, данными авторами в обязательном порядке приводятся в различных наборах ее показатели (используемые для ее оценки показатели), к которым ими относятся отдельные из названных выше коэффициентов ликвидности, а также другие ее относительные и абсолютные показатели. Ряд из встречающихся различных вариантов наименования, порядка расчета и интерпретации этих абсолютных и относительных показателей представлен в таблицах 1 и 2 соответственно.

Таблица 1 – Варианты наименования, порядка расчета и интерпретации абсолютных показателей платежеспособности

Порядок расчета показателя	Интерпретация показателя
<i>Величина функционирующего капитала</i>	
разница между текущими активами (оборотными активами) и краткосрочными платежами (краткосрочными обязательствами) [8, с. 167]	позволяет оценить сумму оборотных средств, которая останется в распоряжении предприятия, после погашения своих обязательств [8, с. 167]
<i>Величина собственных оборотных активов</i>	
разность раздела «Оборотные активы» и «Краткосрочные обязательства» [9, с. 172]	характеризует ту часть оборотных активов организации, которая создана за счет собственного оборотного капитала [9, с. 172]; представляет собой сумму оборотных активов, которая останется в распоряжении организации после расчетов по краткосрочным обязательствам [9, с. 173]

Порядок расчета показателя	Интерпретация показателя
<i>Величина собственных оборотных средств</i>	
разница между собственным капиталом и величиной внеоборотных активов [10, с. 499]; разница между суммой собственного капитала и устойчивых пассивов и величиной внеоборотных активов [10, с. 506]; разница между оборотными активами и краткосрочными обязательствами [10, с. 508–509]	показывает, какая сумма оборотных средств останется в распоряжении предприятия после расчетов по краткосрочным обязательствам [10, с. 509]; дает оценку части собственного капитала фирмы, использованной для финансирования оборотных активов [10, с. 509]
<i>Величина чистого оборотного капитала</i>	
разность собственных средств, включая резервы предстоящих расходов, и фактической стоимости внеоборотных активов [9, с. 172]	характеризует ту часть собственного капитала организации, которая является источником покрытия ее оборотных активов [9, с. 172]

Таблица 2 – Варианты наименования, порядка расчета и интерпретации относительных показателей платежеспособности

Порядок расчета показателя	Интерпретация показателя
<i>Коэффициент общей ликвидности</i>	
отношение оборотных активов к краткосрочным обязательствам [6, с. 96; 8, с. 166]	характеризует общую обеспеченность предприятия собственными оборотными средствами для ведения хозяйственной деятельности и своевременного погашения срочных обязательств [12, с. 196]; показывает, в какой мере текущие краткосрочные обязательства покрываются совокупными оборотными активами [8, с. 166]
<i>Коэффициент текущей ликвидности</i>	
отношение стоимости оборотных активов к краткосрочным обязательствам организации за исключением резервов предстоящих расходов [9, с. 174]; отношение оборотных активов к краткосрочным обязательствам [6, с. 96; 10, с. 510; 13, с. 545]; отношение суммы денежных средств, краткосрочных финансовых вложений и дебиторской задолженности к краткосрочным обязательствам [8, с. 166]	дает общую оценку обеспеченности организации оборотными активами для ведения хозяйственной деятельности и своевременного погашения краткосрочных обязательств [9, с. 174]; показывает степень покрытия краткосрочных обязательств оборотными активами [13, с. 545]; дает общую оценку ликвидности предприятия, показывая, сколько рублей оборотных средств (текущих активов) приходится на один рубль текущей краткосрочной задолженности (текущих обязательств) [10, с. 510]
<i>Коэффициент абсолютной ликвидности</i>	
отношение суммы краткосрочных финансовых вложений и денежных средств и их эквивалентов к краткосрочным обязательствам [12, с. 198]; отношение суммы денежных средств и краткосрочных финансовых вложений к краткосрочным обязательствам [8, с. 166; 13, с. 544]; отношение денежных средств к краткосрочным обязательствам [10, с. 512; 6, с. 97]	показывает, какая часть краткосрочных обязательств может быть погашена немедленно [12, с. 198; 8, с. 167]; показывает, какая часть краткосрочных обязательств может быть погашена за счет имеющихся денежных средств и их эквивалентов [13, с. 544]
<i>Коэффициент быстрой ликвидности</i>	
отношение суммы денежных средств, краткосрочных финансовых вложений и дебиторской задолженности, платежи по которой ожидаются в течение 12 месяцев после отчетной даты, к сумме краткосрочных обязательств [9, с. 175]; отношение быстроликвидных активов к краткосрочным обязательствам [13, с. 548]; отношение суммы дебиторской задолженности и денежных средств к сумме краткосрочных обязательств [10, с. 511]	показывает, какая часть краткосрочных обязательств может быть при необходимости погашена немедленно за счет имеющихся денежных средств, финансовых вложений [9, с. 175]; характеризует степень обеспеченности краткосрочных обязательств быстроликвидными активами [13, с. 548]

<i>Коэффициент обеспеченности финансовых обязательств активами</i>	
отношение суммы собственного капитала и долгосрочных обязательств за вычетом стоимости долгосрочных активов к стоимости краткосрочных активов [12, с. 196–197]	характеризует наличие у предприятия собственных оборотных средств, необходимых для его финансовой устойчивости [12, с. 196–197]
<i>Коэффициент обеспеченности текущей деятельности собственными оборотными активами</i>	
отношение собственных оборотных активов к оборотным активам [9, с. 175]	показывает, какая часть оборотных активов финансируется за счет собственных финансовых ресурсов организации [9, с. 175]
<i>Коэффициент обеспеченности финансовых обязательств активами</i>	
отношение суммы долгосрочных и краткосрочных обязательств за вычетом резервов предстоящих расходов к валюте баланса [9, с. 175]	характеризует способность организации рассчитаться по своим финансовым обязательствам после реализации активов [9, с. 175]
<i>Коэффициент платежеспособности</i>	
отношение собственного капитала к сумме активов [14, с. 32]	–
<i>Коэффициент финансовой самостоятельности</i>	
отношение внешних обязательств к сумме активов [14, с. 32]	показывает, какая доля активов не принадлежит владельцам фирмы [14, с. 32]
<i>Коэффициент финансовой автономии</i>	
отношение внешних обязательств к собственному капиталу [14, с. 32]	–
<i>Коэффициент финансовой устойчивости</i>	
отношение суммы кредиторской задолженности к собственному капиталу [14, с. 32]	–

Некоторые из приведенных в таблице 2 относительных показателей платежеспособности рассматриваемыми их авторами называются также критериями ее оценки [8, с. 167; 14, с. 32], другими авторами – критериями ликвидности предприятия [10, с. 512; 11, с. 62].

Таким образом, в специальной экономической литературе существует проблема неоднозначного понимания признаков платежеспособности. Согласно одной из существующих точек зрения признаками платежеспособности выступают уровень относительных показателей (коэффициентов) ликвидности и показатели финансовой устойчивости. В соответствии же с другим – противоположным мнением, коэффициенты ликвидности, как и другие выделяемые относительные и абсолютные показатели платежеспособности, не относятся к признакам последней. В состав признаков платежеспособности авторами в обязательном порядке включаются отсутствие просроченных платежей и (или) отсутствие просроченной кредиторской задолженности и (или) отсутствие долгосрочной кредиторской задолженности. Каждый из этих признаков представляет собой, хотя на это и не указывают приводящие их авторы, нулевые значения абсолютных показателей отчетности.

Представителями обоих подходов показатели платежеспособности рассматриваются как одна из групп показателей финансового состояния или характеризующих его либо используемых для его оценки показателей, наряду с показателями рентабельности, оборачиваемости, финансовой устойчивости и др. [5, с. 204–209; 6, с. 87; 7, с. 160; 9, с. 170; 12, с. 195; 14, с. 14].

Необходимо отметить, что белорусским законодательством [15; 16] установлены коэффициенты платежеспособности, их нормативные значения, а также критерии признания субъекта хозяйствования платежеспособным, неплатежеспособным, неплатежеспособности приобретающей и имеющей устойчивый характер.

Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 декабря 2011 г. № 1672 «Об определении критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования» [15] (далее – Постановление № 1672) установлено в качестве показателей для оценки платежеспособности (коэффициентов платежеспособности) использовать коэффициенты

текущей ликвидности (далее – К1), обеспеченности собственными оборотными средствами (далее – К2), обеспеченности обязательств активами (далее – К3). Данным Постановлением определена также интерпретация К1, К2 и К3. Порядок расчета этих коэффициентов установлен Инструкцией о порядке расчета коэффициентов платежеспособности и проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь и Министерства экономики от 27.12.2011 г. № 140/206 [16]. Закрепленные действующим законодательством наименования, порядок расчета и интерпретация показателей платежеспособности отражены в таблице 3.

Таблица 3 – Наименование, порядок расчета и интерпретация показателей платежеспособности, закрепленные действующим законодательством

Порядок расчета показателя	Интерпретация показателя
<i>Коэффициент текущей ликвидности</i>	
отношение стоимости краткосрочных активов к краткосрочным обязательствам [16]	характеризует общую обеспеченность субъекта хозяйствования краткосрочными активами для погашения краткосрочных обязательств [15]
<i>Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами</i>	
отношение суммы собственного капитала и долгосрочных обязательств за вычетом стоимости долгосрочных активов к стоимости краткосрочных активов [16]	характеризует наличие у субъекта хозяйствования собственных оборотных средств, необходимых для его финансовой устойчивости [15]
<i>Коэффициент обеспеченности обязательств активами</i>	
отношение долгосрочных и краткосрочных обязательств к общей стоимости активов [16]	характеризует способность субъекта хозяйствования рассчитываться по своим обязательствам [15]

Кроме того, Постановлением № 1672 утверждены нормативные значения коэффициентов платежеспособности, дифференцированные для К1 и К2 по видам экономической деятельности, а также установлены критерии:

– признания субъекта хозяйствования платежеспособным – наличие К1 и (или) К2 на конец отчетного периода в зависимости от основного вида экономической деятельности, имеющих значения более нормативных или равные им, а также К3, значение которого менее или равно 1;

– признания субъекта хозяйствования неплатежеспособным – наличие одновременно К1 и К2 на конец отчетного периода в зависимости от основного вида экономической деятельности, имеющих значения менее нормативных, а также К3, значение которого менее или равно 1;

– неплатежеспособности, приобретающей устойчивый характер, – наличие одновременно К1 и К2 на конец отчетного периода в зависимости от основного вида экономической деятельности, имеющих значения менее нормативных в течение четырех кварталов, предшествующих составлению последней бухгалтерской отчетности, и К3, имеющего значение менее нормативного или равное ему;

– неплатежеспособности, имеющей устойчивый характер, – наличие хотя бы одного из следующих условий:

1) наличие одновременно К1 и К2 на конец отчетного периода в зависимости от основного вида экономической деятельности, имеющих значения менее нормативных в течение четырех кварталов, предшествующих составлению последней бухгалтерской отчетности, и наличие на дату составления последней бухгалтерской отчетности К3, имеющего значение более нормативного;

2) наличие на дату составления последней бухгалтерской отчетности К3, значение которого более 1.

Таким образом, в действующем законодательстве, в отличие от специальной экономической литературы, признаки платежеспособности не называются, расчет ее абсолютных показателей,

представленных в таблице 1, не предусматривается, понятие «критерии» применяется для обозначения не ее коэффициентов, а системы неравенств или неравенства в виде результатов сравнения фактических и нормативных значений K_1 , K_2 и K_3 . Кроме того, в действующем законодательстве взаимосвязь финансового состояния и платежеспособности не определяется.

Представляется, что признаками платежеспособности выступают ее относительные показатели и построенные на основе сравнения фактических и нормативных значений этих показателей критерии:

- во-первых, исходя их общих значений понятий «признак», «показатель», «критерий». Так, признак в общем значении – показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь [17, с. 511]. В общем значении показатель – признак, свидетельство чего-либо [18]. В специальной экономической литературе под экономическим показателем понимают некоторый признак, отражающий определенную черту явления, его состояние и развитие [19, с. 39]. Критерий же в общем значении – это признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо [20];

- во-вторых, поскольку платежеспособность, будучи выражаемой (отражаемой) в признаках, согласно положениям общей теории судебной экспертизы, выступает свойством. При этом объектом СЭЭ, свойством которого является платежеспособность, выступает финансовое состояние. Это следует из общепринятого в специальной экономической литературе рассмотрения взаимосвязи платежеспособности и финансового состояния. Свойства же, согласно теории экономического анализа, отражаются не в абсолютных, а в относительных показателях;

- в-третьих, так как существующие в специальной экономической литературе и нормативных правовых актах представления об относительных показателях и построенных на их основе критериях платежеспособности соответствуют представлениям о признаках свойств объектов в теории судебной экспертизы. Причем представления об относительных показателях платежеспособности согласуются с представлениями о количественных признаках свойств объектов, поскольку эти показатели отражают платежеспособность в числовой форме. Представления же о критериях платежеспособности соответствуют представлениям о качественных признаках свойств объектов, так как эти критерии выражают наличие либо отсутствие платежеспособности.

По отношению к данному объекту в целом выделенные количественные и качественные признаки платежеспособности выступают частными, поскольку ее показатели, будучи только одной из групп показателей финансового состояния, выражают лишь одно из его свойств и, следовательно, относятся только к части финансового состояния как объекта СЭЭ.

Вместе с тем, в специальной экономической литературе нерешенной остается проблема выбора из предлагаемых наборов показателей наиболее полно и точно отражающих платежеспособность. Кроме того, принятые в действующем законодательстве показатели платежеспособности – K_1 , K_2 , K_3 – имеют ряд недостатков, на которые указывают белорусские и российские ученые-экономисты. Так, по мнению Н. П. Мыцких: « K_2 ... является избыточным, так как не несет дополнительной информации»; «формула расчета ... K_2 и его характеристика нуждаются в пересмотре и приведении их в соответствие с его названием и экономическим содержанием»; «необходимо привести в соответствие между собой названия, характеристики и формулы расчета ... K_1 и K_2 [21, с. 138]. Г. В. Савицкая отмечает, что у K_1 «имеются серьезные теоретические и практические изъяны» [13, с. 546]. М. С. Абрютин, А. В. Грачев утверждают, что K_1 «заставляет усомниться в истинной платежеспособности предприятия: запасы и затраты, которые рассматриваются при исчислении этого коэффициента как элементы покрытия, всего лишь потенциальное покрытие обязательств. Для гарантированного покрытия обязательств требуются финансовые активы» [22, с. 42]. При этом, с точки зрения Н. П. Мыцких, недостатки действующего законодательства приводят к тому, что сделанные на его основе выводы искажают платежеспособность [21, с. 138].

Решение обозначенных проблем содержится в работах [23; 24]. В них доказано, что платежеспособность – это свойство финансов субъекта хозяйствования, дающее возможность за счет финансовых активов выполнять свои срочные финансовые обязательства [23, с. 43]. Финансы субъекта хозяйствования рассмотрены как система, выявлено их место в его экономической системе. В результате этого предложено следующее их определение: «финансы субъекта хозяйствования – это совокупность его финансовых активов и финансовых обязательств, связанных между собой и с его нефинансовыми активами, а также с финансами других субъектов хозяйствования, государства, домашних хозяйств для обеспечения непрерывного кругооборота экономических ресурсов в процессе индивидуального и общественного воспроизводства» [23, с. 34]. Показано, что финансы субъекта хозяйствования как система могут рассматриваться в состоянии и движении, при этом финансовое состояние – это срез данной системы, оствовка в ее развитии. Предложено следующее определение финансового состояния: состояние финансов субъекта хозяйствования на момент времени, характеризующее их параметрами (свойствами) – платежеспособностью, финансовой рентабельностью и финансовой независимостью, отражаемыми в производных аналитических относительных показателях [23, с. 45]. Поскольку платежеспособность является свойством финансов, а последние могут рассматриваться в состоянии и в движении, то платежеспособность является одновременно свойством финансового состояния субъекта хозяйствования.

В данных работах также определены показатели бухгалтерского баланса, отражающие финансовое состояние субъекта хозяйствования. К ним отнесены показатели финансовых активов (дебиторская задолженность, денежные средства, финансовые вложения) и финансовых обязательств (собственный капитал, долгосрочные и краткосрочные обязательства) субъекта хозяйствования [23, с. 34]. Предложены показатели свойств финансового состояния, в том числе платежеспособности, необходимые для его оценки. В частности, в качестве показателя платежеспособности предложено использовать коэффициент покрытия финансовыми активами срочных финансовых обязательств, который рассчитывается как отношение финансовых активов к срочным финансовым обязательствам (долго- и краткосрочным обязательствам) [23, с. 123]. Обосновано нормативное значение данного показателя, равное 1 [23, с. 271–283]. Фактически, определен следующий критерий признания субъекта хозяйствования платежеспособным: наличие на дату составления бухгалтерского баланса коэффициента платежеспособности, имеющего значение более либо равное 1 [23, с. 135–136].

Поскольку, как установлено, платежеспособность является одним из свойств финансового состояния, ее целесообразно называть финансовой платежеспособностью [24, с. 56].

В связи с изложенным выше для целей СЭЭ предлагается считать:

- количественным признаком финансовой платежеспособности – значение коэффициента покрытия финансовыми активами срочных финансовых обязательств;
- качественным признаком финансовой платежеспособности – наличие на дату составления бухгалтерского баланса данного коэффициента, имеющего значение более либо равное 1.

При этом установленные количественный и качественный признаки в рамках исследования финансового состояния как объекта СЭЭ необходимо рассматривать как частные.

Этот подход способствует развитию положений теории СЭЭ и повышает достоверность исследования платежеспособности в практической судебно-экспертной деятельности.

Список использованных источников

1. Криминалистика / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. проф. Р. С. Белкина. – М. : Норма–ИНФРА-М, 1999. – 990 с.
2. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 480 с.

3. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. – М. : Норма, 2009. – 384 с.
4. Мусин, Э. Ф. Судебно-экономическая экспертиза в органах внутренних дел Российской Федерации : учеб. пособие / Э. Ф. Мусин, С. В. Ефимов, В. Г. Савенко. – М. : ЭКЦ МВД России, 2010. – 176 с.
5. Ендовицкий, Д. А. Анализ кредитоспособности организации и группы компаний: учеб. пособие / Д. А. Ендовицкий, К. В. Бахтин, Д. В. Ковтун; под ред. Д. А. Ендовицкого. – М. : КНОРУС, 2012. – 376 с.
6. Ткачук, М. И. Финансовый менеджмент: ответы на экзаменац. вопр. / М. И. Ткачук, О. А. Пузанкевич. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 112 с.
7. Финансы организации : учеб. пособие / О. А. Пузанкевич [и др.]; под ред. О. А. Пузанкевич. – Минск : БГЭУ, 2016. – 191 с.
8. Шумак, О. А. Финансы предприятия: учет и анализ : учеб. пособие / О. А. Шумак. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2014. – 191 с.
9. Молокович, А. Д. Финансы и финансовый рынок : учеб. пособие / А. Д. Молокович, А. В. Егоров. – Минск : Изд-во Гревцова, 2012. – 256 с.
10. Ковалев, В. В. Анализ баланса, или Как понимать баланс / В. В. Ковалев, Вит. В. Ковалев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2013. – 784 с.
11. Экономический анализ. Шпаргалки / Сост. Н. Ольшевская. – М. : АСТ; СПб. : Сова; Владимир : ВКТ, 2012. – 64 с.
12. Финансы и финансовый рынок : учеб. пособие / Г. Е. Кобринский [и др.]; под. общ. ред. Г. Е. Кобринского, М. К. Фисенко. – 2-е изд., испр. – Минск : Вышэйш. шк., 2014. – 348 с.
13. Савицкая, Г. В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия: учебник / Г. В. Савицкая. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2016. – 608 с.
14. Глазунов, В. Н. Финансы фирмы / В. Н. Глазунов. – М. : Экономика, 2000. – 246 с.
15. Об определении критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12.12.2011, № 1672 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
16. Инструкция о порядке расчета коэффициентов платежеспособности и проведения анализа финансового состояния и платежеспособности субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь и М-ва экономики Респ. Беларусь, 27.12.2011, № 140/206 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
17. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
18. Значение слова «показатель» по Ефремовой [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка. – Режим доступа : <http://tolslovar.ru/p12130.html>. – Дата доступа : 25.02.2017.
19. Елисеева, Т. П. Экономический анализ хозяйственной деятельности : учеб. пособие / Т. П. Елисеева. – Минск : Соврем. шк., 2007. – 944 с.
20. Значение слова «критерий» по Ефремовой [Электронный ресурс] // Толковый словарь русского языка. – Режим доступа : <http://tolslovar.ru/k11486.html>. – Дата доступа : 25.02.2017.
21. Мыцких, Н. П. О совершенствовании методики оценки платежеспособности с учетом новой концепции собственных оборотных средств / Н. П. Мыцких // Белорус. экон. журн. – 2013. – № 3. – С. 130–139.
22. Абрютина, М. С. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия : учеб.-практ. пособие / М. С. Абрютина, А. В. Грачев. – М. : Дело и Сервис, 1998. – 256 с.
23. Уласевич, Ю. М. Финансовая устойчивость субъекта хозяйствования и ее обеспечение в условиях рыночных отношений : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10 / Ю. М. Уласевич. – Минск, 2015. – 292 л.
24. Уласевич, Ю. М. Финансовое состояние субъекта хозяйствования: определение и показатели / Ю. М. Уласевич // Новая экономика. – 2016. – № 2 (68). – С. 52–60.

Y. M. Ulasevich

Candidate of Economic Sciences

Belarusian State Economic University

Minsk, Belarus

**SIGNS OF FINANCIAL SOLVENCY AS ONE OF THE PROPERTIES
OF THE FINANCIAL CONDITION OF BUSINESS ENTITY**

The necessity of the establishment of the signs of solvency as a property of financial condition of business entity on the basis of the provisions of the general theory of forensic examination about the properties of objects and their signs is demonstrated in the article; theory of forensic economic examinations does not contain representations about such signs. The signs of solvency are identified and refined on the basis of the study of the provisions of such economic sciences as economic analysis, finance and financial management, as well as regulatory legislation. It is appropriate to term solvency as financial solvency as one of the properties of financial condition.

Keywords: forensic economic examination, economic analysis, finance, properties of financial condition, signs of financial solvency.

УДК 343.98

И. Г. Дода

кандидат филологических наук

E-mail: doda@sudexpertiza.by

Г. В. Михайленко

кандидат юридических наук

E-mail: mihailenko@sudexpertiza.by

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

ОСНОВЫ КОМПЛЕКСНОЙ СУДЕБНОЙ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МАТЕРИАЛОВ ПОРНОГРАФИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В статье анализируется место судебной искусствоведческой экспертизы материалов порнографического характера в общей классификации судебных экспертиз. Рассматривается предмет, объекты, система экспертных задач данного рода экспертизы.

Предметом судебной экспертизы по делам, связанным с изготовлением и распространением порнографических материалов, является установление фактических сведений (данных) об объектах, представленных на экспертизу, включая обстоятельства их создания, с целью установления наличия либо отсутствия в них соответствующих признаков порнографического характера.

Ключевые слова: судебная искусствоведческая экспертиза материалов порнографического характера, предмет, объекты и задачи исследования.

Судебная искусствоведческая экспертиза как формирующийся класс судебных экспертиз представляет собой множество экспертных исследований, объединенных общностью знаний, служащих источником формирования теоретических и методических основ данной судебной экспертизы во всем многообразии ее объектов. В научных публикациях ученых-криминалистов, посвященных отдельным вопросам класса судебных искусствоведческих экспертиз, так же как и среди опытных искусствоведов, принято различать атрибуцию и экспертизу. «В первом случае речь идет об изучении предмета с целью определения его индивидуальных и классификационных особенностей – т. е. атрибуции, на основании которых он занимает место в музейных или библиотечных коллекциях, получает свой художественный или исторический статус. Экспертиза проводится в тех случаях, когда данные атрибуции или сведения о предмете вызывают сомнение и по тем или иным причинам должны быть надлежащим образом подтверждены» [1, с. 12].

По одной из классификаций экспертиза порнографической продукции – это один из видов культурологической или социокультурной экспертизы. Такая классификация основана на том, что предмет анализа относится к культурным объектам, а влияние порнографии на общество и отношение общества к данному явлению лежит в социологической сфере. К признакам, определяющим порнографические материалы, могут относиться: нарочитая натуралистичность изображений или описаний половых органов и/или полового акта; явно выраженный сексуальный характер запечатленных в материале действий или описаний полового сношения; сексуальные действия, совершаемые в отношении животного и т. д.

Республиканский образовательный стандарт, посвященный культурологии как науке, определяет ее следующим образом: «культурология: наука, предметом изучения которой является система знаний о культуре, теории и истории культуры, нацеленная на формирование культурно-исторического стиля мышления, понимание генезиса явлений отечественной и мировой культуры» [2, подп. 3.2]. К профессиональной деятельности культуролога данный стандарт относит следующие виды деятельности: «исследовательская, познавательная и творческая деятельность в сфере культуры, связанная с процессом изучения, сохранения, создания и распространения ценностей культуры» [2, подп. 5.1.1]. Исходя из спектра знаний и основных положений, отраженных в данном стандарте, которыми должен владеть квалифицированный культуролог, он может исследовать:

- произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, фотографии и другие произведения изобразительного искусства;
- произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства;
- аудиовизуальные произведения (кино-, теле- и видеофильмы);
- музыкальные произведения;
- произведения декоративно-прикладного искусства;
- объекты недвижимого наследия;
- предметы антиквариата: оружие, монеты, мебель, одежду и др.;
- изобразительные и аудиовизуальные компоненты сообщений СМИ, рекламных роликов и т. д.;
- издательскую и электронную продукцию.

В рамках уголовных, административных и гражданских дел, связанных с хищениями антиквариата и произведений искусства, контрабандой, мошенничеством, нарушением авторских прав, повреждением или уничтожением памятников культуры и истории, распространением порнографических материалов, а также в других ситуациях, требующих участия специалиста-культуролога, проведение культурологической экспертизы возможно для следующих целей:

- установления культурной, художественной, научной, исторической ценности предметов искусства, предметов старины, оружия, объектов недвижимого наследия и др.;
- выявления отдельных свойств предметов искусства (стиля, жанра, времени создания, подлинности и др.);
- установления наличия или отсутствия признаков порнографии в кинематографической продукции, видеоматериалах, изображениях и т. д.;
- установления авторства предметов искусства;
- установления наличия или отсутствия признаков авторского произведения (творческого характера, оригинальности);
- установления сходства или тождества двух противопоставленных объектов (изобразительных, музыкальных и др. произведений);
- выявления функций изобразительных, музыкальных и других компонентов, использующихся в СМИ и других видах коммуникации;
- решения других экспертных задач.

Специалисты в области культурологии, описывая в своих научных публикациях примеры проведения конкретных судебных экспертиз из следственной и судебной практики, придерживаются примерно одинаковой научной позиции, касающейся определения культурологической экспертизы. Культурологическая экспертиза – класс искусствоведческих судебных экспертиз, объединяющих историко-культурную, искусствоведческую и собственно культурологическую экспертизу. Все виды культурологических экспертиз направлены на установление свойств, функций и качеств объектов культуры [3].

Единого подхода по классам судебных экспертиз у различных ученых до сих пор не имеется. Несмотря на данное обстоятельство, в классификации судебных экспертиз извест-

ного ученого-криминалиста Ю. Г. Корухова судебные искусствоведческие экспертизы отнесены к самостоятельному классу судебных экспертиз, имеющему свой предмет, объекты и методы исследования [4, с. 67].

Многочисленные авторы, освещающие различные проблемные вопросы судебной искусствоведческой экспертизы, приводят различные основания классификации ее по родам и видам. Большинство авторов отдает предпочтение предмету рода экспертизы, определяемому по триединому основанию (объекты, экспертные задачи, экспертные методы), как основе дифференциации родов в судебной искусствоведческой экспертизе.

Так, например, в судебной искусствоведческой экспертизе, как классе судебных экспертиз, Е. В. Пискунова в своей диссертационной работе, посвященной криминалистическому обеспечению расследования преступлений в сфере искусства, выделяет по предмету следующие роды судебной искусствоведческой экспертизы [5, с. 9]:

- экспертизу произведений изобразительного искусства;
- экспертизу литературных произведений;
- экспертизу музыкальных произведений.

Согласно Е. В. Пискуновой, по объекту исследования экспертиза произведений изобразительного искусства подразделяется на следующие виды: экспертизу плоскостных изображений, скульптуры, архитектуры и декоративно-прикладных изделий. Экспертиза плоскостных изображений, в свою очередь, может быть поделена на такие подвиды, как экспертиза живописи, графики и фотографии; экспертиза скульптуры, архитектуры и декоративно-прикладных изделий также может быть разделена на подвиды от используемых при их изготовлении материалов. Экспертиза литературных произведений подразделяется на следующие виды: экспертизу восковых или глиняных табличек, свитков, пергамента, сшитых книг (печатных или рукописных), электронных текстов. Экспертиза музыкальных произведений в зависимости от средств фиксации музыки подразделяется на экспертизу произведений в нотной записи и на различных аудионосителях: пластинках, аудиопленках, лазерных дисках.

К отдельным родам (либо видам, если рассматривать судебно-искусствоведческую экспертизу в составе класса судебной историко-культурологической экспертизы) судебно-искусствоведческой экспертизы представляется возможным относить: экспертизу произведений живописи, произведений графики, произведений скульптуры, художественных фотоснимков, кинофильмов и видеозаписей, художественных произведений народных промыслов, антикварных изделий, особо ценных музыкальных инструментов, литературных и музыкальных произведений и т. д.

В теории судебной экспертизы большинство ученых-криминалистов придерживается однозначного определения понятия «рода экспертизы», как подмножества экспертиз определенного класса, выделяемых по предмету как основе дифференциации, имеющему триединое основание (объекты, экспертные задачи и методы). В связи с этим, по нашему мнению, судебная искусствоведческая экспертиза, связанная с изготовлением и распространением порнографических материалов, является самостоятельным родом судебной экспертизы, которая имеет свой предмет, объекты, задачи и методы исследования.

Вопрос о предмете судебной экспертизы не имеет однозначного решения, начиная с середины 70-х гг. прошлого столетия и по настоящее время остается дискуссионным. Ученые-криминалисты понятие предмета определяют как: подлежащие установлению обстоятельства [6]; установление факта [7]; задачи судебной экспертизы [8]; вещественные доказательства [9]; синтез нескольких понятий объекта (в широком и узком смысле), экспертных задач (целей и методов), методик и условий [10]; установление фактов, фактических данных, суждений о факте, имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дел об административных правонарушениях, путем исследования объектов экспертизы, являющихся материальными носителями информации о происшедшем собы-

тии [11]; фактические данные (факты), устанавливаемые на основе специальных познаний и исследование материалов уголовного либо гражданского дела определяется объектом экспертного исследования и вопросами следователя и суда [12].

По мнению Е. В. Пискуновой [5, с. 27], предметом судебной искусствоведческой экспертизы (предметом класса) является совокупность фактических сведений об объекте, представленном на экспертизу, включая обстоятельства создания данного объекта (время, место, используемые материалы, условия создания), имя создателя, а также его художественную, историческую, культурную ценность, материальную стоимость, а также его содержание, смысловую нагрузку.

Исходя из этого, следует, что предметом судебной искусствоведческой экспертизы, связанной с изготовлением и распространением порнографических материалов, является установление фактических сведений (данных) об объектах, представленных на экспертизу, включая обстоятельства их создания, с целью установления наличия либо отсутствия в них соответствующих элементов порнографического характера.

Основанием для классификации объектов судебной искусствоведческой экспертизы является сфера искусствования, т. е. отрасль знания, специфическая для определенного направления экспертных исследований. Для искусствования традиционным является деление искусства на виды в зависимости от способа материального воплощения содержания (вербального или иллюстративного) – звука, слова, изображения или их комбинации. Если рассматривать объекты судебной искусствоведческой экспертизы как материальные носители информации, то способ материального воплощения содержания может быть выбран в качестве основания классификации, поскольку именно он определяет материальные характеристики каждой группы и соответствующий им метод исследования.

Известно, что не всякий объект судебной искусствоведческой экспертизы является произведением искусства или имеет художественную, культурную или историческую ценность. Тем не менее, все они являются продуктами человеческой деятельности, предназначенными для воздействия на наблюдателя через восприятие. Наряду с такими объектами судебной искусствоведческой экспертизы, как произведения живописи, литературы, музыки, одним из видов объектов являются и объекты порнографического характера.

В этой связи следует предположить, что объектами могут являться любые материальные объекты, предметы, печатная, аудио-, видеопродукция, в том числе реклама, продукция СМИ, содержанием которых является детальное изображение анатомических или физиологических деталей сексуальных действий или которые содержат информацию (элементы) порнографического (и/или эротического) характера.

Так, объектами искусствоведческой экспертизы, проводимой Республиканской, областными и Минской городской экспертными комиссиями (далее – экспертная комиссия) по предотвращению пропаганды порнографии, насилия и жестокости, являлись аудио- и аудиовизуальная продукция на всех видах представляемых материальных носителей (компакт-дисках, флэш-накопителях, винчестерах и др.), а также сами видеоролики, графические изображения и фотоснимки.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10.10.2014 № 961 [13] дополнен перечень объектов, по которым экспертные комиссии могут выдавать экспертные заключения о наличии или отсутствии в продукции элементов пропаганды порнографии, насилия и жестокости: аудио- и аудиовизуальная продукция на всех видах носителей, включая компьютерные игры, продукция театрального и изобразительного искусства, продукция печатных и электронных СМИ, продукция по сексуальному образованию и половому воспитанию, сексуального назначения, иные материалы и предметы, которые могут содержать элементы порнографии, насилия и жестокости.

В современной криминалистической литературе, исходя из целей искомого решения экспертных задач, выделяется их три категории: идентификационные, классификацион-

ные и диагностические. По характеру основных целей экспертного исследования выделяют идентификационные задачи, которые направлены на отождествление объекта по его отображениям. Далее следуют диагностические задачи, состоящие в выявлении механизма события; времени, способа и последовательности действий, событий, явлений, причинных связей между ними, природы, качественных и количественных характеристик объектов, их свойств и признаков, не поддающихся непосредственному восприятию. Частным случаем диагностических задач являются классификационные, они направлены на установление соответствия объекта определенным, заранее заданным характеристикам и отнесение его на этом основании к определенному классу, роду, виду [14, с. 14, 15]. Вместе с тем, единое понимание соотношения каждой категории экспертных задач в специальной литературе отсутствует.

Несомненно, задачи судебной искусствоведческой экспертизы разнообразны и зависят от объекта исследования, отрасли знаний, в которой проводятся экспертизы, от содержания и особенностей уголовного, административного или гражданского дела, в рамках которых они проводятся, а также от ряда других факторов.

Есть мнение, что идентификационные искусствоведческие экспертизы являются наиболее распространенным видом экспертизы, так как при проведении исследований эксперты «...изучают и оценивают предметы изобразительного искусства, принадлежность виду изобразительного искусства, художественному стилю, художественному направлению, художественной мастерской, определенному художнику или группе художников, проверанс (социокультурный паспорт)...» [15, с. 22]. Таким образом, к идентификационным задачам в судебной искусствоведческой экспертизе относят «...задачи, которые связаны с отождествлением исследуемого объекта с конкретным произведением искусства; установлением принадлежности представленных фрагментов произведения к конкретному произведению; восстановлению конкретного произведения по представленным фрагментам с использованием данных о его внешнем облике (фотографий, документальных описаний) и другие» [15, с. 26].

К классификационным экспертным задачам в судебной экспертизе большинство ученых-криминалистов относят задачи по установлению соответствия объекта определенным заранее заданным характеристикам и отнесению его на этом основании к определенному классу (в том числе гостированному, заранее поименованному либо общепризнанному). Классификация является инструментом решения экспертной задачи, а не целью экспертного исследования.

Диагностические экспертные задачи заключаются в выявлении механизма события, способа и последовательности действий, в исследовании свойств и признаков объекта, в определении происшедших в нем изменений, в установлении причины этих изменений и ее связи (или отсутствие связи) с рассматриваемым юридически значимым событием [4; 16].

Вместе с тем, характеризуя задачи любого рода судебной экспертизы, известные ученые-криминалисты Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина считают, что классификационные экспертные задачи являются и диагностическими [17, с. 15].

Ученые-криминалисты Т. Н. Москвина и Ш. Н. Хазиев считают, что большинство экспертных задач, решаемых судебной искусствоведческой экспертизой, носят комплексный характер, что обусловлено их интегративным характером [1, с. 14]. Соответственно и при проведении судебной искусствоведческой экспертизы по уголовным делам, связанным с изготовлением и распространением порнографических материалов, разрешение экспертных задач требует специальных знаний, относящихся к разным экспертным компетенциям. Такого рода экспертные задачи являются по своей гносеологической сущности классификационно-диагностическими.

Это позволяет всецело использовать различные отрасли знаний в решении сложных классификационных и диагностических экспертных задач, которые не могут быть решены в рамках одной области знаний данного рода экспертизы.

Приведем примерный перечень экспертных задач (вопросов), решаемых комплексной судебной искусствоведческой экспертизой материалов порнографического характера. В частности, ниже перечислены вопросы классификационного характера:

1) Относятся ли на представленном компакт-диске видеофайлы к материалам порнографического характера?

2) Относятся ли на представленном компакт-диске видеофайлы к материалам порнографического характера с изображением несовершеннолетних?

3) Являются ли изображения на футлярах представленных видеоматериалов предметами печатной порнографии?

4) Являются ли изображения, находящиеся на компакт-диске, порнографическими, если да, то по каким признакам?

5) Имеют ли представленные видеоматериалы признаки (элементы) порнографии?

6) Являются ли данные видеоматериалы художественным либо документальным произведением? Содержат ли данные изображения на видеоматериалах признаки эротики или порнографии?

7) Принадлежит или не принадлежит объект, представленный на экспертизу, к порнографической или эротической продукции? Если да, то по каким признакам?

8) Имеется ли на представленном фотоснимке изображение порнографического характера?

9) Какие именно файлы на представленном компакт-диске являются порнографическими?

Далее приводится перечень экспертных диагностических задач:

1) Принадлежит ли информация, содержащаяся на представленных на исследование носителях, к детской порнографии?

2) Принимает ли лицо на видеозаписи участие в совершении действий сексуального характера или их имитации?

3) Содержит ли представленная на экспертизу видеозапись изображение половых органов ребенка в сексуальных целях?

4) Акцентируется ли внимание видеозаписи на гениталиях путем умышленного приближения (увеличения) кадра к половым органам?

5) Какие последствия вызывает восприятие представленной на экспертизу видеозаписи с точки зрения формирования сексуальных представлений и морально-нравственного развития у несовершеннолетних?

6) Установить по изображениям, записанным на компакт-диске, пол и возраст изображенных несовершеннолетних лиц?

Таким образом, для дачи ответов на вопросы, интересующие следствие при расследовании уголовных дел, связанных с изготовлением и распространением порнографических материалов, следует назначать, с учетом классификационных и диагностических задач, комплексную судебную искусствоведческую экспертизу.

Следует отметить, что круг основных вопросов, формулируемых в постановлении о назначении комплексной судебной искусствоведческой экспертизы, определяется задачами расследования преступлений, предметом специальных знаний экспертов, необходимых для установления наличия (или отсутствия) признаков порнографии в объектах исследования, подлежащих исследованию.

Так, перед экспертом-сексологом целесообразно ставить такие вопросы, ответы на которые позволят выявить в представленных на исследование изображениях формы сексуального девиантного поведения и возможные для потребителя последствия, возникающие при их просмотре. Чтобы сформулировать такие вопросы, инициатору экспертизы необходимо четко представлять себе, какие именно формы полового поведения соответствуют формальным признакам порнографии. Соответственно, для выявления признаков порнографии на разрешение эксперта-сексолога могут быть поставлены вопросы в следующей редакции:

1) Вызывает ли просмотр изображения на представленном объекте сексуальное желание? Если да, то какова предполагаемая форма его реализации: извращенная или естественная (общепринятая, нормальная)?

2) Вызывает ли просмотр изображения на представленном объекте сексуальное отвращение? Если да, то способствует ли оно с точки зрения последствий его просмотра: а) развитию девиантных потребностей; б) изменению социальных установок в сторону приемлемости; в) формированию сексуальных отклонений; г) появлению сексуальной дисгармонии и дисфункциям; д) снижению сексуальной активности; е) нарушению психосексуального развития?

Далее, вопросы, поставленные перед экспертом-психологом, должны учитывать сюжетно-смысловую направленность изображения, визуальное акцентирование, степень детализации и характер воздействия на психику потребителя. В связи с этим на разрешение экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы:

1) Вызывает ли изображение на представленном объекте отвращение к нормальной половой жизни, способствует ли падению интереса к нормальным половым отношениям между мужчиной и женщиной?

2) Вырабатывает ли изображение на представленном объекте в сознании детей извращенный образ взрослости?

3) Способствует ли изображение на представленном объекте снижению границы допустимости вступления в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости?

4) Формирует ли изображение на представленном объекте отклоняющееся поведение маниакального типа (например, педофилию)?

5) Провоцирует ли изображение на представленном объекте состояние фрустрации, агрессии, стресса, подавленности, психического угнетения?

6) Имеются ли на представленном объекте сцены психического насилия?

Возможна также постановка общего вопроса экспертам в области сексологии и психологии:

1) Какие последствия социально-нравственного характера может вызвать просмотр (восприятие) этого продукта с точки зрения формирования сексуальных представлений и морально-нравственного развития несовершеннолетнего?

Для установления воспринимаемого возраста лица, запечатленного на изображении, необходимо участие судебного медика, который, основываясь на знании биологических возрастных критериев человека, способен ответить на вопрос:

1) Имеется ли на представленном объекте изображение несовершеннолетних лиц?

На нижеперечисленные вопросы эксперт в области судебной медицины сможет ответить совместно со специалистом в области психологии:

1) Имеется ли на представленном объекте изображение взрослого лица, имитирующего несовершеннолетнего?

2) Имеется ли на представленном объекте изображение взрослого лица, в своем интеллектуальном развитии не достигшего возраста 18 лет?

Специальные знания культуролога необходимы для получения научно обоснованного ответа на вопрос о том, оказывает ли конкретное изображение негативное воздействие на нравственные устои человека, воспринимающего его. Это связано с тем, что нравственность является одной из категорий этики – науки о морали, являющейся составной частью культурологии.

Предмет исследования и характер решаемых задач позволяют сформулировать вопросы эксперту-культурологу в следующей редакции:

1) Соответствует или противоречит изображению на представленном объекте современным общепризнанным нормам морали и нравственности?

2) Направлено ли изображение на представленном объекте на принижение ценностных ориентаций человека, его морально-нравственных устоев?

3) Оказывает ли изображение на представленном объекте негативное воздействие на нравственный мир человека, его поведение, формирование гармонических отношений с лицами противоположного пола?

4) Обращено ли изображение на представленном объекте на дискредитацию отношения к совокупности объективных, общезначимых, безусловных норм, задающих универсальную связь между людьми и существующих в форме идеальных ориентиров, эталонов поведения?

Особенности использования компьютерных технологий при подготовке и распространении материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в ряде случаев, позволяют с помощью судебного эксперта компьютерно-технической экспертизы в рамках его компетенции решать следующие вопросы:

1) Является ли представленное изображение рисованным, фотографическим или видеозаписью?

2) Содержит ли фотоизображение (видеозапись) следы монтажа?

3) Каковы обстоятельства создания файлов, содержащих данные изображения, и самих изображений?

4) Имеются ли на представленных носителях информации сведения о клиентах-получателях указанных файлов, о возможных местах хранения иных файлов с изображениями такого рода, переписка по вопросам изготовления и распространения данных материалов, сведения о финансовых операциях, связанных с этим?

Поскольку подозреваемые в совершении преступления лица активно используют свое право не свидетельствовать против себя, возникают определенные трудности в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Решить данную проблему позволяет анализ иных элементов изображения. Так, запечатленные изображения нередко содержат характерные элементы обстановки места съемки, особенности внешности изображенных лиц, которые могут подсказать направление розыска и последующей идентификации участков местности и изображенных лиц. Для решения этой задачи перед судебным экспертом портретной экспертизы целесообразно ставить следующие вопросы:

1) Имеются ли во внешности изображенных лиц какие-либо особые приметы, облегчающие их розыск?

2) Имеет ли изображенная обстановка (участок местности, предметы, попавшие в кадр) признаки, облегчающие установление места съемки?

При наличии версии о личности изображенного на порнографических материалах несовершеннолетнего (несовершеннолетней) судебный эксперт портретной экспертизы в последующем решает вопрос об идентификации этого лица, в том числе и тогда, когда с момента съемки прошел большой отрезок времени, и внешность подверглась значительным возрастным изменениям.

В случае исследования художественных литературных произведений на предмет установления наличия (отсутствия) в них элементов порнографии целесообразно привлечение специалистов из области литературоведения.

В научной литературе также отмечается, что для установления порнографического характера спорных материалов необходимо обязательное проведение комплексной психолого-искусствоведческой экспертизы. При этом в случае исследования кино- и видеоматериалов в качестве эксперта-искусствоведа целесообразно привлекать специалиста в области кино- и видеоискусства, при исследовании картин, рисунков и иных графических изображений – специалиста в области живописи и изобразительного искусства и т. д. Комплексная судебная психолого-искусствоведческая экспертиза целесообразна, в частности, в том случае, когда необходимо установить направленность и степень воздействия произведения искусства на сознание или бессознательную сферу личности или населения в целом. При этом каждый из экспертов призван решать вопросы, соответствующие его компетенции. Так, экспертом-

искусствоведом подлежат решению вопросы о наличии или отсутствии художественной ценности материалов, сюжета, концепции и художественных принципов, а также о наличии или отсутствии основных признаков порнографии. В свою очередь, экспертом-психологом должны решаться вопросы о характере и степени психологического воздействия на потенциального «потребителя» исследуемых материалов, наличии или отсутствии пропаганды насилия, жестокости, нетрадиционных и извращенных форм сексуальных отношений.

Представляется, что понимание современных возможностей судебной искусствоведческой экспертизы, с учетом ее становления и развития, для установления конкретных обстоятельств расследуемого дела, связанного с изготовлением и распространением материалов порнографического характера, позволит избежать необоснованного расширения перечня задач.

Таким образом, проведенный анализ основ и места комплексной судебной искусствоведческой экспертизы материалов порнографического характера в общей системе классификации судебных экспертиз позволяет сформулировать ряд выводов:

1. Судебная искусствоведческая экспертиза материалов порнографического характера является самостоятельным родом судебной экспертизы, которая имеет свой предмет, объекты и задачи исследования.
2. Решение широкого спектра экспертных задач в рамках данного рода судебной экспертизы требует интеграционного и комплексного подхода с применением специальных знаний, относящихся к разным экспертным компетенциям.
3. Для создания в республике нового рода судебной экспертизы необходимо опытным специалистам в области искусствоведения, кинематографии, культуроведения, средств массовой информации и печати, медицины, психологии, психиатрии, лингвистики, педагогики, в том числе и традиционных видов судебных экспертиз, разработать комплекс специальных методов исследования, при применении которых возможно решение поставленных актуальных экспертных задач.

Список использованных источников

1. Москвина, Т. Н. Судебно-искусствоведческая экспертиза / Т. Н. Москвина, А. А. Смирнов, Ш. Н. Хазиев // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2004. – № 9. – С. 11–16.
2. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Переподготовка руководящих работников и специалистов, имеющих высшее образование ОСРБ 1-21 04 72-2016. Специальность : 1-21 04 72 Культурология. Квалификация : Культуролог [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Хазиев, Ш. Н. Процессуальные и криминалистические основы судебно-искусствоведческой экспертизы / Ш. Н. Хазиев // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Доклады и сообщения на международной конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе». – М., – Н. Новгород : РФЦСЭ и Приволжский РЦСЭ МЮ РФ, 2004. – С. 335–337.
4. Основы судебной экспертизы: общая теория. Часть 1 / Под. ред. Ю. Г. Корухова. – М. : РФЦСЭ, 1997. – 165 с.
5. Пискунова, Е. В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства : дис... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Е. В. Пискунова. – М., 2013. – 217 л.
6. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики: в 3 т. / Р. С. Белкин. – М.: Акад. МВД СССР, 1977–1979. – 3 т.
7. Селиванов, Н. А. Спорные вопросы судебной экспертизы / Н. А. Селиванов // Соц. законность. – 1978. – № 5. – С. 63–66.
8. Петрухин, И. Л. Экспертиза как средство доказывания в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М., 1984. – 265 с.
9. Галкин, В. М. Средства доказывания в уголовном процессе / В. М. Галкин. – М., 1969. – 96 с.
10. Арсеньев, В. Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы / В. Д. Арсеньев // Проблемы судебной экспертизы : сб. науч. тр. / ВНИИСЭ. – М., 1980. – Вып. 44. – С. 2–27.

11. Аверьянова, Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – М. : Норма, 2007. – 480 с.
12. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т. В. Аверьяновой и Е. Р. Россинской. – М. : Юрист, 1999. – 335 с.
13. О внесении дополнений и изменений в постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 10.10.2014 № 961 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
14. Комплексная методика решения судебно-почерковедческих задач, связанных с исследованием буквенных текстов : метод. пособие / В. Ф. Орлова [и др.]; ВНИИСЭ. – М., 1982. – 230 с.
15. Бондаренко, Л. К. Основные криминалистические виды судебной искусствоведческой экспертизы : в 2-х ч. / Л. К. Бондаренко // Грамота. – Тамбов, 2014. – № 7 (45). – Ч. I. – С.21–24.
16. Корухов, Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений / Ю. Г. Корухов. – М. : РФЦСЭ, 1998. – 288 с.
17. Россинская, Е. Р. Настольная книга судьи : судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. – М. : Проспект, 2011. – 323 с.

Дата поступления: 03.04.2017

I. G. Doda

Candidate of Philological Sciences

G. V. Mikhailenko

Candidate of Juridical Sciences

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

FOUNDATIONS OF FORENSIC MULTIDISCIPLINARY ARTS EXAMINATION OF THE MATERIALS OF PORNOGRAPHIC NATURE

Analysis of the position of forensic arts examination in the whole classification framework of forensic sciences is provided in the article. Study topic, objects, the system of forensic tasks of this type of examination are discussed.

Determination of actual information (data) about the exhibits presented for the examination, including the circumstances of production, as a means to identify the existence or absence of relevant features of pornographic character is the subject of forensic arts examination in cases dealing with the production and dissemination of pornographic materials.

Keywords: forensic arts examination of the materials of pornographic nature, study topic, objects and tasks of examination.

УДК 343.98

А. М. Кривицкий

кандидат технических наук

E-mail: michaelkrivitstkj@gmail.com

Г. И. Залужный

кандидат технических наук

E-mail: zgi@mail.by

О. Г. Залужная

магистр технических наук

E-mail: oksanazaluzhnaya@gmail.com

Е. А. Засимович

E-mail: katrinzas@mail.ru

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

ДИАГНОСТИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СИСТЕМ АВТОМОБИЛЯ

В статье рассмотрены возможности определения параметров движения транспортного средства на момент дорожно-транспортного происшествия путем считывания информации с электронного блока управления автомобиля. Рассмотрена функция регистрации данных событий, которая записывает состояние транспортного средства в момент аварии. Подчеркнута актуальность использования информации с электронных блоков в связи с развитием автомобильной промышленности в этой области, расширением функций EDR и разработками в сфере диагностирования транспортных средств.

Ключевые слова: автотехническая экспертиза, ДТП, электронные системы автомобиля, использование данных edr; скорость движения.

При расследовании дорожно-транспортного происшествия (ДТП) ключевой задачей, стоящей перед судебной автотехнической экспертизой, является достоверное определение параметров движения транспортного средства (ТС) во всех фазах развития события. Экспертное исследование с полным основанием можно рассматривать как процесс целенаправленного преобразования информации, для решения поставленных перед ней задач.

Полнота и достоверность информации, которые закладываются на входе в модель исследования дорожно-транспортной ситуации, определяют правильность полученных на выходе решений. В связи со стремительным развитием автомобилестроения значительно расширился перечень источников получения данных, необходимых при производстве автотехнической экспертизы. Одним из перспективных направлений является исследование электронных блоков управления (ЭБУ) систем автомобиля или контроллеров, с функцией записи и сохранения в энергонезависимой памяти объективной информации о техническом состоянии и параметрах движения автомобиля [1; 2].

К основному объекту экспертного исследования следует отнести электронные блоки управления двигателем (ECM – Engine Control Module) и подушками безопасности (ACU – Airbag Control Unit), которые принимают информацию от многочисленных датчиков, обра-

батывают ее по особым алгоритмам и, отталкиваясь от полученных данных, отдают команды исполнительным устройствам. Также они ведут постоянный обмен данными с модулем управления тормозной системой (ABS – антиблокировочная система и ESC – антипробуксовочная система), системой контроля наличия пассажира (PPS – Passenger Presence System), контроллером кузова и др. Обмен информацией ведется посредством CAN-шины, которая объединяет все электронные системы современного автомобиля в одну сеть [3].

Практически любой модуль управления хранит некоторую информацию о значениях параметров движения автомобиля в момент записи конкретного кода неисправности – «замороженный кадр» (Freeze Frame). Значения данных параметров могут относиться к обстоятельствам происшествия, если зафиксированная модулем неисправность возникла в результате ДТП.

В энергонезависимой памяти ACU записывается и сохраняется информация о параметрах движения автомобиля (скорость, частота вращения коленчатого вала и др.) в момент срабатывания подушек безопасности – Crash data [4]. Получение доступа к указанной информации возможно при проведении технического диагностирования, с использованием сканеров, которые по своему конструктивному исполнению делятся на аппаратные и программные. Аппаратные представляют собой электронный прибор, имеющий клавиши управления и экран для отображения информации. Программный сканер – компьютер с программным обеспечением и адаптером, преобразующим сигнал ЭБУ в форму, доступную для обработки на компьютере.

Поскольку сканер не измерительный, а считывающий прибор, его способности ограничены возможностями самого электронного блока (контроллера), т. е. полнота диагностической информации, получаемой при помощи сканера, в первую очередь, зависит от функциональных возможностей ЭБУ и только во вторую – от сканера.

Порядок обмена информацией между сканером и ЭБУ называется протоколом. Единого протокола связи, на котором «разговаривают» блок управления и сканер, на сегодняшний день нет. Стандартом OBD-II (On Board Diagnostic – бортовая диагностика), регламентирующим технологию диагностирования электронных систем автомобиля, разрешено использовать любой из пяти протоколов обмена данными:

- ISO 9141–2 (используется в большинстве европейских и японских автомобилей);
- SAE PWM J1850 (Pulse–Width Modulation) протокол Ford;
- SAE VPW J1850 (Variable Pulse Width) протокол General Motors;
- ISO 14230–4 (известный также под названием KWP2000, является усовершенствованной версией ISO 9141–2);
- ISO 15765–4 (обеспечивает обмен данными с использованием CAN-шины «Controlled Area Network», доминирующий на новых автомобилях).

Наряду со стандартным набором протоколов OBD-II, производители автомобилей по-прежнему могут использовать собственные (внутренние) проколы, посредством которых можно получить гораздо больше данных о состоянии двигателя, коробки передач и других систем, управляемых автомобильными контроллерами. Однако доступ к данной информации ограничен для пользователя.

Электронные блоки (ECM, ACU) современных автомобилей стали оснащаться устройством или функцией записи информации, связанной с ДТП – Event Data Recorder «Регистратор данных события» (EDR). Этому во многом способствовало принятие национальной администрацией безопасности дорожного движения США (NHTSA) федеральных правил – United States Code of Federal Regulations Title 49 Part 563 Event Data Recorders, в отношении транспортных средств, произведенных после 1 сентября 2012. Данный документ содержит: термины и определения; перечень параметров, запись которых должен фиксировать EDR; интервал времени и частоту дискретизации записи параметров (таблица) [5]. Следует отметить, что парламент Германии поддержал предложение поставить регистраторы данных событий во всех автомобилях начиная с 2015 г. выпуска [6].

Таблица – Перечень параметров, фиксируемых EDR современных автомобилей

Основные параметры	Время записи данных события относительно начального момента отсчета	Частота дискретизации данных, $n \times c^{-1}$
Изменение скорости ΔV вдоль продольной оси, км/ч (миль/ч)	от 0 до 250 мс, или от начала до конца события по времени плюс 30 мс к данному интервалу	100
Максимальное значение ΔV вдоль продольной оси, км/ч (миль/ч)	от 0 до 300 мс, или от начала до конца события по времени плюс 30 мс к данному интервалу	N/A
Продолжительность фиксации данных события, мс	от 0 до 300 мс, или от начала до конца события по времени плюс 30 мс к данному интервалу	N/A
Скорость движения транспортного средства в момент события, км/ч или миль/час	от –0,5 до 0 сек	2
Положение дроссельной заслонки двигателя или педали акселератора, %	от –0,5 до 0 сек	2
Число оборотов двигателя	от –50 до 0 сек	2
Рабочее положение педали тормоза, включено/выключено	от –0,5 до 0 сек	2
Режим включения регистрирующего устройства	–1,0 сек	N/A
Режим записи данных события	дискретный	N/A
Состояние ремня безопасности водителя	–1,0 сек	N/A
Фронтальная подушка безопасности, включение/выключение сигнальной лампы	–1,0 сек	N/A
Время срабатывания подушки безопасности водителя	от начальной стадии события до его завершения	N/A
Время срабатывания подушки безопасности переднего пассажира справа	от начальной стадии события до его завершения	N/A
Количество регистрируемых событий (1, 2)	как записано в EDR	N/A
Время от события 1 до события 2	от нулевого времени первого события до нулевого времени второго события	N/A
Запись полного файла (да/нет)	устанавливает производитель	N/A

Термины и определения

Порог обнаружения означает изменение скорости транспортного средства в продольном (поперечном) направлении, которое равняется или превышает 8 км/ч в пределах интервала в 150 миллисекунд.

Время ноль означает: для систем с «пробуждением» управления подушками безопасности – время, за которое алгоритм управления активируется; для систем с непрерывной работой алгоритмов – первая точка отрезка, где совокупное изменение продольной скорости более 0,8 км/ч (0,5 миль/ч) достигается в пределах 20 мс времени; для транспортных средств, которые записывают изменение скорости в поперечном направлении – первая точка отрезка, где совокупное изменение поперечной скорости более 0,8 км/ч (0,5 миль/ч) достигается в пределах 5 мс времени.

Время от события 1 до 2 означает прошедшее время отсчета от нулевого времени первого события до нулевого времени второго события.

Максимальное значение ΔV вдоль продольной оси означает максимальное значение совокупного изменения скорости вдоль продольной оси, зафиксированное в EDR транспортного средства, начиная от нулевого времени аварии и заканчивая 0,3 сек.

Следует отметить, что в соответствии с требованиями правил Title 49 Part 563, инструменты для извлечения и расшифровки данных, хранящихся в EDR, должны быть коммерчески доступны не позднее чем через 90 дней после первой продажи автотранспортного средства. Хотя в Евросоюзе еще не приняты правила, которые обяжут автопроизводителей оснащать автомобили функцией EDR, многие европейские автопроизводители в той или иной степени учитывают требования правил Title 49 Part 563.

На сегодняшний день единственным общедоступным инструментом, который позволяет считать и расшифровать данные, хранящиеся в памяти EDR, является программно-аппаратный комплекс корпорации Bosch–CDR (crash data retrieval – «поиск данных аварии»). CDR позволяет получить «образ» аварийной информации, связанной со столкновениями (ударными воздействиями или резкими изменениями скорости), и отобразить ее графически (рисунок), а также в виде таблиц, без удаления или изменения хранимых данных. Информация может быть сохранена и распечатана в PDF формате.

Проведенные многолетние исследования в США и Европе подтвердили надежность и высокую точность данных, фиксируемых модулями EDR [7; 8].

Внедрение в экспертную практику прогрессивных технологий диагностирования транспортных средств является необходимым условием повышения эффективности производства судебной автотехнической экспертизы. Электронные блоки управления с функцией памяти – важный источник получения объективных данных, характеризующих ДТП, что особенно актуально ввиду постоянного увеличения их количества в современных автомобилях.

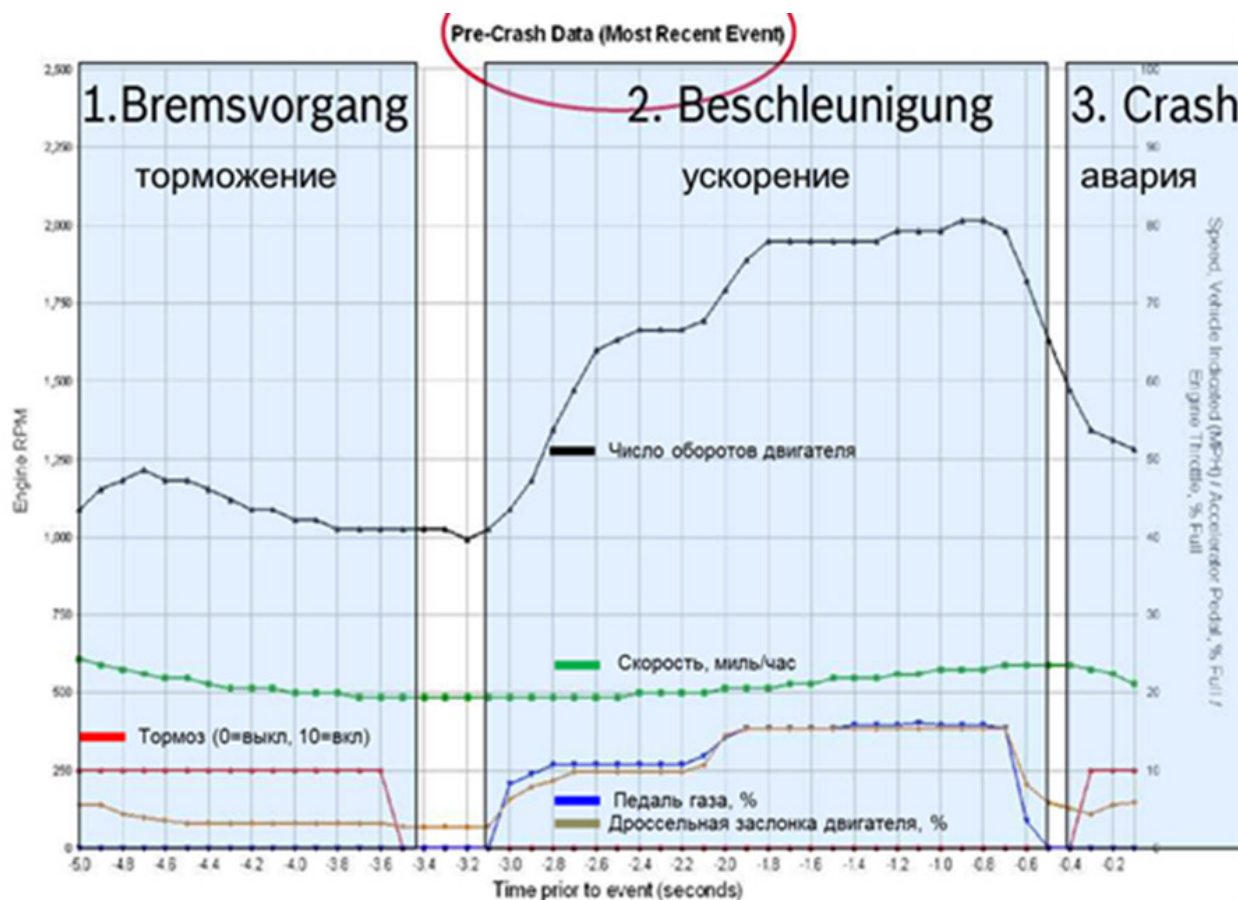

Рисунок – Графическое отображение данных об аварии, представленное программой Bosh Crash Data Retrieval Tool

Список использованных источников

1. Головчанский, А. В. Использование данных электронных систем безопасности и управления транспортных средств при расследовании дорожно-транспортных преступлений / А. В. Головчанский // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2014. – № 3. – С. 165–170.
2. Савич, Е. Л. Электронные системы управления автомобилем: лабораторный практикум в 3 ч. / Е. Л. Савич, А. С. Гурский. – Минск : БНТУ, 2007. – Ч 1. – 80 с.
3. Васильев, Я. В. Информационные технологии в расследовании и экспертизе ДТП на научно-практической конференции. Аналитическое и экспертное обеспечение безопасности дорожного движения / Я. В. Васильев; СПбГАСУ. – СПб., 2008. – С. 137–147.
4. Корчан, Н. С. Определение скорости движения транспортных средств при дорожно-транспортном происшествии путем исследования электронного блока управления / Н. С. Корчан, В. А. Варлахов, В. С. Ольхов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр./ ГУ «ЦСЭиК Министерства юстиции Республики Беларусь». – Минск : Право и экономика, 2009. – Вып. 2/26. – С. 218–224.
5. Electronic code of Federal regulations. E-CFR Data is current as of October 31, 2012 [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : www.crashdatagroup.com/learnmore/49cfr563%20as%20of%2010.31.12.pdf. – Дата доступа : 15.02.2017.
6. Gabriel, Nowacki. The use of event data recorder (EDR) – black box/ Advances in Science and Technology Research Journal. – 2014. – Vol 8, Iss 21. – Pp. 62–72.
7. DOT HS 810 935. Marco P daSilva. Analysis of Event Data Recorder Data for Vehicle Safety Improvement [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.nhtsa.gov/DOT/NHTSA/NRD>. – Дата доступа : 16.02.2017.
8. Testing and Analysis of Toyota Event Data Recorders [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : www.pressroom.toyota.com>article_download.ctm. – Дата доступа : 16.02.2017.

Дата поступления: 29.03.2017

A. M. Krivitski

Candidate of Technical Sciences

G. I. Zaluzhny

Candidate of Technical Sciences

O. G. Zaluzhnaya

Master in Technical Sciences

E. A. Zasimovich

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

CAR ELECTRONIC SYSTEMS DIAGNOSTICS

The article discusses possibilities to define the parameters of the motion of the vehicle at the time of car accident by reading the memory of the electronic unit of the vehicle. The function of event data registration, that captures the condition of the vehicle at the time of car accident, is analyzed. High relevance of exploitation of information from electronic units, due to the development of car industry in this sphere, enhancement of EDR functions and developments in the sphere of vehicle diagnostics is highlighted.

Keywords: motor vehicle examination, car accident, electronic systems of the vehicle, exploitation of EDR data, speed of motion.

УДК 343.98

Е. Л. Лужинская

Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: lygikova_7@mail.ru

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ СРЕДСТВ ФОТО- И ВИДЕОФИКСАЦИИ ИНФОРМАЦИИ, ЯВЛЯЮЩЕЙСЯ ОБЪЕКТОМ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье определяется место цифровых средств фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы, в системе научно-технических средств фиксации доказательственной информации. Формулируется дефиниция «цифровых средств фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы». Предлагается классификация вышеуказанных средств по функциональным признакам, форме носителя информации и способу фиксации.

Ключевые слова: классификация, цифровые средства фото- и видеофиксации, биометрические технологии, научно-технические средства фиксации доказательственной информации.

В последние годы и в Республике Беларусь наблюдается интенсивное внедрение перспективных информационных технологий и современных технических средств во все сферы социально-технологической жизни. Данное воздействие проявляется в непрерывном привлечении и приспособлении, в том числе и для нужд судебной экспертизы, современных и более совершенных приборов, устройств и применении новых способов исследования [1, с. 5]. Необходимость постоянного внедрения новых средств для фиксации и обработки криминалистической информации подтверждена судебной практикой не только нашей, но и других стран [2, с. 76].

Также в современном мире при высоком уровне преступности, терроризме, неконтролируемых миграционных процессах особенно актуально стало внедрение компьютерных программно-аппаратных комплексов, современной видеозаписывающей и видеовоспроизводящей аппаратуры, появление новых цифровых биометрических технологий обработки информации, позволяющих производить быстрое отождествление человека по изображению его лица.

Анализ практики проведения портретных экспертиз в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – Государственный комитет) свидетельствует о постоянном росте поступления в качестве объектов портретной экспертизы изображений лиц, полученных при помощи различных цифровых средств фото- и видеофиксации. Так, за период март 2016 – февраль 2017 г. территориальными органами Государственного комитета было проведено 76 портретных экспертиз. Объектами 34 из них являлись видеозаписи, либо кадры (скриншоты) видеозаписей, полученные при помощи цифровых камер видеонаблюдения, установленных над банкоматами, а также в местах максимального скопления людей (метро, подземные переходы, и т. д.), 5 – видеозаписи, содержащие изображения

лиц, запечатленных при помощи видеокамер мобильных телефонов, 6 – видеозаписи, полученные при помощи видеорегистраторов. Объектами 10 экспертиз – изображения лиц, запечатленные при помощи цифровых фотоаппаратов, 9 – изображения лиц, скопированных правоохранительными органами с профайлов социальных сетей. В остальных случаях в качестве объектов на экспертизу поступали паспорта, содержащие фотоснимки лиц, так же полученные при помощи цифровых технологий.

Появление «новых» средств фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы, обуславливает необходимость усовершенствования методических и практических рекомендаций по исследованию вышеуказанной информации как объекта портретной экспертизы, а также разработки теоретических основ в данной области.

Интерес к вопросам, касающимся использования цифровых средств фиксации, проявили А. В. Белоусов [3], В. В. Бирюков [4], Е. А. Григорян [5], Е. Н. Дмитриев [6] и т. д. Однако предмет их исследований посвящен отдельным направлениям использования цифровых средств в процессе фиксации доказательственной информации и лишь поверхностно касается судебных экспертиз (в частности, портретной экспертизы). До сих пор многие практически важные вопросы остаются нерешенными. Так, не сформирован понятийный аппарат цифровых средств фото- и видеофиксации, информации, являющейся объектом портретной экспертизы, не включены вновь появившиеся средства фиксации в имеющуюся классификацию, недостаточно освещены вопросы, касаемые биометрических средств идентификации, как средств фиксации объектов портретной экспертизы и т. д.

Однако, прежде чем анализировать сущность вышеуказанных цифровых средств, предстоит определить, что следует понимать под научно-техническими (техническими в том числе) средствами криминалистической техники (в которую входят такие разделы, как судебная фотография, судебная видеозапись, учение о внешнем облике человека и т. д.), уяснить место, которое среди них занимают цифровые средства фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы.

В общем смысле термин «техника» (от греч. *tehnika* – искусство, мастерство, умение) истолковывается как совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непродовольственных потребностей общества [7, с. 522]. Под техникой также понимается совокупность механизмов, орудий труда, машин и других различных устройств, облегчающих труд человека и повышающих эффективность деятельного процесса [8, с. 38]. Важнейшая ценность техники заключается в том, что она позволяет с учетом знаний законов природы значительно повысить эффективность трудовых усилий человека [7, с. 522].

Вышесказанное позволяет резюмировать, что из определения техники логически вытекает понятие «технические средства». Оно используется применительно к различным формам деятельности (технические средства обучения и т. д.). Это дает основание вести речь о технических средствах криминалистики и судебной экспертизы.

Очень многие работы по криминалистике советских ученых, таких как А. И. Винберг [9], В. П. Колмаков [10], Н. А. Селиванов [11] способствовали появлению первых развернутых определений научно-технических средств. Однако, определение, предложенное Г. И. Грамовичем, представляется наиболее полно раскрывающим сущность научно-технических средств, под которыми следует понимать «приборы, инструменты, приспособления, материалы и методы их применения, специально разработанные, приспособленные или взятые без изменения из других областей деятельности человека и используемые для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования доказательств, а также осуществления иных действий по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений» [12, с. 33–34]. Данное определение научно-технических средств позволяет использовать данную технику в целях фиксации доказательственной информации, адаптировав ее к решению задач уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы.

Что касается цифровых средств фиксации, то наиболее полной дефиницией является предложенная Г. А. Павловец [13, с. 104–109], в которой под *цифровыми средствами, применяемыми в процессе собирания доказательств по уголовному делу*, следует понимать совокупность научно обоснованных средств и методов, основанных на цифровых технологиях, используемых в соответствии с уголовно-процессуальными нормами уполномоченными на то лицами для фиксации доказательственной информации в целях установления всех обстоятельств по уголовному делу при условии строгого соблюдения прав и интересов участников уголовного процесса, гарантированных законом.

Вышеизложенная дефиниция рассматривает цифровые средства применимо к процессу собирания доказательств по уголовному делу. Цифровые же средства фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом экспертизы, входят в эту группу, однако имеют свою специфику, что обуславливает необходимость сформулировать собственное определение.

Таким образом, под *цифровыми средствами фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы*, следует понимать совокупность средств и методов, основанных на цифровых технологиях, используемых для запечатления лиц, для последующий идентификации их по признакам внешности, а также для решения диагностических задач.

Сегодня в условиях развивающегося быстрыми темпами в области цифровых технологий научно-технического прогресса появилась реальная возможность применять в целях фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы, достаточное число различных цифровых устройств, что обуславливает необходимость их классификации. Как отмечали Р. С. Белкин и А. И. Винберг, «классификация служит одним из средств познания, помогая исследовать отдельные предметы и явления, выявить закономерности их развития, определить пути их использования» [1, с. 53]. Классификация способствует эффективному применению цифровых средств фото- и видеофиксации. Ведя речь о возможности их классификации, нужно исходить из того, что целью использования цифровых средств фото- и видеофиксации является запечатление с их помощью информации, являющейся объектом портретной экспертизы. В литературе уже рассматривались вопросы классификации научно-технических средств в силу их целевого назначения [14, с. 81–89]. Также предложена классификация цифровых средств фиксации Г. А. Павловец по целевому назначению [13, с. 104–106], с которой можно согласиться. Однако, поскольку наука и техника не стоят на месте, появляются «новые» цифровые средства фото- и видеофиксации, вышеуказанную классификацию предлагается расширить.

Представляется, что все цифровые средства, фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы, в зависимости от их *функционального потенциала* можно разделить на две группы:

- 1) основные – специально предназначенные для фиксации:
 - цифровой фотоаппарат;
 - цифровая видеокамера;
- 2) дополнительные – позволяющие осуществлять фиксацию:
 - мобильный телефон (смартфон);
 - сканер (3 «D» сканер, програмно-аппаратные комплексы, биометрические средства идентификации);
 - графический планшет;
 - компьютер;
 - видеорегистратор;

По форме носителя цифровой информации:

- 1) со встроенным носителем цифровой информации;
- 2) со съемным носителем цифровой информации;
- 3) с комбинированными носителями цифровой информации.

В специальной литературе имеется высказывание о целесообразности классификации научно-технических средств фиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы, *по способу фиксации* [15]. В связи с этим предлагается цифровые средства разделить на три группы:

- 1) фотографические средства:
 - цифровой фотоаппарат;
 - цифровая видеокамера;
 - мобильный телефон со встроенной камерой (смартфон);
- 2) видеосредства:
 - цифровая видеокамера;
 - цифровой фотоаппарат;
 - мобильный телефон со встроенной камерой (смартфон);
 - видеорегистратор;
- 3) иные цифровые средства:
 - сканер (3 «D» сканер, програмно-аппартные комплексы, биометрические средства идентификации);
 - компьютер;
 - графический планшет.

Таким образом, можно констатировать, что цифровые средства фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы, являются элементами системы научно-технических средств фиксации доказательственной информации.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что данная классификация не отражает все классификационные свойства отдельных цифровых средств фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы. Так, к примеру, вышеупомянутые биометрические средства идентификации могут быть подвергнуты самостоятельной классификации. Поскольку данный вопрос многогранен, обширен и требует самостоятельного развернутого изучения, классификация биометрических средств идентификации будет рассмотрена в последующем научном труде.

Список использованных источников

1. Белкин, Р. С. Криминалистика и доказывание : методол. проблемы / Р. С. Белкин, А. И. Винберг. – М. : Юрид. лит., 1969. – 216 с.
2. Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Городец, 2004. – 268 с.
3. Белоусов, А. В. Проблема фиксации доказательств в досудебных стадиях уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Белоусов. – М., 2001. – 200 л.
4. Бірюков, В. В. Використання комп'ютерних технологій для фіксації криміналістично значимої інформації у процесі розслідування : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.В. Бірюков. – Луганськ, 2000. – 205 арк.
5. Григорян, Е. А. Фиксация криминалистически значимой информации о происшествии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. А. Григорян; Юрид. ин-т Дальневост. гос. ун-та. – Владивосток, 2010. – 27 с.
6. Дмитриев, Е. Н. Проблемы применения цифровой фотографии при расследовании уголовных дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. Н. Дмитриев. – М., 1998. – 207 л.
7. Техника // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1972. – [Т.] 8. – С. 522–523.
8. Денисов, С. Ф. Естественные и технические науки в мире культуры : учеб. пособие / С. Ф. Денисов, Л. М. Дмитриева. – Омск : Изд-во Омск. гос. техн. ун-та, 1997. – 446 с.
9. Винберг, А. И. Введение в науку / А. И. Винберг // Криминалистика; Высш. шк. МВД РСФСР. – М., 1962. – Разд. 1. – С. 16–17.
10. Колмаков, В. П. О теоретических основах систематизации методов, приемов и средств советской криминалистики / В. П. Колмаков // Изв. вузов. Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 115–122.

11. Селиванов, Н. А. Научно-технические средства расследования преступлений : правовые, методологические основы применения, современное состояние и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Селиванов; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. – М., 1965. – 34 с.

12. Грамович, Г. И. К вопросу об улучшении технико-криминалистической подготовки юристов / Г. И. Грамович // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью : тез. науч.-практ. конф. / Науч.-исслед. ин-т проблем криминологии, криминалистики и судеб. экспертиз; редкол. : А. В. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1992. – С. 56–57.

13. Павловец, Г. А. Криминалистическая фиксация доказательственной информации с помощью цифровых средств: понятие и сущность / Г. А. Павловец // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / ЦСЭиК М-ва юстиции Респ. Беларусь; редкол. : А. В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 104–109.

14. Климова, Е. И. Использование моделирования при расследовании фальшивомонетничества : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. И. Климова. – Минск, 2001. – 127 л.

15. Бахин, В. П. Вопросы оценки криминалистических рекомендаций в процессе их разработки и внедрения / В. П. Бахин, А. В. Ищенко // Криминалистика и судебная экспертиза : респ. междувед. науч.-метод. сб. / Киев. науч.-исслед. ин-т судеб. экспертизы; редкол. : А. Е. Яворский (отв. ред.) [и др.]. – Киев, 1982. – Вып. 25. – С. 8–13.

Дата поступления: 17.04.2017

A. L. Luzhynskaya

State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

CONCERNING THE CLASSIFICATION OF DIGITAL MEANS OF PHOTO AND VIDEO CAPTURE OF INFORMATION THAT IS THE SUBJECT OF A PORTRAIT EXAMINATION

The article discusses the position of digital video and photo capture of the information, which is the subject of a portrait examination in the system of the scientific and technical means of fixation of evidentiary information. The definition of «digital means of photo and video capture of information, which is the subject of a portrait examination» is formulated. Classification of digital video and photo capture equipment, which is the subject of a portrait examination, in accordance with its functional characteristics, the form of the information carrier and the method of fixation is proposed.

Keywords: classification, means of digital photo and video capture, biometric technologies, scientific and technical means of evidence capture.

УДК 343.9

Р. М. Ропот

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: r.r.m.86@mail.ru

Е. Ю. Куцко

курсант следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: liza.kucko.97@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ УДАРНО-РАЗДРОБЛЯЮЩЕГО ДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается соотношение двух категорий: «специальные средства» и «холодное оружие». На основе анализа правовых норм, гносеологической сущности и конструктивных особенностей специального средства «палка резиновая», отмечается, что такого рода предметы обладают всей совокупностью признаков холодного оружия ударно-раздробляющего действия. По результатам проведенного исследования заключается, что указанные категории являются понятиями не взаимоисключающими, а (в некоторых случаях) взаимодополняющими друг друга.

Ключевые слова: специальные средства, холодное оружие, холодное оружие ударно-раздробляющего действия, конструктивные особенности, поражающая способность, критерии оценки.

Правоохранительные органы Республики Беларусь при выполнении задач по защите жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств законодательно наделены правом применения различных специальных средств, порядок и пределы использования которых подробно регламентированы соответствующими нормативными правовыми актами. При этом отдельные группы специальных средств, с криминалистической точки зрения, могут в полной мере обладать свойствами огнестрельного, газового или холодного оружия, что детерминирует особый режим их оборота и требует выработки однозначного подхода при выявлении и оценке соответствующих признаков.

Например, такое специальное средство, как газовый баллончик, в соответствии с белорусским законодательством, относится к категории газового оружия, а используемое для решения широкого спектра задач специальное средство «карабин специальный» (КС-23, КС-23М, КС-23К и др.) относится, в свою очередь, к огнестрельному оружию [1]. Не являются исключением в этом ряду и специальные средства ударно-раздробляющего действия, которые обладают всем необходимым комплексом признаков холодного оружия соответствующего вида и в отношении криминалистической оценки которых нет единого мнения среди ученых, что не способствует повышению эффективности судебно-экспертной деятельности, а также может повлечь различного рода неопределенности и ошибки при квалификации противоправных деяний, совершенных с использованием таких предметов.

Наиболее распространенными видами специальных средств ударно-раздробляющего действия являются так называемые палки резиновые (ПР), а также всевозможные их вариации: ПР-73, ПР-90, ПУС-2, Аргумент-2, ПР-Тонфа, ПР-Таран, Аргумент-3 и др.

Отдельные ученые полагают, что отнесение тех или иных моделей ПР к холодному оружию является неверным, поскольку они являются специальными средствами и тем самым не предназначены для выполнения функций холодного оружия, т. е. не предусматривают нанесения опасных для жизни телесных повреждений или причинение смерти [2], либо вообще не обладают характерным для холодного оружия ударно-раздробляющим действием (возможностью размозжения мягких тканей и раздробления костей) [3, с. 56].

На наш взгляд, такого рода суждения являются ошибочными, поскольку они основываются лишь на формальном подходе к оценке тех или иных признаков рассматриваемой группы объектов.

Для того чтобы понять, являются ли ПР холодным оружием, необходимо четко определить, что такое холодное оружие, холодное оружие ударно-раздробляющего действия и какова степень соотношения данной категории с понятием специальных средств?

Одно из первых и наиболее полных определений холодного оружия было дано М. Г. Любарским еще в 1959 г., согласно мнению которого под холодным оружием следует понимать предметы, не имеющие прямого производственного или хозяйственно-бытового назначения; специально изготовленные или приспособленные для нанесения ими телесных повреждений при нападении или активной обороне; соответствующие этим целям по конструктивным особенностям своих частей, их размерам и свойствам материалов (прочность, твердость, упругость), по способу действия являющиеся рубящими, колющими, режущими, колюще-рубящими, колюще-режущими, ударными или смешанного типа [4]. В данном определении была выделена используемая и в настоящее время совокупность признаков, при наличии которой предмет следует относить к категории холодного оружия: целевое назначение – предназначенность для нанесения телесных повреждений при нападении и активной обороне; определенные конструктивные признаки – размеры частей и свойства материалов; принцип поражающего действия.

Согласно действующему законодательству холодным оружием признается оружие, предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте этого оружия с объектом поражения [1]. Основываясь на указанном определении, в криминалистическом оружиеведении холодное оружие понимается как разновидность ручного индивидуального вооружения, изготовленного промышленным либо непромышленным способом и не имеющего прямого хозяйственно-бытового назначения, которое по своим конструктивным и механическим свойствам предназначено и пригодно для непосредственного поражения живой цели с использованием мускульной силы человека.

Холодное оружие ударно-раздробляющего действия имеет свои специфические черты. Так, Е. Н. Тихонов указывает, что эффект ударно-раздробляющего холодного оружия «достигается тем, что человек, используя свою мускульную силу, наносит удар твердой, достаточно тяжелой и прочной частью этого оружия, при этом размозжаются мягкие ткани тела поражаемого объекта и раздробляются кости и хрящи» [4]. А. С. Подшибякин конкретизирует отдельные конструктивные особенности данного вида оружия, отмечая, что «ударно-раздробляющее оружие увеличивает силу удара за счет веса самого оружия, а в некоторых образцах (дубинка, кистень) и за счет удлинения плеча при ударе» [4].

В Словаре специальных терминов криминалистической экспертизы холодного оружия ударно-раздробляющее холодное оружие определено как «подкласс холодного оружия по принципу поражающего действия, предназначенного для нанесения ударов по голове и иным частям тела человека, раздробления костных и размозжения мягких тканей, соответствует по устройству, способу управления, удержания и действия неклинковому холодному оружию» [5].

В Государственном стандарте Республики Беларусь (СТБ ГОСТ Р 51215-2002 Оружие холодное. Термины и определения) дано следующее определение холодного оружия

ударно-раздробляющего действия: «ударно-раздробляющее (холодное) оружие – холодное оружие, боевая часть которого формирует размозжение мягких тканей и размозжение или переломы костных тканей».

Таким образом, можно выделить совокупность признаков, которыми должно обладать холодное оружие ударно-раздробляющего действия:

- предназначенность для поражения живой цели (отсутствие прямого хозяйственно-бытового назначения; наличие сходства внешнего строения с известными аналогами-образцами ударно-раздробляющего холодного оружия; наличие комплекса необходимых конструктивных элементов: боевой части («боевой конец»), рукоятки для удобства удержания и т. п.);

- пригодность для поражения цели путем размозжения мягких тканей и размозжения или переломов костей (наличие достаточной технической обеспеченности – прочности и надежности конструкции; соответствующая форма и размеры; обладание достаточными поражающими свойствами).

Прежде чем рассмотреть особенности проявления указанных групп признаков применительно к ПР, попытаемся определить, что именно следует понимать под специальными средствами.

По мнению Б. П. Кондрашова, Ю. П. Соловья и В. В. Черникова, под специальными средствами следует понимать состоящие на вооружении правоохранительных органов технические изделия (устройства, предметы, вещества) и служебные животные, которые прямо предназначены для оказания принудительного физического воздействия на человека или материальные объекты [6, с. 135; 7, с. 288–289]. В. А. Войтенко, И. П. Данилов и С. С. Миронов специальные средства определяют как совокупность устройств, приспособлений, а также приемов и способов принудительно-силового воздействия на правонарушителей, предназначенных для пресечения их противоправных действий в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью и обеспечивающих лишение лиц, против которых они применяются, способности осуществлять активные действия [8, с. 7]. В. В. Бачила и А. М. Пустоход под специальными средствами подразумевает комплекс специально изготовленных средств, предназначенных для защиты личного состава от поражающих воздействий со стороны правонарушителей и активного воздействия на лиц, совершающих правонарушения и (или) оказывающих физическое и иное сопротивление правомерным действиям сотрудников [9, с. 26].

Во всех приведенных дефинициях, которые, к слову, не являются исчерпывающими, указано на такой существенный признак специальных средств, как непосредственная предназначенность для активного физического воздействия на человека, т. е. на причинение ему телесных повреждений. При этом специальные средства не рассматриваются исключительно как орудия нелетального действия.

Применительно к ПР, имеющимся на вооружении правоохранительных органов, следует отметить следующее.

Во-первых, они имеют сходство внешнего строения с такими исторически известными аналогами-образцами ударно-раздробляющего холодного оружия, как дубинка (дубина) и тонфа.

Во-вторых, согласно действующим ведомственным инструкциям, резиновая палка непосредственно предназначена для нанесения ударов и защиты от них, из чего следует, что ПР не имеют хозяйственно-бытового назначения [10].

В-третьих, все разновидности ПР имеют необходимые для холодного оружия конструктивные элементы: ударный элемент («боевой конец»), удобную жесткую рукоятку, которая, как правило, оборудована петлей (темляком) для обеспечения большего удобства удержания при использовании. А отдельные виды ПР обладают особой конструкцией, способствующей повышению эффективности их использования. Так, палка резиновая «Тонфа» (далее – ПРТ) состоит из цилиндрического стержня с прикрепляемой к нему под прямым углом рукояткой, которая разделяет общую длину палки на две неравные части (примерно 1 : 2). То есть ПРТ имеет короткую и длинную части, рукоять, головку рукояти,

торец длинной и короткой части. Особенностью конструкции ПРТ является рукоять, позволяющая осуществлять палкой вращательные движения с большой скоростью и эффективно наносить удары, в том числе, располагая длинную часть ПРТ вдоль предплечья, что значительно повышает силу и степень поражающего воздействия удара рукой. На ПР-73М на рукоятке имеется кольцевой выступ (мини-гарда), для улучшения контроля палки при нанесении удара, для защиты пальцев руки при ударе.

Приведенные особенности ПР прямо и однозначно указывают на их предназначенность для поражения живой цели, в полной мере согласующейся с данным критерием применительно к холодному оружию.

Кроме того, ПР обладают более чем достаточной технической обеспеченностью конструкции, определяющей соответствующие поражающие свойства.

При изготовлении ПР используется литая резина, что придает всей конструкции такие свойства, как прочность, упругость и гибкость, которые сохраняются в интервале температур от +40 до –40° С. Однако некоторые авторы отмечают, что литая резина, ввиду своей эластичности и гибкости, «не только не помогает нанесению большинства повреждений, а прямо препятствует этому» [3, с. 58]. Очередное заблуждение, свидетельствующее о поверхностном подходе к изучению проблемы.

Использование резины обусловлено не столько стремлением уменьшить поражающие свойства ПР, сколько расширить диапазон тяжести наносимых телесных повреждений. В официальных действующих ведомственных инструкциях прямо указано, что наличие резинового гибкого ударного элемента при замахе дает дополнительное ускорение концу палки, в последней фазе удара, которое на порядок превосходит аналогичное действие при ударе обычной палкой [10]. Данные особенности в полной мере обеспечивают ПР необходимые для ударно-раздробляющего холодного оружия поражающие свойства, что подтверждено печальной практикой их применения, а также соответствующими судебно-медицинскими исследованиями.

У человека наиболее восприимчивыми к физическому поражению являются голова, шея, брюшная полость, нервные переплетения, конечности в области сочленений (запястье, колено, лодыжка, локоть, плечо, пальцы рук и ног, подъем ноги). При нанесении сильных ударов «гибкими и эластичными» ПР в те или иные области тела человека возможны следующие последствия:

- переломы плечевой, лучевой и локтевой костей, челюсти, ребер, костей голени, костей таза, ключицы, переносицы, височной кости, костей кисти и пальцев;
- перелом щитовидного хряща, разрыв гортани;
- разрушение коленного сустава;
- разрыв мочевого пузыря, почек, печени, селезенки, спинного мозга;
- быстрая смерть (при ударе в солнечное нервное сплетение, сердечное нервное сплетение, межключичную впадину, верхнюю губу, переносицу, висок, ухо, затылок, заднюю поверхность шеи, межлопаточную область, подмышечную впадину, глаза) [10].

При этом в соответствующих инструкциях по применению ПР не содержится прямых запретов на нанесение ударов в те или иные области тела человека, а указывается лишь на принцип пропорциональности их использования. Кроме того, в зависимости от складывающейся обстановки (например, групповое и (или) вооруженное нападение) сотрудник правоохранительных органов имеет полное право наносить удары в том числе по голове, шее, в живот и т. д. [10].

Все вышеперечисленное свидетельствует от том, что ПР обладают всей совокупностью групп признаков, определяющих предназначенность предметов для нанесения телесных повреждений с использованием мускульной силы человека и группы признаков, определяющих пригодность данных предметов для поражения цели, что обеспечивается их устройством и свойствами, которые были заложены изготовителем.

Таким образом, палки резиновые являются не только специальными средствами, но и относятся к категории холодного оружия ударно-раздробляющего действия, что должно

соответствующим образом учитываться в процессе экспертной оценки признаков и свойств таких предметов, а также при квалификации противоправных деяний. Иными словами, такие категории, как «специальное средство» и «холодное оружие» являются понятиями не взаимоисключающими, а (в некоторых случаях) взаимодополняющими друг друга.

Список использованных источников

1. Об оружии [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-З : в ред. от 20.04.2016 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Ефременко, Н. В. Криминалистическое исследование палки резиновой (ПР-73) / Н. В. Ефременко, А. И. Анищенко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – № 2. – С. 114–117.
3. Ефременко, Н. В. Экспертиза холодного и метательного оружия : учеб. пособие / Н. В. Ефременко, В. П. Егоров, А. А. Артюшин; под ред. Н. В. Ефременко; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 123 с.
4. Дьяконов, П. А. Экспертиза холодного и метательного неогнестрельного оружия : курс лекций / П. А. Дьяконов; М-во внутр. дел Рос. Федерации. – М. : Моск. ун-т МВД России, 2007. – 70 с.
5. Словарь специальных терминов криминалистической экспертизы холодного оружия / Е. Н. Тихонов [и др.]. – М. : ВНИИСЭ, 1993. – 65 с.
6. Кондрашов, Б. П. Российский закон о милиции / Б. П. Кондрашов, Ю. П. Соловей, В. В. Черников. – М. : Вердикт, 1992. – 176 с.
7. Кондрашов, Б. П. Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции» / Б. П. Кондрашов, Ю. П. Соловей, В. В. Черников. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект : Велби, 2006. – 442 с.
8. Войтенко, В. А. Правовые и организационно-тактические основы применения специальных средств : учеб. пособие / В. А. Войтенко, И. П. Данилов, С. С. Миронов. – М. : ВНИИ МВД России, 1995. – 48 с.
9. Бачила, В. В. Экипировка личного состава и специальные средства, применяемые органами внутренних дел / В. В. Бачила, А. М. Пустоход. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. – 87 с.
10. Методические рекомендации об основах применения и использования специальных средств сотрудниками органов внутренних дел и военнослужащими внутренних войск МВД Республики Беларусь; под общ. ред. Н. А. Мельченко. – Минск : МВД Респ. Беларусь, 2016. – 54 с.

Дата поступления: 31.03.2017

R. M. Ropot

Candidate of Juridical Sciences
Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

E. Y. Kutsko

Cadet of the Investigative and Expert Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

PECULIARITIES OF FORENSIC ASSESSMENT OF SPECIAL MEANS OF IMPACT-CRUSHING ACTION

The article addresses the relationship between two categories: «special means» and «cold weapon». It is noted, on the basis of the analysis of legislation, gnoseological essence and peculiarities of the construction of «rubber baton» special means, that the subjects of such character possess the whole collection of features of the cold weapon of impact-crushing action. On the ground of the results of the study is done the conclusion that these categories do not mutually exclude, but in some cases complement to each other.

Keywords: special means, cold weapon, cold weapon of impact-crushing action, peculiarities of the construction, destructive capacity, evaluation criteria.

УДК 343.983.22

Е. А. Ланно

кандидат юридических наук
Академия МВД Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь
E-mail: lapa.eko_part@tut.by

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ РУЧНОГО СТРЕЛКОВОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, ИСПОЛЗУЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СТРЕЛЬБЫ

На основе анализа ряда опубликованных научных работ в статье рассматриваются вопросы, связанные с определением качественного состояния ручного стрелкового огнестрельного оружия, используемого для производства экспериментальной стрельбы при производстве судебных баллистических экспертиз патронов (боеприпасов).

Рассмотрены существующие подходы к определению его качественного состояния применительно к потребностям судебно-экспертной практики с точки зрения обеспечения достоверности получаемых результатов измерения энергетических характеристик метаемого элемента.

Автором формулируются выводы о необходимости применения технических подходов к определению качественных критериев и количественных величин, допускающих использование конкретных экземпляров ручного стрелкового огнестрельного оружия при производстве указанных экспертиз, определения условий его эксплуатации и обслуживания.

Ключевые слова: криминалистика, судебная баллистика, экспертное исследование, ручное стрелковое огнестрельное оружие, определение качественного состояния, экспериментальная стрельба.

Экспертное исследование патронов ручного стрелкового огнестрельного оружия, отнесение их к категории боеприпасов занимает одно из доминирующих направлений в судебной баллистике.

Определение пригодности для стрельбы патронов (боеприпасов) к ручному стрелковому огнестрельному оружию является неотъемлемым элементом судебной баллистической экспертизы указанных объектов. Данное свойство устанавливается в результате проведения экспериментальной стрельбы.

Анализ правоприменительной и экспертной практики подтверждает необходимость обязательного проведения экспериментальной стрельбы с измерением энергетических характеристик метаемого элемента патронов (боеприпасов) самодельного изготовления или переснаряженных с использованием элементов конструкции патронов (боеприпасов) заводского изготовления. Это объясняется тем, что без установления совокупности существенных свойств этих объектов и получения ответа на вопрос о пригодности указанных патронов для стрельбы эксперт не может отнести исследуемый объект к категории боеприпас, а органу уголовного преследования и суда – принять обоснованное решение по существу.

В соответствии с положениями действующей в настоящее время Методики криминалистического исследования патронов ручного стрелкового огнестрельного оружия, их исправ-

ности и пригодности к использованию по целевому назначению, утвержденной в 2008 г. Межведомственным научно-методическим советом в области судебной экспертизы при Межведомственной комиссии по вопросам судебно-экспертной деятельности при Совете Безопасности Республики Беларусь [1, с. 2], рекомендациями, изложенными в литературе по судебной баллистике, в качестве оружия, используемого при отстреле патронов (боеприпасов) заводского изготовления, используются образцы заводского ручного стрелкового огнестрельного оружия с соответствующими параметрами патронника и канала ствола.

Указанный подход, обусловленный многолетней сложившейся экспертной практикой исследования свойств патронов (боеприпасов), кроме того детально описан в работах таких известных ученых в области производства судебных баллистических экспертиз, как В. С. Аханов, В. А. Ручкин, Е. Н. Тихонов, А. И. Устинов и др.

Тем не менее, вопросы определения качественного состояния ручного стрелкового огнестрельного оружия, имеющегося в натуральных коллекциях экспертных подразделений и предназначенного для производства экспериментальной стрельбы, до настоящего времени не нашли отражения в криминалистической литературе. В настоящей статье предпринята попытка восполнить указанный пробел на основе сведений из области технической науки, связанных с испытанием патронов (боеприпасов) к ручному стрелковому огнестрельному оружию на стадии проектирования и испытаний промышленными предприятиями, на которых они производятся.

Применительно к рассматриваемому вопросу следует отметить, что в соответствии с установившейся практикой ручное стрелковое огнестрельное оружие, состоящее на вооружении организаций с военизированной структурой, подвергается категорированию, т. е. оценке степени работоспособности конкретного экземпляра исходя из его качественного состояния.

Отнесение ручного стрелкового огнестрельного оружия к той либо иной категории не является определяющим применительно к ручному стрелковому огнестрельному оружию, используемому при производстве судебных баллистических экспертиз. В данном случае речь следует вести не о ручном стрелковом огнестрельном оружии, закрепленном за сотрудником и используемом при осуществлении им служебной деятельности, а экспериментальном оборудовании, предназначенном для получения криминалистически значимой информации об объекте исследования, в частности, скорости метаемого элемента патрона (боеприпаса). Следовательно, требования, предъявляемые к такому ручному стрелковому огнестрельному оружию, должны быть иные.

Ручное стрелковое огнестрельное оружие представляет собой термодинамическую машину, в которой высвобожденная энергия химического превращения трансформируется в тепловую и кинетическую энергию движения системы «метаемый элемент – ствол».

Явления, происходящие в канале ствола ручного стрелкового огнестрельного оружия при выстреле, связаны: большими давлениями, развиваемыми пороховыми газами (1500–3000 атм.); высокой температурой пороховых газов (2000–3000 °С); короткими промежутками протекания явления выстрела (0,01–0,001 с).

В результате воздействия физических и химических факторов, сопровождающих выстрел из ручного стрелкового огнестрельного оружия, внутренние размеры, особенно по полям нарезов, на начальном участке канала ствола (у начала нарезов) и у дульного среза увеличиваются. Вследствие износа канала ствола изменяются баллистические характеристики выстрела: уменьшаются наибольшее давление и дульная скорость, возрастает техническое рассеивание пуль.

Врезание пули в нарезы происходит после того, как она пройдет изношенный участок канала ствола (пульный вход) и к началу врезания приобретет некоторую скорость. При этом в зависимости от степени износа ствола, изношенности нарезов, ухудшения обжатия оболочки пули возможны ее «срыв» с нарезов, значительное снижение обтюрации, снижение скорости и ухудшение кучности стрельбы.

При значительном падении скорости (до 10%), восьмикратном увеличении рассеивания на дальности стрельбы или при срезании ведущих поясков ствол ручного стрелкового огнестрельного оружия достигает предела баллистической живучести [2, с. 57–58]. Влияние степени износа канала ствола на давление в заснарядном пространстве и дульную скорость проиллюстрировано графиками (рисунок).

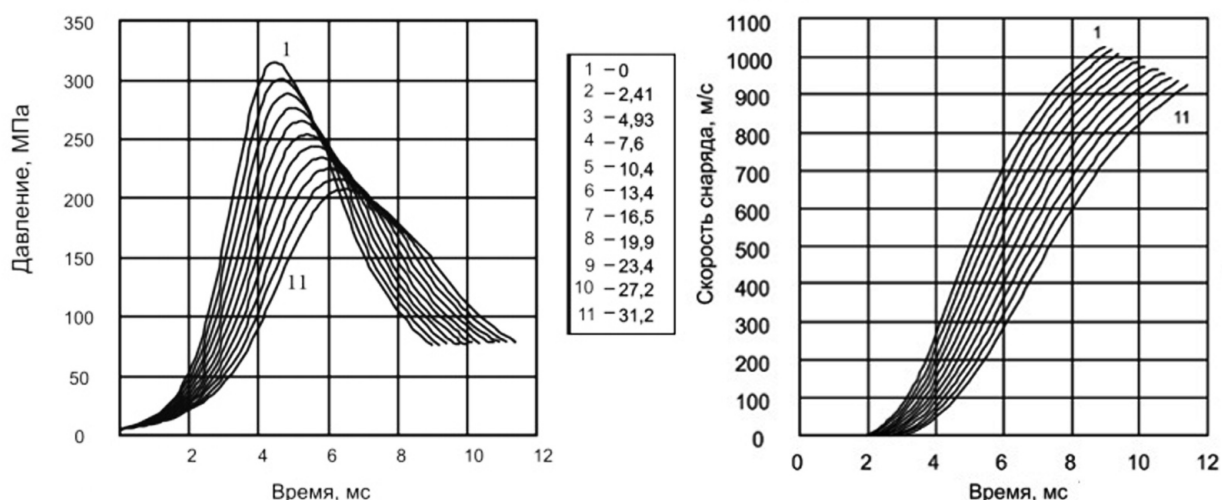

Рисунок – Изменение среднебаллистического давления и дульной скорости в зависимости от степени износа канала ствола [приводится по: 3, с. 176–177]

В частности, для большинства образцов ручного стрелкового огнестрельного оружия советского производства применяется проверка непроходным калибром К-2, вводимым в ствол со стороны дульного среза на определенную глубину. Принято считать, что если при проверке глубина вхождения калибра в канал ствола не превышает установленных величин, ствол имеет некоторый (небольшой) запас живучести. Оружие с таким износом ствола допускается к дальнейшему использованию при условии, что оно удовлетворяет нормальной кучности боя. Таким образом, в военной и технической науке основными критериями оценки живучести ствола являются:

- 1) падение начальной скорости пули до определенной величины;
- 2) увеличение рассеивания пуль и появление срывов пуль с нарезов [4, с. 114].

В таблице 1 приводятся данные о живучести канала ствола некоторых образцов ручного стрелкового огнестрельного оружия советского и иностранного производства [5, с. 138].

Таблица 1 – Живучесть канала ствола некоторых образцов ручного стрелкового огнестрельного оружия

Вид ручного стрелкового огнестрельного оружия	Количество выстрелов
5,45-мм Пистолет Самозарядный Малогабаритный (ПСМ)	3000
5,45-мм Автомат Калашникова (АК-74)	10000
5,45-мм Ручной Пулемет Калашникова (РПК-74)	20000
7,62-мм Пистолет-пулемет Шпагина (ППШ-41)	20000
7,62-мм Пистолет-пулемет Судаева (ППС-43)	20000
7,62-мм Снайперская винтовка Драгунова (СВД)	6000
7,62-мм Автомат Калашникова Модернизированный (АКМ)	10000
9-мм Пистолет Макарова (ПМ)	4000
9-мм Автоматический Пистолет Стечкина (АПС)	8000

В каждом конкретном случае степень износа канала ствола ручного стрелкового огнестрельного оружия должна решаться индивидуально с использованием соответствующего измерительного оборудования и путем определения постоянства баллистических характеристик по результатам проверочной (аттестационной) стрельбы. Только при соблюдении данного требования можно обеспечить объективность и достоверность получаемых при производстве судебных баллистических экспертиз количественных значений скорости метаемого элемента патронов (боеприпасов).

Постоянство скорости метаемого элемента, исходя из положений теории вероятности и математической статистики, следует производить по десяти зачетным выстрелам с измерением скорости метаемого элемента. При этом среднее значение отклонения скорости не должно превышать ± 20 м/с [6, с. 113–115].

Перед испытанием из ручного стрелкового огнестрельного оружия, закрепленного в станке, производят один незачетный выстрел для промежуточных и винтовочных патронов и два выстрела для пистолетных и револьверных. Стрельба должна производиться патронами (боеприпасами) одной партии из одной укупорки. При этом патроны (боеприпасы) выдерживаются при температуре от 0 °С до 25 °С россыпью в один слой не менее 1,5 часа для пистолетных и револьверных, 3 часа – для промежуточных и винтовочных патронов.

Скорость пуль определяют в результате стрельбы группой из десяти выстрелов, после чего вычисляют:

среднее значение скорости – v_{cp}

$$v_{cp} = \sum_{i=1}^{10} v_i / 10; \quad (1)$$

Например, если при производстве экспериментальной стрельбы получены следующие результаты (таблица 2),

Таблица 2

Выстрел	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Скорость (м/с)	312	317	320	315	317	311	322	312	314	320

то:

$$v_{cp} = \frac{312+317+320+315+317+311+322+312+314+320}{10} = 316 \text{ (м/с)}; \quad (2)$$

наибольшее значение скорости – $v_{нб}$;

наименьшее значение скорости – $v_{нм}$;

разность скоростей – v_{Δ}

$$v_{\Delta} = v_{нб} - v_{нм}. \quad (3)$$

Полученное значение v_{Δ} сравнивается со справочными данными параметров патронов (боеприпасов), использованных для проверочной стрельбы [6, с. 113–115].

При значении $v_{\Delta} \pm 40$ м/с от номинальных значений, приведенных в технической документации на образец патрона (боеприпаса), которым производилась стрельба, оружие должно быть признано непригодным к использованию при производстве судебных баллистических экспертиз. Указанные выше значения используются при оценке качественного состояния ручного стрелкового огнестрельного оружия на промышленных предприятиях и сомнений не вызывают.

С помощью указанных рекомендаций, на наш взгляд, можно объективно оценить качественное состояние ствола ручного стрелкового огнестрельного оружия, используемого для производства экспериментальной стрельбы.

К отдельным и немаловажным аспектам обеспечения постоянства получаемых скоростных характеристик метаемого элемента патрона (боеприпаса) относятся чистота канала ствола ручного стрелкового огнестрельного оружия и его длина.

В этом отношении представляют практический интерес сведения, полученные при разработке патронов 7У1 (с дозвуковой скоростью пули) к автомату Калашникова АК-74 (отчет Центрального научно-исследовательского института точного машиностроения – АО «ЦНИИТОЧМАШ»). В ходе производства экспериментальной стрельбы из четырех новых баллистических стволов и двух стволов с большим настрелом были получены следующие данные о скорости пуль (таблица 3):

Таблица 3 [приводится по: 7, с. 172]

Настрел	Новые стволы	138 выстрелов	370 выстрелов	670 выстрелов	1250 выстрелов
Кол-во стволов	4	2	2	1	1
v_{cp} (м/с)	240–279	271; 279	253; 254	254	284

Одной из причин получения нестабильных значений v_{cp} при стрельбе из различных стволов является торможение пули на последнем участке ствола, «когда усилие давления газов на дно пули становится соизмеримым с силами трения между поверхностями пули и канала ствола. При этом состояние канала ствола может оказать на величину скорости тем большее влияние, чем меньшую энергетическую характеристику имеет пуля. На последних 100 мм ствола... при определенном состоянии канала ствола скорость пули может стать убывающей» [7, с. 172].

Отмечается, что указанный вопрос не является новым: «... отмечено, что разброс скоростей пуль дозвуковых патронов тем больше, чем больше длина ствола образца оружия. Так, при стрельбе из ручного пулемета Дегтярева (РПД) с длиной ствола 62 калибра (клб.) разброс скоростей пуль составил 47 м/с, автомата Калашникова (АКМ) с длиной ствола 50 клб. – 33 м/с. Разброс значений v_{cp} из новых автоматов Калашникова АКС-74У составил 38 м/с (160 м/с из АК-74), после настрела 180 патронами 36 м/с (из АК-74 40–120 м/с)» [7, с. 179].

В результате повторной экспериментальной стрельбы из баллистических стволов с меньшей длиной ствола было установлено, что разброс между стволами по v_{cp} составил 11 м/с вместо 44 м/с до укорочения стволов. Кроме того, согласно отчету АО «ЦНИИТОЧМАШ» о получении стабильных результатов при отработке патрона с дозвуковой скоростью пули, «пределы и стабильность v_{Δ} патронов в большей степени зависят от омеднения канала ствола, т. е. от трения пули, чем от его параметров и чистоты обработки. После настрела 180 выстрелами патронами 7Н6, для патронов 7У1 (с дозвуковой скоростью пули) $v_{cp} = 280–442$ м/с, после чистки v_{cp} снижается до 234–322 м/с».

Таким образом, проведенными сотрудниками АО «ЦНИИТОЧМАШ» исследованиями было доказано, что предварительный настрел (180 выстрелами) существенно улучшает стабильность (снижает разброс значений) начальных скоростей патронов за счет омеднения канала ствола и порохового нагара – сглаживания мелких дефектов хромового покрытия. Кроме того, отмечается более высокая стабильность показателей скорости метаемого элемента патрона (боеприпаса) при стрельбе из ручного стрелкового огнестрельного оружия с нехромированным каналом ствола, обусловленное отсутствием «скругленности» нарезов после нанесения слоя хрома.

В качестве еще одного детерминирующего условия указывается, что интенсивная чистка ствола ручного стрелкового огнестрельного оружия Раствором Чистки Стволов (РЧС) в течение 2–3 дней приводит к снятию омеднения и снижению скорости пуля на 10–20 % [7, с. 178–181].

Таким образом, для получения стабильных характеристик экспериментальной стрельбы применительно к использованию соответствующих образцов ручного стрелкового огнестрельного оружия необходимо выполнение следующих условий:

1) предварительная «обкатка» канала ствола ручного стрелкового огнестрельного оружия, используемого при производстве судебных баллистических экспертиз, настрелом патронами одной партии не менее 180 выстрелов;

2) использование для определения пригодности для стрельбы патронов (боеприпасов), ручного стрелкового огнестрельного оружия с минимально возможной длиной канала ствола;

3) запрет на использование при чистке и смазке ручного стрелкового огнестрельного оружия, используемого при производстве экспериментальной стрельбы, активных химических составов с «размеднителями»;

4) проверка баллистических характеристик должна производиться не реже одного раза в год с указанием его качественного состояния и количества произведенных выстрелов.

Представляется, что учет изложенных выводов и предложений способствовал бы улучшению судебно-экспертной деятельности, оказав положительное влияние на экспертную практику в части определения качественного состояния ручного стрелкового огнестрельного оружия, используемого при производстве судебных баллистических экспертиз патронов (боеприпасов), определения их пригодности для стрельбы, обеспечив тем самым достоверность получаемых результатов энергетических характеристик метаемого элемента и обоснованность выводов, содержащихся в заключении эксперта.

Список использованных источников

1. Методика криминалистического исследования патронов ручного стрелкового огнестрельного оружия, их исправности и пригодности к использованию по целевому назначению / М-во внутр. дел Респ. Беларусь; Гос. эксп.-крим. центр. – Минск, 2008. – 16 с.
2. Горохов, М. С. Внутренняя баллистика ствольных систем / М. С. Горохов. – М. : ЦНИИ информации, 1985. – 160 с.
3. Захаренков, В. Ф. Внутренняя баллистика и автоматизация проектирования артиллерийских орудий : учебник / В. Ф. Захаренков; Балт. гос. техн. ун-т. – СПб., 2010. – 276 с.
4. Основы устройства и эксплуатации стрелкового оружия и гранатометов: метод. пособие. – М. : Воениздат, 1978. – 192 с.
5. Горовой, С. А. Физические основы функционирования стрелково-пушечного, артиллерийского и ракетного вооружения. Баллистика : учеб. пособие / С. А. Горовой. – Новосибирск : ССГА, 2007. – 140 с.
6. Экспериментальная баллистика и полигонные испытания патронов стрелкового оружия : учеб. пособие / Г. А. Данилин [и др.]; Балт. гос. техн. ун-т. – СПб., 2007. – 205 с.
7. Дворянинов, В. Н. Боевые патроны стрелкового оружия: моногр. : в 4 кн. / В. Н. Дворянинов. – Климовск : Д'Соло, 2015. – Кн. 4 : Современные отечественные патроны, хроники конструкторов. – 564 с.

Дата поступления: 14.04.2017

E. A. Lappo

Candidate of Juridical Sciences

Academy of the MIA of the Republic of Belarus

Minsk, Belarus

EVALUATION OF THE CONDITION OF PORTABLE HAND-HELD FIREARMS USED IN EXPERIMENTAL SHOOTING

The article addresses the issues dealing with the evaluation of the condition of hand-held firearms used in experimental shooting during the forensic ballistic examination of munitions, which is done on the basis of the analysis of a set of scientific publications.

Existing approaches to the evaluation of its condition in application for forensic practice from the position of credibility assurance of the results of measurement of energetic characteristics of projectile are considered.

Author provides the conclusion on the necessity of application of technical approaches to determination of qualitative criteria and quantitative values, that allow particular specimens of hand-held firearms to be used during the examinations mentioned, determination of the conditions of its exploitation and maintenance.

Keywords: criminalistics, forensic ballistics, forensic examination, hand-held firearms, evaluation of the condition, experimental shooting.

УДК 630.561.24

Е. А. Прохорова

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: lenhen@tut.by

Возможности проведения судебно-ботанической экспертизы с использованием дендрохронологического анализа и особенности отбора образцов

Автор данной статьи рассматривает историю возникновения судебно-ботанической экспертизы с использованием дендрохронологического анализа и обобщает материалы по решаемым криминалистическим задачам в рамках этой экспертизы, освещает особенности отбора спилов, выпилов и кернов, их подготовки для дальнейшего изучения, а также описывает основные подходы, которые используются при изучении образцов.

Ключевые слова: судебно-биологическая экспертиза, дендрохронология, спил, выпил, керн, древесина, образцы, исследование, отбор образцов.

Дендрохронология – это наука, изучающая закономерности формирования годичных приростов колец древесины, в зависимости от влияния эколого-климатических и антропогенных факторов на прирост древесины, на её анатомическую структуру и химический состав в целом. На их основе путем измерения и анализа параметров годичных приростов возникает возможность датировки событий не только настоящего времени, но и реконструкции условий окружающей среды вплоть до прошедших веков [1].

Леонардо да Винчи впервые предложил использовать данные о приросте годичных колец деревьев для реконструкции климата. В России в 1899 г. Д. И. Менделеев предложил применять связь между величиной прироста и состоянием деревьев при исследовании роста хвойных пород, используя спилов, собранные в разных географических точках для оптимизации объемов вырубki древесины для нужд железоплавильной промышленности [2]. В Республике Беларусь первые дендрохронологические исследования проводились В. Е. Вихровым [3].

Основоположником дендрохронологии, как науки, считается А. Е. Дуглас, который в 1901 г. сформулировал основные принципы дендрохронологии, а также разработал и обосновал необходимость использования в практике метода перекрестной датировки [4; 5]. Основными причинами формирования и интенсивного развития дендрохронологии как науки в XX в. стала необходимость в датировке исторических и археологических памятников, сделанных из древесины, а также получения длительных данных о колебаниях гидрологического режима в связи со строительством электростанций и оросительных систем.

В 60-х гг. XX в. начало формироваться новое направление дендрохронологии – судебная дендрохронология. Так, в Соединенных Штатах Америки при расследовании дела о похищении и убийстве ребенка американского авиатора Линдерберга впервые провели дендрохронологическое исследование самодельной деревянной лестницы [4–6]. Его

целью было установление принадлежности отдельных фрагментов древесины единому целому. По материалам выполненной дендрохронологической экспертизы гражданин США Гауптманн был осужден за похищение, убийство и казнен 3 апреля 1936 г. Еще одним примером использования дендрохронологических исследований в рамках судебно-ботанической экспертизы является установление времени рубки фицройи кипарисовидной в Чили (до или после 1976 г.). Проведение исследования связано с ее незаконной вырубкой, так как в 1976 г. она признана национальным достоянием и, соответственно, запрещена ее вырубка [6; 7]. В период формирования данного направления в России в 60-х гг. XX в. М. И. Розанов разработал методику дендрохронологической диагностики происхождения древесины. После ее адаптации и модификации в соответствии с современными требованиями она остается актуальной и в настоящее время при проведении экспертиз законности рубок [8].

Применение метода дендрохронологического анализа в рамках судебно-ботанической экспертизы базируется на научно обоснованных данных о строгой индивидуальности рисунка годовичных колец каждого отдельно взятого дерева, а также о существовании корреляции между характером кольцевого рисунка деревьев и почвенно-климатических условий в месте их произрастания.

В настоящее время в Республике Беларусь необходимость проведения судебно-ботанической экспертизы с использованием дендрохронологического анализа возникает при расследовании уголовных дел по фактам незаконных рубок или административных правонарушений, если в качестве объектов исследования выступает древесина хвойных и лиственных пород, а также различные пиломатериалы.

Дендрохронология позволяет решать следующие задачи:

1) *классификационные*: установление видового и породного состава образцов древесины по анатомическому и морфологическому строению образцов древесины;

2) *диагностические*: определение возраста, жизненного состояния дерева в древостое на момент рубки ((живое)/сухостойное (мертвое)); установление сроков гибели/рубки дерева (календарный год и сезон года); установление экологических условий произрастания деревьев и типов лесных формаций; установление причин падения деревьев; установление наличия и причин повреждения объекта исследования;

3) *идентификационные*: установление принадлежности части целому, т. е. принадлежности отдельных частей (ветвей, корней, стволов) тому или иному дереву (при наличии общей линии разделения и без нее); установление их общей групповой принадлежности, т. е. локального участка местности, где произрастало дерево;

4) *ситуационные*: определение последовательности проведения рубок по времени.

Для решения идентификационных задач, в зависимости от вопросов, поставленных на разрешение эксперта, на исследование представляются спилы от оцилиндрованных и неоцилиндрованных бревен, а также с пней или порубочных остатков с делянки. Это связано с тем, что по спилу можно исследовать изменение прироста дерева по любому радиусу, а также установить наличие аномальных колец (выпавших, ложных и морозобойных) в поле зрения микроскопа. Обычно толщина спила составляет 3–5 см. С пней спилы берутся на высоте 0,3–0,5 м от поверхности земли, у порубочных остатков и бревен – в самом толстом месте, которое соответствует нижней части дерева (комлевая часть); от деревьев с небольшим диаметром до 40 см берется полный спил [9; 10].

Для удобства транспортировки, хранения и обработки, если позволяет сохранность спила (например, отсутствует гниль), делают фрагменты спила (толщиной 1–3 см, радиальный угол составляет 90°) с сохраненным центральным годовичным кольцом и корой.

Кроме спилов и фрагментов спила, для уменьшения объема образцов древесины при сохранении их полной информативности можно отбирать буровые керны по одному или нескольким радиусам, ориентированным по разным сторонам света. Они обычно берутся на

высоте 1,0–1,3 м от поверхности земли (на уровне груди). У мелких деревьев и кустарников образцы – на высоте 0,2–0,3 м и ниже, поскольку в этой части стволов содержится максимальное число годичных колец. Количество образцов зависит от толщины ствола [9; 10].

Для установления календарного года гибели или рубки дерева точную датировку осуществляют, если на остатке ствола, корня или ветви есть участки с сохранным подкорковым годичным кольцом. Поэтому перед отбором образцов для решения этой экспертной задачи внимательно осматривают поверхность древесного остатка, с целью выявить места, где сохранились подкорковые кольца, и делают спил в этом месте. Если нет уверенности в том, что взят образец с подкорковым кольцом, тогда с одного остатка берется несколько спилов [9; 10].

Установление целого по частям проводят путем совмещения контуров линий разделения фрагментов ствола, разделенных при помощи распила, разруба или разреза между собой и между порубочными остатками или бревнами и пнем (комлем), находящимся на деланке [11].

В случае установления единого целого без общей линии разделения с порубочных остатков или пней, оставшихся на месте рубки, а также со спиленных стволов образцы отбирают как с места происхождения (объекты исследования), так и сравнительные (эталонные) – с 5–10 деревьев, которые растут в непосредственной близости от места происхождения. В ходе исследования оцениваются не только сходство хронологий, но и характерные черты, свойственные для данного дерева или группы деревьев:

- механические повреждения, имеющиеся на стволах деревьев, которые датируются по отдельным специально отбираемым образцам;
- степень развития грибов или заселенности насекомыми, а также повреждения, ими нанесенные;
- визуальный результат воздействия антропогенных факторов (пожары, лесохозяйственная деятельность во время развития древостоев), которые влияют на величину прироста в связи с развитием различных аномалий прироста древесины.

После изъятия все образцы упаковывают, маркируют и для предотвращения гниения древесины обязательно помещают в пропускающую воздух упаковку: спилы – в бумажный сверток либо в матерчатый мешок, а керны – бумажную трубочку [9; 10].

Для решения указанных выше задач обязательным условием является наличие не менее 50 годичных слоев (колец) на отобранных образцах.

Далее, в лабораторных условиях проводится пробоподготовка и исследование поступивших образцов.

Подготовка объектов древесины осуществляется следующим образом:

- спилы шлифуют и полируют шлифовальными кругами разной степени зернистости вдоль радиального направления;
- керны замачивают на несколько минут в горячей воде с несколькими каплями глицерина, для размягчения древесины, а затем закрепляют в кернодержателе и зачищают при помощи острого режущего инструмента (ножа, бритвы, линолеумного ножа) [11; 12];

После предварительной подготовки спилов, фрагментов и кернов проводят измерение линейных характеристик годичных колец для построения графиков прироста древесины. Для этого существует несколько подходов, а именно, в поле зрения микроскопа и на цифровом изображении:

- в поле зрения стереоскопических микроскопов с помощью окуляр-микрометра вручную или на измерительном приборе LINTAB в полуавтоматическом режиме. Основными преимуществами данного подхода является то, что для подсчета ширины годичных колец требуется минимальная механическая обработка поверхности образца древесины, а также обеспечение высокой точности измерения (до 0,01 мм), что позволяет исключить пропуск колец, а также выявить наличие ложных и выпавших колец [4; 9];

– по цифровому изображению, полученному со сканера с разрешением 1200 dpi и выше, измерение проводят как в полуавтоматическом, так и автоматическом режиме:

– полуавтоматический подход с компьютерной обработкой изображений в различных графических редакторах (таких как, например, Photoshop, CorelDRAW и др.). При этом реперные точки расставляются вручную в местах визуальной идентификации границ ранней и поздней древесины и/или годовых слоев, отмечается начало и конец годового кольца и/или ранней и поздней древесины, а расстояния между ними рассчитываются автоматически. Преимуществом данного метода является то, что исследование проводится в полуавтоматическом режиме и для обработки требуется 10 – 15 минут;

– автоматический подход к измерению ширины годовых колец, а также ширины ранней и/или поздней древесины подразумевает автоматическую расстановку реперов и визуализацию полученных результатов. При этом, со стороны эксперта необходим постоянный контроль за расстановкой реперов. Это связано с тем, что при недостаточной видимости колец происходит неправильный поиск годовых колец.

Далее для оценки полученных результатов в неспециализированных (например, EXEL, Statistica) или в специализированных программах (ARSTAN, COFECHA, TSAPWin или DendroExp) проводится сравнение хронологий (графиков прироста) и математических показателей хронологий сравнительных образцов с хронологиями изъятых образцов древесины.

Проведение дендрохронологического анализа в рамках судебно-ботанической экспертизы дает возможность получить ответы на следующие вопросы:

1. К какой/какому породе/виду древесины/дерева принадлежит образец, представленный на экспертизу?
2. Какой возраст дерева (деревьев)?
3. В какой календарный год и период вегетационного сезона проведена вырубка деревьев?
4. Каким жизненным состоянием характеризовались деревья (дерево) на момент рубки (живые, жизнеспособные, сухостойные)?
5. Составляли ли ранее пень и срубленный ствол единое целое?
6. Произрастала ли группа исследуемых деревьев определенного вида в конкретном древостое, типе лесорастительных условий, регионе?

Таким образом, правильный отбор образцов, их тщательная подготовка, а также хорошая сохранность древесины обеспечивают достаточный комплекс признаков, по которым эксперт может дать достоверный ответ на вопросы, поставленные на разрешение судебно-ботанической экспертизы.

Список использованных источников

1. Дендрохронология: учеб.-метод. пособие / Е. А. Ваганов [и др.]. – Красноярск : ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 2008. – 36 с.
2. Румянцев, Д. Е. Предыстория дендрохронологии / Д. Е. Румянцев // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2009. – № 1. – С. 50–55.
3. Вихров, В. Е. Основы и метод дендрохронологии / В. Е. Вихров [и др.] // Сов. археология. – 1962. – № 1. – С. 95–122.
4. Пальчиков, С. Б. Контроль за законностью заготовки древесины на основе древесно-кольцевой информации / С. Б. Пальчиков, Д. Е. Румянцев // Устойчивое лесопользование. – 2009. – № 2 (21). – С. 13–16.
5. Майорова, Е. И. К вопросу использования дендрохронологического анализа в судебно-экспертной практике / Е. И. Майорова, Н. Ю. Гончарук // Лесной вестник. – 2015. – № 5. – С. 153–158.
6. Use of dendrochronology and dendrochemistry in environmental forensics: does it meet the Daubert criterial / J. C. Balouet [et al.] // Environ. Forensics. – 2009. – № 10. – P. 268–276.
7. The role of «forensic» tree-ring analysis in the conservation of alerce (*Fitzroya cupressoides* ((Molina) Johnston)) forests in Chile / A. Wolodarsky-Franke [et al.] // Tree-ring analysis. – 2005. – P. 235–240.

8. Алехин, Д. В. Шкала времени (дендрохронологическая экспертиза) / Д. В. Алехин // Мир криминалистики. – 2016. – № 2. – С. 56–61.
9. Унжакова, С. В. Особенности изъятия образцов для производства судебно-ботанической экспертизы с применением методов дендрохронологии при раскрытии и расследовании незаконной рубки лесных насаждений / С. В. Унжакова // Рос. следователь. – 2013. – № 20. – С. 8 – 11.
10. Жаворонков, Ю. М. Судебная дендрохронология на службе криминалистики XXI века / Ю. М. Жаворонков // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. – 2014. – № 5(18). – С. 53–56.
11. Бухонський, С. О. Експертне дослідження розподілу частин деревини / С. О. Бухонський // Криміналістичний вісник. – 2014. – № 2. – С. 172–177.
12. Дендрозкологія (методика деревесно-кільцевого аналізу) / Д. В. Тишин. – Казань : Казан. ун-т, 2011. – 33 с.
13. Методы дендрохронологии. Часть I. Сбор и получение древесно-кольцевой информации : учеб.-метод. пособие / С. Г. Шиятов [и др.]. – Красноярск : КрасГУ, 2000. – 80 с.

Дата поступления: 08.02.2017

E. A. Prokhorova

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

ON POSSIBILITY OF CARRYING OUT BOTANICAL FORENSIC EXAMINATION USING DENDROCHRONOLOGICAL ANALYSIS AND SAMPLING

The author of this article examines the history of the forensic botanical expertise using dendrochronological analysis, summarizes the materials on the forensic tasks to be solved within this examination, highlights peculiarities of the selection of cross-sections, saws and cores and their preparation for further study, and describes the main approaches used in the Study submitted to the study samples.

Keywords: forensic biological examination, dendrochronology, saw, cut, core, wood, samples, study, sampling.

УДК 343.982.4

А. Ф. Величкевич

Академия МВД Республики Беларусь

г. Минск, Беларусь

E-mail: vealir2j@tut.by

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА ПИСЬМА У ЛИЦ, ВЛАДЕЮЩИХ РАЗНЫМИ СИСТЕМАМИ ПИСЬМЕННОСТИ, И ОТРАЖЕНИЕ ИХ В РУКОПИСИ

Проблема формирования письменно-двигательного навыка человека в условиях воздействия различных систем письменности ранее не рассматривалась. Данный вопрос актуален в настоящее время, поскольку значительно вырос поток мигрантов из стран с системами письменности, которые отличаются от кириллицы.

В статье проведен анализ почерков мигрантов из Ливана 1958 года рождения и Сирии 2006 года рождения, навык кириллического письма которых формировался под воздействием арабской письменности, выявлены характерные признаки их письменной речи и особенности общих и частных признаков почерка.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, диагностико-классификационное исследование, фактор формирования почерка, общие и частные признаки почерка, особенности почерка мигрантов, анализ почерков, сформировавшихся при воздействии арабской и кирилловской систем письменности.

Почерк, как результат сложных психофизиологических процессов, формирующийся под воздействием многочисленных внешних и внутренних факторов, является одним из уникальных проявлений человеческой деятельности. Изучение почерка позволяет не только идентифицировать исполнителя рукописи, но и охарактеризовать его как личность – определить ряд только ему присущих черт (анатомических, физиологических и психологических), а также выявить ряд условий и обстоятельств, в которых выполнялась рукопись.

Проведение научно обоснованных исследований, неотъемлемой частью которых является выявление и правильная оценка экспертом диагностических и идентификационных признаков, невозможно без знания условий формирования почерка и всех факторов, влияющих на образование этих признаков.

В современной почерковедческой науке принято подразделять факторы, оказывающие влияние на формирование письменно-двигательного навыка (ПДН), на две группы: внутренние и внешние [1], или же субъективные и объективные [2].

К внутренним (субъективным) факторам относятся анатомические, физиологические и психологические особенности организма исполнителя письма. Круг внутренних факторов связан с характеристиками и возможностями человеческого организма в приложении их к мыслительным и двигательным навыкам, отвечающим за процесс письма.

Круг внешних факторов значительно шире и не имеет исчерпывающего определения. Большинство исследователей к первостепенным внешним факторам относят следующие: условия письма (включающие материалы письма, освещенность, особенности подложки), позу при письме и методические приемы обучения письму.

Анализ литературы, посвященной проблемам изучения почерка, показывает, что до настоящего времени практически не рассматривались особенности формирования ПДН чело-

века при наличии у него дополнительного навыка владения письмом иной, резко отличающейся, системы письменности. Во всяком случае, данное воздействие не рассматривалось в качестве одного из важных факторов формирования ПДН.

Следует отметить, что актуальность данного вопроса в настоящее время не вызывает сомнений. Во-первых, в начале XXI в. повсеместно, а особенно в Европе, резко возросла интенсивность трансграничных миграционных потоков. Во-вторых, во многих странах, где система письменности базировалась на кириллическом или латинском алфавитах, образовались значительные по численности социально-демографические группы населения, ПДН в которых формируется под воздействием двух письменных систем – латиницы или кириллицы, с одной стороны, и арабицы или китайского письма – с другой.

Республика Беларусь в силу особенностей географического (общая граница с государствами Европейского Экономического Союза) и правового (отсутствие пограничного контроля с Российской Федерацией) положения является одним из транзитных миграционных коридоров. Кроме того, в последние два десятилетия значительно возросло количество экономически активных иностранцев, временно или постоянно проживающих в нашей стране. В ряде сфер экономической деятельности (строительство, розничная рыночная торговля и пр.) доля лиц иностранного происхождения весьма высока.

Таким образом, к настоящему времени в Республике Беларусь (как и в сопредельных странах) сформировалась многочисленная группа граждан иностранного происхождения, являющихся активными субъектами экономических и правовых отношений, а соответственно, имеющих необходимость составлять, заполнять и подписывать документы, чей ПДН кирилловским письмом сформировался под воздействием иной системы письменности.

Задача настоящей статьи – не столько дать однозначные ответы по вопросу особенностей формирования ПДН при воздействии двух систем письменности (так как имевшийся в распоряжении автора материал ограничен), сколько привлечь внимание к данной научной проблеме.

В статье рассматриваются особенности почерков двух иммигрантов: уроженца Ливана и уроженца Сирии (далее по тексту – исполнитель «А» и исполнитель «Б»).

Ливан и Сирия относятся к странам с преобладающим арабским населением (арабский этнос составляет около 90% населения Сирии и 95% населения Ливана). Письменность указанных государств строится на основе арабского алфавита, поэтому имеет смысл остановиться на специфике арабского письма.

Арабская письменность (арабское письмо, арабица) имеет целый ряд существенных особенностей, которые отличают ее от письменностей, в основе которых лежат латинский и кирилловский алфавиты [3]. Наиболее значимые из них следующие:

- направление арабского письма справа налево;
- в арабской письменности фиксируются лишь согласные и долгие гласные звуки. Краткие гласные звуки на письме не отображаются, но воспроизводятся в процессе чтения. Три долгих гласных звука арабского языка, по звучанию близкие к звукам «а», «у», «и», обозначаются буквами алиф, уау, йа соответственно (таблица 1) [4];
- для арабской письменности характерно различное начертание одной буквы в зависимости от ее местоположения в слове – из 28 букв алфавита 22 буквы соединяются с обеих сторон и имеют четыре варианта начертания (при интервальном расположении, в начале, середине или конце слова), 6 букв могут соединяться только справа и, соответственно, имеют только два варианта начертания (таблица 1) [4];
- особенности начертания букв – все буквы можно разбить на несколько групп: внутри каждой группы буквы имеют одинаковую начертательную графику и различаются лишь количеством и местоположением диакритических точек;
- начертание печатных и скорописных букв арабского алфавита не имеет принципиальных отличий;

– в арабском алфавите отсутствуют прописные буквы;
– современное арабское письмо имеет ряд разновидностей (шрифтов), употребляемых параллельно в зависимости от содержания документа и места или страны выполнения: куфический шрифт (орнаментально-декоративный), сульс, рук, настали, насох, дивани, магриби. Для типографского набора чаще всего используется шрифт насох [5].

Для объективного исследования особенностей ПДН конкретного лица необходимо наличие определенной информации об исполнителе, его физических кондициях, уровне образования, продолжительности обучения и других условиях, могущих влиять на процесс письма и формирование почерка [6].

Исполнитель «А» родился 21.12.1958 г. в Республике Ливан. В 1979 г. поступил в Белорусский политехнический институт в Минске и с указанного времени проживает на территории Республики Беларусь. Имеет высшее техническое образование. Записи выполняет правой рукой. Анализировались документы, выполненные им в 2009 г. в возрасте 50 лет.

Исполнитель «Б» родился в 2006 г. в Сирии, где учился письму на протяжении двух лет. В 2014 г. переехал с семьей в Республику Беларусь. В Минске поступил учиться во 2-й класс начальной школы. Пишет правой рукой. Анализировались записи, выполненные им в 2015 г. в возрасте 9 лет.

Общим фактором формирования ПДН данных лиц было то, что оно происходило в два принципиально отличных по условиям этапа: первый – во время проживания в Ливане и Сирии и обучения письму буквами арабского алфавита, второй – во время проживания в Беларуси и обучения письму буквами кирилловского алфавита.

Если с известной долей осторожности экстраполировать этапы формирования ПДН кириллицей на аналогичный процесс арабицей, то следует отметить, что на протяжении первого этапа формирование почерка исполнителя «А» прошло все необходимые стадии: элементное письмо, буквенное письмо, связное письмо и быстрое письмо [7]. В. Ф. Орлова полагает, что «основа индивидуального почерка» формируется «к пятому году обучения – 12–14 годам (стадия связного письма), когда уже сформирован двигательный анализатор» [1]. Даже если придерживаться тезиса, что заключительный этап формирования индивидуального почерка продолжается до 25–27 лет [2], то следует констатировать, что к моменту прибытия в Республику Беларусь в 1979 г. исполнитель «А» обладал практически сформировавшимся ПДН выполнения рукописей буквами арабского алфавита – были усвоены все технические и графические навыки, соответственно, произошла автоматизация процесса письма.

Формирование ПДН исполнителя «Б» буквами арабского алфавита на протяжении двух лет обучения его в Сирии прошло лишь две стадии – элементного и буквенного письма.

Таким образом, исполнителем «А» был завершен первый этап всего периода формирования почерка арабицей – этап обучения навыкам письма в школе и был начат второй этап – этап закрепления полученных навыков и умений.

Что касается формирования ПДН арабицей исполнителя «Б», то данный процесс был прерван в самом начале первого этапа на стадии формирования буквенного письма. Дальнейшее формирование его ПДН проходило в Республике Беларусь в специфических условиях одновременного параллельного обучения арабицей и кириллицей.

Второй этап формирования ПДН исполнителя «А» и продолжение первого этапа формирования ПДН исполнителя «Б» после переезда в Республику Беларусь проходили в очень специфических условиях.

В указанный период времени на формирование их почерков сильное влияние оказывала необходимость в максимально сжатые сроки овладеть навыками письма, базирующегося на иной алфавитной системе, чтобы иметь возможность продолжить обучение (в высшей и средней школах). Данное ситуативное условие может рассматриваться как одна из причин, вызывающих необходимость «перестройки» динамического стереотипа, приводящая к деавтоматизации движений и сказывающаяся на процессе письма, а следовательно, и на почерке [8].

Рассмотрим, каким образом особенности формирования ПДН указанных лиц оказали влияние на строение почерков анализируемых исполнителей, а также, как это отразилось в конкретных признаках письменной речи, общих и частных признаках почерка.

В настоящей статье анализируются записи, содержащиеся в разнообразных официальных документах, выполненные исполнителем «А» на протяжении 2009 г., а также школьные рабочие тетради по математике, белорусскому и русскому языкам, которые велись исполнителем «Б» в 2015 г. во время обучения во 2-м классе на первой ступени общего среднего образования.

Изучение и анализ почерковых объектов, выполненных исполнителем «А»: заявлений на выдачу выездных виз и заявлений регистрации временного пребывания, а также записей в еженедельнике и записной книжке выявил следующие особенности, касающиеся как признаков письменной речи, так и общих и частных признаков почерка.

В отношении признаков письменной речи отмечается следующее:

– уровень грамотности колеблется от низкого до среднего, что выражается в наличии элементарных орфографических ошибок – неправильном написании безударных гласных, пропуске непронизносимых согласных;

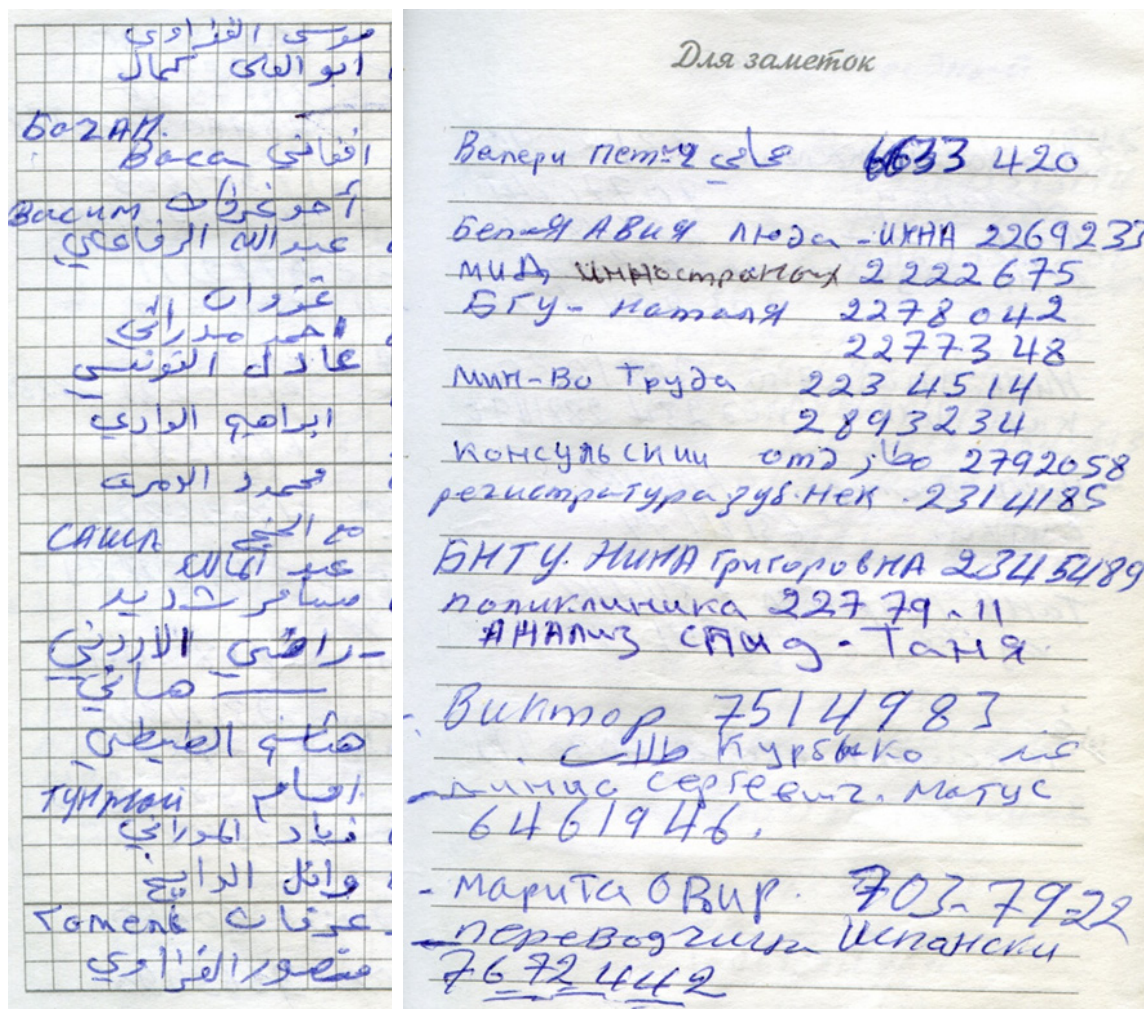
– крайне низкая устойчивость письменной речи к сбивающим факторам, что проявляется следующим образом: в записной книжке встречается безошибочное написание таких достаточно сложных слов, как «поликлиника», «посольства», «пограничник», «переводчик», в то время как в условно-свободных и экспериментальных образцах (выполнение которых обычно связано с определенной степенью волнения и в непривычной обстановке) присутствуют грубые ошибки: «зоявление», «винуждением» (вынужденным), а также многочисленные пропуски букв «услгах», «экспетизу» и др.;

Особенности, касающиеся общих признаков:

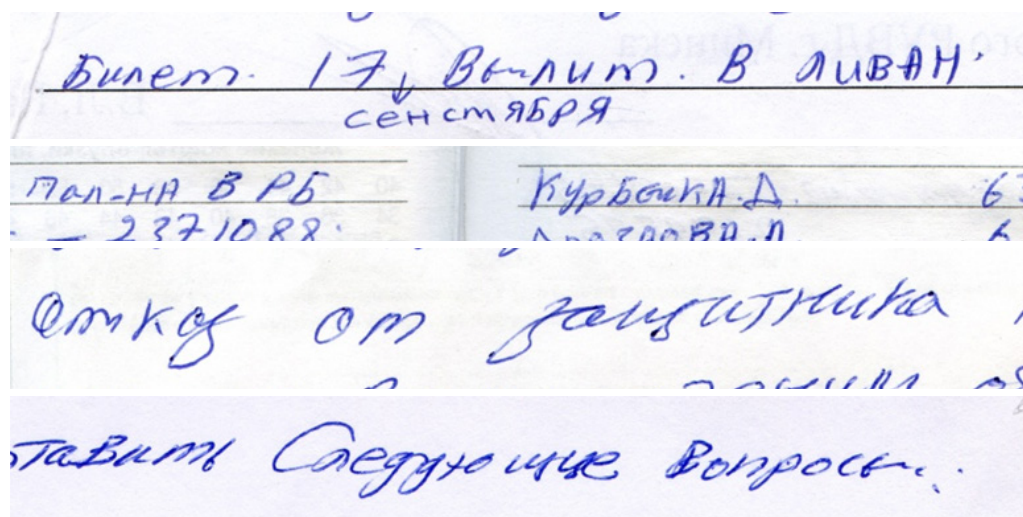
– преобладающая низкая и средняя степень выработанности сочетается с высоковыработанными фрагментами, причем темп выполнения на протяжении всего текста не снижается и остается быстрым:

اللغات العرب		الروس	
А.И.О./Name	Телефон/Phone	А.И.О./Name	Телефон/Phone
عمر الشافعي	2805440	Колотницкий Андрей	6207290
267. هاديان فاضل	6470260	تاج الدين حيدر	2538734
ميدل الوهي	6666044	com	6417283
أبو الربيع	6354789	ИВАНОВ Сергей	2646027-67
محمد الصارم	6704702	Прокурор Юра. أحمد	6571663
CEMAK	6717263	Дима Зенченко	2160751-666
قصاب	6522922	Андрей عرشات	6772211
ابو رادل	6300599	Валера اصلح	6012657
مكتبة	6762141	Александр РИГА	2312203
غازي	6646768	Савчик Валера.	210 0281-232
عمر سوكنج	6290867	Валера احمد	6821585
رشيد الزياتي	6774798	ремонт одежды	4002682
ناصر الشافعي	6888338	ср	
محمد الشافعي	2960217	Гаша. строй.отр	2345489
максим.	6460218	Александровна На	2818204
6765416	6179907	Беларуском.	
67230	6611111	МАТЬ Сергей Тажарин	2314358
عبد البراف	6321597	Сергей тов.спер	6274243
Айербома. عارف	8925889		
اميرقاي	6830211		
Абасс	6025560		

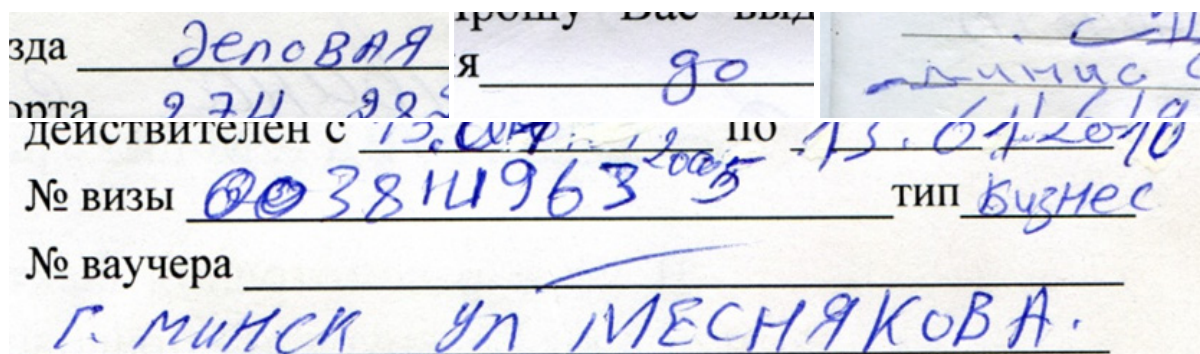
Обращает внимание высокая степень выработанности, высокий темп и отсутствие нарушений координации движений 1-й и 2-й групп при выполнении записей арабскими буквами и значительные нарушения координации движений (неустойчивость размера, разгона, расстановки и формы линии основания письма) при выполнении записей кириллицей.

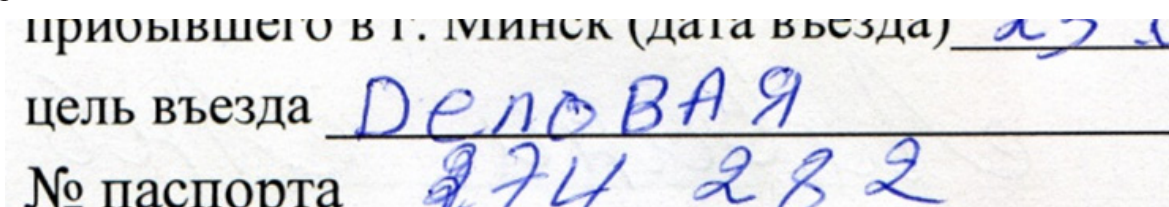
– строение букв преимущественно от упрощенного до простого, однако имеются элементы усложнений. В частности, специфическими являются усложнения за счет повтора дуговых движений при выполнении 3-го элемента «т» и 3-го элемента «ы»:

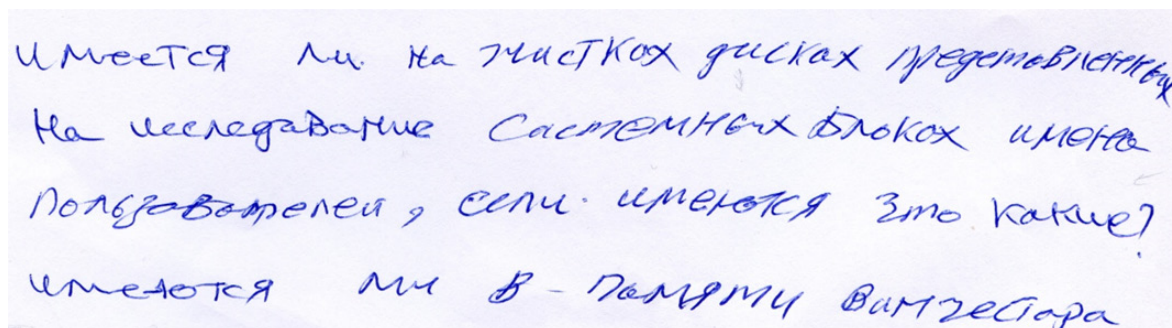
– сочетание в рукописи различных по конфигурации букв, относящихся к одному алфавиту, что особенно ярко проявилось при выполнении букв «д» (отмечено три варианта) и «е» (два варианта):

– наличие в рамках одного очень мелкого фрагмента рукописи – одного слова – букв, относящихся к разным алфавитам (латинскому и кириллице) – латинская буква «д» в записи кириллицей:

– выраженная неустойчивость наклона (от левого до правого) в пределах одной строки текста:

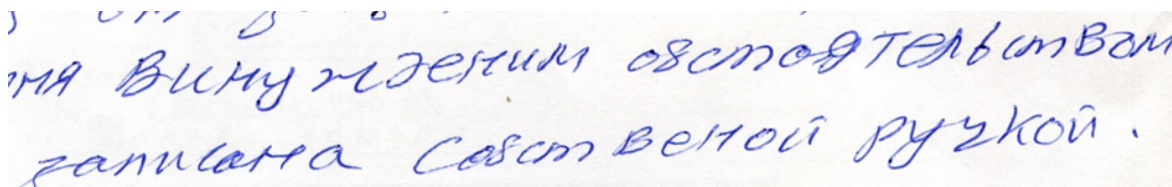

– неустойчивость размера, разгона и расстановки, которые проявляются даже в таких ограниченных фрагментах текста, как одно слово.

Особенности, выявленные в частных признаках почерка:

– строение «б» в виде 8-образного письменного знака, в сопоставлении с прописным вариантом «б», выполняемая с противоположным направлением движения:

– строение «д», напоминающее по строению эту букву при надстрочном варианте выполнения 2-го элемента, а по конфигурации близкое к арабской букве «даль», обозначающей аналогичный звук, выполняемой правоокружным, а не левоокружным движением (таблица 1):

прибывшего в г. Минск (дата въезда) 23.07.2009
 цель въезда деловая
 № паспорта 274 282
 действителен с 13 июня 2005 по 12 июня 2010

– форма движений при выполнении «Г», сходная с выполнением арабской цифры «2», (таблица 2):

адрес про: Кап. Вартиски
75824
г. Минск Геннадий Ив.

– форма и направление движений при соединении элементов «л», «А», «о» изменяется с угловой и петлевой на дуговую с переменной направления движений:

заявления не является
 прибывшего в г. Минск (дата въезда) 23.07.2009
 цель въезда деловая
 № паспорта 274 282
 действителен с 13 июня 2005 по 12 июня 2010
 № визы 003814963 тип Бизнес
 № вавчена деловая
Билет 17, Вылит. В Ливан.
сентября

– относительная протяженность движений по вертикали при выполнении цифры «0» в сочетаниях цифр и при интервальном выполнении – в 1,5–2 раза меньше других цифр:

6522922
 6300599
 6762141
 Андрей 6772211
 Валера 6012657
 дата рождения
 прибывшего в г. Минск (дата въезда) 23.07.2009
 Прошу Вас выдать выездную (выездную-въ
 действия до 18.08.2009

– последовательность движений при выполнении «Я» изменяется на обратную с фактическим выполнением данной буквы справа налево, начиная с 3-го элемента и заканчивая 1-м элементом:

Отказ от гражданства не является
для меня вынужденным обстоятельством.

– размещение движений по вертикали при выполнении знаков пунктуации «.» и «,» – среднее и выше среднего, что достаточно редко встречается в записях на основе кириллицы и латинского алфавита, в то время как диакритические точки широко распространены в арабском алфавите:

Техническую экспертизу, на
гражданство
АЮБ МАХЕР АЛИ.
фамилия, имя, отчество
1973,
дата рождения
прибывшего в г. Минск (дата въезда) 23.07.2009

– «выпрямление» или перемена направления движения при выполнении дуговых элементов цифр «6» и «9». При этом цифра «9» по конфигурации практически полностью совпадает с арабской цифрой «9», а цифра «6» совпадает по конфигурации, но зеркально перевернута (таблица 2):

фамилия, имя, отчество	фамилия, инициалы
1973	1973 003811963
дата рождения	дата рождения
Минск-из. 7502675 2199595	Валери Петрович 6633 4.
5 ссм 7750 164 2056218 7503661	Белая Алия Любомирна 220 мид. иностранцы 22226

Проанализировать признаки письменной речи исполнителя «Б» не представляется возможным, поскольку исследовались записи в рабочих тетрадях по математике, белорусскому и русскому языкам, при ведении которых не предусматривается выполнение заданий, в которых проявлялась бы письменная речь учащихся.

Большинство общих признаков почерка исполнителя (все топографические признаки, а также размер и, частично, расстановка) предопределены и, в значительной степени, упорядочены линовкой и графлением ученических тетрадей. Кроме того, естественное для данной стадии формирования ПДН, отсутствие у исполнителя автоматизма движений не позволяет уверенно дифференцировать причину проявления нарушений общих признаков.

Однако стоит отметить весьма значительную, выбивающуюся за пределы нормы, неравномерность и неустойчивость наклона, размера и разгона.

5 ноября
Классная работа
Недалеко от Бреста раски-
нулась Беловежская пушча.
В пущу застопылезжаста офен
экспурсито взрослыи и дети.
Бабах! Раздтилась чапта.
~~Сосед~~ Сосед вздыхает тяжко.
Его уме Я може сай сегодня
пиш и чай у чайну раздти

В приведенном фрагменте обращает на себя внимание практически полное отсутствие связности – штрихи, связывающие буквы, выполняются интервально, наблюдаются необоснованные остановки пишущего прибора даже при выполнении отдельных элементов букв.

Размер не всегда выдерживается даже в пределах одной буквы.

Классная работа
ка ку ке ка ку ке ка ку ке ка
Слова эти надо с улыбкой дарить!
Дру^у вет! Добрий вечер! Добрий -
дечь! ^вдоброе утро! Здрас^втуйте!
2 ноября 2 сентября
Классная работа Классная работа

На уровне частных признаков довольно отчетливо прослеживается ряд специфических особенностей, появление которых возможно объяснить лишь воздействием какого-то дополнительного фактора, в данном случае – навыка письма в другой системе письменности:

– замена левоокружного дугового движения на угловатую или слепую петлю (встречается при выполнении более 50% заключительных (нижних) элементов букв и соединительных штрихов):

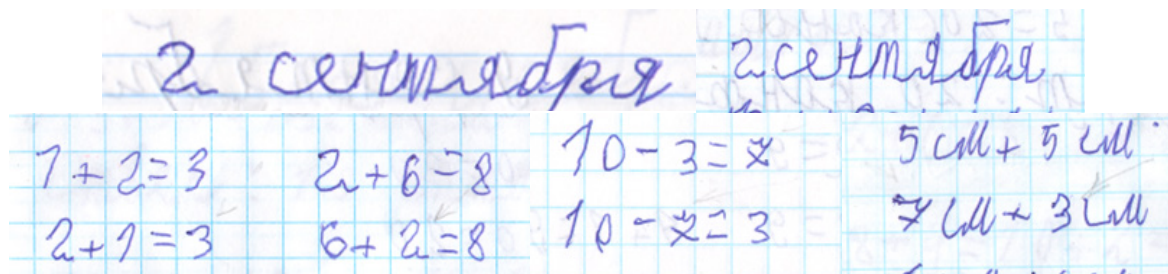
21 верасня
Бяжасная работа
ў вера^ті ў вера^ті ў вера^ті
ц ц ц ц ц ц ц ц ц ц ц
матыва^цой, павуча^цой, вусеня^цй,
жыва^цкой.
Мураш, зябра^ціў, павуча^цой, і
матыва^цой.
це ця ця что ці цень ціха цімачка.

Классная работа

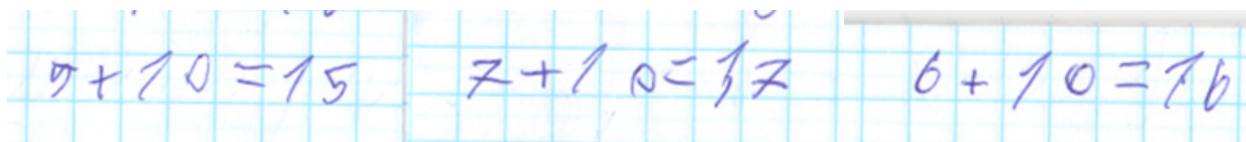
ка ку ке ка ку ке ка ку ке ка
качки качаниями. У курьих
ганиями. У сабачки шарканьями.

$1 + 2 < 5$ 4 — корень Фибоначчи
 $2 + 2 < 5$ 3, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987, 1597, 2584, 4181, 6765, 10946, 17711, 28657, 46368, 75025, 121393, 196418, 317811, 514132, 832040, 1346269, 2178309, 3542248, 5713017, 9271035, 14930352, 24214301, 39306068, 63545129, 102857817, 167761392, 272170155, 440759934, 718090462, 1159752731, 1887714761, 3051758176, 4949472937, 8001231103, 12950646064, 21012088161, 34062724255, 55174812368, 89237536623, 144410258981, 234647795604, 380058054585, 614705850189, 1004763014774, 1639458864963, 2664221879152, 4303680744115, 7067902614267, 11371583568381, 18439486182648, 30001410796915, 48441006979563, 78442487176478, 126883494156041, 205325981332519, 332209375488560, 537532769644601, 869742145133161, 1407274965817762, 2276917716451363, 3684192682269125, 5961110398720488, 9645303085981853, 15606413484702341, 25251716563424194, 40858130048126535, 66109846611550729, 106960557569677264, 173070404557127993, 279030962168688712, 452101469725816005, 731132373893943717, 1183203843619760722, 1914336217413704439, 3097540061033465161, 5011876278447169600, 8109416339480873761, 13121292617418043361, 21232708895865213061, 34354001513283256822, 55586710409151299883, 90939712022434512945, 146525422531615812828, 237465134553767312711, 384994856576199125556, 622460001130016438267, 1007454857706215563823, 1630414858836414689380, 2637869683966630252647, 4268324542702845841971, 6906184401539059961618, 11174509025401905803589, 18080693426940965765207, 29255192452342925668796, 47335885879283891433903, 76581078305626817102599, 123916964185009712771802, 200497842494636609874391, 324414806679646326976890, 524912649174656039651281, 850327455874282366628171, 1375240104048938696595062, 2225567559923620736256343, 3600807664022803102851514, 5826375223971733839046855, 9427182883914554545802369, 15253558107886287648658224, 24680933731800841487695083, 39934491839685396036353307, 64615425571486237524051390, 104550017411386078562704697, 169165442982872316086756087, 273715460394258394649460084, 442879903376140713212216171, 716595366358999029298972255, 1159375270753257342915188326, 1875970637152406062113404401, 3035345907905663305028586656, 4911316538658869367143791067, 7946662445764532672162377723, 12861978983870202039285978790, 20808641429634735701428770857, 33670610413504937740614749671, 54479251843139673442043520528, 88149862256644610142458270399, 142628114099784283544491810927, 230777976356428903686535331426, 373406090456113513829027142325, 604184066812542417415562473751, 977590157268656031244599616076, 1581774223625198448660162090801, 2559364380893854480004761707577, 4141138604519052928664913798378, 6700502985312947378769675505955, 10841641589832000307434589304326, 17542144575144947686204264810281, 28383786164976948014638854114607, 45925930740121895701843118925088, 74308076895266843388047373039695, 120234007635388741399890491964783, 194542084530655634787937865004478, 314776092166044376187828356974163, 509318176696700010975766221978641, 824094268862744387163604578952824, 1333412445559444398139370800931465, 2157506714422144409302975379910106, 3490919160081588780442346180841571, 5648425874503733179581317560751677, 9139345034585321860023663741593248, 14787870909089055039605081302344925, 23927215943674376819628745044136601, 38715086852763431899233826346480526, 62642302796442808718862601390617127, 101357389649206240618096427737097653, 164000092445649049336959029127714780, 265357482094855258055055456864812433, 429357574540464297373051885992527113, 694714666635319555428107342857340546, 1124072241175783852791159228850857659, 1818786907811103408119266571708198205, 2942859148986887260910425800559055764, 4761646056797990669029692372267253969, 7704435205784877929939958172826352733, 12466081262582868598969650545093606702, 20270516468370846528909608717920960441, 32736597730953714428879259263014257143, 53007114199334583027788867980935217584, 85743711930288297456668127243949474727, 138750826129622880484457995224884692311, 224457938060001177942246122468824166900, 363208754189623965428914117692763661211, 587666692

– выполнение 2-го элемента «2» и 1-го элемента «7» волнистыми движениями, «зеркальными» по отношению к образцам прописей (перемена направления движения на противоположное), кроме того, цифра «7» по конфигурации совпадает с зеркально перевернутой арабской цифрой «3» (таблица 2):

– уменьшение протяженности движений по вертикали при выполнении цифры «0» в сравнении с рядом расположенными цифрами:

Анализ приведенных почерков позволяет, с известной долей осторожности, обусловленной ограниченностью материала, сделать следующие выводы:

1) исполнители различаются по стране происхождения, возрасту, уровню образования, продолжительности периода проживания на территории Республики Беларусь, особенностям процесса обучения кириллическому письму, общей сформированности ПДН;

2) почерки исполнителей, несмотря на вышеперечисленные различия, обладают рядом схожих черт.

Общие признаки анализируемых почерков характеризуются:

- малой степенью связности движений при письме;
- отчетливо выраженными нарушениями координации движений 2-й группы, особенно сильно проявляющимися в неустойчивости наклона, размера, разгона и расстановки;
- низкой устойчивостью почерка к воздействию сбивающих факторов.

Частные признаки данных почерков отличаются:

- общим упрощением движений, заменой более сложных извилистых движений с переменной направленности на однотипные прямолинейные, угловатые и дуговые одного направления;
- переменной направленности движений при выполнении левоокружных движений (элементов букв и цифр), соединительных штрихов, знаков препинания на правоокружные (или выпрямлением левоокружных дуг), что напоминает признак «зеркальность» при письме непривычно пишущей рукой;
- изменением последовательности движений (сначала выполняются элементы букв, расположенные справа, затем элементы, расположенные слева);
- построением соединительных конструкций между элементами и отдельными буквами при помощи правоокружных дуг и петель;
- уменьшением протяженности отдельных цифр (элементов букв) в сравнении с рядом расположенными цифрами (элементами);

3) единственным общим фактором формирования ПДН данных исполнителей является навык владения письмом, относящимся к иной системе письменности (в данном случае – арабской).

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о наличии и достаточно сильном воздействии на формирование ПДН человека дополнительного фактора, которым является навык владения письмом в иной, резко отличающейся от кириллицы, системе письменности.

С точки зрения возможностей практического применения при производстве почерковедческих экспертиз, анализ выявленных графических особенностей, при наличии специфических признаков письменной речи, позволяет с достаточной степенью определенности дифференцировать почерк лица, ПДН которого формировался под воздействием различных систем письменности, от внешне сходных мало- и средневывработанных почерков лиц с низким и средним уровнем грамотности.

К характерным признакам почерка лица, ПДН которого формировался под воздействием различных систем письменности, можно отнести такие, как:

1) необычное распределение грамматических ошибок – встречаются в простых по написанию словах при наличии верного выполнения отдельных более сложных слов, частые пропуски букв;

2) низкая устойчивость уровня грамотности к сбивающим факторам (выявляется при сопоставлении свободных, условно-свободных и экспериментальных образцов);

3) неустойчивость общих признаков (наклон, размер, разгон и расстановка), проявляющаяся в ограниченных фрагментах текста, вплоть до одного слова, при сохранении быстрого темпа выполнения;

4) практически полное отсутствие связности даже при выполнении двух письменных знаков;

5) наличие необычных усложнений, связанных с повтором движений и переменной направлением движений при общем простом строении почерка;

6) наличие букв, относящихся к разным алфавитам в рамках одного небольшого фрагмента текста;

7) наличие ряда специфических частных признаков (в первую очередь, напоминающих по траектории и направлению движений признаки, появление которых характерно при выполнении текста непривычной пишущей рукой), что связано с переменной направлением письма.

Выявление экспертом указанных признаков позволяет провести в рамках почерковедческой экспертизы исследование и установить с достаточной степенью уверенности групповую принадлежность исполнителя рукописи – лица, чей почерк формировался под воздействием различных систем письменности. Учитывая сложность объектов и недостаточную изученность рассматриваемого вопроса, вывод рекомендуется формулировать в вероятной форме.

Таблица 1 – Арабские буквы (Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999 г.) [4]

в конце слова	в середине слова	в начале слова	отдельно стоящие	название	транслитерация	транскрипция
ا	ا	ا	ا	الف 'а лиф	—	—
ب	ب	ب	ب	باء ба'	б	[b]
ت	ت	ت	ت	تاء та'	т	[t]
ث	ث	ث	ث	ثاء та'	с	[θ]
ج	ج	ج	ج	جيم джим	дж	[dʒ], [g]
ح	ح	ح	ح	حاء ха'	х	[h]
خ	خ	خ	خ	خاء ха'	х	[x]
د	د	د	د	دال даль	д	[d]
ذ	ذ	ذ	ذ	ذال заль	з	[ð]
ر	ر	ر	ر	راء ра'	р	[r]
ز	ز	ز	ز	زاي зай	з	[z]
س	س	س	س	سين сйн	с	[s]
ش	ش	ش	ش	شين шйн	ш	[ʃ]
ص	ص	ص	ص	صاد сад	с	[sʰ]
ض	ض	ض	ض	داض дад	д	[dʰ], [ðʰ]

в конце слова	в середине слова	в начале слова	отдельно стоящие	название	транслитерация	транскрипция
ط	ط	ط	ط	ءَاط tā'	Т	[tʰ]
ظ	ظ	ظ	ظ	ءَاظ zā'	З	[zʰ], [ðʰ]
ع	ع	ع	ع	نَّيْع 'айн	‘	[ʕ]
غ	غ	غ	غ	نَّيْغ гайн	Г	[ɣ]
ف	ف	ف	ف	ءَاْف fā'	Ф	[f]
ق	ق	ق	ق	فَاَق kāф	К	[q]
ك	ك	ك	ك	فَاَك kāф	К	[k]
ل	ل	ل	ل	مَال лям	Ль	[l]
م	م	م	م	مَيْم мйм	М	[m]
ن	ن	ن	ن	نُون nūн	Н	[n]
ه	ه	ه	ه	ءَا_hā'	Х	[h]
و	و	و	و	وَا_u	В	[w]
ي	ي	ي	ي	ءَا_йā'	Й	[j]

Таблица 2 – Арабские цифры (Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. Учебник арабского языка. М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999 г.) [4]

европейские цифры	стандартные арабские	восточно-арабские
0	٠	٠
1	١	١
2	٢	٢
3	٣	٣
4	٤	٤
5	٥	٥
6	٦	٦
7	٧	٧
8	٨	٨
9	٩	٩

Список использованных источников

1. Судебно-почерковедческая экспертиза : общая часть : теоретические и методические основы / под науч. ред. В. Ф. Орловой / РФЦСЭ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 2006.
2. Винберг, Л. А. Почерковедческая экспертиза / Л. А. Винберг, М. В. Шванкова. – Волгоград, 1968.
3. Шегабаева, Л. Ш. Методика исследования рукописей, выполненных китайскими иероглифами и арабским шрифтом / Л. Ш. Шегабаева / Центр судеб. экспертизы М-ва юстиции Респ. Казахстан. – Астана, 2010.
4. Ковалев, А. А. Учебник арабского языка / А. А. Ковалев, Г. Ш. Шарбатов. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
5. Языки народов Российской Федерации и соседних государств. – М. : Наука, 2005.
6. Судебно-почерковедческая экспертиза : Особенная часть. Исследование рукописных текстов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 2007.
7. Манцветова, А. И. Теория и практика криминалистической экспертизы / А. И. Манцветова, Э. Б. Мельникова, В. Ф. Орлова. – М., 1961.
8. Судебно-почерковедческая диагностика / Орлова В. Ф. // Судебно-почерковедческая диагностика : учеб. пособие для студентов вузов / В. Ф. Орлова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006.

Дата поступления: 25.04.2017

A. F. Velichkevich

Academy of the MIA of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

**FEATURES OF THE FORMATION OF THE SKILL OF WRITING IN PERSONS WHO OWN
DIFFERENT WRITING SYSTEMS AND THEIR REFLECTION IN THE MANUSCRIPT**

The problem of the formation of writing-motor skills of the person in the context of the impact of various writing systems has not been previously considered. This issue is relevant nowadays, as the flow of migrants from countries with written systems that are different from Cyrillic has grown significantly.

The article analyzes the handwriting of migrants from Lebanon born in 1958 and Syria of the year of birth in 2006, whose skill of the Cyrillic script was formed under the influence of Arabic script, characteristic signs of their written speech, characteristic features of common and particular characters of handwriting were revealed.

Keywords: handwriting examination, diagnostic and classification study, the factor of handwriting, general and particular features of handwriting, peculiarities of handwriting of migrants, analysis of handwriting formed under the influence of Arabic and Cyrillic writing systems.

УДК 340.64:611.71

В. В. СеменовУправление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
по г. Минску, Беларусь

E-mail: vjach_ws@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ФРАГМЕНТИРОВАННЫХ НАТИВНЫХ И ОЗОЛЕННЫХ КОСТЕЙ

Одна из важнейших и наиболее сложных задач в судебной медицине – это идентификация личности скелетированных, расчлененных и(или) сожженных трупов. В первую очередь, успешность ее решения зависит от степени прижизненного или посмертного механического и(или) термического разрушения костей и их анатомической принадлежности. Применяемые кранио-остеометрические и кранио-остеоскопические методы позволяют установить такие первоначальные идентифицирующие личность человека признаки, как пол, возраст и рост.

Ключевые слова: костные останки, половая принадлежность костей, медико-криминалистическая идентификация, остеометрия, остеоскопия, краниометрия, краниоскопия, краниометрические точки, диагностические коэффициенты.

Введение. Алгоритм проведения судебно-медицинских экспертиз нативных костей (не поврежденных скелетированных останков) с целью отождествления групповых и индивидуальных идентифицирующих признаков личности включает последовательное проведение комплекса исследований по определению видовой, половой, расовой и возрастной принадлежности, роста, давности захоронения, врожденных и(или) приобретенных особенностей развития и строения костей, кранио-фациальной идентификации, генотипоскопического исследования. Сочетание таких факторов, как количество и анатомо-топографическая принадлежность обнаруженных костей, степень их прижизненного либо посмертного механического и(или) термического разрушения, воздействие агрессивных химических веществ, научная обоснованность и категоричность используемых методов, экспертная готовность и грамотность (наличие специальных измерительных инструментов и оборудования, подготовка эксперта к данному виду исследования) обуславливают полноту и достоверность идентификации личности по костным останкам. При этом, одной из наиболее сложных задач в судебной медицине является установление по расчлененным и(или) сожженным останкам таких первоначальных идентифицирующих личность человека характеристик, как пол, возраст и рост.

Цель исследования: 1) сравнить собственные результаты половой дифференциации нативных и озоленных фрагментов костей с литературными данными и, в случае расхождения, установить обусловившие их факторы; 2) выявить условия, влияющие на достоверность и диагностическую значимость результатов определения пола фрагментированных костей.

Материалы и методы: Степень сохранности и особенности фрагментации костей, обусловленные давностью и условиями захоронения, наличием прижизненных (посмертных) механических и(или) термических повреждений, разрушений от агрессивных химических

веществ, позволяют выделить две категории объектов исследования: 1) мелко фрагментированные отломки в результате значительного механического разрушения костей или длительного воздействия на них высокой температуры (перекаления), на которых какие-либо анатомические особенности в их строении, кроме характерных для принадлежности к трубчатым, губчатым или плоским костям, не определяются, что, в свою очередь, исключает возможность дифференцировать с помощью сравнительного анатомо-морфологического исследования их видовую принадлежность; 2) относительно крупные костные фрагменты, на которых различимы анатомо-морфологические особенности строения, позволяющие установить сравнительным анатомо-морфологическим методом их принадлежность к скелету человека и перейти к следующему этапу идентификации – установлению половой принадлежности.

Для определения пола целых нативных костей разработаны две группы методик – на измерении размерных показателей (кранио-остеометрия) или фиксации на них особенностей анатомического развития и строения, обусловленных половым диморфизмом (кранио-остеоскопия). При использовании метрических методов для диагностики пола (кранио-остеометрии) измеряются определенные морфометрические признаки – диагностические размеры между опознавательными точками, предварительно нанесенными на череп и кости [1–3], или анатомическими образованиями на них, длина целых костей, окружность и диаметр их диафизов, эпифизов, размерные характеристики (длина, ширина, глубина, площадь) суставных поверхностей. Для проведения различных измерений необходимо наличие остеометрического набора инструментов, включающего толстотный, скользящий и координатные циркули, штангенциркуль, гониометр, измерительные штатив и ленту [1–3]; точность измерений составляет 0,1–1 мм [4]. Для кранио-остеометрии были определены диагностические показатели пола – достоверный мужской или женский, вероятный мужской или женский и неопределенный, а также пороговая величина (сумма) диагностических коэффициентов пола (мужской, женский и неопределенный), которые получены путем измерения паспортизированных костей и установления по ним ДК; верифицированные результаты обрабатывались методом вариационной статистики с последующим математическим анализом, который установил статистически устойчивую разницу подавляющего большинства изученных признаков. Выводы о половой принадлежности исследуемых костей основаны на сравнении их абсолютных или относительных размеров с эталонными или расчете по ним диагностических коэффициентов (ДК) пола. При использовании скопических методов для диагностики пола (кранио-остеоскопии) на исследуемых костях фиксируются различные анатомические образования и описательные качественные анатомо-морфологические признаки, которые имеют альтернативный характер (наличие или отсутствие) проявления с частотой встречаемости, близкой к 50%, и зависят от половой дифференцировки при вторичном половом созревании индивидуума [4; 5]. Выводы о половой принадлежности исследуемых костей основаны на расчете диагностического коэффициента различия пола по количеству выявленных на них мужских и женских признаков с последующим его сравнением с интервальными значениями, определяющими пол (мужской, женский, не определен). Таким образом половая принадлежность костных останков устанавливается по целым нативным костям скелета – черепу с(без) нижней челюстью, длинным трубчатым костям верхних и нижних конечностей, тазу, ключицам, лопаткам, поясничным позвонкам [3–13], а их применение для исследования фрагментированных костей, даже после их реконструкции, значительно ограничено или невозможно из-за отсутствия необходимой точности измерений или наличия ограничений, препятствующих их использованию.

Специально для дифференциации пола по остеометрическим показателям фрагментов костей В. Н. Звягиным и соавторами (1995) предложены методики диагностики пола человека по размерам (мм × 10) фрагментированных нативных или озолненных костных останков по данным одномерного или многомерного дискриминантного анализа [4].

Материалом для собственных исследований явились скелетированные нативные или обугленные до стадии черного каления 521 фрагмент костей, поступивших в лабораторию медико-криминалистических и идентификационно-остеологических исследований (ЛМКИИОИ) Государственной службы медицинских судебных экспертиз Республики Беларусь за период 2002–2008 гг., давность захоронения которых исчислялась от менее 1 года до 100 лет и более. Анатомо-топографическая принадлежность костей распределена следующим образом: 99 черепов; 43 височных кости; 107 нижних челюстей; 29 вторых шейных позвонков; 37 лопаток; 56 плечевых, 63 бедренных, 68 большеберцовых и 19 малоберцовых костей. Для решения вопроса о половой принадлежности костных останков применялись краниоскопический (42 черепа) и кранио-остеометрические (479 кости) методы.

Результаты: Половая принадлежность черепа с(без) нижней челюстью устанавливается при помощи краниометрической [3; 4] и краниоскопической методик [5]. Однако, данные методики не могут быть применены при наличии на исследуемых черепах не зарощенных клиновидно-затылочных швов и при незавершенном прорезывании постоянных третьих мо-

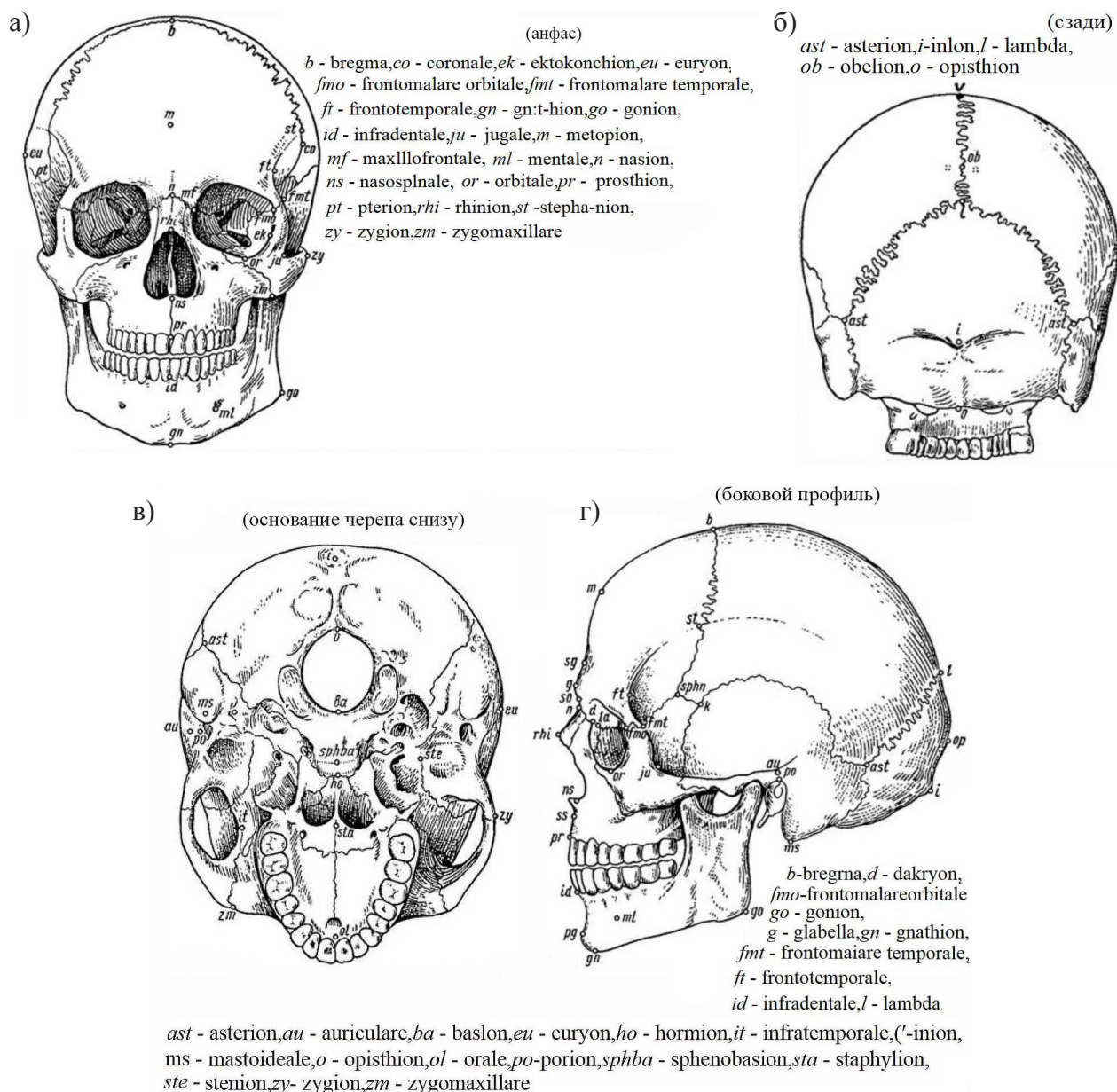

Рисунок 1 – Краниометрические точки черепа

ляров (больших коренных зубов или т. н. зубов «мудрости» [5]. При использовании краниометрического метода в основу определения половой принадлежности берутся размерные характеристики черепа с(без) нижней челюстью, которые в значительной степени обусловлены ростом индивидуума и в некоторых случаях подвержены эндокринным, хромосомным и, возможно, генным изменениям (акромегалия, микроцефалия, гермафродитизм и т. п.). Перед непосредственным определением диагностических размеров необходимо точно обозначить на исследуемом черепе краниометрические точки (рисунок 1 а, б, в, г), измерить в мм диагностические размеры и вычислить их значения. Комплексная оценка полученных результатов позволяет сформулировать: 1) категоричный вывод о половой принадлежности черепа при наличии одного и более показателей из достоверного диагностического интервала или не менее 9 одноименных показателей из вероятного диагностического интервала; 2) вероятный вывод – при отсутствии условий п. 1, наличии большинства одноименных показателей из вероятных диагностических интервалов и численной разнице не менее 4 между мужскими и женскими вероятными показателями или такой же разнице между одноименными вероятными и неопределенными показателями; 3) вывод о невозможности установления пола – при отсутствии условий п. 1 и п. 2 [4]. Нами проведена успешная краниометрическая дифференциация половой принадлежности 41 фрагментированного черепа без нижней челюсти (71,93%, $n = 57$), причем один из них был обуглен до стадии черного каления (рисунок 2), что несколько ниже литературных данных, в которых отмечается, что краниометрическое определение пола взрослых (старше 18–21 года) индивидуумов по одним лишь измерительным признакам не поврежденного черепа оказывается возможным в 75–80% случаев [3].

При использовании краниоскопической методики в основу определения половой принадлежности берутся 40 описательных качественных (анатомо-морфологических) признаков, проявление которых обусловлено половой дифференцировкой при вторичном половом созревании индивидуума [4; 5]. Нами проведена успешная краниоскопическая дифференциация половой принадлежности 31 нативного фрагментированного черепа без нижней челюсти (73,81%, $n = 42$), что существенно ниже литературных данных, в которых отмечается, что краниоскопическая диагностика пола по качественным признакам не поврежденного черепа в практически достоверной форме оказывается возможной в 93,53% случаев [5].

Половая принадлежность изолированной нижней челюсти устанавливается в практически достоверной форме краниометрическим методом – при попадании хотя бы 1 из 3 ее

Рисунок 2 – Фрагментированный череп (лицевой отдел и свод), обугленный до стадии черного каления

метрических показателей в достоверный диагностический интервал, а также по методике О. П. Коровинского, Й.-В. И. Найниса, Б. А. Федосюткина – «Диагностика половой принадлежности и формы лица индивидуума по нижней челюсти» [6]. Данный метод основан на суммарной оценке величины диагностических коэффициентов, соответствующих определенным размерам нижней челюсти. Нами, используя обе методики, проведена успешная дифференциация половой принадлежности обугленной до стадии черного каления одной нижней челюсти (рисунок 3) и 92 нативных фрагментированных нижних челюстей (86,92%, $n = 107$). Пол индивидуумов по результатам краниометрического метода установлен в 17 случаях (15,89%, $n = 107$), а по методике О. П. Коровинского, Й.-В. И. Найниса, Б. А. Федосюткина в 89 случаях (83,18%, $n = 107$), что соответствует данным этих авторов, которые отмечают, что в зависимости от величины пороговой суммы диагностических коэффициентов достоверность определения пола по нижней челюсти составляет 80–99,9% [6].

Методика В. Н. Звягина и соавторов (1995) диагностики пола человека по размерам (мм $\times$ 10) фрагментированных нативных или озоленных костных останков учитывает основные варианты фрагментации 15 костей скелета, а именно, височной, нижней челюсти, второго шейного позвонка, лопатки, плечевой, лучевой, локтевой, бедренной, надколенника, большой и малой берцовых, таранной, пяточной, кубовидной и первой плюсневой, на которых определяют и измеряют остеометрические признаки по методике G.N.Van Vark (1975) [4]. В случае обнаружения воздействия на кости высокой температуры, приведшего к их обугливанню до стадии черного каления, используют вариант диагностической модели, как и для нативных костей; при сером или серо-белом (смешанном) калении выбирают вариант модели, рассчитанный для кремированных костей. Отождествление половой принадлежности нативных и обугленных фрагментов костей по одномерной диагностической дискриминантной модели, которая представляет собой две 5-интервальных оценочных шкалы, включающих 28 и 50 дифференциальных признаков, происходит: 1) в практически достоверной форме (85,6%) – при попадании единичного или нескольких показателей в один из достоверных интервалов шкалы или при попадании не менее 9 показателей в один из ее вероятных интервалов; 2) в вероятной форме (10,0%) – при отсутствии ограничений п. 1 или при разности попаданий 4–8 показателей в вероятные интервалы шкалы; 3) в неопределенной форме при отсутствии условий п. 2 [4]. Нами по данной методике проведена успешная остеометрическая дифференциация половой принадлежности нативных как не поврежденных, так и фрагментированных 14 височных костей (32,56%, $n = 43$) и 7 вторых шейных позвонков (24,14%, $n = 29$).

Рисунок 3 – Нижняя челюсть, обугленная до стадии черного каления

Половая принадлежность лопаток определяется по остеометрическим методикам Л. А. Кошелева [3; 7], З. Л. Лаптева [3; 8]. Метод Л. А. Кошелева основан на измерении 11 диагностических размеров лопатки и последующем определении по их значениям достоверных, вероятных или неопределенных показателей пола. Согласно литературным данным, метод позволяет сформулировать: 1) категоричный вывод о половой принадлежности в 80% случаев при наличии одного и более показателей из достоверного диагностического интервала; 2) вероятный вывод в 8% случаев – при отсутствии условий п. 1, наличии большинства одноименных показателей из вероятных диагностических интервалов и численной разнице

не менее 4 между мужскими и женскими вероятными показателями, или такой же разнице между одноименными вероятными и неопределенными показателями; 3) вывод о невозможности установления пола в 12% случаев – при отсутствии условий п. 1 и п. 2 [3; 7]. Метод З. Л. Лаптева основан на оценке суммарной величины диагностического коэффициента соответствующих размерных характеристик – морфологической высоты и ширины кости, площади суставной ямки и толщины лопатки, отдельно определенных для правой и левой лопаток. Категоричный вывод о принадлежности к мужскому полу правой лопатки возможен при $ДК \geq 1390$ мм, левой – при $ДК \geq 1372$ мм, к женскому полу – при $ДК \leq 1280$ мм независимо от анатомического положения в скелете [9]. Нами, используя методику Л. А. Кошелева, проведена успешная дифференциация половой принадлежности 13 нативных фрагментированных лопаток (35,14%, $n = 37$), что существенно ниже литературных данных, в которых отмечается, что данный метод диагностики пола по остеометрическим признакам не поврежденной лопатки оказывается эффективным в 88% случаев [3; 7].

Половая принадлежность длинных трубчатых костей конечностей (плечевой, бедренной, большой и малой берцовых) определяется при помощи методик диагностических коэффициентов Й.-В. И. Найниса и А. К. Гармуса [9; 10]. Они основаны на остеометрических показателях (размерных характеристиках костей), различия в которых связаны с анатомо-морфологическими особенностями строения костей мужских и женских скелетов, которые, в свою очередь, обусловлены половой дифференцировкой при вторичном половом созревании индивидуума, а также, в большей степени, его ростом. При величине диагностического коэффициента (ДК) от ± 128 до ± 200 , ошибка диагностики пола составляет 5%, т. е. в 5 случаях из 100; от ± 201 до ± 300 – 1%, т. е. в 1 случае из 100; свыше ± 300 – 0,1%, т. е. в 1 случае из 1000 [3; 9; 10]. При отсутствии на исследуемых костях травматических или патологических изменений полученная суммарная величина $ДК \pm 300$ позволяет сформулировать категоричный вывод об их половой принадлежности [3; 9; 10]. Нами проведена успешная остеометрическая дифференциация половой принадлежности нативных фрагментированных 39 плечевых (69,64%, $n = 56$), 39 бедренных (61,90%, $n = 63$), 52 большеберцовых (76,47%, $n = 68$) и 6 малоберцовых (31,58%, $n = 19$), что существенно ниже литературных данных, в которых отмечается, что остеометрическое определение пола по не поврежденным плечевой, бедренной, большой и малой берцовым костям, используя ДК Й.-В. И. Найниса и А. К. Гармуса, возможно в 96,5–98,7% случаев [3; 9; 10].

Заключение: На фрагментированных костях независимо от условий и давности захоронения длительное время хорошо сохраняются диагностические анатомо-морфометрические и анатомо-морфоскопические признаки, обуславливающие гендерное различие индивидуумов, но лишь при отсутствии значительного их прижизненного или посмертного разрушения от внешних механических воздействий, высокой температуры или агрессивных химических веществ.

В каждом конкретном экспертном случае выбор применяемых кранио-osteометрических и кранио-osteоскопических методик для исследования нативных или озолненных фрагментированных костей, при возможности подвергшихся реконструкции, индивидуален и определяется сочетанием степени сохранности костного материала, количества обнаруженных костей, принадлежащих одному индивидууму и их анатомо-топографического расположения в скелете, выявленных ограничений, препятствующих использованию самого метода и значительной (более 1 мм) погрешности измерений, приводящей к установлению ошибочных диагностических размеров или значений диагностических коэффициентов пола.

Анализ литературы и результаты собственных исследований позволяют сделать следующие выводы:

Краниоскопическая и кранио-osteометрическая дифференциация половой принадлежности скелетированных нативных или обугленных до стадии черного каления фрагментов костей была успешной в 335 исследованиях (64,30%, $n = 521$).

Полученные нами данные кранио-остеометрического исследования фрагментов черепов и нижних челюстей соответствуют литературным наблюдениям и при отдельном их исследовании половая принадлежность диагностирована соответственно в 71,93% и 83,18% случаев.

Высокая достоверность результатов определения половой принадлежности данных объектов обусловлена сочетанием значительной их сохранности (малым объемом прижизненного или посмертного механического, либо термического разрушения), точности опознавания на фрагментированных костях анатомических ориентиров и разметки реперных точек, наличия и исправности необходимых измерительных инструментов.

Значительное повышение остеометрической дифференциации половой принадлежности других нативных и озоленных фрагментированных костей (второго шейного позвонка, лопатки, височной, плечевой, бедренной, большой и малой берцовых костей) может быть достигнуто только тогда, когда перед идентификационным исследованием, или в процессе его проведения, достоверно установлено, что исследуемые не смежные костные фрагменты принадлежат скелету одного индивидуума.

Список использованных источников

1. Алексеев, В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 249 с.
2. Алексеев, В. П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. – М. : Наука, 1964. – 128 с.
3. Пашкова, В. И. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам / В. И. Пашкова, Б. Д. Резников. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 320 с.
4. Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта / под общ. ред. д-ра мед. наук, проф. В. В. Томилина. – М. : Издат. группа НОРМА-ИФРА – М., 2000. – 472 с.
5. Звягин, В. Н. Методика краниоскопической диагностики пола человека / В. Н. Звягин // Судебно-медицинская экспертиза. – 1983. – № 3. – С. 15–17.
6. Коровянский, О. П. Диагностика половой принадлежности и формы лица индивидуума по нижней челюсти / О. П. Коровянский, Й.-В. И. Найнис, Б. А. Федосюткин // Судебно-медицинская экспертиза. – 1984. – № 3. – С. 34–39.
7. Кошелев, Л. А. О половом диморфизме лопаток / Л. А. Кошелев // Судебно-медицинская экспертиза. – 1971. – № 4. – С. 22–23.
8. Лаптев, З. Л. Определение пола и длины тела по параметрам лопаток / З. Л. Лаптев // Судебно-медицинская экспертиза. – 1978. – № 3. – С. 7–11.
9. Найнис, Й.-В. И. Методические указания об определении пола по плечевым и бедренным костям / Й.-В. И. Найнис. – М. : Типография МЗ СССР, 1973. – 11 с.
10. Найнис, Й.-В. И. Определение пола по метрическим признакам костей голени / Й.-В. И. Найнис, А. К. Гармус // Судебно-медицинская экспертиза. – 1974. – № 2. – С. 8–10.
11. Гармус, А. К. Диагностика пола по качественным признакам таза / А. К. Гармус // Судебно-медицинская экспертиза. – 1991. – № 2. – С. 29–30.
12. Джамолов, Д. Д. Методические рекомендации об определении видовой, половой и возрастной принадлежности поясничных позвонков скелета взрослого человека / Д. Д. Джамолов. – М. : Типография МЗ СССР. – 1978. – 28 с.
13. Лаптев, З. Л. Половые особенности ключиц по данным остеометрии / З. Л. Лаптев // Судебно-медицинская экспертиза. – 1977. – № 1. – С. 43–46.

Дата поступления: 15.03.2017

V. V. Semenov

Directorate of the State Forensic Examination Committee
of the Republic of Belarus for Minsk, Belarus

ON GENDER IDENTIFICATION OF FRAGMENTED NATIVE AND ASHED BONES

One of the most essential and complicated tasks in forensic medicine is the personal identification of a skeletonized, dismembered and (or) burnt corpse. The success of the task completion depends on the level of intravital or post-mortem mechanical and (or) thermal depletion of bones and their anatomical affiliation. The applied cranial-osteometric and cranial-osteoscopic methods allow to state such primary identity defining features as gender, age and height.

Keywords: bone remains, gender of bone, forensic identification, osteometry, osteoscope, craniometry, cranioscopy, craniometric points, diagnostic factors.

УДК 616.89:616.212.7

А. С. Богданов

кандидат медицинских наук

Витебский государственный медицинский университет

г. Витебск, Беларусь

E-mail: alexabogdanov@yandex.ru

ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА У ЛИЦ С ЗАВИСИМОСТЬЮ ОТ КАННАБИНОИДОВ

Предпринята попытка исследовать особенности течения психотических расстройств у 65 пациентов и провести анализ факторов, способствующих формированию зависимости от каннабиноидов. Установлено влияниеотягощенной наркологической наследственности, наличия проблем семейного воспитания на процесс развития зависимости. Основные психические нарушения при каннабиноидной зависимости проявлялись в виде острого делириозно-аментивного расстройства, бредового симптомокомплекса, а также специфического нарушения мышления, снижения когнитивных функций и личностных изменений.

Ключевые слова: каннабиноидная зависимость, психотические расстройства, когнитивные функции, личностные изменения.

Введение. По данным Организации Объединенных Наций около 4% населения мира злоупотребляют каннабиноидами. Кроме того, две трети являются лицами работоспособного возраста, а 10% от общего количества наркозависимых – молодежь. Употребление психотических препаратов, содержащих каннабиноиды, становится распространенным явлением во всем мире. 62% случаев наркотизации населения начинается именно с каннабиноидов, причем ежедневно их употребляют подростки от 10 до 60%, студенты от 2 до 7% [1].

В научных работах отечественной и зарубежной наркологии основное внимание уделялось изучению зависимости от психостимуляторов, наркотиков опийной группы, а на исследованиях, касающихся влияния каннабиноидов на изменения когнитивной сферы, становления зависимости от каннабиноидов, динамики развития влечения заинтересованности не отмечалось. В исследованиях, посвященных употреблению каннабиноидов, имеются определенные противоречия, отсутствует единое понимание возникновения заболевания, при этом не разработаны конкретные терапевтические программы. Это было обусловлено поверхностным отношением к ним, как к легким наркотическим веществам, вызывающим психические расстройства только при продолжительном их применении. Конопля содержит более 70 каннабиноидов, часть из них биологически активна. Наиболее активным считается транс-Д-9-тетрагидроканнабиол (ТГК), от количества которого зависит наркотический эффект. Но суммарный эффект действия конопли определяется всеми активными каннабиноидами.

В настоящее время значительно возрос интерес к наличию существующей взаимосвязи между употреблением каннабиноидов и психотическими проявлениями. Появление в последние десятилетия сильнодействующих сортов каннабиноидных веществ, более новых формул синтетических препаратов, а также препаратов комбинированного типа (каннами-метиков и меткатинонов) оказало значительное влияние на скорость развития зависимости.

Известно более 100 наименований синтетических каннабиноидов [2]. Среди них – 28 фенилацетилиндов [3]. Кроме этого культивируется употребление каннабиса с другими наркотическими веществами. Используемые в настоящее время синтетические каннабиноиды, появившиеся в 80-х гг., обладая высокой токсичностью, а также более наркогенным эффектом, вызывают тяжелые соматоневрологические осложнения. Высокая токсичность современных алкалоидов конопли приводит к росту количества пациентов с двойными диагнозами, разнообразными по своей клинической характеристике психотическими проявлениями, быстрым нарастанием психоорганического состояния, а в дальнейшем – к учащению резидуальных полиморфных психозов.

Ведутся многочисленные обсуждения и имеются публикации по этому вопросу, но только в некоторых научных работах дается четкий ответ на наличие конкретной связи употребления каннабиса и возникновения психоза, а также содержатся доказательства, касающиеся потенциальных рисков для здоровья. В других работах содержится более умеренная оценка данной ассоциации и считается, что каннабис сам по себе не вызывает психотические расстройства [4]. Указанные данные позволяют мотивировать усиление интереса к этой проблеме [5; 6].

Цель исследования. Изучить особенности течения психотических расстройств у пациентов с каннабиноидной зависимостью. Поставлены следующие задачи: провести анализ расстройств по данным УЗ «ВОКЦПН» г. Витебска, выявить факторы, способствующие формированию зависимости от каннабиноидов, особенности психотических проявлений, проанализировать по данным отдаленного катамнеза влияние зависимости на социальную адаптацию больных, их противоправную активность.

Материал и методы исследования. На базе УЗ «Витебский Областной клинический центр психиатрии и наркологии» обследовано 65 лиц, состоящих на учете с диагнозом «синдром зависимости от каннабиноидов» (первая группа), «синдром зависимости от каннабиноидов с психотическими расстройствами» (вторая группа), «синдром зависимости от сочетанного приема каннабиноидов и других психоактивных веществ» (третья группа).

Диагнозы были верифицированы международной классификацией психических болезней (МКБ-10) F-12.2, F-12.5, F-19.2 соответственно. Прием наркотических веществ подтверждался использованием тест-полосок.

В расшифровке диагнозов были использованы клинко-психиатрический и клинко-психологический методы исследования.

В обследованные группы входили лица мужского пола. Оценивались клинические, психологические, социальные данные, которые подвергались статистико-математическому анализу.

Результаты исследования и обсуждение. Средний возраст испытуемых составлял 24,4 года. С 18 до 24 лет было 38,5%, с 24 лет и выше – 61,5%. Во всех группах исследуемых были отмечены неблагоприятные условия воспитания. В полных семьях в 61% случаев воспитанием занималась мать, остальные 39% росли в неполных семьях и дети были предоставлены сами себе, большинство родителей страдали зависимостью от алкоголя (86,2%). Основной части испытуемых учеба давалась с трудом, только лишь у 18,5% средний бал составил 6,5.

Неоднократно в состоянии опьянения исследуемые задерживались милицией. 50,8% попадали в милицию за драки и употребление алкоголя или наркотических веществ. К уголовной ответственности, за распространение, хранение наркотиков и выращивание марихуаны однократно привлекались 23,1%, а повторно – 3,1% и только 4% за кражу и хулиганство.

79,3% употребляли только препараты марихуаны и синтетический каннабис, у 9,2% выявлено сочетанное употребление с опийными веществами, а 16,9 – с алкоголем.

В первую очередь необходимо отметить, что при проведении верификации употребления каннабиноидов основной акцент при установке диагноза делался на сведениях, полученных от пациента, который в любой момент может отказаться от предоставленных данных.

Объективно подтвердить употребление синтетических каннабиноидных веществ, а также конкретную связь с психотическими расстройствами бывает достаточно сложно и поэтому правильно принять решение можно только в последующем при сравнении всех субъективных и объективных данных, а в некоторых случаях, что весьма распространено, в диагнозе не указывается эта связь. Данная системная ошибка с предоставлением информации об употреблении довольно распространенная проблема, требующая решения. В первой группе испытуемых абстинентное состояние проявлялось в виде недомогания, слабости, разбитости, сердцебиения, незначительной потливости, головной боли или боли в области живота. На следующий день возникали тяжесть в области сердца, у некоторых сенестопатические проявления сдавливания, сжатия в висках, жжения и покалывания на поверхности кожи. У 6,3% наблюдалось выраженное плохое самочувствие, у 32,3% – выраженная слабость. Несмотря на абстинентные проявления у пациентов с имеющимся компульсивным влечением к наркотику, у 10,8% из них сохранялись приятные и положительные воспоминания об интоксикации. Более выраженные абстинентные проявления отмечены у лиц второй и третьей группы. У них наблюдались стойкая бессонница (почти до недели), боли в животе, головные боли, холодный липкий пот, диспептические расстройства. На высоте абстинентных явлений отмечались беспокойство и постоянное агрессивное поведение. Наблюдалось также сниженное настроение, которое сопровождалось тревогой, неопределенными страхами продолжительностью от 4 до 10 дней.

В. В. Шаповалов с соавт. [7] считают, что установлена причинная связь между употреблением каннабиноидов и развитием зависимости с дальнейшим развитием «каннабисного психоза» и шизофрении. Определено, что злоупотребление каннабиноидами влияет на обменные процессы, связанные с биосинтезом аминов, сопровождается повышенной раздражительностью и депрессией, а также может спровоцировать психические расстройства. В 2013 г. на ежегодном конгрессе Американской академии психиатрии зависимых состояний (American Academy of Addiction Psychiatry) были доложены данные о последствиях употребления синтетических каннабиноидов. По данным исследователей, эти вещества, прежде всего, способны вызывать симптомы, сходные с проявлениями шизофрении. К. Tunving [8] в своей работе сообщает о том, что употребление каннабиса может спровоцировать психические расстройства, что подтверждается 70 случаями «каннабисного психоза» в Швеции, которые наступили в результате хронического злоупотребления данных ПАВ растительного происхождения и сопровождались тревожными реакциями, ухудшением воспоминаний, дисфорическими реакциями; абстинентным синдромом [9]. В одной из работ, описывающих серию случаев, наблюдавшихся в Больничном центре Метрополитен (Metropolitan Hospital Center) в Нью-Йорке с сентября 2012 по февраль 2013 г., были изучены сведения о 50 больных, поступивших в состоянии интоксикации после употребления синтетических каннабиноидов. Почти у всех из них наблюдалось выраженное возбуждение, нарушения мышления, параноидный бред и агрессивное поведение. Были также выявлены суицидальные мысли, тревожность, депрессия. Верификация употребления проводилась по сообщению больного или члена семьи, так как объективные тесты на синтетические каннабиноиды недоступны. В отсутствие стандартных протоколов проводилось симптоматическое лечение антипсихотиками и бензодиазепинами, требовалась краткосрочная госпитализация до стабилизации состояния [9].

В нашем исследовании во второй группе пациентов длительность приема каннабиноидов была незначительной, от года до недели по сравнению с первой группой и третьей группой, и 85% лиц употребляли только синтетические каннабиноиды. Клинические наблюдения показывают, что в настоящее время острые последствия интоксикации могут представлять большую опасность, чем токсическое действие при продолжительном применении. Синтетические каннабиноиды или спайсы как раз и создают ситуацию выраженных проявлений интоксикации независимо от длительности их приема. Клиническая картина психотических проявлений была полиморфной. Нарушения сознания в виде спутанности и до делириоз-

ных расстройств с последующим частичным амнестическим компонентом в большей степени наблюдались у лиц, употребляющих синтетические каннабиноиды, а также и в группе с комбинированным приемом психоактивных препаратов. Галлюцинаторные проявления носили характер истинных обманов восприятия с картиной компьютерных игр или ситуационных моментов жизни пациентов, происходящих накануне психотического эпизода, иногда с императивным содержанием. Пациенты испытывали иллюзорные галлюцинации, когда окружающие предметы представляли для них угрозу или они относились к ним со значительным подозрением. Это обуславливало их поведение. Практически у всех пациентов (98%) отмечалось выраженное психомоторное возбуждение с агрессивными тенденциями по отношению к своим родственникам. Они разбивали стекла, зеркала, выбрасывали вещи через окно, высказывали угрозы и намерения нанести телесные повреждения в отношении окружающих. При госпитализации обнаруживали частичную дезориентировку, полное отсутствие критических возможностей, были импульсивны, иногда растеряны. Кроме того, у 32% пациентов второй и третьей группы наблюдался параноидный симптомокомплекс с отрывочными несистематизированными бредовыми идеями преследования, воздействия и дереализацией, выраженной тревогой, нарушением внимания и растерянностью. Купирование психотических состояний продолжалось от двух-трех дней до двух недель иногда с неполной критической оценкой прошлой симптоматики. Применялась симптоматическая терапия, направленная на нивелировку синдромальных признаков в зависимости от выраженности психотической симптоматики по отношению к каждому пациенту.

В литературе присутствуют различные взгляды на природу психопатологической симптоматики при каннабиноидной зависимости. Так, Sewell RA. et al. [10] отмечали, что лишь у небольшой части населения, которая подвергается воздействию каннабиса, развивается психотическое расстройство. Вполне вероятно, по их мнению, что воздействие каннабиса является «компонентной причиной», которая взаимодействует с другими факторами для «вызывания» шизофрении или другого психотического расстройства, но не является ни необходимой, ни достаточной, чтобы сделать это самостоятельно. И указывали на необходимость дальнейшей работы, необходимой для выявления факторов, лежащих в основе индивидуальной уязвимости к каннабиноид-связанному психозу, и для выяснения биологических механизмов, лежащих в основе этого риска. В то же время N.Van der Veer и J.Friday [11] наблюдали пациентов в возрасте 20–30 лет с выраженным психозом, развившимся после многократных употреблений курительных смесей, содержащих синтетические каннабиноиды. У всех предшествовавшей психиатрической патологии не выявлено. В моче больных какие-либо ПАВ или их метаболиты не определены. На протяжении 3–4 недель до поступления наблюдалось регулярное курение «Spice». У всех пациентов выявлены элементы бреда (отношения, преследования), обманы восприятия. У одного больного обнаружены элементы бреда подмены и склонность к суициду. Пациенты на протяжении не менее двух недель находились в психиатрическом стационаре. В схемы терапии включались галоперидол или рисперидон.

В постабстинентном периоде актуальными остаются волевые нарушения. Из-за нарушения мыслительных функций наблюдаются нарушения целенаправленности мотивационных посылов, отсюда и импульсивность и дискордантность поступков. По результатам экспериментально-психологического исследования были выделены общие, характерные черты у испытуемых. Им были свойственны поверхностность суждений, стремление быть в центре внимания, импульсивность, эмоциональная незрелость. В большинстве случаев отмечались неконформная установка, пренебрежение общественными нормами и по отношению к окружающим сопровождалось жестокостью и агрессивностью, склонность к риску с полной некритичностью к себе. Отчетливо выявлялись криминальные тенденции, лживость, низкое чувство ответственности, завышенная самооценка, снисходительное отношение к своим слабостям, что указывало на психопатоподобное поведение.

А. И. Дурандина [12] считала, что психопатизация является неотъемлемой частью изменений при второй стадии каннабиноидной наркомании. Описаны астенический, апатический и эксплозивный ее типы. Нейрофизиологические эффекты марихуаны можно разделить на острые и отставленные [13]. Острые эффекты связаны с состоянием интоксикации. Отставленные эффекты представляют собой воздействие «остатков наркотиков» вследствие их накопления в центральной нервной системе, проявляющееся в течение часов/дней после острой интоксикации, или же хроническую резидуальную токсичность, которая продолжает существовать после выведения наркотика из организма и представляет собой результат изменений в центральной нервной системе. Особо необходимо отметить нарушение когнитивных функций при употреблении марихуаны и особенно синтетических каннабиноидов. Получены убедительные доказательства острого и кратковременные воздействия на функции памяти и внимания, а также единственное долговременное влияние непосредственно на лобные структуры, участвующие в процессах внимания [14]. Каннабис значительно ухудшает познавательные функции. Отмечается снижение интеллекта, нарушение памяти. У обследованных пациентов наблюдалось нарушение абстрактного мышления, снижение его продуктивности, искажение ассоциативных процессов, обобщения, ригидности, некоторой стереотипности с нарушением продуктивного контакта. Обращает на себя внимание нецеленаправленность мыслительных операций, иногда с утратой смыслового компонента, нарушением синтетической составляющей. Высказывания пациентов сводятся к единичным словам или отдельным фразам, не отражающим содержательную сторону беседы.

Выводы.

1. Существующие сложности в верификации приема каннабиноидов, а также в установлении связи с последующим возникновением психотических расстройств в результате их приема требуют создания доказательных объективных методик.
2. Психотические проявления у пациентов с зависимостью от каннабиноидов в некоторой степени соответствовали клинической картине шизофреноформным психозам, что затрудняет дифференциальную диагностику данных расстройств.
3. По данным исследования, на процесс развития зависимости влияет отягощенная наркологическая наследственность, проблемы воспитания в семье.
4. Клиническая картина психозов отличается значительным полиморфизмом, который определяется формой потребления, видом алкалоидов конопли и комбинированным сочетанием с другими психоактивными веществами.
5. Прием спайсов и других синтетических препаратов конопли, с учетом их значительной токсичности, вызывает более тяжелые абстинентные и психотические расстройства.
6. Развитие психопатологической симптоматики, особенности ее проявления и купирования, наличие характерных синдромальных признаков указывают на токсико-экзогенный характер происхождения данных расстройств.
7. Симптоматика каннабиноидной зависимости от синтетических наркотических веществ может проявляться в виде острого делириозно-аментивного расстройства, в виде бредового симптомокомплекса, а также специфического нарушения мышления, снижения когнитивных функций и личностных изменений.

Список использованных источников

1. Каннабиноиды, фармакологические свойства и перспективы их применения в медицине / С. А. Андронати [и др.] // Вісник психіатрії та психофармакотерапії. – 2012. – № 1. – С. 25–35.
2. Прекурсоры под контролем государства. URL. – Режим доступа : <http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/news/2011/1028/005315588/detail.shtml>. – Дата доступа : 30.03.2017.
3. Huffman J. W., Szklennik P. V., Almond A., Bushell K., Selley D. E., He H., Cassidy M. P., Wiley J. L., Martin B. R. 1-Pentyl-3-phenylacetylindoles, a new class of cannabimimetic indoles // Bioorg. Med. Chem. Lett. – 2005. – Vol. 15, № 18. – P. 4110–4113.

4. Ksir C, Hart CL Cannabis and Psychosis : a Critical Overview of the Relationship. Curr Psychiatry Rep. 2016 Feb;18(2):12.
5. Дудин, И. И. Зависимость от каннабиноидов в структуре сочетанной психической патологии по данным отдаленного катамнеза : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / И. И. Дунин. – М., 2009.
6. Grella, C. E., Hser, Y. I., & Hsieh, S. (2003). Predictors of drug treatment re-entry following relapse to cocaine use in DATOS. Journal of Substance Abuse Treatment, 25(3).
7. Судебно-фармацевтические аспекты проблемы каннабиноидной зависимости от психоактивных веществ растительного происхождения в России и Украине / В. В. Шаповалов [и др.] // Научные Вестники. Серия Медицина. Фармация. – 2014. – № 4 (175). – Вып. 25. – С. 221–226.
8. Tunving, K. Psychiatric effects of cannabis use / K. Tunving // Acta Psychiatr Scand. – Sep 1985. – N. 72(3). – P. 209–17.
9. Всемирный доклад о наркотиках 2013 : каннабис [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.unodc.org/wdr/en/cannabis.html>. – Дата доступа : 30.03.2017.
10. Sewell RA, Ranganathan M, D'Souza DC. Cannabinoids and psychosis. Int Rev Psychiatry. 2009 Apr; 21(2) :152–62.
11. Van der Veer N., Friday J. Persistent psychosis following the use of Spice // Schizophr. Res. – 2011. – Vol. 130, № 1–3. – P. 285–286.
12. Дурандина, А. И. Клиника, лечение и профилактика гашишизма : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / А. И. Дурандина. – Фрунзе, 1968.
13. Pope HG, Gruber AJ, Yurgelun-Todd D. The residual neuro-psychological effects of cannabis : the current status of research. Drug Alcohol Depend 1995; 38 : 25–34.
14. Anthony Klugman, John Gruzeli, Chronic cognitive impairment in users of «ecstasy» and cannabis, WorldPsychiatry 2003; 2:3 – October, 184–190.

Дата поступления: 03.04.2017

A. S. Bogdanov

Candidate of Medical Sciences
Vitebsk State Medical University
Vitebsk, Belarus

PSYCHOPATHOLOGICAL DISORDERS OF PERSONS WITH THE DEPENDENCE OF CANNABINOIDS

An attempt was made to investigate the features of the course of psychotic disorders in 65 patients and to analyze the factors contributing to the formation of dependence on cannabinoids. The influence of burdened narcological heredity, the presence of family education problems on the process of dependence development was established. The main mental disorders in the cannabinoid dependence manifested itself in the form of acute delirio-ament disorder, delusional symptom complex, as well as specific disturbance of thinking, reduction of cognitive functions and personality changes.

Keywords: cannabinoid dependence, psychotic disorders, cognitive functions, personality changes.

**СУДЕБНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

**АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

УДК 681.3+004.658.6+343.98

В. В. Ревинский

доктор технических наук, доцент

E-mail: vvrevinski@mail.ru

Д. Е. Кузменков

E-mail: kuzmenkou-11@inbox.ru

Ю. Ю. Лысянный

E-mail: yyl@mail.ru

А. Н. Хох

E-mail: lann1hoh@gmail.com

НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РАБОЧЕГО МЕСТА «DENDROEXP»

В статье рассмотрены структура и основные составляющие программного обеспечения автоматизированного рабочего места «DendroExp», освещены вопросы создания категорий учета в контексте специфики дендрохронологических экспертных исследований и связанные с ними проблемы формализации и кодификации представления информации, выявлены основные требования к полноценному формированию и функционированию учетных карт.

Ключевые слова: автоматизированное рабочее место, база данных, категория учета, программное обеспечение, судебно-ботаническая экспертиза с использованием дендрохронологического анализа, учетная карта.

Судебно-ботаническая экспертиза с использованием дендрохронологического анализа (СБЭ ДА) занимает важное место среди различных видов экспертиз, назначаемых в практике дознания, следствия и судопроизводства по фактам, связанным с незаконным лесопользованием. Стоит отметить, что данный вид экспертных исследований ввиду своей трудоемкости требует создания высокоэффективных автоматизированных экспертных систем для сокращения затрат времени как на сами исследования, так и на оформление результатов экспертиз.

При проведении судебно-ботанических экспертиз с использованием дендрохронологического анализа решаются следующие задачи:

- определение возраста дерева;
- установление сроков гибели/рубки дерева (календарный год и сезон года);
- определение жизненного состояния дерева, в том числе являлось ли оно жизнеспособным на момент рубки;
- установление экологических условий произрастания деревьев и групп лесных формаций;
- установление целого по частям (тождества) при наличии общей линии разделения;
- установление целого по частям (сходства) при отсутствии общей линии разделения;
- отождествление участка местности, на котором выросло исследуемое дерево.

В подавляющем большинстве их решение базируется на предварительной переработке большого объема информации и проведении сложных расчетов, выполнение которых обычными средствами требует длительного времени.

Для ускорения выполнения работ по проведению дендрохронологических экспертных исследований было разработано автоматизированное рабочее место (АРМ) «DendroExp» [1]. При его создании частично использованы наработанные процедуры обработки научной дендрохронологической информации [2–4]. Специфика созданного АРМ напрямую связана с функциями долговременного хранения больших массивов дендрохронологических данных, на основе которых решается подавляющее большинство задач СБЭ ДА.

Разработанное программное обеспечение для реализации экспертных исследований по обработке дендрохронологической информации выполнено в виде различных категорий учета:

- основные:
 - по экспертизам;
 - по древесно-кольцевым хронологиям (ДКХ);
- дополнительные к ДКХ:
 - по исследуемым образцам;
 - по образцам сравнения.

Категории учета предназначены для интеграции информационных потоков, и в частности детальной структуризации данных, без которых невозможно было бы производить поиск нужной информации. Они позволяют сохранять все сведения о конкретных объектах экспертного исследования. Следует подчеркнуть, что в «DendroExp» предусмотрена возможность переноса данных из одной категории учета в другую.

Категория учета экспертиз содержит описательную часть, в которую вносится значимая индивидуальная экспертно-криминалистическая информации об объектах конкретной СБЭ ДА (рисунок 1).

Данная категория содержит учетные карты по исследуемым образцам и образцам сравнения. К ним помимо общей описательной части прикрепляются произвольное количество файлов, содержащих:

The screenshot displays a software window titled 'Операции' (Operations) and 'Параметры' (Parameters). Below the title bar are three buttons: 'Поиск' (Search), 'Очистить поля поиска' (Clear search fields), and 'Выход' (Exit). The main area is divided into tabs, with the first tab '1. Основные данные' (1. Basic data) selected. This tab contains a form with the following fields and controls:

- № экспертизы** (Expertise number): A text input field with a yellow background, followed by a range selector 'с: [] по: []'.
- Заключение/справка** (Conclusion/Statement): A dropdown menu.
- Дата поступления** (Date of receipt): A date field with a calendar icon, followed by a range selector 'с: [] по: []'.
- Дата выдачи эксперту** (Date of issuance to expert): A date field with a calendar icon, followed by a range selector 'с: [] по: []'.
- Исполнил** (Executed by): A text input field.
- Предоставленные в распоряжение эксперта объекты** (Objects provided to the expert's disposal): A text input field.
- Дата поступления дополнительных материалов** (Date of receipt of additional materials): A date field with a calendar icon, followed by a range selector 'с: [] по: []'.
- Дата завершения экспертизы** (Date of completion of expertise): A date field with a calendar icon, followed by a range selector 'с: [] по: []'.

– исходные изображения каждого из представленных на экспертизу образцов древесины (спилов, фрагментов, буровых кернов в стандартных графических форматах (*.bmp, *.tiff, *.jpeg и т. д.);

– измеренные с помощью специализированного модуля АРМ «DendroExp» [5] параметры радиального прироста (общей ширины годичных слоев, ширины зон поздней и ранней древесины);

– усредненные индивидуальные древесно-кольцевые хронологии (ДКХ) для каждого образца по общей ширине годичных слоев;

– усредненные индивидуальные ДКХ для каждого образца по ширине зон поздней древесины;

– усредненные индивидуальные ДКХ для каждого образца по ширине зон ранней древесины;

– усредненные ДКХ для всех представленных на экспертизу образцов по общей ширине годичных слоев;

– усредненные ДКХ для всех представленных на экспертизу образцов по ширине зон поздней древесины;

– усредненные ДКХ для всех представленных на экспертизу образцов по ширине зон ранней древесины.

Следует отметить, что автоматизированное ведение категории учета по экспертизам не допускается без обеспечения специальными средствами архивирования, контроля и защиты от несанкционированного доступа к учетным данным.

Для решения одной из наиболее сложных задач в СБЭ ДА, связанной с идентификацией происхождения древесины, в АРМ «DendroExp» существует категория учета по древесно-кольцевым хронологиям.

Структура учетных карт по ДКХ состоит из описательной части, произвольного количества файлов с цифровыми изображениями образцов древесины (буровых кернов), соответствующих каждому образцу кодовых характеристик радиального прироста и усредненной кодовой характеристики, необходимой для дальнейшей процедуры сравнения для получения коэффициента сходства.

Необходимо особо выделить, что, поскольку в подавляющем большинстве случаев вариативность данных имеет конечное число и заранее известные формы проявлений, то есть, эти данные используются неоднократно, они были организованы в соответствующие раскрывающиеся списки, из которых пользователь затем самостоятельно выбирает нужный элемент.

Описательная часть представлена на рисунке 2.

Описательная часть учетной карты состоит из 24 полей, подлежащих заполнению отдельно для каждой пробной площади.

1. Дата отбора образцов – заполняется число, месяц и год, когда были отобраны образцы древесины.

2. Количество – указывается количество деревьев, с которых были отобраны образцы древесины. Обычно – 15–25 деревьев одного вида по 2 образца с 1 дерева.

3. Порода – заполняется родовое и видовое название (например, название рода – сосна, название вида – обыкновенная).

4. Координаты – вносится широта и долгота для географической идентификации пробной площади.

5. Высота над уровнем моря – заполняется для оценки погодичной вариабельности параметров радиального прироста; показывает, на каком уровне относительно принятого за ноль уровня моря находится заложенная пробная площадь.

6. ГПЛХО – государственное производственное лесохозяйственное объединение – выбирается наименование из выпадающего списка (рисунок 3);

Поиск

Операции Параметры

Поиск Очистить поля поиска Выход

1. Основные данные

Дата отбора образцов с: [] по: []

Количество с: [] по: []

Порода []

Координаты

Н гр. с: [] по: []

мин. с: [] по: []

Е гр. с: [] по: []

мин. с: [] по: []

Высота над уровнем моря с: [] по: []

ГПЛХО []

Лесхоз []

Лесничество []

Особо охраняемые природные территории []

Формация []

Тип леса []

ТУМ (Тип условий местопрорастания) []

Состав []

Средний возраст с: [] по: []

Класс возраста []

Пределы вариации с: [] по: []

Бонитет []

Класс Крафта с: [] по: []

Полнота с: [] по: []

Средняя высота древостоя (м) с: [] по: []

Средний диаметр древостоя (см) с: [] по: []

Санитарное состояние древостоя []

Происхождение []

Дополнительная информация []

Рисунок 2 – Описательная часть учетной карты по ДКХ

ГПЛХО []

Лесхоз

Лесничество

Особо охраняемые природные

Брестское ГПЛХО
Витебское ГПЛХО
Гомельское ГПЛХО
Гродненское ГПЛХО
Минское ГПЛХО
Могилевское ГПЛХО

Рисунок 3 – ГПЛХО Республики Беларусь

7. Лесхоз – выбирается наименование из выпадающего списка (рисунок 4);

Рисунок 4 – Перечень лесхозов, входящих в состав Брестского ГПЛХО

8. Лесничество – выбирается наименование из выпадающего списка (рисунок 5);

Рисунок 5 – Лесничества, входящие в состав Дрогичинского лесхоза

Информация, содержащаяся в пунктах 6–8, заполняется последовательно и позволяет привязать конкретное месторасположение пробной площади к административно-территориальным границам.

9. Особо охраняемые природные территории – поле заполняется в том случае, если отбор образцов древесины производился на территории Национальных парков, заповедников или заказников Республики Беларусь. Сведения представлены в виде выпадающего списка (рисунок 6);

Рисунок 6 – Список особо охраняемых природных территорий Республики Беларусь

10. Формация – вносятся сведения об основной лесообразующей породе на пробной площади (по доминантам основного яруса).

11. Тип леса – в поле вносится информация, характеризующая тип лесорастительных условий на пробной площади. Наименование типа леса состоит из названия преобладающей древесной породы и преобладающего в напочвенном покрове растения. Например, сосняк кисличный, ельник снытевый и т. д.

12. ТУМ (Тип условий местопроизрастания) – в поле приводятся 2 показателя: а – трофность (А – боры, В – суборы, С – сложные суборы, D – дубравы); б – увлажнение (0 – очень сухие, 1 – сухие, 2 – свежие, 3 – влажные, 4 – сырые, 5 – болота). Например, свежая дубрава – D2, сухой бор – А1.

13. Состав – вносят информацию о том, какую долю в исследуемом древостое составляет каждый отдельный вид. Доля видов выражается в баллах (от 1 до 10), название видов сокращается до одной или двух букв (С – сосна, Ос – осина и т. д.). Например, внесенная в поле информация 10С+Б означает, что в древостое кроме сосны имеется незначительная примесь березы.

14. Средний возраст – в поле приводится арифметическое среднее возрастов исследуемых деревьев (обычно для расчета используется 10 деревьев).

15. Класс возраста – в поле приводятся римские цифры, характеризующие число лет, в пределах которых лес хозяйственно однороден: I–II – молодняки; III – средневозрастные; IV – приспевающие; V – спелые; VI–VII и выше – перестойные.

16. Пределы вариации – информация вносится, если деревья в исследуемом насаждении имеют разницу в возрасте.

17. Бонитет – в поле заносится порядковый номер, обозначаемый римскими цифрами, который характеризует качество условий произрастания леса (I класс означает лучшие условия произрастания, последующие (II, III, IV, V) – их постепенное ухудшение).

18. Класс Крафта – вносится информация, характеризующая степень господства и угнетенности деревьев на пробной площади, с которых были отобраны образцы древесины.

Для получения дендрохронологической информации выбираются господствующие деревья только высших классов Крафта (I–III):

I – исключительно развитые растения первого яруса, имеющие наилучший рост;

II – растения первого яруса хорошего роста и развития;

III – растения первого яруса умеренного развития с более слабо развитыми кронами, чем у растений I и II класса.

19. Полнота – в поле вносится числовое значение, которое характеризует степень занятости пространства деревьями в насаждении (от 0,1 до 1). Например, полнота 1 (наивысшая) определяется в том случае, если в просветы между деревьями нельзя поместить деревья таких же размеров; полнота 0,2 – если к имеющимся деревьям нужно добавить 0,8 часть их количества, чтобы получить насаждение с полнотой, равной 1, и т. д.

20. Средняя высота древостоя – в поле вносится среднеарифметическая величина высот 3–5 деревьев в исследуемом древостое, близких к средним.

21. Средний диаметр древостоя – поле, в которое вносится среднеарифметическая величина диаметров ствола деревьев (на высоте 1,3 м), у которых производился отбор образцов древесины.

22. Санитарное состояние древостоя – необходимая информация выбирается из выпадающего списка (рисунок 7);

23. Происхождение – в поле из выпадающего списка выбирается один из двух вариантов заполнения: естественное или искусственное.

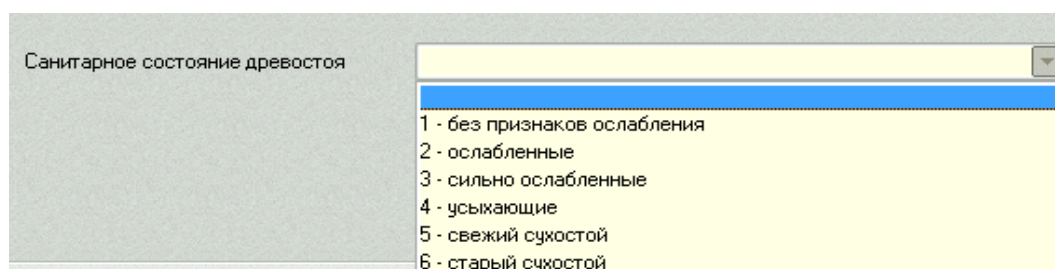
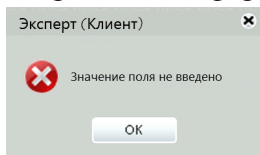

Рисунок 7 – Выпадающий список для поля «Санитарное состояние дерева»

24. Дополнительная информация – поле предусмотрено для тех случаев, когда имеются вспомогательные материалы (описание подроста и подростка, наличие антропогенного воздействия, описание почв, перечетные ведомости и пр.).

Следует отметить, что подчеркнутые поля учетных карт по ДКХ и образцам сравнения являются обязательными для заполнения. Если один из подчеркнутых пунктов не будет заполнен, то при попытке сохранения информации о пробной площади в базу появится окно,

содержащее сообщение. В этом случае необходимо нажать кнопку «ОК» и для продолжения работы заполнить обязательные поля.

В рамках созданной учетной карты по ДКХ синтезирована процедура кодификации дендрохронологической информации. Так, данные по каждой ДКХ размещаются в отдельном файле, которому в качестве имени присваивается код хронологии. В АРМ «DendroExp» применяется логичная система кодирования древесно-кольцевых хронологий, которая может быть в дальнейшем легко интегрируема в международные базы, например в Международный банк данных годовичных колец (International Tree Ring Data Bank, ITRDB) [6]. Все буквенные обозначения за исключением фамилий даются на латинском языке. Пример генерирования кода приведен на рисунке 8.

Кузменков-Krinka,Osipovich-PiSy-BCTRDB-BY-001

↓	↓	↓	↓	↓	↓
1	2	3	4	5	6

1 – фамилия основного исполнителя (например, Кузменков Дмитрий Евгеньевич);

2 – название ближайшего населенного пункта, урочища, лесхоза (например д. Крынка,

Осиповичский л-з); 3 – по две первые буквы родового и видового названия древесного растения (*Pinus sylvestris* L.); 4 – аббревиатура из заглавных букв базы данных (например, Belarus Criminalistic Tree Ring Data Bank); 5 – аббревиатура страны; 6 – номер хронологии

Рисунок 8 – Расшифровка кода ДКХ

Необходимо особо выделить, что, несмотря на тот факт, что категория учета по ДКХ предназначена для экспертов, информация содержащаяся в ней, может использоваться также и лесоводами, историками, археологами, музейными работниками и другими специалистами, в работе которых время от времени возникает необходимость в идентификации происхождения древесины и изделий из нее.

В общей сложности в разработанных категориях учета АРМ «DendroExp» хранятся все необходимые для производства СБЭ ДА данные. Процедуры поиска по обязательным полям учетных карт позволяют эффективно в реальном масштабе времени извлекать необходимую информацию. Вся поступающая в АРМ информация учитывается и систематизируется, постоянно пополняется и корректируется, что дает возможность проводить не только судебно-экспертные исследования, но и является основой для создания общереспубликанской базы данных для дальнейших изысканий в области дендрохронологии, дендроклиматологии, экологии и др.

Таким образом, программное обеспечение АРМ «DendroExp» позволяет эффективно решать существующие актуальные задачи СБЭ ДА. Категории учета содержат необходимый набор текстовых, числовых и графических данных о проведенных дендрохронологических экспертных исследованиях, представляют их в удобном, структурированном виде, дают возможность быстрого доступа к данным для их визуального отображения и проведения операций, связанных с анализом и классификацией.

Список использованных источников

1. Концепция автоматизированного рабочего места по обработке дендрохронологической информации, используемой при производстве экспертиз объектов растительного происхождения / Д. Е. Кузменков [и др.] // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А. В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2016. – Вып. 1/39. – С. 154–157.
2. Майорова, Е. И. Концептуальные основы судебно-биологической экспертизы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е. И. Майорова. – М., 1996. – 347 л.
3. Попов, В. Н. Технология вычислительных кластеров в задачах дендрэкологической диагностики / В. Н. Попов, И. А. Ботыгин, В. А. Тартаковский // Оптика атмосферы и океана. – 2005. – Т. 18. – № 01-02. – С. 114–119.
4. Ботыгин, И. А. Система удаленного интерактивного анализа экспериментальных данных в области дендрэкологии / И. А. Ботыгин // Экология и безопасность жизнедеятельности : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2002. – С. 237–239.
5. Кузменков, Д. Е. Применение специализированных средств АРМ «DendroExp» для количественной оценки параметров радиального прироста при проведении дендрохронологических экспертных исследований / Д. Е. Кузменков, Ф. А. Сиверский, А. Н. Хох // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол. : А. В. Дулов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2016. – Вып. 2/40. – С. 179–185.
6. International Tree Ring Data Bank (ITRDB). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://data.noaa.gov/dataset/international-tree-ring-data-bank-itrdp>. – Дата доступа : 09.01.2017.

Дата поступления: 21.03.2017

V. V. Revinskiy

Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

D. E. Kuzmenkov

Y. Y. Lisianniy

A. N. Khokh

SPC of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
Minsk, Belarus

SPECIFICITIES OF THE SOFTWARE FOR THE AUTOMATED WORKSTATION «DENDROEXP»

The article describes the structure and the main components of the software for the automated workstation «DendroExp». It also highlights the issues of the creation of the categories of registration in the context of peculiarities of dendrochronological forensic examinations and the associated problems of formalization and codification of information, and identifies core requirements for the full-fledged development and performance of the registration cards.

Keywords: automated workstation, database, category of recording, software, forensic botanical examination with the application of dendrochronological analysis, registration card.

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА

УДК 340.6

Л. Л. ТарнаповичE-mail: usme_grodno@sudexpert.gov.by**П. В. Мякиш**E-mail: usme_grodno@sudexpert.gov.by**М. А. Федута**E-mail: osge_grodno@sudexpert.gov.by

Управление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
по Гродненской области
г. Гродно, Беларусь

СЛУЧАЙ СМЕРТИ ОТ АРИТМОГЕННОЙ ДИСПЛАЗИИ (КАРДИОМИОПАТИИ) ПРАВОГО ЖЕЛУДОЧКА В СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматривается случай посмертной диагностики редко встречающегося в судебно-медицинской практике заболевания – аритмогенной дисплазии (кардиомиопатии) правого желудочка (АДПЖ). Затронуты вопросы истории, этиологии, патогенеза, клиники, патологической анатомии, методов диагностики данной патологии. Целью нашей работы является обмен экспертным опытом, повышение уровня экспертной грамотности в посмертной диагностике редких заболеваний в случаях внезапной сердечной смерти лиц молодого возраста.

Ключевые слова: аритмогенная дисплазия правого желудочка, АДПЖ, кардиомиопатия, аритмия, болезнь Фонтейна, внезапная смерть, внезапная сердечная смерть.

Экспертам в судебно-медицинской практике порой приходится сталкиваться со случаями смерти людей, имеющих наследственные (хромосомные) заболевания. В подавляющем большинстве случаев наследственные заболевания (синдромы) имеют ряд характерных фенотипических признаков, хорошо изучены, легко узнаваемы и диагностируются у пациентов прижизненно.

Аритмогенная дисплазия (кардиомиопатия) правого желудочка (АДПЖ, болезнь Фонтейна) встречается не часто, но играет важную роль в структуре скоропостижной смерти лиц молодого возраста. Это заболевание характеризуется прогрессирующим замещением миокарда правого желудочка сердца жировой и соединительной тканью, которое приводит к нарастающей дисфункции правого желудочка и желудочковым нарушениям сердечного ритма.

Впервые заболевание описано в 1977 г. (G. Fontaine и соавт.) [1], термин «аритмогенная правожелудочковая кардиомиопатия» предложен в 1982 г. (F. I. Marcus и соавт.) [2]. Впоследствии АДПЖ была включена экспертами ВОЗ в группу кардиомиопатий [3].

Авторы приводят различную частоту встречаемости данной патологии: от 2 до 6 случаев на 10 000 населения, при этом описывается и частота встречаемости до 44 случаев на 10 000 населения в отдельных регионах [4; 5]. АДПЖ преимущественно обнаруживается у лиц до 40 лет, чаще у мужчин (4:1) [3; 4; 6]. E. Larsson и соавт. [7], изучив результаты 16 аутопсий внезапно умерших молодых спортсменов, установили, что признаки АДПЖ имелись у каждого четвертого из них.

Большинство авторов считает АДПЖ генетически гетерогенным наследственным заболеванием, при этом в литературе описаны аутосомно-доминантные и аутосомно-рецессивные типы наследования с различным уровнем пенетрантности. Мутантные гены, ассоциированные с развитием АДПЖ, выявлены в 14 [q23-24], 17, 12, 18 [q21] хромосомах [4]. Указанные мутации приводят к нарушению структуры белков клеточной адгезии, входящих в структуру десмосом, обеспечивающих механические связи между кардиомиоцитами. Считается, что дефектные десмосомы не могут обеспечить нормального сцепления кардиомиоцитов во вставочных дисках, особенно в условиях механического стресса, вызванного физическими нагрузками, что приводит к расширению межклеточных пространств, дегенерации и апоптозу кардиомиоцитов с прогрессирующим их замещением фиброзно-жировой тканью [8; 9]. Изучается также роль инфекционных (вирусных) агентов в развитии и прогрессировании АДПЖ.

На начальных этапах АДПЖ имеет скрытое течение, клинически себя не проявляя, однако даже на этой стадии возможно наступление внезапной сердечной смерти в результате фибрилляции желудочков. При прогрессировании АДПЖ у больных выявляются проходящие нарушения ритма сердца в виде желудочковой экстрасистолы и желудочковой тахикардии, больных беспокоят приступы сердцебиения, головокружение, боли в области сердца, возникают синкопальные состояния. Впоследствии развивается клиника правожелудочковой сердечной недостаточности. Непосредственной причиной наступления смерти у больных АДПЖ чаще всего является развитие фибрилляции желудочков во время пароксизма желудочковой тахикардии.

Макроскопически АДПЖ проявляется истончением миокарда правого желудочка с локальной или генерализованной дилатацией правого желудочка. Наиболее характерно обнаружение изменений в так называемом «треугольнике дисплазии», описанном в 80-х гг. прошлого столетия [3], условными углами которого являются: заднебазальная стенка правого желудочка (субтрикуспидальная зона), выносящий тракт и верхушка правого желудочка.

Гистологически выявляется субтотальное замещение миокарда правого желудочка жировой и фиброзной тканью с рассеянными включениями сохранившихся групп кардиомиоцитов. Жировое перерождение миокарда распространяется чаще от эпикардиальных слоев к эндокарду. Различают два гистологических варианта АДПЖ: жировой и фиброзно-жировой [4; 10]. В первом случае происходит трансмуральная инфильтрация миокарда правого желудочка жировой тканью, стенка правого желудочка может оставаться нормальной толщины, а в некоторых случаях происходит ее «псевдогипертрофия». При втором варианте АДПЖ стенка правого желудочка истончается, особенно в проекции «треугольника дисплазии», формируются аневризмы сердца [8]. Также гистологически могут выявляться: фиброз эндокарда, гистиоцитарная и лимфоцитарная воспалительная инфильтрация миокарда с очагами некроза (чаще при фиброзно-жировом типе АДПЖ). В некоторых случаях в процесс частично вовлекается левый желудочек и межжелудочковая перегородка.

В прижизненной диагностике АДПЖ имеет значение выявление в ходе обследования следующих признаков: дилатация и снижение фракции выброса правого желудочка при отсутствии вовлечения левого желудочка, обнаружение аневризм правого желудочка, регионарная гипокинезия правого желудочка, ЭКГ-признаки (эпсилон-волна или ограниченное расширение комплекса QRS в правых грудных отведениях, инвертированный зубец Т в правых грудных отведениях при отсутствии блокады правой ножки пучка Гиса у лиц старше 12 лет, желудочковая тахикардия с признаками блокады левой ножки пучка Гиса, частые желудочковые экстрасистолы), семейный характер заболевания и др. [4; 11]. На современном этапе наиболее информативными являются такие методы исследования, как магнитно-резонансная томография, рентгеноконтрастная вентрикулография и биопсия миокарда.

Предлагаем вашему вниманию случай смерти молодого мужчины, у которого при жизни не была диагностирована АДПЖ. Мужчина М., 29 лет, скоропостижно скончался в магазине до приезда скорой медицинской помощи. Решением следственных органов труп был направлен для вскрытия в судебно-медицинский морг УСМЭ УГКСЭ по Гродненской области.

Из медицинской карты амбулаторного больного известно, что М. наблюдался с 2013 г. терапевтом и кардиологом. Предъявлял жалобы на ноющие боли в сердце, учащенное сердцебиение. На основании ЭКГ и холтеровского исследования выставлен диагноз: «Синусовая тахикардия, частые желудочковые экстрасистолы, единичные наджелудочковые экстрасистолы». При холтеровском обследовании от 01.02.2013 было выявлено: «За период мониторингирования (24 часа 11 минут) был зарегистрирован 104 631 комплекс. Средняя частота сердечных сокращений (ЧСС) составила 64 в минуту. В дневное время ЧСС составила 77 в минуту. В ночное время (01.00–08.20) средняя ЧСС составила 58 в минуту. Циркадный индекс = 1,3. Максимальная ЧСС 124 в минуту, что соответствует 63% от максимальной возрастной ЧСС. В течение суток регистрировался синусовый ритм, эпизоды миграции водителя ритма, эпизоды предсердного ритма, синдром ранней реполяризации. Зарегистрированы 1283 желудочковые экстрасистолы, в том числе по типу бигеминии, 23 парные желудочковые экстрасистолы, 8 наджелудочковых экстрасистол. Зарегистрированы три эпизода вегетативной дисфункции синусового узла с паузой 1598–1643 мс, две из них с выскальзывающим замещающим предсердным ритмом. Зарегистрирована постоянная инверсия зубца Т в области передней стенки левого желудочка. Ишемических изменений сегмента S-T не выявлено. Субмаксимальная ЧСС не достигнута». В 2016 г. наблюдался кардиологом с диагнозом «Артериальная гипертензия 1 степени, риск 2. Частая желудочковая экстрасистолия: одиночные (1734), парные (14). Атриовентрикулярная блокада 2 степени, 2 тип (пауза = 1836 мс)». Пациент был обследован урологом, оториноларингологом. В течение 2016 г. четырежды проведены холтеровские исследования, при которых фиксировались нарушения ритма, подобные вышеописанным. При проведении эхокардиографии: в 2015 г. – «явной клапанной патологии не выявлено», в 2016 г. – «обнаружены признаки аритмии».

При наружном исследовании отмечено среднее (нормостеническое) телосложение, удовлетворительное питание умершего. Трупное окоченение было хорошо выражено во всех, обычно исследуемых, группах мышц. Кожа лица бледно-синюшная. Каких-либо пороков развития, стигм дисэмбриогенеза не выявлено. При внутреннем исследовании: вес сердца составил 480 г, размеры – 10,5 × 12 × 6 см. Наружная оболочка сердца гладкая, блестящая, с единичными мелкоточечными красными кровоизлияниями. Полость правого желудочка сердца резко расширена. Периметр правого желудочка сердца в средней трети 19 см, на уровне предсердно-желудочкового клапана – 14 см. Периметр левого желудочка в средней трети – 12 см. В полостях сердца следы жидкой темно-красной крови. Клапаны сердца и крупных его сосудов тонкие полупрозрачные. Внутренняя оболочка сердца гладкая, блестящая. Трабекулярные и сосочковые мышцы левого желудочка рельефны, сухожильные нити не укорочены. В полости правого желудочка видны множественные тонкие, нитевидные дополнительные сухожильные хорды, расположенные поперечно, косо-поперечно и продольно, во многих местах перекрещиваются между собой, образуя сетчатую структуру. Трабекулярные мышцы правого желудочка гипертрофированы. Толщина стенки левого желудочка от 1,7 см в верхних отделах до 0,7 см в нижних отделах; межжелудочковой перегородки – 1,6 см; правого желудочка – 0,1 см. На разрезах мышца левых отделов сердца и межжелудочковой перегородки сердца (рисунок 1) красно-коричневая, дряблая, с единичными белесоватыми мелкими включениями, неравномерно кровенаполнена. Практически на всем протяжении мышца правого желудочка сердца с распространением на область верхушки сердца и нижней трети межжелудочковой перегородки замещена соединительной и жировой тканью желтовато-белесоватого цвета, неравномерно плотной на ощупь (рисунок 2). На поперечных разрезах венечные сосуды спавшиеся, стенки их не утолщены, внутренние оболочки белесоватые, гладкие. Со стороны других внутренних органов макроскопических патологических изменений не выявлено. При судебно-медицинском исследовании трупа и судебно-гистологической экспертизе обнаружены признаки острой сердечно-сосудистой недостаточности: контрактурные повреждения кардиомиоцитов 1–2 степени, интерстици-

альный отек миокарда, интраальвеолярный отек, интраальвеолярные кровоизлияния, отек головного мозга, диапедезные кровоизлияния в веществе мозга, интерстициальный отек печени, венозное полнокровие органов.

Рисунок 1 – Левый желудочек сердца на разрезе

Рисунок 2 – Правый желудочек сердца на разрезе

При световой микроскопии (гистологическое исследование) установлены следующие изменения (рисунок 3а, б, в; об. 3.2×10): очаговое венозное полнокровие, эритростаз, спазм, дистония артерий; в миокарде левого желудочка – единичные малые участки заместительного разрастания волокнистой, жировой соединительной ткани, очаговая умеренная гипертрофия, участки гипотрофии, вакуольной дистрофии кардиомиоцитов, контрактурных повреждений кардиомиоцитов 1–2 степени; в миокарде правого желудочка – очаги заместительного разрастания волокнистой, жировой соединительной ткани, очаговая гипертрофия кардиомиоцитов; отек стромы.

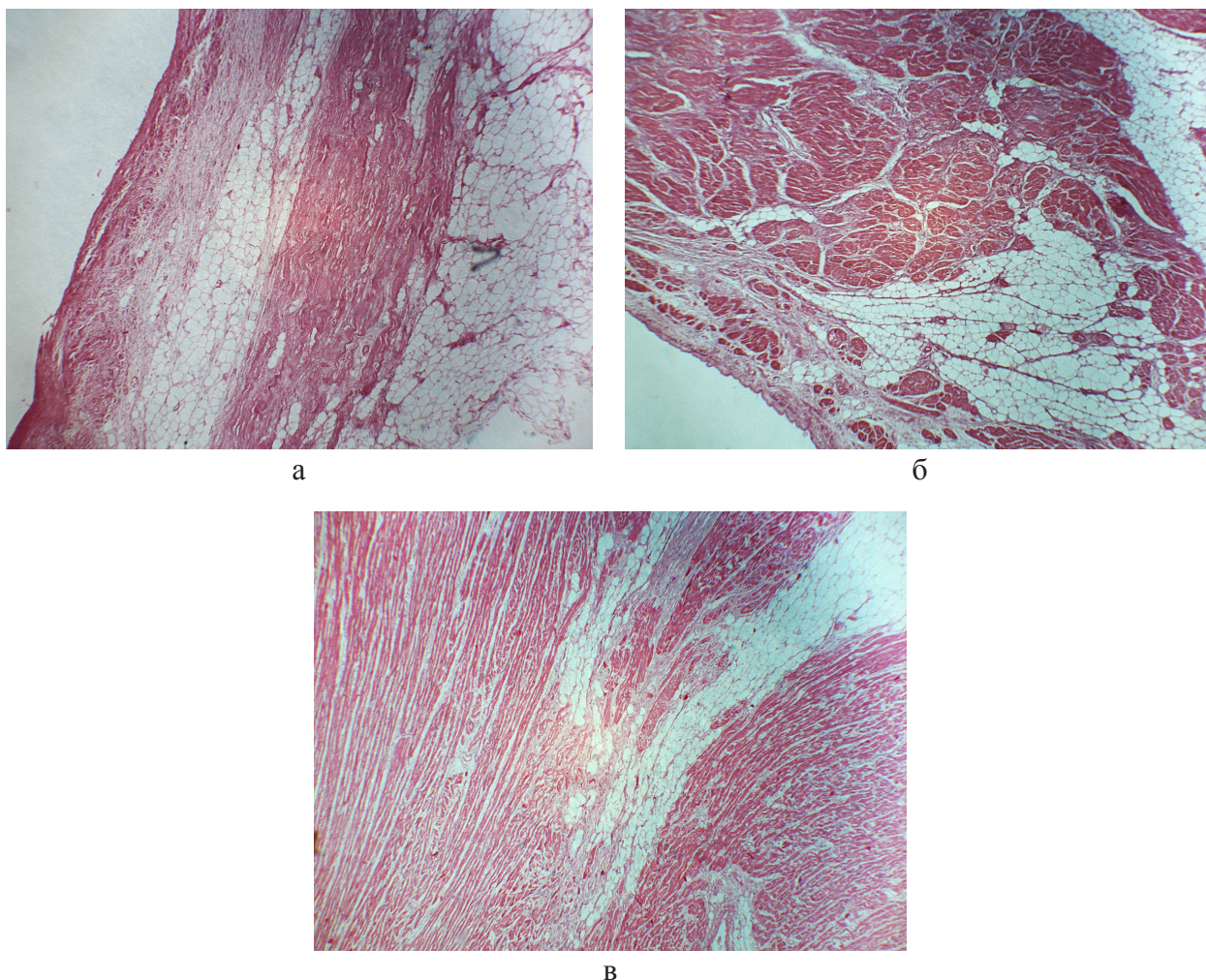

Рисунок 3а, б, в – Гистологические изменения правого желудочка

Таким образом, описанный случай демонстрирует недостаточную настороженность врачей-клиницистов в отношении аритмогенной дисплазии правого желудочка сердца при обследовании пациентов, страдающих аритмиями неустановленной этиологии. Все пациенты, страдающие аритмогенной дисплазией правого желудочка, состоят в группе риска по внезапной сердечной смерти. При судебно-медицинском исследовании трупов лиц, умерших скоропостижно в молодом возрасте (особенно мужчин и спортсменов), для диагностики аритмогенной дисплазии правого желудочка, следует обращать внимание на отягощенный семейный анамнез в плане наличия родственников, страдающих аритмией и (или) умерших в раннем возрасте от сердечных заболеваний, клинически установленные желудочковые нарушения сердечного ритма. Вышесказанное, а также обнаруженные в ходе проведения секционного исследования трупа характерные морфологические изменения со стороны правого желудочка при отсутствии явных изменений со стороны левого желудочка и венечных артерий, в совокупности с гистологическим подтверждением, позволят судебному эксперту установить верный диагноз.

Список использованных источников

1. Stimulation studies and epicardial mapping in VT : Study of mechanisms and selection for surgery. In HE Kulbertus (ed.) / G. Fontaine [et al.] // Reentrant Arrhythmias. Lancaster, PA, MTP Publishers. – 1977. – P. 334–350.
2. Right ventricular dysplasia : A report of 24 cases / F. I. Marcus [et al.] // Circulation. – 1982. – Vol. 65. – P. 384–399.

3. Мазур, Н. А. Пароксизмальные тахикардии / Н. А. Мазур. – М. : Медпрактика-М, 2005. – 252 с.
4. Бокерия, Л. А. Аритмогенная дисплазия/кардиомиопатия правого желудочка / Л. А. Бокерия, О. Л. Бокерия, А. Ш. Темирбулатова // Анналы аритмологии. – 2010. – № 3. – С. 47–56.
5. Ahmad, F. The molecular genetics of arrhythmogenic right ventricular dysplasia-cardiomyopathy / F. Ahmad // Clin InvestMed. – 2003. – 26. – P. 167–178.
6. Седов, В. М. Аритмогенная дисплазия/кардиомиопатия правого желудочка / В. М. Седов, С. М. Яшин, Ю. В. Шубик // Вестн. аритмологии. – 2000. – № 20. – С. 23–30.
7. Sudden unexpected cardiac death among young Swedish orienteers-morphological changes in heart and other organs / E. Larsson [et al.] // APMIS. – 1999. – Vol. 107 (3). – P. 325–336.
8. Голухова, Е. З. Аритмогенная дисплазия/кардиомиопатия правого желудочка / Е. З. Голухова // Анналы аритмологии. – 2008. – № 3. – С. 14–15.
9. Мостбауер, Г. В. Аритмогенная кардиомиопатия/дисплазия правого желудочка / Г. В. Мостбауер // Therapia. Украинский медицинский вестник. – 2010. – № 12 (53). – С. 32–38.
10. Cardiomyopathy : A necessary revision of the WHO classification / G. M. Boffa [et al.] // Int J Cardiol. – 1991. – 30. – P. 1–7.
11. Arrhythmogenic right ventricular dysplasia: a United States experience / D. Dalal [et al.] // Circulation. – 2005. – Vol. 112. – P. 3823–3832.

Дата поступления: 04.04.2017

L. L. Tarnapovich

P. V. Miakish

M. A. Fiaduta

Directorate of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus
for the Grodno region
Grodno, Belarus

THE CASE OF DEATH FROM ARRHYTHMOGENIC RIGHT VENTRICULAR DYSPLASIA (CARDIOMYOPATHY) IN FORENSIC MEDICAL PRACTICE

The article presents a case of postmortem diagnosis of rare in forensic medical practice disease – arrhythmogenic right ventricular dysplasia / cardiomyopathy (ARVD), issues of history, etiology, pathogenesis, clinical manifestations, pathological anatomy, diagnostic methods of this pathology. The objective of our work is to provide the exchange of expert experience, to increase the level of expert literacy in the postmortem diagnosis of rare diseases in cases of sudden cardiac death of young people.

Keywords: arrhythmogenic right ventricular dysplasia, ARVD, cardiomyopathy, arrhythmia, Fontaine's disease, sudden death, sudden cardiac death.

Требования к оформлению статьи

Общие требования:

Статьи представляются на бумажном и электронном (файлу присвоить фамилию автора) носителях на русском, белорусском или английском языках и публикуются на языке представления. Экземпляр на бумажном носителе должен содержать контактный телефон, e-mail и подписи авторов.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word, формат A4, поля – не менее 2,5 см, абзацный отступ – 1,25 см, полуторный междустрочный интервал, шрифт Times New Roman, кегль – 14 пт. Объем статьи не менее 14 000 печ. знаков, включая пробелы между словами, но не более 30 000 печ. знаков (в этот объем входят текст, таблицы, рисунки, список источников).

Структура статьи:

УДК.

Сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, e-mail.

Название статьи.

Аннотация (авторское резюме 8–10 строк).

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты изложенных в ней исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Аннотация может публиковаться самостоятельно, в отрыве от основного текста и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации.

Ключевые слова (5–10).

Текст статьи: введение, основная часть, заключение с четко сформулированными выводами, список использованных источников (ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте).

Иллюстрации (рисунки, фотографии, диаграммы, графики и другие графические файлы) необходимо представлять в электронном виде отдельными файлами, в следующих форматах (без сжатия!): JPEG; PDF; TIFF; EPS.

На английском языке: сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова (ответственность за достоверность перевода несет автор).

Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование поступающих рукописей статей и оставляет за собой право выбора материалов для опубликования, без письменного объяснения причины отклонения. Статьи по теме диссертационных исследований, а также представленные лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения, пользуются правом первоочередного опубликования в сборнике, с пометкой «Научные публикации».

Плата за опубликование научных статей редакцией не взимается.

Авторы несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цифр, цитат, правовых сведений, имен и иной информации; за содержание в материалах данных, не подлежащих открытой публикации; за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями; и гарантируют отсутствие в рукописи нецитированных заимствований из Интернета и других источников.

Адрес редакции:

ул. Филимонова, 25, г. Минск, 220114

тел. 8 017 316 63 84

E-mail: sbornik@sudexpertiza.by

Requirements to the author's original text of manuscript

General requirements:

Author's original text of manuscript should be submitted in electronic and hardcopy format in Russian, Belarusian or English languages and published in the language of submission. Filename for electronic format should be the same as the surname of the author. Hardcopy should contain author's phonenummer, e-mail and author's handwriting signature.

The text of the author's original text shall be made in subject with the following conditions: text editor Microsoft Word, the A4 papersize, margins – at least 2.5 cm, paragraph-break – 1.25 cm, 1.5 line spacing, Times New Roman font, font size – 14 pt. Manuscript should be at least 14 000 symbols including blank characters, but no more than 30 000 symbols. The limit of symbols includes text, tables, pictures bibliographic list.

The text part of the author's original text shall include:

Author's personal data: surname, name, patronymic of the author(s); title, academic degree, academic rank, place of work, position, e-mail.

Title page of the article.

Abstract (authors' summary – 8–10 lines).

Abstract to the article should be:

- informative (the abstract should not contain general statements);
- insightful (the abstract should reflect the main idea of the article and the results of the research set out in this article);
- well-structured (the abstract should follow the logic of the description of the results of the research published in the article).

Abstract can be published detached from the main text of the article and, consequently, should be clear and understandable without recourse to the article itself.

Keywords (5–10).

The main text of manuscript should consists of introduction, the main text, conclusion (author's findings), bibliographic list (all references should be numbered in order of appearance).

Illustrations (pictures, photos, diagrams, charts and other graphic data) should be submitted as separate file of JPEG, PDF, TIFF, ESP format without compression.

All incoming manuscript will be reviewed by independent reviewer. It's the Editorial board's right to choose an article for publishing without any written explanations of the reason to author. Manuscript submitted by a persons who are searching for research degree, and the last year postgraduate student will have top priority. Such a manuscript will be published marked as «Scientific publication».

The publishing of manuscript is free of charge.

Author is in charge of accuracy of all facts, numeric data, citations, legal provisions, personal data as well as disclosure of any confidential data. Manuscripts are considered with the understanding that they have not been published previously in print or electronic format and are not under consideration by another publication or electronic medium. With submission an article author guarantees the absence of any violations of intellectual property.

The Editorial Board address:

Philimonova str, 25, Minsk, 220114

phone.+375 17 3166384

E-mail: sbornik@sudexpertiza.by

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Швед Н. А. Перспективы уголовно-правовой охраны нерожденного ребенка в контексте современной уголовной политики*

Дода И. Г., Михайленко Г. В. Меры уголовно-правового противодействия изготовлению и распространению материалов порнографического характера по законодательству Республики Беларусь*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Павловец Г. А. Предварительное расследование в уголовном процессе Республики Беларусь*

Якубель М. М. Исторические предпосылки формирования производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет*

Зезулин В. В. О понятии оснований к отказу в возбуждении уголовного дела*

КРИМИНОЛОГИЯ

Клим А. М., Легенченко Н. А. Состояние, структура и динамика общеуголовной корыстной преступности*

Ананич С. В., Легенченко Н. А. Противодействие коррупции уголовно-правовыми и криминологическими средствами*

Гладков А. В. Меры предупреждения формирования личности преступника коррупционной направленности*

Казакевич С. М., Гладков А. В. Личность преступника: детерминанты формирования и основные характеристики (на примере лиц, совершающих преступления экономического характера)*

Сурженко Ю. А. Меры противодействия преступности в исправительных учреждениях: исторический аспект*

CRIMINAL LAW

7 Shved N. A. Prospects of criminal law protection of unborn children in accordance with the modern criminal law policy*

15 Doda I. G., Mikhailenko G. V. Criminal justice countermeasures against production and dissemination of pornographic materials according to the legislation of the Republic of Belarus*

CRIMINAL PROCESS

27 Paulavets G. A. Preliminary investigation in criminal procedure in the Republic of Belarus*

33 Yakubel M. M. Historical preconditions of the formation of production on criminal cases of crimes committed by persons under the age of eighteen*

38 Zezulin V. V. On the concept of the grounds for refusal to initiate criminal proceedings*

CRIMINOLOGY

49 Klim A. M., Legenchenko N. A. Status, structure and dynamics of the ordinary sordid crime*

57 Ananich S. V., Legenchenko N. A. Anti-corruption criminal-legal and criminological means*

64 Gladkov A. V. Measures to prevent the establishment of the identity of the corruptive offender*

72 Kazakevich S. M., Gladkov A. V. Personality of the criminal: the determinants of formation and the main characteristics (on the example of persons committing crimes of an economic nature)*

77 Surzhenka Y. A. Measures of counteraction against criminality in correctional facilities: historical aspect*

КРИМИНАЛИСТИКА

Нефедов С. Н. Модель доказывания Тулмина и количественные показатели достоверности вывода*

Толочко А. Н. Взаимосвязь и соотношение оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса: теоретико-правовой анализ*

Хлус А. М. Проблемы проведения и содержание тактической операции по задержанию взяточника с поличным*

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Хаткевич Е. П., Куприянова А. А. Теоретические предпосылки изучения международного сотрудничества Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности*

Орехова Е. П. Субъекты судебно-экспертной деятельности*

Парамонова Л. Ф. Этапы развития казахстанского законодательства, регламентирующего судебно-экспертную деятельность*

Бочарова О. С. Публичные и экспертные защитные признаки в концепции создания защищенных документов в Республике Беларусь*

Водолазов А. В., Вашкевич Н. А. Лазерная абляция и сферы ее применения*

Уласевич Ю. М. Признаки финансовой платежеспособности как одного из свойств финансового состояния субъекта хозяйствования*

Дода И. Г., Михайленко Г. В. Основы комплексной судебной искусствоведческой экспертизы материалов порнографического характера*

Кривицкий А. М., Залужный Г. И., Залужная О. Г., Засимович Е. А. Диагностирование электронных систем автомобиля*

Лужинская Е. Л. К вопросу о классификации цифровых средств фото- и видеофиксации информации, являющейся объектом портретной экспертизы*

Ропот Р. М., Куцко Е. Ю. Особенности криминалистической оценки специальных средств ударно-раздробляющего действия*

CRIMINALISTICS

87 Nefedov S. N. Toulmin's Model of Argumentation and Quantitative Indicators of the Validity of Conclusion*

94 Tolochko A. N. The relationship and correlation of operative-investigative activity and criminal law: theoretical and law analysis*

102 Khlus A. M. Problems of conducting and content of tactical operations in detention bribe takers in the act*

FORENSIC EXAMINATION

111 Khatkevich E. P., Kupriyanova A. A. Theoretical background of the study of international cooperation of the Republic of Belarus in the sphere of forensic activity*

117 Orekhova K. P. Actors of forensic activity*

124 Paramonova L. F. The stages of development of the kazakhstan legislation regulating forensic-expert activity*

130 Bocharova O. S. Public and forensic protective features in the concept of creation of protected documents in the Republic of Belarus*

136 Vodolazov A. V., Vashkevich N. A. Laser ablation and its scopes of application*

141 Ulasevich Y. M. Signs of financial solvency as one of the properties of the financial condition of business entity*

150 Doda I. G., Mikhailenko G. V. Foundations of forensic multidisciplinary arts examination of the materials of pornographic nature*

160 Krivitski A. M., Zaluzhny G. I., Zaluzhnaya O. G., Zasimovich E. A. Car electronic systems diagnostics*

165 Luzhynskaya A. L. Concerning the classification of digital means of photo and video capture of information that is the subject of a portrait examination*

170 Ropot R. M., Kutsko E. Y. Peculiarities of forensic assessment of special means of impact-crushing action*

Лаппо Е. А. Определение качественного состояния ручного стрелкового огнестрельного оружия, используемого при производстве экспериментальной стрельбы*

Прохорова Е. А. Возможности проведения судебно-ботанической экспертизы с использованием дендрохронологического анализа и особенности отбора образцов*

Величкевич А. Ф. Особенности формирования навыка письма у лиц, владеющих разными системами письменности, и отражение их в рукописи*

Семенов В. В. К вопросу об определении половой принадлежности фрагментированных нативных и озоленных костей*

Богданов А. С. Психопатологические расстройства у лиц с зависимостью от каннабиноидов*

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА. АВТОМАТИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ревинский В. В., Кузменков Д. Е., Лысянский Ю. Ю., Хох А. Н. Особенности программного обеспечения автоматизированного рабочего места «DendroExp»*

ЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА

Тарнапович Л. Л., Мякиш П. В., Федута М. А. Случай смерти от аритмогенной дисплазии (кардиомиопатии) правого желудочка в судебно-медицинской практике*

Требования к оформлению статьи

175 Lappo E. A. Evaluation of the condition of portable hand-held firearms used in experimental shooting*

182 Prokhorova E. A. On possibility of carrying out botanical forensic examination using dendrochronological analysis and sampling*

187 Velichkevich A. F. Features of the formation of the skill of writing in persons who own different writing systems and their reflection in the manuscript*

201 Semenov V. V. On gender identification of fragmented native and ashed bones*

209 Bogdanov A. S. Psychopathological disorders of persons with the dependence of cannabinoids*

FORENSIC EXAMINATION. AUTOMATION OF EXPERT ACTIVITY

217 Revinskiy V. V., Kuzmenkov D. E., Lisianniy Y. Y., Khokh A. N. Specificities of the software for the automated workstation «DendroExp»*

EXPERT PRACTICE

227 Tarnapovich L. L., Miakish P. V., Fiaduta M. A. The case of death from arrhythmogenic right ventricular dysplasia (cardiomyopathy) in forensic medical practice*

233 Requirements to the author's original text of manuscript